

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПРАВОВОГО НАРОДНИЧЕСТВА

**ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПРАВОВОГО НАРОДНИЧЕСТВА

Сборник статей

 **ВОРОНЕЖ
ИСТОКИ**
2014

ББК 63.3(2Рос)
И 89

Редакционная коллегия:

докт. ист. наук *Г. Н. Мокшин* (отв. ред.),
докт. ист. наук *В. В. Блохин*,
докт. ист. наук *В. В. Зверев*,
докт. ист. наук *А. В. Сыпченко*

И 89 История и историография правового народничества : Сборник статей / Редколл. : Г. Н. Мокшина (отв. ред.) и др. – Воронеж: издательство «Истоки», 2014. – 296 с.

ISBN 978-5-4473-0025-8

Данный сборник статей посвящен истории и историографии правового, неревolutionного крыла русского народничества второй половины XIX – начала XX в.

Авторы сборника – преподаватели из различных российских вузов – анализируют взгляды и деятельность ведущих представителей народнического реформизма, дают оценки современного состояния историографии правового народничества, размышляют об исторических судьбах «друзей народа» после 1917 г.

Для научных работников, аспирантов, студентов и всех интересующихся историей России нового времени.

ББК 63.3(2Рос)

ISBN 978-5-4473-0025-8

© Издательство «Истоки», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Раздел I. Историография правого народничества	
Мошкин Г. Н. Основные концепции истории легального народничества в современной отечественной историографии	9
Блохин В. В. Новейшая историография Н. К. Михайловского: проблемы и тенденции	27
Головко В. М., Кемпинский Э. В. Я. В. Абрамов на малой родине – Ставрополье: Общественно-литературная деятельность писателя-мыслителя как объект новой локальной истории	38
Сыпченко А. В. Современная историография Трудовой народно-социалистической партии	50
Чернышева Е. В. Народническая историография земской интеллигенции	67
Раздел II. Общие проблемы истории правого народничества	
Касторнов С. Н. Народники-реформисты о проблемах развития местного самоуправления	85
Зверев В. В. Гипотеза или единственно верная научная теория? (марксизм в оценках умеренного крыла русского народничества в 90-е гг. XIX в.)	102
Павлова Н. Г. Роль «народнического наследия» в марксистской концепции интеллигенции	120
Разиньков М. Е. Трудовая народно-социалистическая партия и Российская коммунистическая партия (большевиков): сравнительный анализ программных установок	141
Салтык Г. А. Народные социалисты и трудовики Центрального Черноземья в 1906–1917 гг.	153
Раздел III. Теоретики правого народничества	
Жвания Д. Д. И. И. Каблиц о крестьянской общине и самобытной модернизации России	175
Пеньков А. И. В. П. Воронцов и возрождение народнического аполитизма в начале 1880-х гг.	186
Головко В. М. Социально-философские идеи эволюционного развития в теоретическом наследии Я. В. Абрамова	199

<i>Пашков А. М.</i> С. А. Приклонский – забытый исследователь северного крестьянства	217
<i>Зверев Н. В.</i> Народ, нация и раса во взглядах М. О. Меньшикова (1885–1900 гг.)	234
<i>Протасова О. Л.</i> А. В. Пешехонов – народник «последнего призыва»	251
Список сокращений	269
Указатель имен	270
Сведения об авторах.....	277
Летопись авторефератов диссертаций (1941-2013)	279

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник статей посвящен истории и историографии правого, неревolutionонного крыла русского народничества второй половины XIX – начала XX в.

Под правыми народниками обычно понимают приверженцев легальной культурно-просветительской деятельности в народе (И. И. Каблиц-Юзов, В. П. Воронцов, Я. В. Абрамов, Л. Е. Оболенский, С. Н. Кривенко и др.), что отличает их от народников-политиков во главе с Н. К. Михайловским – представителей левого народнического крыла. Такая типология народничества возникла еще в начале 1900-х гг. в неонароднической историографии. Историки-марксисты, следуя за В. И. Лениным, расширили понятие «правое народничество», включив в него всех т.н. «либеральных/легальных» народников. А с конца 1970-х гг. оно приобретает еще более широкое значение, объединив народников-реформистов последней трети XIX в. и неонародников – народных социалистов и трудовиков начала XX в.

Изучение истории правого народничества как широкого и вполне самостоятельного идейно-политического течения, прошедшего путь от разрозненных культурнических кружков до создания собственной политической партии – одно из наиболее перспективных направлений развития современного народниковедения. Еще недавно считалось, что легальное народничество – «отрыжка» революционного движения 1870-х – начала 1880-х гг., а народные социалисты «откололись» от социалистов-революционеров. Новейшие исследования показывают, что между народниками-реформистами «первого» и «второго» призывов (т.е. собственно народниками и неонародниками) существует органическая взаимосвязь, что позволяет говорить о поступательном характере развития идеологии и практики правого народничества. Однако пока данный подход поддерживают далеко не все народниковеды. Традиция раздельного изучения «классического» народничества и неонародничества дает о себе знать. Да и сама концепция поступательного развития народничества на рубеже XIX–XX вв. нуждается в дальнейшей разработке.

Авторы сборника – специалисты по истории правого народничества из Москвы, С.-Петербурга, Воронежа, Орла, Курска, Тамбова, Петрозаводска, Ставрополя, Самары, Челябинска и Барнаула. Их

труды внесли заметный вклад в развитие отечественного народниковедения двух последних десятилетий.

Материалы сборника разбиты на три тематических раздела.

Первый раздел посвящен историографии правого народничества. Внимание исследователей привлекли: проблема концептуализации истории легального народничества, изучение жизни и деятельности двух его ведущих теоретиков – Н. К. Михайловского и Я. В. Абрамова, историография партии народных социалистов, и такая малоизученная тема, как народническая историография земства и его служащих.

Во втором разделе анализируются некоторые спорные вопросы истории правого народничества. В их числе: взгляды народников-реформистов на пути развития народного самоуправления; проблема соотношения общетеоретических и программных установок правых народников и марксистов (к этой теме обратилось сразу три автора), а также процесс становления партии энесов и Трудовой группы в губерниях Черноземного центра России.

В третьем разделе рассматриваются различные стороны взглядов и деятельности шести видных теоретиков народнического реформизма. Трое из них – И. И. Каблиц, В. П. Воронцов и Я. В. Абрамов – считаются главными защитниками народной самобытности, но споры вокруг их теорий не утихают до сих пор. Публицисты А. С. Приклонский и М. О. Меньшиков, к сожалению, почти забыты и возрождение интереса к их наследию – заслуга современных исследователей. А. В. Пешехонов – известный народный социалист, но его место и роль в истории позднего народничества тоже нуждается в уточнении.

Читатели обратят внимание на определенные разногласия между авторами не только в оценках деятельности ряда теоретиков правого народничества, но и его исторических судеб в целом. Плюрализм мнений, утвердившийся в современной российской науке, позволяет сосуществовать различным народниковедческим концепциям. В то же время все участники сборника придерживаются современных подходов к интерпретации явления русского народничества и стремятся к объективному изложению его истории.

В приложении к сборнику приводится летопись авторефератов диссертаций по истории правого народничества за 1941–2013 гг. Всего учтено 186 работ, из которых 16 принадлежат нашим авторам².

Внимание к этому виду научной деятельности обусловлено тем, что написание диссертаций является основным способом приращения

нового знания и совершенствования методологии гуманитарных исследований. Кроме того, изменение тематики диссертации лучше всего отражает развитие отечественной историографии народничества.

Судя по сделанной нами выборке до начала 1990-х гг. тон в изучении правого народничества задавали филологи (56 работы). Главным предметом их анализа было т.н. «литературное народничество» – писатели Гл. Успенский, С. Каронин, Н. Н. Златовратский, П. В. Засодимский, В. Г. Короленко; литературные критики Н. К. Михайловский, М. А. Протопопов, А. М. Скабичевский, Л. Е. Оболенский; а также периодические издания народнического направления – журналы «Отечественные записки» и «Русское богатство», газета «Неделя». Историки, философы и экономисты (соответственно 28, 26 и 7 работ) в основном вынуждены были заниматься темой борьбы марксистов с «либеральным» народничеством. Из персоналий главное внимание уделялось Н. К. Михайловскому (8 работ) и В. В. Берви-Флеровскому (4 работы), т.к. они входили в обиход идеологов «действенного» народничества, а также ученому-просветителю А. П. Щапову (5 работ). Диссертации о теоретиках «ортодоксального» или «недельного» народничества (И. И. Каблище, Я. В. Абрамове и их единомышленниках) появились лишь на излете советского периода.

Изучение идейного наследия идеологов легального народничества и неонародничества продолжилось в новейшей отечественной историографии. Здесь уже инициатива принадлежит историкам (35 работы). Далее идут диссертации философов, филологов, экономистов и социологов (14, 11 и по 3 работы). Две диссертации подготовили политологи и одну – юрист. Современные исследователи актуализировали ряд важных для понимания идейной эволюции правого народничества проблем (политической и экономической модернизации страны, демократической интеллигенции, как субъекта общественных преобразований, крестьянской общины т.д.). Впервые предметом диссертационного исследования стала история Трудовой народно-социалистической партии. Но в целом в работах по-прежнему доминирует персонифицированный подход. Причем наибольший интерес пока вызывают труды Н. К. Михайловского (16 работ³). В том числе и потому, что еще до революции было издано почти полное собрание его сочинений в 10 т. Следует также отметить первые диссертации о представителях правого крыла неонародничества – В. А. Мякотине, А. В. Пешехонове, В. Г. Богоразе-Тане и др.

Остается добавить, что диссертационных исследований о легальных народниках и энесах примерно в 3–4 раз меньше чем о революционных народниках, эсерах и анархистах. Тоже относится к статьям и монографиям. Связано это не только с идеологическими зажимами со стороны власти, действовавшими с 1930-х гг. После 1991 г. все запреты сняты, но о революционерах по-прежнему пишут больше, чем о легалистах. Главная причина, видимо, в том, что исследователи левого народничества изучают преимущественно практическую деятельность своих героев, а правого – идеи и теории. А заниматься интеллектуальной историей не то чтобы сложнее. Для этого нужны определенный склад ума и навыки работы с абстрактными понятиями.

Разумеется, у умеренных народников и до их консолидации в партию были свои «практики» – в основном земские служащие, т.н. «третий элемент»: статистики, учителя, врачи, агрономы⁴. Многие тысячи тружеников на «ниве народного просвещения», о которых мало что известно. Зато сохранились сотни томов легальной народнической литературы: экономической, политической, художественной. И пусть самих теоретиков правого народничества было не так уж и много – несколько десятков человек, но их идеи о русском капитализме и «народном производстве», о характере взаимоотношений народа, общества и власти, о необходимости постепенного обновления России несколько десятилетий довели над сознанием русской интеллигенции, «заразив» своим социальным демократизмом и консерваторов, и либералов, и марксистов.

Составители сборника выражают надежду, что данное издание не только отразит современное состояние историографии правого народничества, ее успехи и пробелы, но и послужит дополнительным стимулом для дальнейшего развития отечественного народниковедения.

¹ При составлении летописи авторефератов диссертаций использованы электронные базы Российской национальной библиотеки и Российской государственной библиотеки.

² Интересно, что из 27 диссертаций о Н. К. Михайловском, защищенных с 1943 по 2008 гг., 17 принадлежит философам, 5 – филологам и только 3 – историкам.

³ К земской интеллигенции апеллировали и находили поддержку не только идеологи «малых дел» 1880–1890-х гг., но и народники-политики из «Русского богатства» конца XIX – начала XX в.

Геннадий Мокишин

Раздел I.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРАВОГО НАРОДНИЧЕСТВА

Мокшин Г. Н.

Основные концепции истории легального народничества в современной отечественной историографии

Историографическая концепция – это определенный способ интерпретации исследователями явлений и процессов. Изучение концепций и их смены – определяющий момент в историографии, ключ к пониманию общих тенденций и направлений ее развития. Применительно к истории легального (неревolutionционного) народничества речь идет, прежде всего, о концепциях становления и развития этого течения во второй половине XIX – начале XX в.¹

В советской историографии за основную тенденцию эволюции народничества (или «крестьянской демократии») в 80–90-е гг. XIX в. принималась его постепенная либерализация, которую историки-марксисты связывали с изменением социальной природы русского крестьянства – его постепенным обуржуазиванием. Шестидесятники и семидесятники хотели поднять крестьян на революцию, в 1880-е гг. народническая мысль снизошла до идеологии «малых дел» и «тихой культурной работы». Налицо тенденция к «понижению» идейно-теоретического уровня (по сравнению с основоположниками народничества А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским), что оказалось одной из причин перерождения некогда «активного» (действенного) народничества в «пошлый мещанский оппортунизм» либеральных народников и утраты им характера прогрессивного общественного движения. «На чистую воду» эпигонов народничества (Н. К. Михайловского, Н. Ф. Даниельсона, В. П. Воронцова, С. Н. Кривенко, С. Н. Южакова) вывели только русские марксисты – истинные наследники революционных демократов 40–60-х гг. XIX в.

В 1990-е гг. на смену марксистской монопарадигме пришел плюрализм мнений. Историки перестали ссылаться на высказывания В. И. Ленина о легальных народниках, как на истину в последней инстанции. Возрождаются либеральный, консервативный и собственно народнический подходы к осмыслению теории и практики русского социа-

лизма. Активно развивается и междисциплинарный подход, особенно усилиями философов и филологов. Появляются новые центры изучения легально-народнической мысли в Орле, Воронеже и Ставрополе.

Снятие запрета на непредвзятое изучение идейного наследия бывших «злейших врагов» русских марксистов позволило народникам существенно нарастить источниковую базу исследований, расширить их проблематику и, в конце концов, «реабилитировать» (перед лицом истории) легально-народническую доктрину общественных преобразований². Однако процесс превращения «отъявленных реакционеров» в цвет отечественной интеллигенции идет не так быстро и гладко, как нам хотелось бы. Инерция длительного застоя в его изучении и соответственно в восприятии научным сообществом до сих пор дает о себе знать.

Прежде всего, надо уточнить, что представляет собой легальное народничество в качестве идеологии и движения радикально-демократической русской интеллигенции.

Во-первых, правые народники действовали на легальной основе, демонстрируя тем самым свою приверженность к мирным, законным (т.е. признаваемым государством, обществом и народом) средствам борьбы за народнические идеалы. Главное их «оружие» – открытая печать, общества и кружки, преимущественно культурно-просветительского характера, а также органы земского самоуправления.

Во-вторых, в отличие от революционных народников, занятых подготовкой радикального переворота, народники-легалисты в скорую революцию не верили, да и пользу в ней (ввиду культурной и политической неразвитости масс) видели небольшую. Большинство их научно-публицистических трудов 1880–1890-х гг. – это, по сути, попытка перевести абстрактные социологические схемы народников 1870-х годов на язык практических формул деятельности в новых общественных условиях. Об успешном решении этой задачи свидетельствует т.н. «второе хождение в народ» на «культурную работу», обеспечившее преобладание в народничестве 1880-х гг. теории «малых дел». Кстати говоря, именно эта теория помогла тысячам вчерашних «отщепенцев» и «лишних людей» осознать себя в качестве созидательной общественной силы.

В-третьих, сам характер деятельности мирных народников, ставка на привлечение в свои ряды широких общественных слоев, а так же стремление заинтересовать власть в необходимости широкой государственной помощи деревне не позволяли им открыто высказывать-

ся о своих социалистических идеалах. А если о них и писалось, то как о «путеводной звезде», а не задаче сегодняшнего дня. Эта новая тактика идеологов культурничества очень напоминает деятельность декабристского «Союза благоденствия». Его организаторы также хотели подготовить в стране мирный социально-политический переворот путем постепенной «умственной переорганизации» русского общества.

Иначе говоря, легальное народничество – это вполне определенное, самостоятельное, но не строго оформленное в организационном отношении движение. Неслучайно в литературе и общественном сознании его стали воспринимать как единое общественно-политическое течение лишь с середины 90-х гг. XIX в., когда народники единым фронтом выступили против марксистов. Но и тогда из-за жестких идейно-тактических разногласий далеко не все «легалисты» позиционировали себя как народники. Например, Михайловский в 1893 г. публично отрекся от народничества, чтобы его не ставили в один ряд с Каблицем и Воронцовым.

Если мы имеем дело не с «партийными» уставами и программами, как у революционных народников, а с персонифицированным народничеством (И. И. Каблиця, В. П. Воронцова, Н. К. Михайловского, В. С. Пругавина, Н. Н. Златовратского и т.д.), в его исследованиях неизбежно будет преобладать персонифицированный подход. Так было и так будет в дальнейшем, т.к. количество видных представителей легального народничества исчисляется 3–4 десятками, а обстоятельно изучены только взгляды и деятельность его главных идеологов.

Огромный, но, к сожалению, разрозненный материал по истории правого народничества, накопленный несколькими поколениями исследователей, требует систематизации и осмысления. В последние два десятилетия в этом отношении был сделан прорыв. Появились первые проблемно-обобщающие труды, авторы которых попытались представить общую картину возникновения и развития отечественного эволюционного социализма. А вместе с тем выявились существенные разногласия в понимании того, что такое правое народничество, в периодизации его истории, в типологии идейных течений и механизме их взаимодействия и развития. Расходятся и общие оценки его ключевых идей и теорий, прежде всего, культурнического толка.

Задача данной статьи – рассмотреть, как и в каком направлении развивается процесс концептуализации истории легального народничества в современной отечественной историографии, через какие этапы он уже прошел и каковы его перспективы.

Точкой отсчета нашего анализа стал 1979 г., когда с «программной» статьей о задачах изучения «либерального» народничества выступил аспирант МГУ В. И. Харламов, ученик проф. М. Г. Седова³.

К этому времени для исследователей, пытавшихся интерпретировать историю народничества исходя из внутренней логики ее развития (т.е. изнутри, как в дореволюционной народнической историографии), становится очевидным, что идеологизированная концепция *упадка и вырождения* народничества в 1880–1890-е гг. противоречит историческим фактам. Но, надо понимать, что демонстративный отказ от нее стал возможен только после 1991 г.

В. И. Харламов посвятил свою диссертацию И. И. Каблицу-Юзову – представителю крайне правого течения в народничестве и первому идеологу т.н. «неделизма»⁴. На основе анализа взглядов Каблицы и его окружения, призывавших интеллигенцию смотреть на задачи русской жизни «глазами мужика», Харламов разработал собственную концепцию постепенного «окрестьянивания» русского народничества в условиях спада политической активности русского общества.

Формально Харламов сохранял верность ленинскому пониманию народничества как идеологии крестьянской демократии в России. Не отказался он и от идеи «классового перерождения» (обуржуазивания) народничества в 1880-е гг. Старое (революционное) народничество пыталось поднять народ на революцию, а новое (либеральное) сделало акцент на культурной работе в деревне при сохранении основ существующего строя. Однако, по убеждению Харламова, это новое народничество олицетворяли главным образом публицисты газеты «Неделя» (И. И. Каблиц, Я. В. Абрамов) и журнала «Русского богатство» (Л. Е. Оболенский, В. П. Воронцов, С. Н. Кривенко). Кумир радикальной молодежи 1870–1890-х гг. Н. К. Михайловский, как сторонник политических преобразований и самый яркий критик аполитизма Каблицы, был назван идеологом не либерального, а легального народничества (более широкое понятие, объединяющее всех народников, действовавших легально⁵). Определяя положения Михайловского в народническом лагере (между либеральными и революционными народниками) Харламов опирался на труды М. Г. Седова, Ф. М. Сусловой и Э. С. Виленской⁶.

Предложенная Харламовым периодизация истории «либерального» народничества включала четыре основных этапа:

– *зарождение* либеральной тенденции в народничестве (конец 50-х – начало 60-х гг. XIX в.);

- *формирование* либерально-народнической платформы, ее социолого-экономических основ (середина 1860-х – начало 1880-х гг.);
- *преобладание* культурнического течения в народничестве, разработка практических вопросов работы народолюбивой интеллигенции в деревне (середина – конец 1880-х гг.);
- *кризис* «классического» народничества и зарождение неонародничества (начало – середина 1890-х гг.)⁷.

Поскольку Харламов по сути ставил знак равенства между «либеральным народничеством» и «неделизмом» («юзовщина» + «абрамовщина»), наивысший этап в развитии его идеологии и практики, по мнению исследователя, приходился на 1880-е гг. При этом общая оценка теории «малых дел» была весьма сдержанной. Признавая ее демократический характер (ориентацию на помощь крестьянству в его повседневной борьбе за существование), Харламов, тем не менее, отказывал народникам-культурникам в возможности решать коренные социальные проблемы страны. Его симпатии явно на стороне Н. К. Михайловского – сторонника радикальных политических преобразований⁸.

В целом же попытки Харламова рассмотреть процесс становления и эволюции либерально-культурнического течения в народничестве исходя из особенностей мировосприятия его идеологов (наличия у них и представляемых ими классов собственной правды и утопии) оказали существенное влияние на становление современной историографии. Как справедливо заметил Б. П. Балугев, без работ Харламова «сегодня уже нельзя изучать историю либерального народничества...»⁹.

В настоящее время в литературе существуют три концепции истории правого крыла народничества: Б. П. Балугева, В. В. Зверева и Г. Н. Мокшина.

Ведущий сотрудник Института российской истории РАН (Москва) Б. П. Балугев обратился к изучению «либерального» народничества в конце 1980-х гг. Вначале главным предметом его статей была критика позднего народничества В. И. Лениным и Г. В. Плехановым¹⁰. Но в условиях кризиса марксистской концепции народничества на первый план у исследователя выходит личность Н. К. Михайловского. Монография Балугева 1995 г. о «либеральном» народничестве, где впервые в литературе прослеживается его эволюция от 1870-х до начала 1900-х гг., имела своим связывающим звеном политическую биографию именно Михайловского, безусловно, самого яркого и авторитетного легального народника того времени.

Балуев, как и Харламов, считал, что Михайловский занимал в народничестве особое положение, но в 1890-е гг. вынужден был стать в ряды его правого крыла. Возглавив в 1893 г. обновленное «Русское богатство» (Воронцов и Кривенко должны были уйти), Михайловский сумел собрать вокруг себя новых единомышленников (Н. Ф. Анненский, А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин и др.), которые в 1906 г., уже после смерти своего вождя, создали партию народных социалистов¹¹.

Опираясь на труды Н. Д. Ерофеева о генезисе либерального крыла неонародничества (партии энесов)¹², Балуев выдвигает новую концепцию *поступательного развития* правого крыла народничества по пути политизации. Ее ядро – идея двух народнических призывов: 1870–1880-х гг. (на платформе газеты «Неделя») и 1890-х гг. (вокруг обновленного «Русского богатства») ¹³. Данный подход существенно расширяет историю «либерального» народничества, аж до 1918 года.

Балуев является выразителем классового подхода к изучению народничества, но уже очищенного от свойственной марксистской историографии очернительной тенденции в оценках взглядов его идеологов. По убеждению ученого, все они (от Каблица до Михайловского) по сути своей крестьянские демократы. Поэтому он не считал возможным отказываться от традиционного именования этих народников «либеральными». «Сразу оговоримся, – пишет Балуев в главе “Историография проблемы”, – что встречающееся иногда в нашей научной литературе для обозначения этого направления общественной мысли название “легальное народничество” мы считаем не вполне корректным и правомерным, ибо легальность или нелегальность – это показатель формы, а не существа направления»¹⁴. Всех «либеральных» народников, по мнению Балуева, роднят такие типологические черты, как «осознанная отстраненность» от подпольных и тем более террористических методов борьбы, вполне лояльное отношение к «малым делам» (несмотря на теоретическое их осуждение Михайловским и его сторонниками) и, наконец, апелляция к властям по поводу сохранения общинных устоев в деревне¹⁵.

Таким образом, в понимании существа народничества Б. П. Балуев скорее склонен согласиться с ленинским его определением. Не случайно в своих работах он дольше других сохранял верность теме споров народников с марксистами¹⁶. В то же время нельзя не отметить, что именно устами Балуева на исходе XX в., наконец, признано, что не было никакого идейного разгрома народничества марксистами¹⁷. В начале XX в. народничество переживало явный подъем,

идейно подготовленный в «Русском богатстве» будущими народными социалистами, которые сумели преодолеть отставание народнических идей от действительности. Поэтому Балуев предпочел говорить не о крахе народничества, а об «определенной паузе» в его развитии в связи с процессом образования в России политических партий¹⁸.

К сожалению, Балуев не предложил соответствующую своей концепции периодизацию истории правого крыла народничества. В 2002 г. это сделал С. Н. Касторнов, правда, выделив всего три этапа и доведя свою периодизацию до 1904 г. (год смерть Михайловского):

- складывание его как определенного направления (1875–1884 гг.);
- дальнейшее развитие основных положений правого народничества в трудах Воронцова и Кривенко (1884–1893);
- усиление позиций левого его крыла во главе с Н.К. Михайловским (с 1894 г.)¹⁹.

Развиваемый Балуевым подход особенно востребован историками неонародничества, которые часто оперируют терминами «либеральные народники» и «народники второго призыва»²⁰. Получил он отражение в учебной и энциклопедической литературе²¹.

Важный вклад в разработку новой методологии изучения легального народничества на современном этапе внес В. В. Зверев – автор монографии «Реформаторское народничество и проблема модернизации России»²².

Чтобы отгородиться от прежней (марксистской) исследовательской традиции, Зверев еще в начале 1990-х гг. ввел термин «народники-реформаторы». «Либерализм и народничество, – конкретизирует свою позицию исследователь, – доктрины, полярные в своей основе. Либерализм ориентирован на индивидуализм личности, народничество на первое место ставит коллектив личностей. Либерализм главным условием развития социума считает конкуренцию и столкновение интересов в различных областях жизни, народничество – обеспечение достойных условий существования всем членам общества»²³.

Не согласен Зверев и с отождествлением народнического мировоззрения только с русским, крестьянским социализмом, как это делал В. И. Ленин. «Его содержание, – по убеждению историка, – гораздо шире и включает в себя как социалистические, так и антикапиталистические, антилиберальные идеи»²⁴. Сущность народнической доктрины, ее целевую направленность исследователь определяет как идеологию модернизации, своеобразную реакцию «идейной» интеллигенции на развитие капитализма в России. Субъек-

тивно считая себя выразительницей взглядов крестьянства, народническая интеллигенция объективно выражала *собственное видение* происходивших процессов и пыталась оказать на них влияние²⁵.

Подробно изучив дореволюционную историографию «реформаторского» народничества, исследователь обнаружил, что подобная точка зрения высказывалась еще в начале XX в. А. Н. Потресовым и Ю. О. Мартовым. Последние рассматривали эволюцию русского народничества от «революционизма» к идеологии «малых дел» исходя из «нарастания группового самосознания интеллигенции», которое развивалось в направлении более реалистичного понимания своего общественного предназначения и собственных интересов. Только в отличие от своих предшественников, Зверев делает акцент на способности интеллигенции подняться над интересами определенных общественных классов и осознать присущие только ей, передовой интеллигенции, цели, мировоззрение и идеологию²⁶.

В интерпретации основных этапов в истории правого крыла народничества, Зверев опирался на периодизацию Харламова. Но в типологии течений он сделал решительный шаг вперед, включив Михайловского в число ведущих идеологов реформаторского народничества 1870–1880-х гг. Анализируя состав идейных течений правого народничества, Зверев четко выделяет в нем адептов культурнической деятельности (П. П. Червинский, И. И. Каблиц, Я. В. Абрамов, В. П. Воронцов и С. Н. Кривенко) и сторонников социалистического выбора («политики» во главе с Н. К. Михайловским). По убеждению Зверева, в их противостоянии друг другу «отчетливо проявились два различных подхода, как в оценке общего состояния российского общества, так и возможных перспектив его развития в будущем: или приспособление к новым условиям существования, или политическое реформирование страны с ориентацией на социалистический идеал». Единственным объединяющим элементом народников, пишет исследователь, осталось лишь признание необходимости ненасильственной, мирной эволюции страны²⁷.

Фактически Зверев предложил собственную концепцию эволюции идеологии реформаторского народничества, которую можно назвать концепцией *поляризации* его ведущих идейных течений. Сравнивая ее с концепцией поступательного развития правого народничества можно заметить, что если Балугев сглаживает разногласия между его основными течениями, то Зверев их чересчур преувеличивает. По крайней мере, идея отлучения теоретиков «малых дел» от

социализма дальнейшего развития не получила, в отличие от новой формулы народничества.

В конце 1990-х – первой половине 2000-х гг. во многом благодаря трудам Зверева интерпретация народничества сквозь призму теории модернизации была поддержана большинством исследователей²⁸. Сам же Зверев был признан одним из ведущих отечественных народниковедов. Именно ему принадлежат статьи в журнале «Отечественная история» и целом ряде академических энциклопедий и монографических исследований по истории русской общественной мысли²⁹. Не последнюю роль в популяризации концепции народничества Зверева сыграли его учебные пособия³⁰.

Дальнейшее изучение истории легального народничества продолжалось в основном единомышленниками Зверева и при его личной поддержке.

В 2006 г. В. В. Блохин защитил в РУДН докторскую диссертацию, посвященную эволюции общественно-политических взглядов Н. К. Михайловского в 1880-е – начале 1900-х гг. В центре внимания Блохина оказалась предложенная Михайловским концепция руководящей роли интеллигенции в жизни общества, в соответствии с которой ей было необязательно считаться с мнениями «незрелого», «веками забитого» народа. По мнению исследователя, именно на этой почве с конца 80-х гг. XIX в. Михайловский сближается с либералами (сторонниками «мирного» прогресса, опирающегося на современные достижения науки и общественной практики), что повлияло на окончательное оформление его доктрины «либерального социализма»³¹.

Доказывая некорректность строгого разведения либералов и народников Блохин не развил свой подход в самостоятельную концепцию эволюции позднего народничества. Правое крыло народничества он вслед за Зверевым называет «реформаторским». Лишь в 2009 г. Блохин предложит именовать Михайловского и его литературную семью «либеральными» народниками. Это, пишет исследователь «левый, западнический, индивидуалистический фланг реформаторского народничества, а не все реформаторское народничество, как трактовалось в историографии»³². Заметим, что в свое время Харламов утверждал совершенно обратное, что либеральные народники – это сторонники Каблица, антипода Михайловского. Круг замкнулся.

В последние годы тенденция к сближению народнического эволюционного социализма и идеологии социального либерализма рас-

смачивается исследователями как отражение общей линии развития общественной мысли второй половины XIX – начала XX вв. Формированию полусоциалистической, полулиберальной системы ценностей способствовал тот факт, что социал-реформизм (с его стремлением примирить либерализм в политике и социально ориентированную экономику) не был жестко связан с какой-либо определенной доктриной³³.

Третья, т.н. социокультурная концепция истории легального народничества разработана Г. Н. Мокшиным (ВГУ), автором монографии об идейной эволюции легального народничества³⁴.

В XX веке история народничества изучалась в основном сквозь призму его доктрины общественных преобразований. И только в последние 20 лет было обращено внимание на то, что общественная идеология – это не просто рационально обоснованная система взглядов и идей, но еще и форма самосознания, самоидентификации определенного общественного слоя (группы, класса). В упомянутой монографии народничество рассматривается как идейное самоопределение и самовыражение радикально-демократической части отечественной интеллигенции – особой маргинальной социальной группы, члены которой настойчиво стремились найти свое место в модернизирующемся российском обществе.

В центре внимания теоретиков легального народничества были вопросы, прежде всего связанные с тактикой действий народнической интеллигенции (ее представлениями о путях и движущих силах общественных преобразований). Но настоящим яблоком раздора для народников оказался вопрос о взаимоотношениях интеллигенции с народом³⁵. В ходе решения именно этой проблемы на рубеже 1870/80-х гг. сформировались главные течения легально-народнической мысли: социальное (культурническое) и политическое.

Согласно социокультурному подходу идейная история легального народничества – результат взаимодействия двух парадигм развития – инверсии и медиации. Инверсионную логику мышления характеризует монизм, т.е., признание возможности существования только одной (истинной) точки зрения. Мысль движется от тезиса к антитезису и обратно (наподобие маятника), образуя т.н. инверсионные циклы развития. Медиация есть способ развития, основанный на синтезе, примирении противоположностей, их взаимопроникновении, которое обеспечивает выход за рамки сложившихся дуальных оппозиций и возникновения т.н. «срединной культуры».

Применение данного похода к истории легального народничества позволило: во-первых, выделить две тенденции в его развитии: центробежную и центростремительную (ранее исследователи видели одни расколы и кризисы); во-вторых, обосновать существование в легальном народничестве среднего, центристского течения (сторонников социально-политической концепции преобразований) во главе с В. П. Воронцовым и С. Н. Кривенко.

Еще один вывод связан с определением места и роли в идейной эволюции позднего народничества теории «органической культурной работы» С. Н. Кривенко. По мнению Мокшина, это не тупиковая ветвь развития народнической мысли, а существенный шаг вперед по пути синтеза социальной и политической концепций общественных преобразований и выработки нового (надпартийного, надклассового) типа мышления и действия³⁶.

В литературе данная концепция была названа «эвристически перспективной, но не бесспорной», ибо многие народники-культурники апеллировали к иным теоретическим постулатам, нежели теория «органической культурной работы». Одной из альтернативных «точек притяжения» был консерватизм³⁷.

Данное замечание еще раз доказывает, что у современных исследователей нет и не может быть единой концепции истории легального народничества. И не только потому, что у нас плюрализм мнений. Любая историографическая концепция – это всего лишь инструмент познания, который «затачивается» под задачи конкретного исследования. Но это, конечно, не означает, что современная историография превратилась в броуновское движение. Преемственность в развитии историографических идей и концепций все равно сохраняется, даже если они «отрицают» друг друга.

Анализ концепций Харламова, Балугева, Зверева и Мокшина как раз и позволяет выделить общую тенденцию в развитии современной историографии легального народничества. Это постепенный переход от марксистской исследовательской парадигмы к *неонароднической*. В данном случае речь идет о современных народниковедах, среди которых тон задают представители и последователи школ В. Ф. Антонова (РУДН) и М. Г. Седова (МГУ). Приставка «нео» означает использование ими при осмыслении явления народничества современных теоретико-методологических подходов (цивилизационный, социокультурный и т.д.). Для молодого поколения историков народничество – это идеология самобытной модернизации России,

разрабатываемая и отстаиваемая представителями радикальной дворянско-разночинной интеллигенции в интересах большинства населения страны. Данная интерпретация народничества отражает особую роль в процессе модернизации стран «второго эшелона» такого социокультурного фактора, как интеллигенция – носителя нового типа общественного сознания.

Процесс утверждения новой *неонароднической* парадигмы можно условно разделить на четыре этапа: зарождение (1980-е гг.); формирование (1989–1997); преобладание, т.е. вытеснение неомарксистской парадигмы прежде всего в учебно-справочной литературе (1998–2005) и дальнейшее развитие (с 2006 г.)³⁸. Датировка этапов связана с рассмотренными выше трудами, которые послужили точками роста и развития историографической мысли.

Наличие общего подхода не исключает разногласий между исследователями по ряду вопросов концептуального характера. Прежде всего, это наименование правого крыла народничества. В современной литературе по-прежнему сосуществуют два основных варианта: «либеральное» и «реформаторское». Они фиксируют разное понимание степени сближения либерализма и народничества: от взаимопроникновения до полной противоположности. Специалисты считают термин народники-реформаторы более предпочтительным и в последние годы он практически вытеснил традиционный, марксистский. Но и новый термин далеко не безупречен. Как заметил Ю. А. Зеленин, реформы на почве существующих порядков могут привести лишь к их усовершенствованию, тогда как народники стремились хотя и к постепенному, но все-таки *качественному* изменению общества. Поэтому, по мнению исследователя, более правомочен термин не «реформаторское», а «эволюционное» народничество³⁹. Понятия «революция» и «эволюция» действительно больше соответствуют друг другу, чем «революция» и «реформа». Проблема в том, что «эволюционное народничество» – это очередной новодел, который пока «режет ухо». Хотя понятие «эволюционный социализм» уже прижилось.

Реже употребляется термин «легальное» народничество (по аналогии с «легальным» марксизмом). Многие историки вслед за Б. П. Балуевым считают, что он не отражает существа данного течения, а лишь фиксирует подцензурный способ изложения народниками своих взглядов. Выше уже отмечалось, что это очень узкое понимание «легальности», не соответствующее тому смыслу, которое вкладыв-

вали в это слово сами народники и их современники. Термин «легалысты» ввел в употребление еще в начале 1870-х гг. П. Л. Лавров, применив его к тем, кто действовал на законной почве, но опирался при этом на свои собственные силы, а не на правительство⁴⁰. О необходимости именно «легальной» работы на пользу народа «честных» земцев, врачей и учителей еще в 1880 г. писал народнический журнал «Мысль»⁴¹. Неслучайно в 1883 г., когда завершилось идейное и организационное оформление данного течения, Г. В. Плеханов использовал для обозначения его сторонников понятие «народники-легалысты» и «легальные народники»⁴².

Что касается термина «правое» народничество (в отличие от «левого» – революционного), то возможность его применения, как альтернативы терминам «либеральное» и «реформаторское» народничество, в литературе вообще не рассматривается. Дело в том, что обычно под ним понимают «народничество» Каблица и его единомышленников и расширение значения данного понятия требует уточнения, о чем идет речь. Тем не менее, на наш взгляд, это пока единственный термин, который может использоваться в обобщающих трудах по истории народничества, не вызывая нареканий со стороны исследователей в силу его нейтральности.

Потребность в таком термине становится понятной, если мы обратимся к проблеме периодизации истории правого крыла народничества в новейшей литературе. Главный вопрос здесь – это хронологические рамки существования данного направления. Большинство народниковедов (Зверев, Блохин, Мокшин и др.) по сложившейся традиции определяют их от эпохи отмены крепостного права до революции 1905 года. Т.е. речь идет о т.н. «классическом» праве народничестве, прошедшем в своем развитии четыре стадии: генезис, становление, развитие и упадок (он же период генезиса неонародничества). Датировка их историками не во всем совпадает, но различия не носят принципиального характера⁴³.

Часть народниковедов (Ерофеев, Балуев, Касторнов и др.), и они пока в меньшинстве, включают в понятие «либеральные народники» или «народники-реформисты» не только представителей «классического» народничества 1870–1890-х гг., но и правых неонародников (энесов и трудовиков) начала XX века. Очевидно, что мы имеем дело с широкой периодизацией правого народничества, которая тоже имеет право на существование. Неонародничество – это качественно новый этап в биографии русского народничества, связанный с обра-

зованием массовых политических партий. Но между ним и классическим народничеством все-таки больше общего, чем различий. Это развитие одного и того же явления/процесса, но в новых общественно-политических условиях.

К сожалению, широкая периодизация истории легального народничества плохо разработана. Например, попытавшийся это сделать С. Н. Касторнов довел ее до 1905 г., т.к. изучение неонароднического этапа не входило в задачи его диссертации. Специалисты же по истории неонародничества по понятным причинам ранее 1890-х гг. вообще не заглядывают. Иными словами, у исследователей нет практической необходимости разрабатывать «пространную» периодизацию истории правого народничества. Но когда она потребуется, то в основу ее, видимо, будет положен принцип развития идейно-организационных основ движения, а не одной только идеологии (как в узкой периодизации). Возможный вариант – выделение этапов «раннего» (1860-е – начало 1870-х гг.), «зрелого» (середина 1870-х – рубеж 1890–1900-х гг.) и «позднего» народничества (начало XX в.). Кстати, такая периодизация применима и к истории русского народничества в целом, а не только к его правому крылу.

Эволюция идеологии и движения легального народничества (ее направление, факторы, механизм), пожалуй, наиболее сложная для осмысления проблема. Большинство концепций основываются на линейной модели развития народничества, когда за основу берется одна из ведущих его тенденций. Фактически выбор приходится делать из двух: культурнической и политической. Как известно, большинство историков отдают предпочтение народникам-политикам во главе с Михайловским, т.к. именно его последователи образуют собственную партию. История культурнического народничества (при формальном признании его заслуг перед народом) – это, по мнению современных исследователей, боковая и притом тупиковая ветвь развития народнической мысли. Неслучайно о Михайловском написано больше, чем о других идеологах правого крыла народничества вместе взятых⁴⁴.

Для понимания механизма развития легально-народнической мысли принципиально значение имеет типология его идейно-тактических направлений. Это связано с тем, что народничество в значительной мере эволюционировало под влиянием внутренней конкуренции между различными стратегиями самореализации радикальной интеллигенции («все для народа и через народ» и «для на-

рода, но без народа»). Внешние факторы также имели на нее воздействие, но они были опосредованы особенностями интеллигентского восприятия⁴⁵.

До сих пор в литературе господствует «биполярная» типология течений легального народничества, выделяющая в нем только правое и левое крыло, без каких-либо промежуточных звеньев. Отсюда стремление исследователей представить его эволюцию как нарастающее противостояние сторонников «малых» и «больших дел» (социальной работы в массах и политической борьбы с властью), которые якобы были непримиримы. На самом деле в 1880–1890-е гг. в народничестве существовала т.н. правоцентристская группа Воронцова-Кривенко, которая пыталась примирить крайности народничества Каблица и народничества Михайловского. Опираясь на это центростремительное движение, автор данной статьи предложил «трехполярную» типологию течений и «синтетическую» или социокультурную концепцию эволюции легального народничества в последней трети XIX – начале XX в. Правда, пока все это лишь историкографические факты, а не новая исследовательская парадигма. Для ее становления нужны последователи.

Таким образом, на сегодняшний день у исследователей уже сложился общий подход к изучению легального народничества, соответствующий современному уровню развития исторической науки. Но сохраняются «рабочие» разногласия в интерпретации основных этапов и механизма его развития. В конце концов, конкретные модели изучения и их инструментарий могут быть разными. Возможность взглянуть на такое сложное и противоречивое явление как народничество с разных сторон только углубляет его понимание.

С другой стороны, по-прежнему остаются открытыми вопросы, связанные с определением места и роли правого народничества в истории русской общественности. Например, насколько глубоко проникли его идеи и теории в сознание демократической интеллигенции; могло ли радикально измениться пореформенное развитие страны, если бы власти прислушались к голосу теоретиков легального народничества; и, наконец, была ли вообще у них такая «интегральная» программа общественных преобразований, способная объединить власть и общество?

Для более полного и объективного ответа на эти вопросы, конечно, нельзя рассматривать историю классического народничества в отрыве от ее логического продолжения – истории неонародничества.

Сама идея искусственности их резкого разграничения имеет немало сторонников⁴⁶. Однако концептуальные исследования соотношения двух понятий и стоящих за ними течений пока отсутствуют. Сказывается вековая традиция раздельного изучения «старого» и «нового» русского народничества. Поэтому в ближайшее время, на наш взгляд, будут наиболее востребованы труды, способствующие преодолению этого разрыва.

¹ Подробнее см.: *Зверев В. В.* Русское народничество: историографические концепции и перспективы исследования // *Общественная мысль и общественное движение в России пореформенного времени*: Сб. ст. Воронеж, 2005.

² См.: *Мошкин Г. Н.* Реформаторское народничество и проблемы самоидентификации русской интеллигенции // *Исторические исследования в России-II*. Семь лет спустя. М., 2003.

³ *Харламов В. И.* О периодизации истории либерального народничества в России (Постановка вопроса, литература, задачи изучения) // *Проблемы истории СССР*. М., 1979. Вып. 10.

⁴ *Харламов В. И.* Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX в. Общественно-политические воззрения Каблицы /Юзова/: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.

⁵ В начале 1980-х гг. идеи разделения «либерального» и «легального» народничества помимо В. И. Харламова придерживался такой видный народниковед как В. Г. Хорос. См.: *Хорос В. Г.* Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. С. 38.

⁶ *Харламов В. И.* Из истории развития либерально-народнической мысли в пореформенной России [1982 г.] // «Будущего нет и не может быть без наук...» (Памяти профессора Московского университета Михаила Герасимовича Седова). М., 2005. С. 706–707.

⁷ *Харламов В. И.* О периодизации истории либерального народничества в России. С. 113.

⁸ *Харламов В. И.* Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70-х – 80-х годах XIX в. // *Революционеры и либералы России*: сб. ст. М., 1990. С. 182–183.

⁹ *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 18.

¹⁰ *Балуев Б. П.* В. И. Ленин о народничестве и неонародничестве (Сущность, типология разновидностей, периодизация) // *Наследие В. И. Ленина и современность*. М., 1989; *Он же.* Либеральное народничество и Г. В. Плеханов (проблема интеллигенции) // *Революционеры и либералы России*: сб. ст. М., 1990.

¹¹ *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. С. 258–259.

¹² См.: *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979; *Он же.* Народные социалисты // *Политическая история России в партиях и лицах*. М., 1994.

- ¹² *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. С. 259.
- ¹⁴ Там же. С. 7.
- ¹⁵ Там же. С. 55, 78, 258–259.
- ¹⁶ См.: *Балуев Б. П.* Спор народников с марксистами о роли интеллигенции в историческом развитии России // *Россия в XX веке. Судьбы исторической науки.* М., 1996.
- ¹⁷ *Балуев Б. П.* Н. К. Михайловский и легальный марксизм (К 150-летию со дня рождения) // *Отечественная история.* 1992. № 6. С. 16, 29–30.
- ¹⁸ *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. С. 196–197, 259.
- ¹⁹ *Касторнов С. Н.* Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ: дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2002. С. 247–248.
- ²⁰ См.: *Васильев В. В.* Аграрные отношения в России конца XIX – начала XX века в публицистике либеральных народников, А. И. Чупров и Н. П. Огановский: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000; *Протасова О. Л.* А. В. Пешехонов: Человек и эпоха. М., 2004. С. 6, 18, 19 и др.; *Емельянов Е. В.* Политическая доктрина Трудовой народно-социалистической партии: 1906–1920: дис. ... канд. полит. наук. М., 2005. (1.2. Идеино-организационное оформление либерального народничества).
- ²¹ См.: *Азаркин Н. М.* Эволюция народнической идеологии // *История политических учений: Учебник для вузов.* М., 2002; *Народничество // Популярный энциклопедический иллюстрированный словарь.* Европедия. М., 2003. С. 560.
- ²² В. В. Зверев – выпускник РУДН. В 1986 г. под руководством В. Ф. Антонова защитил канд. дис. «Общественно-политические взгляды Н. Ф. Даниельсона». С 1998 г. – докт. ист. наук. Диссертация представлена к защите в виде указанной далее монографии.
- ²³ *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997. С. 24.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 22, 24.
- ²⁶ Там же. С. 14–15.
- ²⁷ Там же. С. 363–365.
- ²⁸ См.: *Жвания Д. Д.* Народники-реформисты о крестьянской общине в 70–90-е гг. XIX в. (В. П. Воронцов, И. И. Каблиц, П. А. Соколовский): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 106; *Расков Д. Е.* В. П. Воронцов об экономическом развитии России // *Вестник СПбГУ.* Сер. 5. 1997. Вып. 3. С. 112; *Рязанов В. Т.* Экономическое развитие России: Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1999. С. 7.
- ²⁹ См.: *Зверев В. В.* Эволюция народничества: «теория малых дел» // *Отечественная история.* 1997. № 4; *Он же.* Либеральные народники // *Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия.* М., 2000. Т. 3; *Он же.* Народническая и анархическая модели (Гл. 1–3) // *Модели общественного переустройства России. XX век.* М., 2004; *Он же.* Народничество // *Общественная мысль России XVIII – начала XX века: Энциклопедия.* М., 2005.

³⁰ См.: *Зверев В. В.* Русское народничество: доктрина и практика // Политическая история России: Учеб. пособие. М., 1998; *Зверев В. В.* Народники в истории России: Кн. для учителя. М., 2003; *Он же.* Русское народничество: Учеб. пособие. М., 2009.

³¹ *Блохин В. В.* Становление доктрины «либерального социализма» Н. К. Михайловского: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2006. С. 30–32, 37–38.

³² *Блохин В. В.* Очерки истории народнической мысли второй половины XIX века. М., 2009. С. 209.

³³ *Пантин И. К.* А. И. Герцен: начало либерального социализма // Вопросы философии. 2006. № 3. С. 124, 126; *Селезнев Ф. А.* Либералы и социалисты – предшественники кадетской партии // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 32.

³⁴ *Мокшин Г. Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010. Монография подготовлена на основе защищенной в 2010 г. в СГУ докт. дис. «Идейная эволюция легального народничества во второй XIX – начале XX вв.». Научный консультант – докт. ист. наук М. Д. Карпачев (представитель школы М. Г. Седова).

³⁵ Подробнее см.: *Харламов В. И.* Каблиц (Юзов) и проблема «народ и интеллигенция» в легальном народничестве на рубеже 70–80-х годов XIX в. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1980. № 4.

³⁶ *Мокшин Г. Н.* Эволюция идеологии легального народничества... С. 288.

³⁷ *Зверев Н. В.* Общественно-политические взгляды М. О. Меньшикова (1885–1900 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. С. 12–13.

³⁸ Содержание этапов рассмотрено в тексте статьи.

³⁹ *Зеленин Ю. А.* Советская историография классического народничества в России: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009. С. 54–55.

⁴⁰ *Лавров П. Л.* Вперед! – Наша программа // Избр. соч. на социально-политические темы: в 8 т. М., 1934–1935. Т. 2. С. 36.

⁴¹ *Н. Н. [Оболенский Л. Е.]* Беллетристика в журналах 1880 г. // Мысль. 1880. № 11. С. 78–79.

⁴² *Плеханов Г. В.* Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. Л., 1939. С. 13, 247, 251, 328.

⁴³ См.: *Мокшин Г. Н.* Проблемы периодизации истории легального народничества // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3.

⁴⁴ См.: *Мокшин Г. Н.* К вопросу о «культе» Н. К. Михайловского в новейшей историографии русского легального народничества // Россия: история, наука, культура. Материалы VI Всероссийск. науч.-теор. конф. М., 2003.

⁴⁵ *Хорос В.* Разомкнутый треугольник // Знание-сила. 1990. № 1. С. 10; *Блохин В. В.* На переломе. 1881–1904. Н. К. Михайловский в идейно-политической борьбе в 80–90-е годы XIX в. (Исторические этюды). М., 2004. С. 15, 18–19; *Мокшин Г. Н.* Основные факторы идейной эволюции легального народничества // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. 2011. № 1. С. 131–133.

⁴⁶ *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты в первой русской революции. С. 10, 42; *Васильева Т. А.* Журнал «Русское богатство» и идейно-политическая эволюция народничества (1876–1916): дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 9; *Касторнов С. Н.* Указ. соч. С. 21.

**Новейшая историография Н. К. Михайловского:
проблемы и тенденции**

Изучение идейного наследия Н. К. Михайловского в народниковедении вообще, и современном народниковедении в частности имеет принципиальное значение уже в силу самой масштабности личности этого человека. Будучи «властителем дум», «учителем русской жизни», «народническим Лениным» Михайловский оказал влияние на несколько поколений российской интеллигенции, емко и рельефно выразив ее идейные интенции, искания и умонастроения. Разрабатывая теорию народничества, идейно обосновывая постулаты российского радикализма, он, тем не менее, явился и своеобразным идейным выразителем всей демократической оппозиции России, своеобразным символом протестной субкультуры, ее неким нравственным центром. В этой связи интерес к личности и деятельности Михайловского предполагает анализ различных дискурсов, что уже в значительной степени подтверждается существованием разнопланового массива исследований.

Характеризуя современную постсоветскую историографию Михайловского (с начала 1990-х гг. и до сего дня) уместно отметить, что ее формирование произошло под влиянием различных факторов идейного, научно-методологического и политического характера, при которых стало возможным отказаться от многих мифологем советского народниковедения. Среди них – неприятие либерального (реформаторского) народничества, трактуемого как реакционное учение мелкой буржуазии, отрицание научной ценности теорий прогресса, субъективной социологии, «теории героев и толпы», искажение и непонимание народнического субъективизма, искусственно противопоставляемого «объективизму» шестидесятников, обвинение народнической доктрины в «эклектизме» и т.д. Потребность в развенчании научных мифов в полной мере отразилась в трактовке наследия и деятельности Михайловского и, в некотором смысле, стала своеобразной задачей для постсоветской историографии.

Историографический комплекс, посвященный анализу мировоззрения Михайловского, его философским, социологическим и философским взглядам отличается внутренней разноплановостью, обу-

словленной, прежде всего, различием теоретико-методологических основ анализа. Представляется возможным выделить, по меньшей мере, две концептуальные модели в оценке наследия мыслителя: традиционную, опирающуюся на марксистский анализ и современную, основанную на научно-объективистском подходе.

Первая традиционная, марксистско-ленинская модель историографии народника наиболее рельефно выражена в монографии Г. Д. Алексеевой «Народничество в России в XX веке» (М., 1990). Михайловскому, точнее его влиянию на идеологию неонародничества, посвящена здесь целая глава. Но она, как и вся книга, предельно идеологизирована. Народничество, по мнению автора, даже на пятом десятке своей истории, «питалось фантазиями» и потому оказалось «неспособным разобраться в ходе событий»¹. Исследования подобного рода, к сожалению, концептуально бесплодны и представляют интерес только как историографический факт.

Парадигмально близким монографии Алексеевой является более поздний труд известного советского и российского философа Т. И. Ойзермана, который в значительной степени следует идеологически-мотивированным оценкам социологии Михайловского как «эклектичной» и «субъективистской»².

Значимое место в историографии 1990-х гг. занимает монография Б. П. Балугева «Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков» (М., 1995). Это была первая попытка переосмыслить историю либерального народничества, намеренно отойдя от политизированных крайностей марксистско-ленинских его оценок. Хотя в целом Балугев придерживался марксистской интерпретации истории позднего народничества, о чем говорит его приверженность традиционной для советской историографии терминологии.

Исследуя либеральное народничество, Балугев отметил, что оно появилось на свет в середине 1870-х годов в результате провала народнической тактики «хождения в народ». Историк подчеркивал, что хотя народники, выражали разные оттенки либерально-народнической мысли, их объединяло общее свойство: они больше не подталкивали интеллигенцию к революционной работе в народе, «на разжигание крестьянского бунта». Расхождения между либеральными народниками, по мнению Балугева, имели лишь тактический несущественный характер. В основе их деятельности были «малые дела»³.

Стремясь определить место Михайловского в народническом лагере, Балуев причислил его к центристам, всегда занимавшим центристскую позицию между революционным и либеральным народничеством⁵. Правда, в 1890-е гг. Михайловский вынужден был сблизиться с либеральными народниками, составив вместе со своей новой «литературной семьей» из «Русского богатства» их «второй призыв». С другой стороны, Балуев, как и все историки-марксисты, считал Михайловского крестьянским демократом, твердо убежденным в необходимости для России иного, т.е. социалистического пути развития с опорой на крестьянскую общину⁵.

Признав Михайловского одновременно и «либеральным народником», и социалистом Балуев выявил теоретический тупик марксистской методологии в определении характера мировоззрения мыслителя, настоятельно обозначив требование нового концептуального осмысления, способного «снять», преодолеть противоположность между социализмом и «либеральным народничеством» мыслителя.

Среди достоинств труда Балуева следует отметить очерк об исторических взглядах мыслителя, реконструкцию ценных фрагментов его биографии. Концептуально свежим явился вывод исследователя о необходимости пересмотра сложившегося в историографии тезиса о «полном идейном разгроме» народничества марксизмом⁶. Автор не анализировал специально социологическую систему Михайловского, да и исторические взгляды народника никак не связывал с его субъективизмом. Тем не менее, общий вывод Балуева о поступательном развитии народнической мысли на рубеже XIX–XX вв. стал основой для дальнейших исследований.

Научно-объективистский подход к изучению истории правого крыла народничества, включая наследие его главного представителя Н. К. Михайловского, получил развитие в трудах В. В. Блохина, В. В. Зверева, А. И. Юдина, а позднее и др. исследователей. Общей научной тенденцией указанных работ является преодоление господства марксистских оценок, формирование новых подходов. Хотя очевидно и то, что новое «научное прочтение» наследия мыслителя произошло не моментально, а явилось сложным кумулятивным процессом накопления, как новых историографических фактов, так и новых значений и интерпретаций. Среди тем, на которых фокусировалось научное внимание исследователей, следует назвать социологию мыс-

лителя, вопросы типологии народничества Михайловского, его общественно-политическую деятельность.

В исследованиях В. В. Блохина с принципиально новых методологических позиций была проанализирована социологическая система мыслителя, что позволило преодолеть марксистский взгляд на народническую социологию как ненаучную и утопичную. Пересмотрена «теория борьбы за индивидуальность», учение о «героях и толпе», впервые предложен системный анализ исторической концепции Михайловского. Так, специальному анализу была подвергнута гносеология Михайловского, показано, что этический субъективизм народника, в основании которого лежит «субъективный метод» является специфической формой научности, порожденной конкретными условиями российской действительности. Выявленная структура «субъективного метода» позволила заключить, что субъективный метод не противоречит объективному, а напротив, его дополняет⁷.

Рубежным по своему влиянию на становление и развитие новейшей историографии правого народничества стала монография В. В. Зверева «Реформаторское народничество и проблема модернизации России» (М., 1997). По существу он предложил новую концепцию народничества, конструктивно преодолев марксистско-ленинскую парадигму его рассмотрения. Для Зверева очевидно, что сегодня уже нельзя отождествлять народническое мировоззрение только с «русским», «крестьянским» социализмом. Народничество – это, прежде всего, реакция интеллигенции на происходивший в стране процесс модернизации. Оно содержит и моральный протест против наступления индустриальной эпохи, несущей трудовому люду обезземеливание, безработицу, господство товарно-денежных отношений, капиталистическую конкуренцию и эксплуатацию, и собственный вариант эволюции, предполагавший опору на традиционные институты и ценности, национальные особенности и некоторые новации, почерпнутые из арсенала европейской цивилизации. Таким образом, народничество включает в себя не только социалистические, но антикапиталистические, антилиберальные идеи⁸.

В свете нового понимания содержания народничества Зверев признает неправомерным использование термина «либеральное народничество». «Либерализм и народничество – доктрины, полярные в своей основе»⁹. Поэтому исследователь вводит в широкое употребление весьма емкое понятие «реформаторское народничество».

Зверев одним из первых признал Михайловского ведущим теоретиком реформаторского народничества не только 1890-х, но и 1870–1880-х гг. В своем исследовании о народничестве он посвятил Михайловскому две главы, подробно проанализировав социальную концепцию мыслителя. Весьма ценным стал вывод историка о том, что позитивизм Конта не стал «несущим каркасом» для народника. Антропологизм и гуманизм Михайловского автор связал преимущественно с творческим переосмыслением основных идей А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского¹⁰. Много внимание было также уделено полемике Михайловского с И. И. Каблицем и В. П. Воронцовым, в ходе которой им был намечен путь преодоления кризиса народнической доктрины в переломные 1890-е гг.

Новым акцентом в исследовательской работе Зверева стал интерес к литературной работе Михайловского – очеркам «Вперемежку» и роману «Карьера Оладушкина». Через анализ образов художественных произведений, галерею литературных персонажей, созданных Михайловским, Зверев разглядел реальных людей, окружавших публициста, что позволило глубже понять духовное состояние самого Михайловского¹¹.

Социально-философские идеи Н. К. Михайловского стали предметом изучения плодovitого тамбовского исследователя А. И. Юдина¹². Новаторским является анализ им рецепции Михайловским гегелизма и марксизма. Юдин подчеркивает, что Михайловский, как и Лавров, отнюдь не двигался в сторону марксизма, как утверждалось в советской историографии, но напротив, олицетворял в русской социальной философии направление, «опирающееся на агностицизм и гуманизм И. Канта, а также на позитивизм»¹³.

Характеризую теоретико-методологические принципы научной концепции Михайловского и Лаврова, Юдин заметил, что в их лице народничество, «опираясь на антиметафизичность и агностицизм позитивизма, выступало с адогматических позиций, отстаивало идею многофакторности, многовариантности общественного развития. Таким образом, критика гегелизма и марксизма имела прогрессивное значение в эволюции мировоззрений мыслителей, она ориентировала их на поиск иных методологических оснований для своих концепций прогресса»¹⁴.

Исследователем был верно подмечен и этический ракурс оценки народником дарвинизма. «Михайловский отстаивал идею человека

как нравственного существа. Мировоззрение Михайловского не умещалось в рамки дарвинизма и утилитаризма. Антропологизм, нравственное начало в человеке – вот кредо мыслителя. Эта позиция имела огромное гуманистическое значение», – отмечает философ¹⁵.

С общей тенденцией переосмысления научной значимости этико-субъективной школы социологии согласуются и оценки Юдиным субъективизма Михайловского. «Выдвижение на первый план субъективного фактора в историческом развитии, с одной стороны, было обусловлено конкретно-историческими особенностями развития России второй половины XIX века, когда русской революционной интеллигенции казалось, что реформы идут слишком медленно, с другой стороны, оно логически вытекало из этицизма Лаврова и Михайловского, когда желаемое, должное выдвигалось на первый план, когда личность за желаемое нравственно оправдывалась. Некоторая абсолютизация субъективного фактора, абсолютизация свободы воли не вели к волюнтаризму»¹⁶.

Однако нам представляется довольно спорным заключение автора о западничестве народников. По мнению Юдина, «Лавров и Михайловский были западниками, но как народники, они не принимали крайнего западничества – марксизма. <...> Ценная черта общественных идеалов мыслителей – учет реалий русской жизни, построение общественных идеалов на историческом “грунте”»¹⁷. Здесь явное противоречие.

Тем не менее, эта проблема в полной мере сегодня не исследована. Ведь как марксизм, так и народничество являются порождением научного самосознания интеллигенции, чей интеллектуальный «багаж» формировались на основе рецепции западных идей. Толкования народной жизни и у тех, и у других зачастую носили сугубо социологический характер, при котором народ воспринимался исключительно в качестве суммы абстрактных единиц. Чего стоят высказывания Михайловского об отсталости народных масс, атрибутом которой для него выступала религия.

В целом концептуальные заключения Юдина обосновано оспаривают марксистскую историографическую концепцию субъективизма, антиисторизма и утопизма народнической социологии.

Можно с полным основанием считать, что уже к началу 2000-х гг. завершился процесс реинтерпретации научного мировоззрения Михайловского с объективистских позиций. Более того, такая интерпре-

тация его наследия без сомнения приобрела в историографии господствующий характер, дав старт дальнейшим исследованиям.

В обозначенном русле следует рассматривать исследования социальной философии Н. К. Михайловского первого десятилетия нашего века. Вообще эта тематика явно доминирует в современном михайловсковедении. Поэтому мы уделяем столько внимания трудам наших философов.

Так, А. С. Попов в своей кандидатской диссертации ставит задачи: «подвергнуть рассмотрению обоснование и разработку мыслителем “субъективного метода в социологии”; проанализировать особенности воззрений социолога на историческое развитие, роль личности в истории; выявить особенности трактовки мыслителем проблемы общественного прогресса»¹⁸. К сожалению, заключения автора не отличаются новизной и повторяют лишь те выводы, к которым историческая наука пришла уже в конце 1990-х гг.

В аналогичном ключе следует расценивать и работу А. В. Никонова, проигнорировавшего всю современную историографию 1990-х – начала 2000-х гг.¹⁹.

Свежей и в значительной степени новаторской следует признать диссертацию Ю. В. Кокаревой, посвященную анализу этических идеалов Н. Г. Чернышевского и Н. К. Михайловского. Она развивает сложившуюся еще до 1917 года традицию сравнительного изучения творчества Михайловского. Автор справедливо отмечает, что «морально-этический компонент в философском наследии русских мыслителей был отодвинут на задний план вопросами социально-философскими и практическими»²⁰.

Кокорева вполне обоснованно ищет корни этики Чернышевского и Михайловского в секулярном сознании интеллигенции, в ее антропологизме. Весьма интересны наблюдения автора о трактовке категории «долг» в мировоззрении обоих мыслителей. По мнению исследователя, для Чернышевского «долг» связан с «пользой», а у Михайловского – «с жертвой»²¹.

В этом же ряду сравнительных философских исследований находится и работа А. А. Пшенниковой. Хотя она сфокусирована на субъективном методе обоих мыслителей, уже достаточно изученном в литературе, тем не менее, заслуживает внимания ее вывод о том, что для мировоззрения и Лаврова, и Михайловского характерен синтез позитивизма, агностицизма И. Канта и гуманизма²².

Подводя итог философско-социологическому дискурсу в рамках современной научной модели познания творчества Михайловского нельзя не признать плодотворности переосмысления его наследия. Все компоненты его социологии (субъективный метод, теория прогресса, учение о личности, теория героев и толпы, исторические взгляды идейные истоки его мировоззрения и др.) сегодня в полной мере изучены. Перспективна дальнейшая детализация в изучении отдельных элементов мировоззрения, влияния субъективизма Михайловского на дальнейшее развитие народнической мысли. Отдельные аспекты влияния Михайловского на формирование неонароднической теории В. М. Чернова отмечены в монографии О. В. Коноваловой²³.

Современные исследователи обращают внимание и на литературно-публицистическую деятельность Михайловского в качестве соредактора «Отечественных записок». Так весьма значимой, на наш взгляд, является работа литературоведа В. Б. Смирнова. Автор поставил цель «выяснить роль “Отечественных записок” в общественно-политической борьбе, <...> в расширении плацдарма критического реализма, в консолидации сил демократической литературы (в том числе литературного народничества)...»²⁴. Правда, автор, многократно ссылаясь на Михайловского, не смог в полной мере показать нам его деятельность как идеолога.

В 2006 г. в русле исследования проблемы места Михайловского в народничестве Блохин проанализировал истоки мировоззрения Михайловского, этапы его становления, период его деятельности в 1890–1900-е гг., придя к заключению, что социально-политическое учение Михайловского может быть типизировано как «либеральный социализм», интегрирующим понятием в котором является категория «личность». Социально понятая личность глубоко роднит Михайловского с новым либерализмом, озабоченным проблемой гарантий и условий реализации свободы. По мнению Блохина, Михайловский был своим и для народников, и для либералов, что делало из него лидера оппозиционной России, одинаково близкого самым разным слоям общества²⁵.

В. В. Блохин доказывает, что в 1890-е гг. социалистические аспекты доктрины Михайловского отходят на второй план, а сам он проникается императивностью борьбы за демократизацию России. Вполне закономерно, что Михайловский считался не только «последним народником», но и лидером всей оппозиционной России.

На этом основании Блохин считает возможным причислить «литературную семью» Михайловского, круг «Русского богатства», левый фланг реформаторского (легального) народничества (В. Г. Короленко, А. В. Пешехонов) к либеральным народникам. По его убеждению, между «индивидуалистическим социализмом» Михайловского и нарождавшимся «социальным либерализмом» начала XX века не было непреодолимой границы²⁶.

Значение общественно-политических воззрений Михайловского для последующего партийного строительства в России в начале XX века отражено в монографии О. Л. Протасовой. Автор связывает деятельность партии «Народных социалистов» и ее лидера Пешехонова с рецепцией идей Михайловского и Лаврова. В своих программных выступлениях Пешехонов отстаивал идеи «государственности» и парламентаризма²⁷.

В последние годы существенный вклад в разработку истории легального народничества внес Г. Н. Мокшин, уделивший много внимания проблеме его идейной эволюции. По мнению этого историка, Михайловский еще в конце 1860-х гг. примкнул к левому флангу формирующегося тогда движения сторонников мирного эволюционного социализма. В 1870-е гг. он прошел быструю эволюцию от аполитизма к признанию первоочередного значения для дальнейших преобразований страны предоставления обществу широких политических свобод²⁸.

Народники-политики, в основном сотрудничавшие в журнале «Отечественные записки», а после его закрытия – в «Северном вестнике», довольно скептически относились к народу как творцу новых социальных отношений. Руководящую роль в общественном развитии России они отводили русской интеллигенции, как самой передовой умственной силе страны, «мозге нации» и «совести народа». Поэтому, пишет Мокшин, их концепция общественных преобразований страны основывалась на принципах политизма, авторитаризма и этатизма, т.е. на признании решающего значения в развитии общества за политической надстройкой (народники-культурники делали ставку на развитие самостоятельности народа)²⁹.

Схожую точку зрения о принадлежности Михайловского к левому флангу реформистского народничества высказал и С. Н. Касторнов³⁰.

Мокшин явился первым исследователем в постсоветской историографии, кто критически оценил роль Михайловского в истории правого народничества. Он попытался доказать, что этот идеолог народни-

чества неоправданно абсолютизировался исследователями, надеясь какой-то индульгенцией от ошибок. А идеологи культурнического народничества, наоборот, демонизировались как враги «передовой» интеллигенции и представители народнического антиинтеллектуализма³¹. Мокшин опубликовал письмо к Михайловскому Л. Е. Оболенского, обнажившее изнанку политической культуры отечественного радикализма – нетерпимость к инакомыслию, авторитаризм, идейную непогрешимость, черно-белое восприятие действительности³².

Подводя итог новейшей историографии Н. К. Михайловского нельзя не отметить вполне закономерного алгоритма ее развития, направленного на восстановление принципов объективного научного анализа народничества, отказа от идеологизированных схем. Михайловский как идеолог народничества сегодня рассматривается, прежде всего, как выразитель социального сознания интеллигенции, искавшей альтернативный капиталистической эволюции путь социальной реконструкции России. Общим местом современной историографии стало признание научного характера социологии Михайловского, порожденной специфическим запросом российского общества в эпоху перемен. Очевидно и то, что Михайловский, разделяя основные постулаты народничества, был олицетворением «неклассического народничества», ибо высоко ценил как отдельную личность, интеллектуальную автономность и свободу. Михайловский, по праву, считается одним из лидеров реформаторского (легального) народничества, вождем оппозиционной интеллигенции.

¹ Алексеева Г. Д. Народничество в России в XX веке. Идеиная эволюция. М., 1990. С. 241.

² Ойзерман Т. И. Оправдание ревизионизма. М., 2005. С. 296–297.

³ Балуев Б. П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 257.

⁴ Там же. С. 258.

⁵ Там же. С. 259.

⁶ Там же.

⁷ См.: Блохин В. В. Исторические взгляды Н. К. Михайловского: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 1994; Он же. Историческая концепция Николая Михайловского (К анализу мировоззрения российской народнической интеллигенции). М., 2001.

⁸ Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым года XIX века. М., 1997. С. 365.

⁹ Там же. 24.

¹⁰ Там же. С. 115, 117.

¹¹ См.: *Зверев В. В.* Живые и мертвые души романа «Карьера Оладушкина» // Историк и художник. 2005. № 3; *Он же.* Галерея портретов в беллетристике Николая Михайловского: разночинцы и «кающиеся дворяне» очерков «Вперемежку» // Историк и художник. 2005. № 2.

¹² См.: *Юдин А. И.* Проблема обоснования общественного идеала в социологии Н. К. Михайловского. Тамбов, 1997. *Он же.* Социальная философия П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского: историко-сравнительный анализ: автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 2000; *Он же.* Проблема исторического будущего России. Социальные идеи П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского. Тамбов, 2004.

¹³ Там же. С. 363.

¹⁴ Там же. С. 364.

¹⁵ Там же. С. 365.

¹⁶ Там же. С. 368.

¹⁷ Там же. С. 371.

¹⁸ *Попов А. С.* Субъективная социология Н. К. Михайловского в структуре его историософских построений: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2003. С. 5.

¹⁹ *Никонов А. В.* Проблема взаимосвязи истории и политики в философии Н. К. Михайловского: дис. ... канд. филос. наук. Тверь, 2006.

²⁰ См.: *Кокарева Ю. В.* Нравственный идеал в философии русского народничества (Н. Г. Чернышевский, Н. К. Михайловский): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2007. С. 3.

²¹ Там же. С. 8.

²² *Пшенникова А. А.* Теоретическая и методологическая сущность «философии истории» П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2008. С. 6.

²³ См.: *Коновалова О. В.* В. М. Чернов о путях развития России. М., 2009.

²⁴ *Смирнов В. Б.* «Отечественные записки» и русская литература 70–80-х годов XIX века. Волгоград, 1998. С. 9.

²⁵ *Блохин В. В.* Становление доктрины «либерального социализма» Н. К. Михайловского: дис. ... докт. ист. наук. М., 2006. С. 39.

²⁶ Там же.

²⁷ *Протасова О. Л.* А. В. Пешехонов: человек и эпоха. М., 2004. С. 47, 50.

²⁸ *Мокшин Г. Н.* Идеальная эволюция легального народничества во второй половине XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010. С. 47, 91–92.

²⁹ Там же. С. 122.

³⁰ *Касторнов С. Н.* Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX – начала XX вв.: Сравнительный анализ: дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2002. С. 12.

³¹ См.: *Мокшин Г. Н.* К вопросу о «культе» Н. К. Михайловского в новейшей историографии русского легального народничества // Россия: история, наука, культура. Материалы VI Всероссийск. науч.-теор. конф. М., 2003.

³² См.: «Простите за правду». Письмо редактора журнала «Русское богатство» Л. Е. Оболенского Н. К. Михайловскому. 1885 г. // Исторический архив. 2003. № 4.

**Я. В. Абрамов на малой родине – Ставрополье:
Общественно-литературная деятельность писателя-
мыслителя как объект новой локальной истории**

Яков Васильевич Абрамов (псевдоним *Федосеевец*) (22.10 [03.11]. 1858, Ставрополь-Кавказский – 18.09 [18.09]. 1906, Ставрополь-Кавказский)¹ вошел в историю отечественной и мировой культуры как талантливый художник слова и яркий мыслитель, исследователь народной жизни, выдающийся общественно-литературный деятель последних десятилетий XIX – начала XX века. Прозаик, публицист, философ, социолог, литературный критик, журналист, статистик, просветитель, он оказал большое влияние на социокультурное развитие России, Северного Кавказа и Ставрополья своего времени.

Со Ставрополем Абрамов связан неразрывно – и биографически, и творчески. Лишь 10 лет он прожил в Санкт-Петербурге (с 1880-го по 1890-ый год), работая, главным образом, в редакциях разных столичных периодических изданий, все остальные годы – в Ставрополе-Кавказском.

Недавние архивные находки² показали, что первоначальное образование Абрамов получил под руководством отца-самоучки, имя которого значится в списке мещан г. Ставрополя за 1859 год³, затем поступил в Ставропольскую классическую гимназию. Будучи гимназистом, писал корреспонденции в газеты и журналы⁴, в гимназическом рукописном альманахе помещал свои рассказы и очерки под псевдонимом «*Федосеевец*» (скорее всего, от имени священника Георгия Феодосиева, крестившего Абрамова 26 октября 1858 г. в Казанском кафедральном соборе г. Ставрополя-Кавказского⁵), который сохранился до конца его литературной деятельности. В 1875 г. из шестого класса гимназии, не поладив с консервативно настроенными наставниками, юный Яков Абрамов перешел в Кавказскую духовную семинарию, которую окончил в 1877 г. В сохранившейся «именной ведомости о воспитанниках Кавказской духовной семинарии» (сентябрь 1877 г.) Яков Абрамов характеризуется как «находящийся на казенном содержании» воспитанник «очень хорошего поведения», «весьма хороших способностей», «постоянного прилежания», «отличных успехов» в учебной работе⁶.

В 1877 г. Абрамов поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию. Но в 1879 г. он вынужден был оставить учебу, т.к. за «распространение запрещенных книг» был привлечен к дознанию «политического характера» и «подвергнут аресту на шесть недель», а затем выслан из Петербурга на родину, в Ставрополь. С 31 августа 1880 г. за Абрамовым был установлен тайный полицейский надзор, в ходе которого было установлено, что он принимал самое активное участие в деятельности нелегального кружка, занимавшегося в Ставрополе «распространением революционных изданий»⁷.

В декабре 1880 г. Абрамову было разрешено вернуться в столицу, где начинается его активная литературная, журналистская и просветительская работа общероссийского масштаба. В то же время он всегда уделял внимание положению дел на своей «малой родине» – Северном Кавказе. В многочисленных статьях, публиковавшихся как в столичных, так и провинциальных журналах и газетах («Терек», «Тифлисский вестник», «Приазовский край», «Северный Кавказ», «Юг» и др.), он доказывал, что жизнь горских народов должна регулироваться не по общему административному стереотипу, а в соответствии с историческими особенностями и этнокультурной спецификой каждого из них. Современники Абрамова отмечали, что «именно при такой постановке дела русская государственная власть могла бы дать наиболее полезный для России исход богатым природным силам кавказской окраины»⁸.

В мае 1890 г., находясь «на пике» своей популярности, Абрамов неожиданно покинул Петербург и вернулся с семьей в Ставрополь. В течение нескольких четырехлетий он работал гласным Ставропольской городской думы, продолжал сотрудничество с петербургскими издательствами и журналами. Судя по материалам полицейского надзора, Абрамов не раз высказывал резкие антиправительственные суждения, защищая права населения не только Ставропольской губернии, но и всей России⁹. Часто на осуществление необходимых нововведений и преобразований в городе он использовал свои собственные скромные средства.

В конце 1905 г. писатель получил разрешение на издание ежедневной газеты «Наш Край»¹⁰, но осуществить этот замысел уже не успел. После тяжелой, неизлечимой болезни 18 сентября 1906 г. (по старому стилю) Абрамов ушел из жизни, не дожив до 48 лет. Материальное положение великого труженика было таково, что семье не на что было его похоронить¹¹.

Как теоретик демократического просветительства в легальном народничестве Абрамов в противовес всевозможным революционным доктринам отстаивал концепцию мирного прогресса на основе изучения тенденций развития народной жизни. Яркие, темпераментные, глубокие по мысли и социальным обобщениям публицистические статьи Абрамова открывали для пореформенной интеллигенции перспективы «великой культурной работы» непосредственно в народной среде.

Все это органично сближало Абрамова с реформаторским народничеством 1880–1890-х гг. Однако грубое отождествление Н. В. Шелгуновым и Н. К. Михайловским, а потом и марксистами предлагаемой Абрамовым программы «постепеновства снизу» с теорией и практикой «малых дел» отразилось на судьбе идейного наследия писателя самым губительным образом. В литературе до сих пор эту теорию называют «абрамовщиной», хотя сам Абрамов призывал заниматься не «маленькими делами» как таковыми, а широкой «культурной работой», что не одно и то же.

В советской историографии деятельность Абрамова рассматривалась в основном в рамках идеологии и движения «либерального» народничества. В итоге вплоть до начала 1980-х гг. (работ В. И. Харламова и Т. М. Канаевой о публицистах «Недели»¹²) его политическая биография и взгляды оставались на далекой периферии научных изысканий. Не изучались они и краоведами Ставропольского края.

Историко-культурное наследие опального мыслителя необычайно актуализируется только в наше время. Обусловлено это тем, что России на новом витке исторического развития навязывается повторение того пути «рыночной экономики» и исповедование частнособственнической морали, несостоятельность которых доказывалось Абрамовым в процессе художественного и социологического анализа всего «строя жизни» пореформенной России.

Начало систематического изучения биографии и художественно-публицистического творчества Абрамова связано с деятельностью сотрудников отдела краеведения Ставропольской государственной краевой универсальной научной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова. Их усилиями в 1995 г. была описана та часть фонда СГКУНБ (отдельные издания, центральная и региональная периодика), в которую входили книги, брошюры, художественные произведения, статьи и публикации Абрамова в столичных и региональных изданиях. Так впервые появилась подробная библиография сочинений писателя, а заодно и исследовательской литературы о нем¹³.

В том же издании увидели свет первые статьи о месте Абрамова в социальном развитии и истории культуры Северо-Кавказского региона. Один из авторов, С. Я. Новак, анализируя эволюцию идей публициста, показывал тесную связь столичного и ставропольского периодов деятельности Абрамова: региональный материал отражался в большинстве его публикаций в столичной прессе, а идеи теории «малых дел» реализовывались на «малой родине»¹⁴. Характеризуя общественно-политическую деятельность Абрамова в ставропольский период, Новак особо выделит тот факт, что его герой находился в постоянной оппозиции к местной губернской администрации.

В 1997 г. журнал «Отечественная история» опубликовал сразу две статьи (С. Я. Новака и В. В. Зверева¹⁵), непосредственно посвященные Абрамову как идеологу реформаторского народничества. Эти работы, безусловно, явились важным вкладом в изучение особенностей эволюции народнической мысли в 80–90-е годы XIX в., традиционно (но несправедливо) характеризующиеся исследователями как период упадка народнической мысли¹⁶.

Новую страницу в изучение наследия Абрамова открыл 2008 год, когда исполнилось 150 лет со дня его рождения. Это событие было отмечено рядом научных и культурно-просветительских акций и мероприятий на родине писателя-мыслителя. Ставропольский государственный университет (СГУ) и СГКУНБ провели первые научные «Абрамовские чтения», ознаменовавшие «возвращению на родину» знаменитого писателя и общественного деятеля дореволюционной России. Тогда же было подготовлено новое справочное издание – наиболее полный биобиблиографический указатель произведений Абрамова и литературы о нем, включающий исследовательские статьи об идейной и творческой эволюции просветителя¹⁷.

В дальнейшем «Абрамовские чтения» стали самостоятельным мероприятием ученых СГУ (с 2012 г. – Северо-Кавказский федеральный университет), краевой научной библиотеки и Ставропольского музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве.

В докладах ученых-историков доминируют вопросы эволюции общественно-политических взглядов Абрамова, теории и практики «малых дел», земской работы, абрамовского анализа исторических событий, в частности, революции 1905–1907 гг., деятельности Абрамова в качестве гласного Ставропольской городской думы, его позиции в решении крестьянского вопроса (В. В. Зверев, Н. Д. Судавцов, Э. В. Кемпинский, А. И. Кругов). Исследователи-филологи рассматри-

вают специфику габитуса писателя, его эстетики и поэтики, функционирования произведений Абрамова в литературном процессе, мастерство Абрамова-критика (В. М. Головки, Л. И. Бронская, Л. П. Егорова, Е. А. Преображенская). Специалисты-библиотековеды анализируют материалы рубрики «Хроника народных библиотек», которую на протяжении многих лет Абрамов вел в журнале «Русская школа», демократические формы библиотечного обслуживания как сферу его интенции и культуротворческой деятельности, описывают литературу о жизни и общественно-литературной деятельности Абрамова из фонда редкой книги и основного фонда СГКУНБ (С. И. Головки, Е. Б. Егорова). Архивисты регулярно представляют данные эвристической деятельности и архивных разысканий (Е. Б. Громова, А. В. Дронов).

Ставшие традиционными, научные «Абрамовские чтения» широко освещаются региональными и центральными средствами массовой информации¹⁸.

Идейным вдохновителем ежегодных «Чтений» является доктор филологических наук В. М. Головки. В 2008 г. он подготовил первую в России монографию об идейном и литературно-художественном наследии Якова Абрамова, анализируемом в историко-функциональном освещении. Основное внимание автор уделил проблеме творческой индивидуальности писателя, его идиостиля и поэтики, «сложной эстетики» и искусства художественного синтеза¹⁹.

Дискуссионные проблемы, связанные с интерпретацией мировоззрения и творчества Абрамова нашли отражение и в целом ряде более поздних работ ставропольского ученого-филолога. Например, анализ художественного, литературно-критического и публицистического наследия Абрамова в контекстологическом аспекте позволили проф. Головки скорректировать оценку Абрамова как идеолога теории «малых дел». По утверждению автора, данная характеристика является односторонней: знаменитый ставрополец был не столько апологетом «малых дел» (поскольку рассматривал эти формы работы как конкретно-исторические, а не универсальные средства социокультурного прогресса), сколько имел в виду задачи кардинального изменения самого «строя», «порядка жизни» во имя утверждения идеалов свободы, правды и гуманизма, высших ценностей человеческого бытия средствами его постепенного, мирного совершенствования²⁰.

Обсуждением философско-социологического, эстетического и духовного опыта Абрамова в 2010 и 2011 годах занимались участники Всероссийских научно-теоретических интернет-конференций. Дис-

куссии затрагивали широкий круг проблем. Наиболее значимые из них: наследие Абрамова как феномен интеллектуальной истории; неизвестные страницы биографии писателя; общественно-политические, философские, этические, эстетические взгляды Абрамова; Абрамов в истории русской общественной мысли; социологические и художественно-эстетические концепции Абрамова в рецепции и интерпретации его современников; Абрамов в полемике о «великих и малых делах»; проблема капитализма в художественно-социологическом наследии Абрамова; сектантское движение в освещении Абрамова; просветительская деятельность Абрамова в современной научной интерпретации; творческая индивидуальность Абрамова-писателя и литературный процесс 1880-х – начала 1900-х годов; серия «Жизнь замечательных людей» в творческом наследии Абрамова и издательской практике Ф. Ф. Павленкова; Абрамов – сотрудник центральных и региональных периодических изданий; фонды Абрамова в государственных архивах РФ.

Материалы дискуссий были опубликованы в коллективном сборнике трудов «Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России» (Ставрополь, 2013)²¹.

Так, в статье С. Я. Новака и Э. В. Кемпинского была предложена современная периодизация общественной деятельности Абрамова. Она включает три этапа: 1870–1890-е гг. – время его участия в народническом движении, разработка и конкретно-историческое обоснование теории и практики «малых дел»; первая половина 1900-х гг. – восприятие Абрамовым идей «левой демократии»; и конец 1905 – осень 1906 г. – возвращение к идеалам «малых дел» и отказ от активной политической деятельности²².

Новейшие исследования ставропольских историков (Н. Д. Судавцов, Э. В. Кемпинский, А. И. Круглов и др.) показали, что посвятив свою жизнь народному счастью, Абрамов не всегда был последователен в выборе средств достижения поставленной цели. То он ориентировался на «малые дела», то на политическую борьбу с самодержавием. Своими действиями Абрамов даже способствовал становлению ставропольских социал-демократов и эсеров. Но, разделяя их взгляды по некоторым вопросам, он в то же время сохранил нравственный критерий политической деятельности, стремился не допустить напрасных жертв. В итоге его позиция была раскритикована и либералами, и революционерами, а ставропольское крестьянство не поддержало кандидатуру Абрамова на выборах в Государственную Думу²³.

С 2012 г. в рамках ежегодных научных «Абрамовских чтений» в краевом центре стали проводиться региональные конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Яков Абрамов глазами молодых»²⁴.

В 2013 г. работы начинающих исследователей были посвящены выяснению роли Абрамова в общественном движении последних десятилетий XIX – начала XX века, проблем экспериментальной поэтики писателя, его преемственным связям с русскими писателями второй половины XIX в. Внимание молодых ученых научного инновационного объединения «Poetica» (научный руководитель проф. В. М. Головкин) привлекла работа Абрамова в журналах «Отечественные записки» и «Новое слово», в газете «Неделя», жанровая специфика книг-биографий писателя, изданных в серии «Жизнь замечательных людей», публицистика Абрамова, посвященная проблемам горских народов Северного Кавказа и др.²⁵.

В ставропольской и российской научной печати стали регулярно публиковаться работы ученых СГУ/СКФУ по разным аспектам общественно-литературной деятельности Абрамова²⁶. Главы и разделы, посвященные творчеству и культурной работе писателя-мыслителя, появились на страницах монографий²⁷, учебных пособий²⁸, краеведческих книг²⁹.

В учебный план бакалавриата специальности «Филология» СКУ/СКФУ был введен учебный курс по выбору «Я. В. Абрамов: Мирозрение. Метод. Поэтика» (проф. В. М. Головкин)³⁰. Развернулась краеведческая работа по установлению «абрамовских мест» в г. Ставрополе и по сбору материалов об участии писателя в общественной и культурной жизни Ставрополя³¹. В альманахе «Литературное Ставрополье» в 2008–2013 гг. были опубликованы повесть Я. В. Абрамова «В степи», рассказы «Бабушка-генеральша», «Неожиданная встреча», «Гамлеты – пара на грош» и другие его произведения.

В процессе работы с материалами архивов были найдены документы о происхождении³² и смерти Я. В. Абрамова, о его учебе в Ставропольской классической гимназии и Кавказской духовной семинарии, о деятельности нелегального «Общества для содействия распространению народного образования» в Ставрополе, которым в 1878–1880 гг. он фактически руководил и в котором продолжал состоять после возвращения на родину в 1890 г.³³, о выступлениях Абрамова – гласного Ставропольской городской думы на заседаниях 1901–1906 гг.³⁴, о секретных донесениях департамента полиции

в г. Ставрополе Терскому областному жандармскому управлению о деятельности Абрамова, «человека самых крайних политических убеждений», «вредного для политического спокойствия губернии»³⁵, о получении Абрамовым свидетельства на издание «в губернском городе Ставрополе ежедневной газеты “Наш Край”»³⁶ и др.

К 155-летию Я. В. Абрамова в Ставропольском государственном историко-культурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике 18 октября 2013 г. была открыта мемориальная выставка «Поиски правды Якова Абрамова», экспозиционная концепция которой была определена функциональной ролью архивных материалов ГАСК и АСРСОА, рукописных текстов Абрамова, раритетных изданий 1880-х – начала 1900-х гг. из фондов редкой книги СГКУНБ и музея-заповедника в освещении жизненного и творческого пути писателя, его идейных исканий, гражданской позиции. Этот инновационный выставочный проект стал заметным событием в культурной жизни Ставропольского края³⁷. Он показал, что значимость идейно-художественного и публицистического наследия Абрамова как идеолога мирного постепенного общественного развития в движении эпох возрастает, а его идеи в полной мере отвечают на вызовы нового времени.

Богатое теоретическое, публицистическое и художественное наследие Якова Абрамова – это национальное достояние, это феномен интеллектуальной истории, масштабы которого нашими современниками осознаны еще далеко не в полной мере.

В 2012 г. ведущий археограф ГАСК Е. Б. Громова обнаружила в фондах архива обращение граждан города Ставрополя в городское управление (через газету «Юг»), относящееся к 1909 г., с прошением об увековечении памяти Я. В. Абрамова³⁸, а также документы, свидетельствующие о том, что Ставропольская городская дума и городская управа приняли тогда же положительное решение по этому вопросу³⁹. В 1910–1917 гг. в Ставрополе имя писателя было присвоено: городской библиотеке, городскому начальному училищу, детскому приюту на Софиевской улице (дом № 27) (ныне ул. Л. Толстого)⁴⁰. В учреждениях культуры открылись кабинеты научно-просветительского характера, носящие имя выдающегося просветителя⁴¹.

Однако в современном Ставрополе нет улицы Абрамова; нет мемориального музея, ему посвященного; на зданиях, где он учился и работал, нет мемориальных досок; отсутствует имя Абрамова и на аллее «Почетных граждан города Ставрополя»; не присвоено оно ни одной из современных ставропольских библиотек, ни одному выс-

шему или среднему учебному заведению. По сути, решение городских властей 1909 г. остается не выполненным, несмотря на то, что в российской и региональной прессе уже неоднократно печатались материалы и статьи о «непознанном гении» — Якове Васильевиче Абрамове, дающие представление о его огромном вкладе в историю культуры и общественной мысли нашей страны. Выступления и обращения общественности, научной и творческой интеллигенции, неоднократно в последние годы ставивших вопрос об увековечении памяти Я. В. Абрамова на Ставрополье, Ставропольской городской думой, администрациями города и края игнорируются.

Между тем, историко-культурное наследие писателя-мыслителя необычайно актуализируется в условиях современных исканий путей инновационного развития страны, а потому приобретает большое общественное звучание, помогая в решении вопросов социального, культурного и нравственного совершенствования и обновления России. Жизнь произведений Абрамова во времени характеризует и само время: это становится ярким выражением духовного развития нашего общества, нашей культуры. Сознание самого общества изменилось настолько, что стало способным воспринимать идеи и мысли писателя-просветителя в неискаженном виде, объективно, а не через призму «пролетарской партийности».

Показательно, что незадолго до ухода из жизни А. И. Солженицын в интервью первому каналу центрального телевидения, подводя итоги художественно-социологического анализа эпохальных трагедий XX в., буквально словами Я. В. Абрамова говорил о том, что осмысление исторического опыта этого столетия привело его к выводам о порочности любых форм насилия (в том числе и революционных) и о продуктивности стратегии и тактики мирного постепенного общественно-нравственного прогресса. Перекличка идей двух великих писателей, малой родиной которых является Ставрополье, разделяемых целым столетием, свидетельствует о преемственности идей и непреходящем значении их культурного наследия для нашей современности.

¹ Точная дата рождения Я. В. Абрамова установлена по метрической книге Казанского собора г. Ставрополя. — ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1818. Л. 91.

² Материалы и документы, отражающие деятельность Я. В. Абрамова, обнаружены в следующих архивах: Институт русской литературы РАН (Ф. 377); ГАСК (Ф. 60; 68; 73; 91; 95; 96; 101; 135; 1008; ФР-645); АСРСОА (Ф. 12; ФР-851). До расформирования Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР) материалы, содержащие сведения о Я. В. Абрамове, находились в фонде 102. В каком архиве они находятся в настоящее время, по-

ка установить не удалось. В ГАСК в основном хранятся материалы, освещающие ранний (конец 1870-х – начало 1890-х гг.) и поздний (конец 1890-х – начало 1900-х гг.) периоды жизни и деятельности писателя-просветителя. Материалы АСРСОА относятся, главным образом, к 1882–1883 гг., когда Абрамов приезжал в слободу Нальчик Терской области, где проживали родные его жены Л. В. Добронравовой-Абрамовой.

³ ГАСК. Ф. 96. Оп. 1. Д. 13. Л. 10.

⁴ АСРСОА. Ф. р851. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

⁵ ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1818. Л. 91–91 об.

⁶ ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1851. Л. 3, 6 об., 16.

⁷ ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 285. Л. 15–17.

⁸ АСРСОА. Ф. р851. Оп. 1. Д. 23. Л. 2–2 об.

⁹ ГАСК. Ф. 1098. Оп. 1. Д. 57. Л. 64 об.

¹⁰ ГАСК. Ф. 68. Оп. 2. Д. 4370. Л. 3.

¹¹ ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 8695. Л. 387.

¹² Харламов В. И. Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX в. Общественно-политические воззрения Каблицы /Юзова/: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980; Канаева Т. М. Газета «Неделя» в общественном движении пореформенной России (1875–1893): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.

¹³ Исследователь жизни народной: Яков Васильевич Абрамов: Библиографический обзор / Сост. Агаркова М. В., Кемпинский Э. В., Егорова Е. Б. Ставрополь, 1995.

¹⁴ Новак С. Я. Я. В. Абрамов – исследователь народной жизни // Там же. С. 8.

¹⁵ В 1997 г. С. Я. Новак, будучи соискателем Института российской истории РАН, работал над кандидатской диссертацией о Я. В. Абрамове. Статья В. В. Зверева (на тот момент доцента кафедры истории МПГУ) – важная часть его будущей капитальной монографии об идеологах правого народничества – «Реформаторское народничество и проблема модернизации России» (М., 1997). Оба историка были тесно связаны со Ставропольским краем.

¹⁶ Новак С. Я. Я. В. Абрамов – пионер «теории малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4; Зверев В. В. Эволюция народничества: «теория малых дел» // Там же.

¹⁷ За лучшую будущность России: к 150-летию со дня рождения Якова Васильевича Абрамова, общественного деятеля, публициста, критика: биобиблиогр. материалы / сост. В. М. Головкин, Э. В. Кемпинский, М. В. Агаркова. Ставрополь, 2011.

¹⁸ См., напр.: Быкова Н. Вспомнили классика // Ставропольская правда. 2008. 28 ноября; Чаблин А. Непознанный гений: Ученые СГУ выводят из небытия великие имена Ставрополья // Открытая газета. 2008. № 51. 24–31 декабря; Пересыпкина В. Абрамовские чтения // Ставропольские губернские ведомости. 2009. № 46. 25 ноября; Касьянова Г. Новые грани творчества Якова Абрамова // Вечерний Ставрополь. 2009. № 217. 27 ноября. С. 5; Быкова Н. Третьи Абрамовские // Ставропольская правда. 2010. 13 ноября; Фрезе И. В Ставрополе прошли Третьи научные Абрамовские чтения // Вечерний Ставрополь. 2010. № 12. 23 ноября; Метелкина О. Пророк в своем Отечестве // Вечерний Ставрополь. 2011. № 18. 3 февраля; Пересыпкина В. Идеи Якова Абрамова актуальны и сего-

дня // Ставропольские губернские ведомости. 2011. № 37. 21 сентября; *Кржижановский А.* И снова в поисках правды // Открытая газета. 2013. № 48. 11–18 декабря; и др.

¹⁹ *Головко В. М.* Яков Абрамов: самоактуализация в художественном творчестве. Ставрополь, 2008. Продолжение темы: *Он же.* Северокавказские и общероссийские реалии в герменевтике хронотопа художественных произведений Я. В. Абрамова // НаукаПарк: научно-практический многопредметный журнал. 2013. № 6/3 (19).

²⁰ *Головко В. М.* Яков Васильевич Абрамов в полемике о «малых и великих делах» // Ставропольский хронограф на 2008 год. Ставрополь, 2008. С. 211, 217.

²¹ В разделе «Документальная память» впервые опубликовано 22 документа из фондов ГАСК, относящихся к общественной деятельности писателя на его малой родине.

²² *Новак С. Я., Кемпинский Э. В.* Общественно-политическая деятельность Я. В. Абрамова в конце XIX – начале XX в. // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России. Ставрополь, 2013. С. 160.

²³ См.: *Новак С. Я., Кемпинский Э. В.* Указ. соч. С. 159, 160; *Судацов Н. Д.* Я. В. Абрамов – гласный Ставропольской городской думы // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России. С. 183, 184.

²⁴ *Пересыпкина В.* Яков Абрамов глазами молодых // Ставропольские губернские ведомости. 2012. № 46. 14 ноября; *Середа В.* Глазами молодых // Открытая газета. 2012. № 44. 7–14 ноября.

²⁵ *Димиденко М.* Яков Абрамов глазами молодых // Открытая газета. 2013. № 44. 12–19 ноября. С. 24; *Мельник Л.* Абрамовские чтения стали заключительным событием юбилейного года // Вечерний Ставрополь. 2013. № 231. С. 6.

²⁶ См., напр.: *Головко В. М.* И. С. Тургенев – Л. А. Полонский – Я. В. Абрамов: концепция эволюционного развития общества как феномен интеллектуальной истории // Неизвестный Тургенев. Вып. 1. Орел, 2008. 3–10; *Он же.* Хронотоп как категория художественно-социологического мышления Я. В. Абрамова: диалектика локального и универсального // Историко-культурное наследие: Российский научный журнал. 2009. № 1; *Он же.* Идиостиль Я. В. Абрамова: художественный синтез как идентификатор «сложной эстетики» писателя // Вестник СГУ. 2010. Вып. 68; *Он же.* Я. В. Абрамов в истории русской общественной мысли // Вестник СГУ. 2011. № 5. [Вып. 76]; *Ахмадулин Е. В., Воронцова Е. Е.* Я. В. Абрамов: столичный публицист в провинциальной прессе // I-ФОРМАТ. Журналистика провинции: научно-публицистический альманах. Ставрополь, 2009. Вып. 5; *Черникова В. Е.* Проблема бытия человека в творчестве Якова Абрамова // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ: Антология: в 3 т. Ставрополь, 2011. Т. 3.

²⁷ *Головко С. И.* Креатив-технологии в библиотечной сфере. М., 2012. С. 20–28.

²⁸ *Гаазов В. Л., Черная Т. К.* Ставропольведение: в 2 ч. М., 2010. Ч. 1; *Егорова Л.* История литературы Ставрополя. XX в. Ставрополь, 2012; *Головко В. М.* Историческая поэтика русской классической повести: Учеб. пособие. М., 2012.

²⁹ *Беликов Г. А., Савенко С. Н.* Облик старого Ставрополя: Исторические очерки: в 2 т. Ставрополь, 2007. Т. 2.

³⁰ *Пешков Н., Шейко Д.* Но главное – впереди! [Об открытии в СГУ учебного курса, посвященного Я. В. Абрамову] // Открытая газета. 2012. № 23. 13–20 июня.

³¹ *Чернов-Казинский А.* «Оказал городу много важных и полезных услуг»: [страницы истории ставропольской улицы Софийской (ныне ул. Л. Толстого); о жителе улицы Я. В. Абрамове (1858–1906), известном русском литераторе и общественном деятеле] // Ставропольская правда. 2010. 26 марта; *Тульская Е.* Здания, окружающие нас...: забытый всеми «властитель умов»: [биографич. сведения о Я. В. Абрамове; о ставропольском периоде его жизни и деятельности] // Династия – недвижимость. 2011. 24 июня.

³² Список купцов и мещан г. Ставрополя. 1859 год. – ГАСК. Ф. 96. Оп. 1. Д. 13. Л. 10; Список о состоящем под надзором полиции Якове Абрамове. – АС-СОА. Ф. 12. Оп. 8. Д. 113. Л. 40 об. У ставропольского мещанина Василия Алексеевича Абрамова (р. 1830) и Ксении (Аксиньи) Прохоровны Абрамовой (р. 1833) было четверо детей: Мария (р. 1855), Мария (р. 1857, в замужестве Иванова), Яков (р. 1858), Татьяна (р. 1862, в замужестве Демина) (АСРСОА. Ф. 12. Оп. 8. Д. 113. Л. 40 об.). По другим сведениям был еще сын Димитрий, умерший в 1886 г. (ГАСК. Ф. 96. Оп. 1. Д. 13. Л. 10).

³³ ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 285. Л. 15–17. Копия.

³⁴ Одним из наиболее значимых экономических вопросов, поставленных Я. В. Абрамовым, был вопрос о наделении земель мещан-земледельцев (ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 8695. Л. 23–26). Еще он поднимался в статье «Мещане и “город”», опубликованной в № 3 журнала «Отечественные записки» за 1883 г.

³⁵ ГАСК. Ф. 1008. Оп. 1. Д. 57. Л. 11 об. 12, 60, 64 об.

³⁶ ГАСК. Ф. 68. Оп. 2. Д. 4370. Л. 2, 2 об., 3, 5.

³⁷ *Пересыпкина В.* «Поиски правды Якова Абрамова» // Ставропольские губернские ведомости. 2013. № 43. 30 октября; *Парфенов О.* Путь в поисках правды тернист // Открытая газета. 2013. № 42. 30 октября – 6 ноября; *Метелкина О.* Личность ренессансного масштаба // Вечерний Ставрополь. 2013. № 201. 1 ноября.

³⁸ ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 2116. Л. 2 об. Это обращение подписало 82 чел. В нем, в частности, говорится: «Человек энциклопедических знаний, обладавший удивительной энергией и трудоспособностью, он [Я. В. Абрамов] ряд лет своей жизни отдал на работу для города Ставрополя. В печати, как публицист, и в городской думе, как гласный, Абрамов сделал городу много добра. Так работать, как работал он, не приходилось не только никому из гласных в отдельности, но и сумме нескольких гласных. Нет ни одной отрасли городского хозяйства, на которой не было бы следа работы Абрамова». – Там же.

³⁹ ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 2116. Л. 5, 7–7 об., 8.

⁴⁰ ГАСК. Ф. 96. Оп. 2. Д. 2969. Л. 8; Северокавказская газета. 1910. № 249. 12 ноября; Северокавказская газета. 1911. № 13. 29 марта; № 19. 5 апреля; № 34. 12 февраля; № 166. 12 октября.

⁴¹ В фондах Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника сохранился фотодокумент 1910 г., подтверждающий наличие в культурно-образовательном учреждении г. Ставрополя естественно-научного просветительского кабинета им. Я. В. Абрамова. Его портрет находился в интерьере этого кабинета.

Современная историография Трудовой народно-социалистической партии

Современная историография Трудовой народно-социалистической партии продолжает развиваться. Традиционно в ней можно выделить два направления: отечественная и зарубежная историография.

В конце 1980-х годов были сняты марксистские идеологические установки. Отечественные историки начали работать в рамках новой методологии. Для современного, постсоветского этапа (с начала 90-х гг. XX века) характерно стремление исследователей вернуться к исконным принципам исторического исследования: принципам объективности, историзма, конкретности и многомерности. Ярко была выражена тенденция к освобождению от стереотипов, к «очеловечиванию» истории¹. Чертой данного периода явилась не только разработка новых подходов к изучению политических партий и крупных проблем их истории, но и расширение фактической базы данных за счет открытого доступа к архивным фондам и издания материалов и документов отдельных партий. Это обусловило повышение фактографического уровня исследований. Освещение ранее не изученных пластов истории партий способствовало концептуальному переосмыслению исследователями их политического кредо. Выработка новых подходов к оценке русской революции обусловила новое видение деятельности политических партий. Научная постановка вопроса об альтернативах Октябрю и однопартийной системе способствовала изучению политических партий как самостоятельных субъектов российской действительности, которые предлагали свои концепции развития России и свои варианты решения основных проблем российской действительности.

Одновременно наметилась другая тенденция: ряд авторов, используя новую политическую ситуацию, не утруждая себя тщательным анализом причин поражения политических партий, значительно упрощали события и стремились всю ответственность возложить на большевиков, представив другие политические партии жертвами большевистского террора, развязанного после Октябрьского переворота².

Большого внимания заслуживает монография Д. Б. Павлова, посвященная истории борьбы большевиков с российскими социали-

стическими партиями и анархистскими организациями в 1917 – середине 1950-х гг.³. В ней исследуются основные этапы, направления, методы, организация работы репрессивных органов и ее результаты, правовая база репрессий. Автор вводит в научный оборот ряд новых документов центральных партийных и государственных органов. В результате Павлов приходит к выводу, что главной причиной исчезновения оппозиционных партий явилась репрессивная политика большевистской диктатуры.

Положительной чертой этого периода является то, что исследователи обратились к анализу деятельности идеологов политических партий. В частности, появились работы, посвященные политической и общественной деятельности лидера Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП) А. В. Пешехонову⁴. В статьях и диссертационной работе Е. Н. Иогансон была исследована деятельность другого лидера ТНСП В. А. Мякотина, сменившего Пешехонова на посту председателя партии в эмиграции⁵. На основе определенного нового фактического материала автор не только раскрыла огромную роль В. А. Мякотина в создании и руководстве партии, но и его деятельность как крупнейшего историка своего времени. В своей монографии Ю. Н. Емельянов обстоятельно исследовал многоплановую деятельность С. П. Мельгунова в России и в эмиграции⁶. Несомненной заслугой исследователя явилось введение в научный оборот материалов зарубежных архивов, в частности, эмигрантских дневников Мельгунова.

Большое значение имел выход в свет биографических публикаций о деятелях ТНСП⁷. Энциклопедический биографический словарь «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции» приоткрыл завесу над наименее известным этапом жизни энесов – их деятельностью в эмиграции⁸. В работе С. П. Звягина рассматривалась деятельность Г. Б. Патушинского на посту министра юстиции Сибирского правительства⁹. Были опубликованы работы об основах политической концепции лидера эсеров В. М. Чернова. В них также рассматривались оценки Черновым политических программ и тактики российских политических партий, советского строя¹⁰. В рамках исследования нашей темы эти работы важны для понимания расхождений энесов и эсеров, выяснения причин неудач в деле создания единой социалистической партии.

Характерной чертой этого периода явилось также издание историй отдельных политических партий¹¹.

Важную роль в процессе осмыслении исторического опыта политических партий, в том числе и ТНСП, сыграли обобщающие работы о взаимоотношениях власти и общества в начале XX века. В них была предпринята попытка объяснить причины конфликта между властью и обществом различными представлениями о модернизации России¹². Вместе с тем раскрывалась диалектика реформ и революций в России, попытка самореформирования власти под давлением общества¹³. Работы, посвященные российскому парламентаризму, позволили понять реальные изменения российского социума, готовность власти идти на компромисс с обществом¹⁴. Эти подходы явились своеобразным ключом к пониманию феномена той или иной политической партии как субъекта политической жизни России начала XX века, отстаивающего свой вариант модернизации страны, имеющего определенную степень влияния на власть и общество.

Исследования политических партий приобрели более системный характер. В значительной степени этому способствовала статья И. Н. Киселева, А. П. Корелина, В. В. Шелохаева¹⁵. Авторы разработали специальную методику, на основе которой были составлены сводные таблицы численности, социального состава и территориального размещения пяти основных типов общероссийских партий в 1905–1907 гг. (РСДРП, эсеры, кадеты, октябристы, черносотенцы). Это позволило выявить связь между уровнем социально-экономического развития того или иного региона и расстановкой в нем партийных сил, установить соотношение между состоянием партийной и районной структурами населения, выяснить зависимость расстановки партийных сил от интенсивности классовой борьбы. Авторы статьи уточнили численность политических партий. В связи с этим была поставлена задача привлечения материалов региональных архивов для более точного учета численности той или иной партии.

Новый этап в изучении политических партий открыли работы В. В. Шелохаева и вышедшие под его редакцией многочисленные издания по истории политических партий и общественной мысли России, о многопартийности и российском либерализме¹⁶. В монографии «Либеральная модель переустройства России» Шелохаев раскрыл представления либеральных партий о трансформации социально-экономических и политических отношений в России¹⁷. Большое значение для осмысления теории и практики ТНСП, занимав-

шей пограничное с либеральным направлением положение, имеет центральная идея работ Шелохаева о том, что в начале XX века в России не было условий для реализации идей либерализма.

Ряд международных и всероссийских конференций обозначили перспективные направления в изучении политических партий и революционных процессов в России¹⁸.

В методологическом отношении заслуживает внимания позиция А. Головатенко, который подверг критике устоявшееся в историографии определение «либеральные народники», применявшееся и для характеристики народных социалистов (в частности, Н. Д. Ерофеевым и В. Н. Гиневым). А. Головатенко полагает, что «либерализм и идеи неонароднического социализма являются совершенно несовместимыми течениями общественной мысли». При этом он называет энесовскую идеологию «причудливой политической теорией, соединяющей либерализм с социализмом»¹⁹.

Интересной является и концепция Научного совета РАН «История революций в России», обоснованная П. В. Волобуевым и В. П. Булдаковым. Согласно данной концепции необходимо рассматривать революции и политические партии в России в контексте кризиса российского имперства, начавшегося в XVIII веке и обострившегося во второй половине XIX – начале XX веков²⁰.

Н. Д. Ерофеев и Г. С. Аноприева в ряде статей предприняли попытку концептуально переосмыслить ряд утвердившихся в советской историографии оценок народно-социалистической партии. Они высказали мнение, что у энесов была тенденция стать демократической партией российского трудового крестьянства, но развитие этой тенденции сдерживалось давившей во взглядах и программных построениях энесов утопической социалистической догмой. Однако ко многим проблемам истории ТНСП сохранились прежние подходы. Огромный и сложный период 1907–1917 гг. заслужил лишь несколько строк, суть которых сводилась к утверждению, что реакцией, последовавшей после поражения революции, партия энесов была сведена на нет²¹.

Ряд интересных мыслей высказали Л. Протасов и О. Протасова. Они отметили, что энесовская программа национализации земли давала простор интенсификации крестьянского хозяйства на основе семейно-трудового хозяйства, развития кооперации и государственной поддержки²².

А. А. Федоренко одним из первых рассмотрел проблему роли и места государства в социальной концепции энесов²³.

Существенный вклад в изучение проблемы внесли исследования А. В. Сыпченко. В них проведен комплексный анализ состояния партийной организации, структуры и деятельности ТНСП в 1907–1917 гг. Выявлены взаимосвязи социальной теории, программных установок, тактики и организационной структуры ТНСП. Впервые произведены количественные подсчеты местных организаций, состава партии, выявлены средства воздействия на массы. Показано, что под влиянием сложного комплекса объективных и субъективных факторов партия энесов приобрела в 1907–1917 гг. иное качественное состояние. Сократилось число членов партии, количество организаций, распалась связь между центром и периферией, сам центр влачил жалкое существование, взаимодействия между периферийными организациями стали спорадическими. Выявлено, что значительная часть причин организационного кризиса, который переживала ТНСП, имела объективный, общий для политических партий третьейиюньской России характер. Вместе с тем показано, что благодаря программе, организационному остову, сохранившимся силам в центре и на местах, а также высокому моральному авторитету своих членов, партия сумела в 1917 г. существенно пополнить свои ряды, создать относительно широкую сеть местных организаций и выдвинуть своих представителей в государственные органы²⁴.

Ряд статей Сыпченко раскрывают указанные тенденции развития партии энесов в 1907–1917 гг., а также закладывают основания для исследования других этапов в истории партии, формируя новые концептуальные подходы. Для характеристики места народных социалистов в системе политических партий автор использует понятие «умеренные неонародники»²⁵.

В 1999 г. была защищена диссертационная работа, посвященная борьбе народно-социалистической партии за решение аграрного вопроса в 1905–1917 гг. Однако в ней просматриваются старые подходы к исследованию темы, многие положения и выводы являются компиляцией ранее апробированных в историографии положений²⁶.

В 2003 г. вышла в свет первая специальная работа по историографии Трудовой народно-социалистической партии²⁷. В ней не только проанализированы основные этапы отечественной историографии ТНСП, но и выявлены особенности концепций основных ис-

следователей данной темы. Несомненным достоинством работы является четкое определение неисследованных пластов истории ТНСП и вопросов, требующих более глубокого изучения и нового концептуального осмысления.

В это же время появляются и первые публикации, в которых был дан анализ архивной базы исследования истории Трудовой народно-социалистической партии²⁸. Положительной чертой этих работ является конкретная и информативно ценная характеристика многих фондов российских архивов, значительная часть материалов которых ранее не вводилась в научный оборот.

Огромный интерес представляет коллективная монография «Модели общественного переустройства России. XX век». В ней принят комплексный анализ содержания, направленности и механизмов реализации основных моделей общественного переустройства России в контексте состояния мировой и отечественной теоретической мысли. В том числе рассматриваются представления народников о путях модернизации России. Особое значение в рамках исследования нашей темы имеет анализ эсеровской и энесовской моделей социализма, предпринятый В. В. Зверевым. Автор выявляет общие и особенные черты этих моделей. Он подчеркивает, что главное отличие двух вариантов народнической модели проявлялось в тактических установках. При этом Зверев полагает, что народных социалистов с полным правом можно считать наследниками реформаторского крыла классического народничества. Нам импонирует и оценка Зверевым народных социалистов как искренних и последовательных сторонников ненасильственных форм деятельности. Зверев считает, что эволюция является стержнем энесовской концепции. Вполне справедливо, на наш взгляд, автор характеризует членов ТНСП как самых последовательных сторонников парламентаризма среди социалистов России²⁹.

Важное значение для изучения российских политических партий в целом и энесовской в частности имела всероссийская научная конференция «Политические партии в российских революциях в начале XX века», состоявшаяся в Москве в ноябре 2003 г. Конференция подвела итоги изучения основных политических партий в рамках обсуждения важнейших проблем: участие и роль партий в российских революциях; взаимовлияние революционных процессов и политических партий в начале XX века; эволюция, стратегия и тактика

партий на основных этапах революции; воздействие партий на массовое сознание и политическую жизнь общества. Были определены основные направления дальнейших исследований политических партий. Большое методологическое значение имели выступления В. В. Шелохаева, В. П. Данилова, Г. А. Герасименко, А. В. Гусева, Е. И. Хаванова, уточнившие многие концептуальные и терминологические аспекты изучения российских политических партий. В выступлении А. В. Сыпченко рассматривалась деятельность Трудовой народно-социалистической партии в 1917–1922 гг. На основе нового корпуса источников было показано, что народные социалисты входили во многие созданные на территории России антибольшевистские организации и правительства, занимая в них ведущие посты. Впервые в историографии была выявлена значимая роль энесов в создании крупнейшей антибольшевистской организации «Союз возрождения»³⁰.

Появились исследования о деятельности региональных неонароднических организаций³¹. Однако основное внимание в этих работах уделено эсерам, что же касается энесов, то они рассмотрены весьма эпизодично или вообще не исследуются при рассмотрении некоторых регионов.

Опубликован ряд статей, в которых изучается деятельность энесов в Центральном Черноземье, Поволжье, Сибири и Украине³².

Основанием и залогом объективности и научности изучения истории энесов является в значительной степени решение проблемы с источниковой базой. Этому в немалой степени способствует издание сборника документов и материалов ТНСП, в который вошли ее основополагающие документы: программа, протоколы и решения съездов, конференций Организационного комитета (с 1917 года – Центрального комитета), Заграничного комитета, а также письма и мемуары деятелей партии. Эти документы отражают историю партии от ее зарождения до гибели последних эмигрантских групп. Информативными являются и примечания к документам. Во вступительной статье к сборнику рассматривается история ТНСП в новом концептуальном осмыслении³³.

Большое значение для исследования эмигрантского периода деятельности энесов имеет публикация дневника С. П. Мельгунова за 1933, 1939–1944 гг. из материалов Лондонского архива, подготовленная Ю. Н. Емельяновым, а также издание воспоминаний и днев-

ников Мельгунова, включающих как парижское 1964 г. издание воспоминаний и дневников Мельгунова, так и дневник 1933, 1939–1944 гг. (составитель, автор вступительной статьи и комментариев Ю. Н. Емельянов)³⁴.

Информативно ценной для исследования деятельности ТНСП в эмиграции, а также жизни и деятельности ее членов, их взглядов является публикация писем С. П. Мельгунова к своему соратнику по партии А. Ф. Изюмову за 1927–1939 гг., подготовленная А. В. Сыпченко на основе писем Мельгунова из личного архива Изюмова в составе Русского заграничного исторического архива в Праге (РЗИА) (в настоящее время находится в составе ГА РФ). Ценный материал содержится во вступительной статье и комментариях автора публикации³⁵.

Определенный итог изучения истории ТНСП был подведен в монографии Сыпченко «Трудовая народно-социалистическая партия: теория и практика». В работе проанализирована деятельность партии на всех этапах ее исторического пути: от момента зарождения партии в начале XX века до гибели последних эмигрантских групп. Исследование охватывает основные стороны организации, социальной теории и тактики ТНСП, позволяет составить целостное представление об этой партии. Поставленные в работе проблемы рассматриваются во взаимосвязи с общественно-политической жизнью России. Выявляются общие и специфические черты позиции ТНСП по целому ряду вопросов при сравнении с позициями других политических партий. Исследование проведено на основе выявления и изучения документов центральных и областных государственных архивов, документальных публикаций, периодической печати и мемуаров общественных и политических деятелей. Значительная часть источников впервые вводится в научный оборот³⁶.

В докторской диссертации Сыпченко «Трудовая народно-социалистическая партия: идеология, программа, тактика (1906 г. – середина 1920-х гг.)» осуществлен комплексный анализ идеологии, программы и тактики ТНСП на основных этапах ее деятельности, выявлены место и роль этой партии в российском обществе. Информационно ценным является историографический и источниковедческий анализ. В результате исследования обращено внимание на ряд концептуальных аспектов в исследовании политических партий. Серьезному анализу подвергнут понятийный аппарат проблемы, который

на современном этапе вызывает многочисленные дискуссии, и сформулирован наиболее адекватный, по мнению автора, вариант решения. Установлено, что синтезировав основные идеи обновленного народнического социализма и западноевропейского эволюционного социализма, ТНСП предложила российскому социуму весьма оригинальную, но крайне противоречивую, эволюционную модель его преобразования. Автору удалось доказать, что своеобразие энесовской модели модернизации России заключалось в том, что, являясь, по существу, социалистической, она исключала идею дискретности социального развития. В диссертации выявлено, что в своих представлениях о сути социализма энесы существенно не расходились с другими социалистами. Разногласия имелись лишь о путях и средствах достижения провозглашаемого идеала. При этом стало очевидно, что центральной в концепции народных социалистов являлась идея об эволюционном пути России к социализму. Было доказано, что энесы выступали за западный, парламентский путь развития и представляли переход общества к социализму только путем государственно-правового регулирования. Отсюда логически следовало предпочтение мирной тактики революционной. Радикальные, внеправовые средства борьбы исключались народными социалистами из арсенала партии. Вместе с тем, в диссертации обращается внимание на то, что энесовская модель, как и любая модель, включала в себя элементы идеальной конструкции, оторванной от реальной действительности и, следовательно, направленной на преломление закономерного хода развития общества. При этом выявляется определенное противоречие: ТНСП создала радикальную модель общественного устройства, но пыталась ее реализовать умеренными средствами. Одновременно подчеркивается, что энесовская модель была более мобильной и менее жесткой, чем модели других социалистов. Указывается, что эта особенность предопределила особенности программы, организации и тактики партии.

Сыпченко впервые предложено рассматривать народных социалистов как умеренных неонародников в рамках социалистического направления общественной мысли и общественного движения России. Автор реконструировал неисследованные ранее пласты истории ТНСП: энесы и Февральская революция; попытки консолидации демократических сил и образование единой ТНСП; народные социалисты в органах государственного и общественного управле-

ния; ТНСП в условиях июльского кризиса 1917 г.; энесы и Корниловское выступление; ТНСП в условиях общенационального кризиса (лето-осень 1917 года); Октябрь 1917 г. в судьбе народных социалистов; тактика ТНСП в период выборов в Учредительное собрание; борьба ТНСП за массы в условиях советской легальности (январь-июнь 1918 г.); энесы во главе «Союза Возрождения»; деятельность ТНСП в период Гражданской войны; попытки воссоздания партийных структур в эмиграции и деятельность народно-социалистических групп в 20-е годы; отношение энесов к большевикам и Советской России; идейные разногласия в среде энесовской эмиграции и др. Установленные в работе факты доказывают, что во все периоды своей деятельности, с момента становления до гибели последних эмигрантских групп, ТНСП имела определенное влияние в обществе³⁷.

Радует обращение молодых исследователей к изучению темы³⁸. Внимание к политической доктрине ТНСП со стороны специалистов по политическим наукам лишний раз подчеркивает весомость ТНСП в спектре российских политических партий и своеобразие ее доктрины³⁹. В статье В. В. Назарова рассматриваются программно-тактические разногласия между эсерами и энесами по аграрному вопросу, по проблемам социального и политического устройства российского общества, их отношение к политическому терроризму. Автор приходит к выводу, что противоречия оказались столь глубокими, что привели к окончательному размежеванию двух близких друг другу партий и «переходу энесов фактически в лагерь либеральных политических сил»⁴⁰. Такой вывод крайне удивляет, т.к. энесы никогда не переходили в «лагерь либеральных политических сил». В связи с этим хотелось бы обратить внимание, что к либералам относятся партии кадетов, октябристов и прогрессистов.

В зарубежной историографии, всегда уделявшей огромное внимание анализу русской революции и преобразованиям российской государственности в начале XX века, нет специальных работ о Трудовой народно-социалистической партии. Тем не менее, ряд работ западных историков представляют интерес и в рамках нашей темы, так как формируют новые подходы к изучению явлений российской действительности, в том числе и политических партий.

В некоторых исследованиях ставится вопрос о степени готовности России в начале XX века к демократическим преобразованиям⁴¹.

При этом их авторы обращают внимание на то, что успех большевиков объяснялся неподготовленностью большинства населения России к демократическим принципам организации самоуправления. М. Рейман полагает, что переворот в России неизбежно вел к радикальным результатам, а либерально-конституционные проекты были обречены на неудачу⁴². Другие же авторы, наоборот, несколько преувеличивают роль либерального движения в России⁴³. В связи с этим представляют огромный интерес работы, посвященные исследованию партии социалистов-революционеров, авторы которых заявляют о реальности эсеровской альтернативы большевизму⁴⁴. Работы о деятельности социалистов-революционеров в период Февральской и Октябрьской революций, гражданской войны и эмиграции позволяют понять поведение эсеров в указанные периоды, причины их непоследовательности в создании демократической коалиции, на образовании которой настаивали народные социалисты⁴⁵.

Особое значение для нашей темы имеют работы немецкого историка М. Хильдермайера. Он разработал новые концептуальные подходы к анализу партии эсеров, которые важны и для понимания других народнических партий, в частности энесов и трудовиков. Хильдермайер подчеркнул общее между большевиками и эсерами как социалистами, выявив в то же время их особенности как представителей соответственно «пролетарского» и «крестьянского социализма»⁴⁶. Термины, которые использует Хильдермайер, как нельзя более точно выражают суть не только эсеровского, но и энесовского социализма. Любопытно, что рефлексировав по поводу своей концепции, энесы использовали такую же терминологию.

В последние годы появились первые публикации, посвященные народным социалистам.

В статье молодой белорусской исследовательницы А. С. Мельниковой рассматриваются идейно-теоретические основы программы ТНСП⁴⁷.

Французская исследовательница В. Э. Семенова-Флор (Шаскольская) опубликовала материалы о своих дедушке и бабушке: члене ЦК ТНСП Петре Борисовиче Шаскольском (1882–1918) и члене ЦК ПСР Надежде Владимировне Брюлловой-Шаскольской⁴⁸. Благодаря введению в научный оборот материалов семейного архива В. Э. Семеновой-Флор (Шаскольской) удалось восстановить многие ранее неизвестные страницы жизни и деятельности народного социалиста

П. Б. Шаскольского. Ценными являются и его фотографии из семейного архива, представленные в публикации.

В настоящее время происходит укрепление связей отечественных и зарубежных исследователей. Это приводит к сближению их оценок. Зарубежная историография привлекает отечественных историков независимостью суждений, разработкой узких тем, широкой фактографической базой. Работы западных исследователей вводят в научный оборот архивный материал, который недоступен многим российским ученым. Со своей стороны, работы отечественных историков позволяют зарубежным исследователям лучше понять традиционные особенности России, менталитет российского народа.

Подводя итоги историографическому анализу исследуемой проблемы, необходимо отметить достаточно подробное исследование Трудовой народно-социалистической партии на всех этапах ее деятельности. Кроме того, выработано определенное концептуальное представление о социальной модели ТНСП, месте и роли этой партии в системе российских политических партий, сформулирован определенный понятийный аппарат, выражающий суть предмета исследования (работы Н. Д. Ерофеева, В. Н. Гинева, А. В. Сыпченко). Однако многие аспекты истории ТНСП могут быть дополнены на основе введения в научный оборот новых архивных материалов, особенно зарубежных архивов. Существенную помощь в этом могут оказать материалы Гуверовского института войны, революции и мира Стенфордского университета, Бахметьевского архива Колумбийского университета (Нью-Йорк) и Международного института социальной истории (Амстердам), среди которых, по нашим сведениям, есть документы по народным социалистам. К сожалению, нам не удалось с ними ознакомиться.

Более глубокого исследования требуют следующие вопросы: взаимодействие энесов и трудовиков в 1-й и 2-й Государственных думах; степень влияния народных социалистов на депутатов 3-й и 4-й Государственных дум; направления сотрудничества энесов и трудовиков со Всероссийским крестьянским союзом; состояние местных организаций ТНСП; народные социалисты в годы Второй мировой войны; затухание деятельности энесовских эмигрантов в послевоенные годы и попытки создания единой социалистической партии, роль энесов в этом процессе. Поскольку любая политическая партия это, прежде всего, люди ее составляющие, то, безусловно, сущест-

венно обогатить историю ТНСП могут исследования по персоналиям. К сожалению, на сегодняшний момент не полностью восстановлены биографии даже членов ЦК ТНСП, не говоря о ее рядовых членах. Здесь существенную помощь могут оказать местные архивы.

Все это открывает новые перспективы дальнейшего изучения истории Трудовой народно-социалистической партии.

¹ Волобуев О. В., Миллер В. И., Шелохаев В. В. Непролетарские партии России: итоги изучения и нерешенные проблемы // Непролетарские партии в трех революциях. М., 1989; Алексеева Г. Д. Народничество в России в XX в. (Идейная эволюция). М., 1990. С. 181–188; Политические партии России: страницы истории. Учебн. пособие. М., 1990.

² Литвин А. «В борьбе обрешь ты право свое!» Судьба самой многочисленной партии России // Наука и жизнь. 1991. № 3. С. 20–27; Разгон А., Овруцкий Л. «В борьбе обрешь ты право свое!» Левые эсеры // Там же. № 4. С. 66–74; Политические деятели России. М., 1993; и др.

³ Павлов Д. Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. М., 1999.

⁴ Протасова О. Л. Политическая и общественная деятельность А. В. Пешехонова: дис. ... канд. ист. наук. М., 1996; Она же. А. В. Пешехонов: Человек и эпоха. М., 2004; Она же. Острое перо народника. Публицистика А. В. Пешехонова в межреволюционный период (1907–1916 гг.) // Вестник Тамбовского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. История и политология. 2010. Вып. 5 (85). С. 104–108.

⁵ Иогансон Е. Н. В. Мякотин: историк и народный социалист // Свободная мысль, 1993. № 4. С. 107–117; Она же. В. Мякотин: историк и политик: дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.

⁶ Емельянов Ю. Н. С. П. Мельгунов: в России и эмиграции. М., 1998.

⁷ Ерофеев Н. Д. А. В. Пешехонов // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994; Он же. Н. Ф. Анненский // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996; Он же. В. Г. Богораз // Там же; Он же. В. В. Волк-Карачевский // Там же; Он же. В. А. Мякотин // Там же; Он же. А. В. Пешехонов // Там же; Он же. А. Б. Петрищев // Там же; Чубыкин И. В. И. Анисимов // Там же; Он же. Н. П. Огановский // Там же; Сытченко А. В. Л. И. Лутугин // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С. 406–407; Она же. Петербургский публицист Афанасий Борисович Петрищев // Вестник архивиста. М., 2006. № 6 (96). С. 385–392; Она же. Крюков Федор Дмитриевич: писатель и народный социалист // Вестник Самарского государственного университета. Самара, 2012. С. 107–111.

⁸ Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь / Под общ. ред. В. В. Шелохаева. М., 1997.

⁹ Звягин С. П. Министр юстиции Г. Б. Патушинский. Красноярск, 2001.

¹⁰ Леванов Б. В. Программные принципы партии социалистов-революционеров // Вопросы истории КПСС. 1991. № 6; Медведев А. В. Неонародничество и большевизм в годы гражданской войны. Н.-Новгород, 1993; Ярцев Б. К. Поздне-народническая концепция революции // Социалистическая идея. М., 1992. С. 51–71; Гусев К. В. В. М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М., 1999; Федоренко А. А. Политическая концепция В. М. Чернова. М., 1999; Коновалова О. В. В. М. Чернов и аграрная программа партии социалистов-революционеров // Отечественная история. 2002. № 2. С. 43–60.

¹¹ История политических партий России. М., 1994; Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994; Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996.

¹² Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. Сб. ст. М., 1994; Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995; Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996; Красильников В. А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998; Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. М., 2000.

¹³ Ганелин Р. Ш. Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. СПб., 1991.

¹⁴ Демин В. А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996; Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н. Парламент самодержавной России. Государственная Дума и ее депутаты. 1906–1907 гг. Пермь, 1995; Козбаненко В. А. Партийные фракции в I и II Государственных Думах. 1906–1907. М., 1996.

¹⁵ Киселев И. Н., Корелин А. П., Шелохаев В. В. Политические партии в России в 1905–1907 гг.: численность, состав, размещение (количественный анализ) // История СССР. 1990. № 4. С. 71–87.

¹⁶ Павлов Д., Шелохаев В. В. Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996; Зевелев А. И., Шелохаев В. В. История национальных политических партий России. М., 1997; Шелохаев В. В. Русский либерализм. Исторические судьбы и перспективы. М., 1999; Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2010.

¹⁷ Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

¹⁸ Анатомия революции. 1917 год в России: Массы, партии, власть. СПб., 1994; Индивидуальный политический террор в России. XIX – начало XX в. Материалы конференции. М., 1996; Революция и человек: Быт и нравы поведения, мораль. М., 1997; Великий Октябрь и современная Россия. Материалы научно-практической конф. Нижний Новгород, 1997.

¹⁹ Головатенко А. История России: спорные проблемы. М., 1994. С. 138–139.

²⁰ Волобуев П. В., Булдаков В. П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопросы истории. 1996. № 5–6; Булдаков В. П. Имперство и рос-

сийская революционность (Критические заметки) // Отечественная история. 1997. № 1–2.

²¹ *Аноприева Г. С., Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты // Кентавр. 1995. № 1. С. 20–34; *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994. С. 74–92.

²² *Протасов Л., Протасова О.* Народные социалисты // Родина. 1994. № 10. С. 76–81.

²³ *Федоренко А. А.* Государство в представлении народных социалистов // Политические партии: история и современность. Орел, 1994.

²⁴ *Сыпченко А. В.* Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1996; *Она же.* Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. М., 1999.

²⁵ *Сыпченко А. В.* Народные социалисты и террор // Индивидуальный политический террор в России XIX – нач. XX в. Материалы конференции. М., 1996; *Она же.* Состав народно-социалистической партии в 1907–1917 гг. // Философские, технические, методические и социальные аспекты преподавательской, научной и производственной деятельности. Вып. 2. Самара, 1997; *Она же.* Энесы и столыпинская аграрная реформа // Там же. Вып. 3. Самара, 1998; *Она же.* Трудовая народно-социалистическая партия в условиях общенационального кризиса (осень 1917 г.) // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Гуманитарные исследования». Самара, 2003; *Она же.* Борьба Трудовой народно-социалистической партии за массы в условиях советской легальности (январь–июнь 1918 г.) // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Гуманитарные исследования». Самара, 2004; *Она же.* Октябрь 1917 г. в судьбе умеренных неонародников // Самарский край в контексте российской и славянской истории и культуры. Самара, 2004; *Она же.* Трудовая народно-социалистическая партия на выборах в Учредительное собрание // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Гуманитарные исследования». Самара, 2005; *Она же.* Народные социалисты в эмиграции (20–30-е годы XX века) // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Гуманитарные исследования». Самара, 2005; *Она же.* Деятельность народных социалистов в составе Временного правительства // Проблемы российской и социальной истории: сб. науч. ст. Самара, 2011; *Она же.* Отношение энесовской эмиграции ко Второй мировой войне // Вестник Черкасского национального университета. Сер. Исторические науки. Вып. 202. Ч. 3. Черкассы, 2011.

²⁶ *Панюков А. А.* Народно-социалистическая партия России и ее роль в борьбе за решение аграрного вопроса. 1905–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Орел, 1999.

²⁷ *Сыпченко А. В.* Историография народно-социалистической партии // Историки и история в меняющемся мире. Материалы конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора Е. М. Медведева. Самара, 2003. С. 86–95.

²⁸ *Сыпченко А. В.* Архивные документы по истории умеренных неонародников // Вестник архивиста. М., 2003. № 3–4 (75–76). С. 167–176; *Она же.* Документы Самарских архивов по истории умеренного неонародничества // Ма-

териалы конференции «Архивный фонд Самарской области как информационный ресурс общественно-экономического развития региона». Самара, 2003.

²⁹ Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2004. С. 459.

³⁰ Сыпченко А. В. Трудовая народно-социалистическая партия в 1917–1922 гг. // Политические партии в российских революциях в начале XX века / под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 2005. С. 488–504.

³¹ Салтык Г. А. Неонародничество России: региональный аспект (1917–1918 гг.). Курск, 2001; Она же. Учредительное собрание и неонародники Центрального Черноземья // Третьи Петровские чтения: Сб. науч. тр. СПб., 2001. С. 79–82; Она же. Неонародническое движение Черноземного Центра России: 1901–1923. М., 2002; Она же. Неонародники Центрального Черноземья в 20–30-е годы // Проблемы истории России и Белоруссии. Материалы Международной конференции. Владимир, 2001. С. 61–69; Она же. Неонародники Черноземного центра России и Украины: опыт сотрудничества в революционной борьбе в начале XX в. // Народы Советского Союза: взгляд в прошлое и будущее. Материалы 25-й Всероссийск. конф. СПб., 2002. С. 79–82; Она же. Неонародники Центрального Черноземья в 1918–1937 гг. // Народники в истории России: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Воронеж, 2013. С. 185–201; Сыпченко А. В. Объединение неонароднических сил в годы первой мировой войны // Вестник Самарского государственного университета. Самара, 2002. № 3 (25). С. 57–66; Она же. Общенародническая газета в Самаре в годы первой мировой войны // Материалы научно-практической конференции «300 лет российской журналистики: 10 лет журналистскому образованию в Самаре». Самара, 16–17 апреля 2002 г. Самара, 2004.

³² Салтык Г. А. Народные социалисты Центрального Черноземья и Учредительное собрание // Научные труды МПГУ. Сер. Социально-политические науки. Сб. ст. М., 2001; Сыпченко А. В. Самарские народные социалисты // Самарский край в контексте мировой культуры. Сб. статей и материалов III Междунар. науч.-практич. конф., состоявшейся в Самаре 10–15 июня 2003 г. Самара, 2003; Она же. Деятельность ТНСП в Сибири в годы Гражданской войны // Самарский земский сборник. Самара, 2005. С. 30–35; Она же. Деятельность трудовой народно-социалистической партии в Украине в период открытого противостояния большевикам // Гуржиевские исторические чтения. Сб. науч. ст. Черкассы, 2009. С. 411–417; Она же. Народные социалисты в Самарской губернии // Энциклопедия Самарской области. Т. 3. Самара, 2011.

³³ Сыпченко А. В. Предисловие // Трудовая народно-социалистическая партия. Документы и материалы. М., 2003. С. 5–57.

³⁴ Емельянов Ю. Н. «Так изменяются принципиальные позиции». Дневник С. П. Мельгунова. 1933, 1939–1944 гг. // Исторический архив. 1999. № 5. С. 96–166; Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Составитель, автор вступительной статьи и комментариев Ю. Н. Емельянов. М., 2003.

³⁵ Сыпченко А. В. «Объективной истории революции Вы вообще указать мне не сможете». Письма С. П. Мельгунова к А. Ф. Изюмову. 1927–1939 гг. // Исторический архив. 2007. № 4. С. 189–217.

³⁶ Сыпченко А. В. Трудовая народно-социалистическая партия: теория и практика. Самара, 2004.

³⁷ Сыпченко А. В. Трудовая народно-социалистическая партия: идеология, программа, организация, тактика (1906 г. – середина 1920-х гг.): дис. ... докт. ист. наук. Самара, 2006.

³⁸ Мосейкина М. Н. Трудовая народно-социалистическая партия в современной отечественной историографии // Вестник РУДН. Сер. История России. 2009. № 1. С. 47–60.

³⁹ Емельянов Е. В. Политическая доктрина Трудовой народно-социалистической партии: 1906–1920: дис. ... канд. полит. наук. М., 2005.

⁴⁰ Назаров В. В. Идеология неонароднических партий: программно-тактические разногласия эсеров и энесов // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. История. Международные отношения. Вып. 2. Ч. 1. С. 30–35.

⁴¹ Reiman M. Rusk revoluce. 23 unor – 25 rijen 1917. Praga, 1991; Пайнс Р. Незамеченная революция. 1992. № 10; Он же. Русская революция: в 3 т. Т. 2. М., 1998.

⁴² Reiman M. Rusk revoluce. 23 unor – 25 rijen 1917. Praga, 1991. P. 70.

⁴³ Verner A. M. The crisis of Russian autocracy, Nicholas II and the 1905 Revolution. Princeton, 1990.

⁴⁴ Immonen H. The Agrarian Program of the Russian Socialist-Revolutionary Party. 1900–1914. Helsinki, 1988.

⁴⁵ Фельштинский Ю. Г. Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917 – июнь 1918 г. На пути к однопартийной диктатуре. Париж, 1985; Янсен М. Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года. Документы из архива П.С.-Р. Амстердам, 1989; и др.

⁴⁶ Hildermeier M. Die Sozialrevolutionaire Partei Russlands. Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreid (1900–1914). Koln, Wien, 1978; Хильдермайер М. Шансы и пределы аграрного социализма в российской революции // Россия в XX веке. М., 1994. С. 125–134; Он же. История Советского Союза, 1917–1991: Возникновение и падение первого социалистического государства // Вопросы истории. 2001. № 3. С. 163–166.

⁴⁷ Мельникова А. С. Идеино-теоретические основы партийной программы народных социалистов // Интернет и мир. 2009. № 4. С. 109–119.

⁴⁸ Семенова-Флюр (Шаскольская) В. Э. О родителях моей мамы // Марианна Петровна Шаскольская в кругу коллег, родных и друзей. М., 2013. С. 131–162.

Народническая историография земской интеллигенции

Земские служащие как профессиональная категория появились в России в результате создания земского самоуправления. Положение 1864 г. передавало в компетенцию земств экономические и социальные вопросы регионального значения и определяло сферы, в которых те получали наибольшую свободу действий, такие как здравоохранение, просвещение, попечительство, благоустройство. Для повышения эффективности управления земские управы стали приглашать специалистов различного профиля. Степень их квалификации, формы организации и направление работы, размеры заработной платы определялись земствами самостоятельно.

По мере расширения и усложнения деятельности земств шло постоянное увеличение численности служащих. Если в 1880 г. по неофициальным данным она оценивалась в 52 тыс. человек, то к 1912 г. выросла до 85 тыс., что не только многократно превысило количество выборных земских гласных, но, с учетом служащих городских дум, превзошло штат царской администрации Российской империи¹. Данное обстоятельство свидетельствовало о расширении области общественного самоуправления и о постепенном вытеснении им бюрократического управления. Заметим, что этот парадоксальный факт не получил глубокого научного осмысления в отечественной историографии, где продолжает господствовать традиционное представление о всевластии царской бюрократии.

Пореформенное российское символическое пространство² пополнялось номинациями, отражавшими происходившие в стране общественные изменения. «Земские служащие» попали в зону пересечения с такими понятиями, как «земская интеллигенция» и «третий элемент»³. Уже в начале XX века эти понятия воспринимались многими современниками как синонимы, хотя ряд исследователей пытались провести смысловые границы между ними и наполнить дефиниции «земская интеллигенция» и «третий элемент» идейным содержанием.

Основная масса произведений, увидевших свет в пореформенный период и посвященных земствам и их служащим, принадлежала перу не профессиональных историков, а публицистов, писателей, общественных и государственных деятелей, педагогов, юристов,

врачей. Ракурс видения ими проблем земского самоуправления определялся как профессиональными, так и политическими интересами и идеологическими пристрастиями, а также был следствием длительного социального и идейного противостояния между представителями основных течений русской общественной мысли.

Ведущим направлением русской демократической мысли в преформенное время являлось, безусловно, народничество. Обращение к интеллектуальному наследию народников важно как в плане реконструкции основных теоретико-методологических подходов, с позиции которых дореволюционные исследователи рассматривали положение, статус и общественно-политическую деятельность земских служащих, так и с целью изучения особенностей самоидентификации русской интеллигенции и функционирования социальных мифов. Работы представителей народнического направления количественно превосходили публикации и либералов, и консерваторов. Именно на базе народнической идеологии были выработаны основные интерпретации складывания земской интеллигенции, дана оценка ее роли в системе местного самоуправления, раскрыты формы профессионального и социального выражения, обрисована система ценностей, руководившая ее поведением, показаны бытовые условия жизни. Ведущими установками, которыми руководствовались представители народнического течения в историографии истории земства и земских служащих, выступали следующие: отрицательное отношение к власти и ко всем социальным инициативам, исходящим с ее стороны; убежденность в «отсталости» и «темноте» крестьянской массы, которая подлежит усовершенствованию усилиями общества («интеллигенции»); высокая оценка культурной и общественно-политической деятельности земских служащих.

Ранние теоретики народничества – А. И. Герцен и Н. П. Огарев давали негативную оценку Положения 1864 г., утверждая, что земство было «наспех скопировано с французской модели» с целью удивить Европу правительственным либерализмом. «Новые учреждения, – писал Герцен, – мизерны, неискренни, скудны, сшиты на живую нитку из французских лохмотьев, сбивчивы, жалки, тощи, пусты»⁴. Огарев акцентировал внимание на стеснении самостоятельности земств администрацией и утверждал, что они не смогут действовать самостоятельно. Тем не менее, он находил и положительные моменты. По его мнению, земство будет возбуждать в обществе потребность развивать выборное начало и даст некоторую возможность протеста против правительственного произвола, кото-

рый будет расти, «требуя преобразования “нулевых” земских учреждений в областные законодательные собрания»⁵.

Н. Г. Чернышевский, хотя и не писал специально о земстве, в своих статьях и художественных произведениях весьма определенно выразил свое отношение как к реформам правительства вообще, так и к проблеме земского самоуправления. В романе «Пролог» он устами героя Волгина высказал свой взгляд на преобразования: «Я говорю вам, что равнодушен к реформам! Я не желаю, чтобы делались реформы, когда нет условий, необходимых для того, чтобы эти реформы производить удовлетворительным образом». «Все вздор перед общим характером национального устройства»⁶.

Известно, что народничество как идеология русской интеллигенции никогда не было однородным. На протяжении 1860–1910-х гг. в нем верх брало то революционное, то реформистское крыло. В 1870-е гг. доминировали представители революционного народничества, а отношение их к земству было скептическим. В 1873 г. в революционном кружке А. В. Долгушина была составлена прокламация «К интеллигентным людям». В ней есть такие строки: «К вам, интеллигентные люди, которые вполне поняли крайнюю ненормальность современного порядка вещей <...> мы обращаемся и приглашаем идти в народ, чтобы возбудить его к протесту во имя лучшего общественного устройства». «И где можно более принести пользы? Уж, не в земстве ли, куда рвутся наши молодые силы, обманутые внешностью? Но земство бесправно, оно – лживая форма, наполненная и постоянно исправляемая рукой деспота...»⁷. «Пусть земство, общества сельских хозяев, правительственные комиссии, – вторила долгушенцам газета «Вперед!», – толкут воду, говорят речи и пишут отчеты об “улучшении крестьянского быта”, о “содействии сельскому хозяйству” <...>. Жалкие орудия жалкого общества, они не хотят, да и не могут посмотреть прямо в глаза вопросу <...>. Он будет поставлен и решен другими»⁸.

В легальной печати подобная точка зрения нашла отражение на страницах журнала «Отечественные записки» в сатирической повести М. Е. Салтыкова-Щедрина «Новый Нарцисс». Главными темами ее были: бюрократизация земства, приниженность земских задач, размен земской идеи на «хлопоты о рукомойниках» и мелкие пререкания с администрацией⁹.

Однако в народнической литературе 1870-х гг. недоверие к земству (как к сословному и бюрократическому институту) соседствовало с положительными образами земских служащих. Отметим, что

главной особенностью литературных произведений является их массовость. В представлении большого числа людей литературные герои, подобно реально существовавшим историческим лицам, и типизированные литературные образы, подобно реальным историческим явлениям, обретали знаковое значение символов. Они стали основой не только нравственных понятий, но и общеисторических об особенностях исторического действия, о жизни земской интеллигенции, оценке ее деятельности и значении ее опыта. Многие современники воспринимали героев художественных произведений в качестве реальных людей, а литературные персонажи стали типичными, «эталонными» земскими интеллигентами. Созданный писателями-народниками сценарий жизни земского интеллигента закрепился в отечественной культурной традиции и в массовом сознании.

Большой вклад в формирование нормативного образа земского учителя, впоследствии пущенного «в тираж» народническими публицистами, учителя, героически «отдающего всего себя» крестьянским детям, внес Г. И. Успенский. Он первым из беллетристов изобразил такого народолюбца, одушевленного идеей народного блага и посвятившего все силы служению ей. В его очерке земский учитель Тяпушкин пошел «в темную массу народа» с тем, чтобы «начинающий жить человек-народ не позволил себя унизить». Тяпушкин стремится строить жизнь на новых этических принципах, предъявляет к себе высокие нравственные требования, ощущает личную ответственность за то зло и несправедливость, которые творятся вокруг¹⁰. В целом это произведение автора было наполнено символикой, и образ интеллигента-подвижника не имел еще четких социальных и идейных контуров. Но уже в новом его рассказе учительница Абрикосова являет собой яркий общественно-психологический тип идейного труженика, свободного от всякого быта, готового на самоотречение и самопожертвование. Ради служения народу она отказалась от выгод своего положения, порвала с семьей – отцом-богачом и мужем-купцом и сидит «в бедной деревенской школе и учит бедных деревенских ребят». Свой шаг учительница объясняла так: «Все мой отец и отец моего мужа нажили чужими трудами <...> это – кровь и пот». Смысл своей жизни она видит в том, чтобы «всю душу отдать на помощь бедному»¹¹.

Новейшие исследования интеллигенции на основе семиотики показывают, что художественная литература в значительной степени формировала обыденное сознание интеллигенции, компенсировала ее политическую и социальную фрустрацию, служила средством ее

самоидентификации как особой социально-культурной общности и орудием борьбы с существующим порядком¹². На нашем примере эти выводы подтверждаются материалами воспоминаний земских служащих. К. А. Барсов так объяснял мотивы своего поступления на службу в земство в 1880-е гг.: «Мне не было и двадцати лет, когда я сделался сельским учителем. Специального педагогического образования я не получил, никакого отношения к народному образованию не имел, а прозябал в одной из канцелярий <...>. Мне хотелось бросить этот отупляющий труд, хотелось делать живое дело, я остановил свой выбор на учительстве. Выбор был вполне добровольный и я, несомненно, сделал, его под влиянием веяний, которые царили в литературе и в обществе 70-х и начала 80-х гг.: я разумею народничество. Оно висело в воздухе, наполняло известную часть литературы, которой зачитывалось юношество, всасывая таким путем много ценных в воспитательном отношении элементов; на этой литературе воспитался и я <...>. Впечатление, производимое писателями, как Гл. Успенский, Златовратский и др., было неотразимо...»¹³.

В целом анализ историографических источников показывает, что вплоть до 1880-х гг. представители народнического течения в историографии не были уверены в том, что существующее земство может стать той инновационной площадкой, на которой будут реализовываться новейшие медицинские, статистические, образовательные и прочие культурные проекты; что земство привлечет к себе творческие интеллектуальные силы. Отчасти такая позиция основывалась на статьях Положения 1864 г., которые относили расходы на социальную сферу к числу необязательных земских повинностей. Закон предоставлял земским учреждениям «участие преимущественно в хозяйственном отношении» в попечении о народном образовании и народном здравии¹⁴.

Заметим, что далеко не все земства изначально обнаружили стремление участвовать в развитии народного здравоохранения и образования, да и в дальнейшем при решении этих вопросов проявляли колебания. По сведениям, представленным в труде П. Н. Милюкова, в 1868 г. более трети уездных земств (109 из 324) ничего не ассигновали на начальное образование, а 40 уездных земств ассигновали ничтожные суммы. Согласно данным Б. Б. Веселовского, в то же самое время 50 уездных земств не отпустили никаких средств на народное здравие¹⁵.

Начало серьезной работы народнической мысли над проблемами земств и их служащих и, одновременно, определение общественных

задач интеллигенции, формулирование программы социального действия применительно к земству относится к 1880-м гг. Связано это было с разгромом «Народной воли», идейной эволюцией народничества и выходом на первый план в нем легальных или практических народников. Практическое народничество стало попыткой части интеллигенции встать на мирный путь, посвятив себя служению крестьянским массам в качестве земских статистиков, учителей, медицинских работников. Новым в их идеологии было утверждение, что идеалы социальной справедливости могут быть достигнуты без революции путем эволюции. Центральное место в доктрине легального народничества заняла теория «малых дел».

Указанные вопросы поднимались на страницах народнической печати, которая в 1880-е гг. была представлена, прежде всего, газетой «Неделя», журналами «Русское богатство» и «Наблюдатель». С идеями практического народничества на страницах этих изданий выступали публицисты Я. В. Абрамов, С. А. Приклонский, Л. Е. Оболенский, В. П. Воронцов, И. И. Каблиц, писатель Н. Н. Златовратский. Подчеркнем, что не об изучении уже сделанного интеллигенцией в земстве в предшествующий период шла речь в их публикациях, а только указание на возможные пути приложения ее сил.

Исследователь народной жизни, журналист и литературный критик Я. В. Абрамов в предисловии к своему труду «Что сделало земство и что оно делает» (СПб., 1889), призванному обобщить все то лучшее, что было достигнуто земскими учреждениями за 25 лет, стремился опровергнуть существующие взгляды интеллигенции на земство как на учреждение бездеятельное. Он писал: «необходимо привлечь к земской работе внимание молодых сил, очень часто устранившихся от нее, в силу ложных убеждений, будто земство ничего сделать не может»¹⁶. Труд Абрамова стал первым комплексным исследованием, где рассматривались основные стороны деятельности земств: медицина, народное образование, меры в области сельского хозяйства и народных промыслов. Помимо этого, его изыскание содержало этнографические сведения о быте и нравах крестьян. Идеализируя заслуги земств и нередко перенося положительные результаты, достигнутые в отдельных уездах, на всю земскую Россию, автор стремился доказать, что земства, несмотря на все имевшиеся трудности (тяжелое дореформенное наследие, ограниченность финансов, нехватка квалифицированных работников, низкий уровень культуры народа), сумели достичь значительных успехов, особенно в области народного здоровья и просвещения¹⁷.

В работе Абрамова впервые встречается материал, освещающий практику земских ходатайств. Через рассмотрение конкретных земских инициатив автор выходил на проблему отношения царского правительства к земским учреждениям, затрагивая особенности развития пореформенного законодательства в связи с земскими ходатайствами. Земство он представлял как главного выразителя и защитника «народных нужд» перед государственной властью.

На страницах газеты «Неделя», в которую Абрамов пришел в 1885 г., он проводил свою главную мысль о важности единения интеллигенции с народом, писал о необходимости воспринять «миросозерцание деревни» и усвоить «правду мужика»¹⁸.

С близких идейных позиций на страницах «Русского богатства» выступал публицист и философ Л. Е. Оболенский, который с 1883 по 1891 гг. был главным редактором этого журнала. Интеллигенцию и народ он представлял как различные органы одного и того же тела и стремился разработать такую общественную программу, в которой их потребности и нужды согласовывались бы между собой. Руководствуясь этой задачей, Оболенский призывал интеллигенцию забыть свои планы опекунов над народом. По его словам, деревне были необходимы «не благодетели, а простые оплачиваемые работники, хорошо знающие свою специальность»; их обязанность – вооружить мужика «культурными средствами» борьбы за существование (образование, новейшая техника, интенсивное хозяйство). Такие люди, по мнению Оболенского, явятся «героями расцвета народной жизни», пионерами, которые засыпят пропасть непонимания между «миром мысли» и «миром земледельческого труда»¹⁹. В то же время, отношение Оболенского к земству было не таким радужным, как у Абрамова. В одной из своих статей он писал: «...невнимание к народным нуждам, непонимание их даже хуже пренебрежение народными интересами ради удовлетворения сословных и личных интересов – вот в чем обвиняют постоянно земство и обвиняют не без основания»²⁰. Изменить ситуацию, по мысли публициста, могла и должна была интеллигенция.

Эту же линию на единение интеллигенции с народом развивал видный народнический писатель Н. Н. Златовратский. Своих сестер – Е. Н. и М. Н. Златовратских, направлявшихся в 1886 г. учительствовать в земскую школу он напутствовал следующим образом: «Что лучшего я мог бы пожелать для Вас? В нашей жизни для интеллигенции из нашей среды я не нахожу лучшего и достойнейшего положения. Нет сомнений – этот путь не усыпан розами, будет полон

тяжкого, хлопотливого труда, мелочных забот и еще более мелочной и гнетущей борьбы с темными силами, но, по-моему, не только важно вперед знать, что это неизбежно, и приготовиться к этой борьбе, но что и высочайший наш идеал в данное время есть это интеллигентное подвижничество: в нем наше утешение, в нем наша единственная сила и в нем же надежда на победу добра и света!»²¹.

Те же ноты социальной вины интеллигенции и ее нравственной обязанности «вернуть долг» народу звучали в рассказе Златовратского – «Надо торопиться». Его героиня – дочь мелкого чиновника Надя Побединская, окончила гимназию, содержащуюся на счет земства, а значит на деньги, собранные главным образом с крестьян. Надя не пошла замуж, а поступила в университет. Терпя лишения и выбиваясь из сил, она получила диплом врача и устремилась на работу в земство²².

Писатель и публицист С. А. Приклонский в своих статьях акцентировал внимание на том, что земство стало ареной борьбы между «чумазым» (купцом, ростовщиком, кулаком) и землевладельцем, которые забыли об интересах народа²³. Он упрекал либералов и поддерживавшую их часть интеллигенции в чрезмерном увлечении на рубеже 1880-х гг. политикой, борьбой за изменение существующего строя, в то время как народ не мог понять и поддержать их отвлеченных идей²⁴. По мнению Приклонского, в настоящее время нет и ничего не может быть выше материальных интересов народа, которые только одни пока ему доступны и близки. В этой связи задачей интеллигенции, по его словам, должно было стать усвоение народных интересов до того, чтобы они сделались ее собственными. Он предлагал интеллигенции сблизиться с элементами земства, «идти туда на работу для народа и вместе с народом, просвещать, лечить его, а главное, <...> отстаивать интересы народа в земстве от либералов и буржуазии, так как крестьянин сам этого сделать пока не может»²⁵. Для осуществления этой задачи автор предлагал интеллигенции выработать широкую экономическую программу в интересах народа. Он был убежден, что только интеллигенция сможет направить деятельность земств на пользу крестьян²⁶.

Помимо идейных аспектов, Приклонский одним из первых обратил внимание на бедственное положение специалистов из числа интеллигенции, трудности их трудоустройства в городах и необходимости их переселения в деревню. По его наблюдению, города стали тесны для интеллигенции, старые профессии «интеллигентного класса» не могут прокормить такую массу новых специалистов. Он

рисовал картины жалкого материального положения молодежи, отсутствия вакансий для окончивших курс в университетах медиков, юристов, филологов. Автор утверждал, что в деревне работы много, но предупреждал, что положение интеллигенции в деревне тяжело и потребует от нее много энергии, труда и любви к народу²⁷.

Итак, рассмотрев развитие народнической историографии по проблеме земской интеллигенции в 1870–1880-е гг., следует подчеркнуть, что ни о каких «заслугах» интеллигенции в развитии культурных и общественных аспектов деятельности земств в прошлом или в настоящем в них не шла. Главным была выработка новой стратегии действия интеллигенции в изменившихся общественных условиях. Вкладом теоретиков легального народничества в развитие общественной мысли пореформенной России можно считать следующее: привлечение внимания интеллигенции к проблемам земства; обоснование в практическом и идейном плане перспектив работы на селе молодых специалистов; постановка перед обществом и властью задач подъема культурного уровня народа. Насколько идеология легального народничества повлияла на численность и состав земских служащих, сказать трудно. Никакие исследования на этот счет никогда не проводились, да и вряд ли могли быть проведены, в силу подвижности самого понятия «интеллигенция» и многозначности его толкования в дореволюционное время. Речь, таким образом, может идти лишь об изучении эволюции народнической теории и о концептуальных новациях отдельных авторов.

В 1890-е гг. народничество переживает очередную идейную трансформацию. Исторический фон, на котором развивались суждения народников об интеллигенции и ее задачах, в это время составляли: смена царствований; осязаемый рост капиталистического производства; оживление земского либерального движения; распространение марксизма; начало структурирования политических партий. Надо признать, что политика императора Николая II в отношении земств была не столь последовательна, как линия Александра III. Она варьировалась от намерений распространить земское самоуправление на западные губернии, привлечь земства к широким статистическим исследованиям, разрешить съезды с участием земских служащих, до изъятия из компетенции земств ряда хозяйственных вопросов.

С середины 1890-х гг., а возможно чуть раньше, с голода и эпидемии холеры 1891–1892 гг., актуализировавших проблемы пореформенной деревни, в народничестве начинает назревать кризис. Он был вызван неудовлетворенностью его адептов культурнической ра-

ботой в деревне, «теорией малых дел», устранявшей интеллигенцию от решения насущных политических задач, разочарованием в скором изменении культурного облика народа силами интеллигенции. Опыт сколько-нибудь продолжительного проживания в деревне показал интеллигенции, насколько глубоки были культурные, бытовые и психологические различия между ней и народом. Из-под пера народников С. Н. Кривенко и Д. А. Линева выходят работы, в которых собраны бытовые картины из жизни «культурных одиночек», в том числе земских учителей и фельдшериц; описаны невежество, грубость и шокирующие суеверия народа; показаны подозрительность и недоброжелательство к культурному человеку, живущему не по обычному шаблону, со стороны местных жителей²⁸.

Земский статистик и революционный деятель С. М. Блеклов, стремясь популяризовать свою деятельность в земстве и своих коллег-статистиков, издал беллетристические очерки, где показал сложность работы в условиях низкой культуры населения, непонимании им важности исследований и чинимых из-за этого всевозможных препон. Он описал бытовое отношение к статистикам со стороны провинциальных обывателей. По его словам, народ относится к ним как к «чиновникам» или барам, на юге – панам. В уездных городах народ принимал статистиков за актеров, а иногда за членов судебной сессии. В селах считали, что вся перепись ни к чему не ведущее баловство; статистика – пустая затея земства. Земство дает заработок своим служащим²⁹.

Идейная эволюция народничества в 1890-е гг. пошла по пути его политизации; признания бесперспективности работы интеллигенции в деревне, пока не изменены «общие» условия; утверждения тезиса о том, что главное призвание интеллигенции это политика, а не культурничество; восприятие народной традиции как опасной и вредоносной архаики, подлежащей скорейшей переделке силами интеллигенции. Логично из этого сделать вывод, что «культурный поход» интеллигенции в земство, в деревню, на этом заканчивается, поскольку было признано, что это распыляет и отвлекает ее силы от более важных общественных задач.

Новые настроения в народничестве четко выразил публицист А. И. Фаресов. Он писал: «Двигателем культурного прогресса может быть только избранное меньшинство, а не народные массы, в нынешних земных условиях слишком занятые материальным обеспечением и себя, и передового меньшинства». Поэтому, делал вывод автор, «задача интеллигенции заключается не в том, чтобы искуст-

венно усвоить себе первобытное состояние народной массы», <...> покажем нашу нравственную солидарность с народом, пользуясь в полной мере нашим от него отличием, нашим культурным старшинством, чтобы дать ему то, чего он без нас добыть не может»³⁰. Иными словами, верх в народничестве опять брала концепция руководящей роли интеллигенции в жизни общества, сформулированная еще в конце 1870-х гг. благодаря усилиям знаменитого публициста и социолога Н. К. Михайловского. По его убеждению, интеллигенции было необязательно считаться с мнениями «незрелого» и «веками забитого» народа. Она и так, в силу своего образования, культуры и прочих достоинств знает, что ему нужно³¹.

Идейным центром «возрождающегося» в политическом смысле народничества (точнее неонародничества) стал журнал «Русское богатство», редакцию которого в 1895 г. возглавил сам Михайловский³². В этом журнале начинали свой путь В. А. Мякотин, В. М. Чернов, Н. Ф. Анненский, А. В. Пешехонов и др. видные политические деятели России начала XX в. Стремясь сохранить преемственность в политической практике с революционерами 1870-х гг., они подвергли теорию и практическую программу народников-культурников резкой критики. Последние обвинялись в аполитизме, практицизме, идеализации деревенских устоев, что преподносилось как доказательство узости и даже реакционности их мышления³³.

Итак, разработка проблем земской интеллигенции неонародниками имеет мало связи с оценками и наработками их предшественников. В народнической историографии конца XIX – начала XX в. отсутствовала логика и преемственность в изучении данной темы; ее разработчики находились в плену собственных иллюзий, и зачастую трактовали действительность вопреки окружающим условиям; наполнение концепта «земская интеллигенция» особым содержанием и апологетизация ее заслуг имеет более позднее происхождение.

В начале XX в. одним из ключевых для неонародников стал вопрос об определении характера и масштабов общественно-политической активности лиц, служивших в земствах. Сама земская интеллигенция стала интерпретироваться в качестве особой идейной (т.е. бессловесной) группы, объединенной политическими и общественными устремлениями. Начальный же этап ее формирования неонародники относили к самому раннему времени в истории земства: к рубежу 1860–1870-х гг. Такой подход представлен в публикациях А. В. Пешехонова, В. Е. Трутовского, М. Д. Загряцкого, И. А. Вернера, Н. Д. Носкова, Л. Д. Брюхатова, Л. С. Зака³⁴.

Пешехонов был одним из первых в дореволюционной историографии, кто стал утверждать, что земская статистика, школа и медицина создались «под непосредственным влиянием движения к сближению с народом», которым была охвачена русская интеллигенция в 1870-е гг. Условиями, способствовавшими привлечению ее в земство, по мнению публициста, было то, что земство представляло «по преимуществу сельское, наименее культурное население, предъявлявшее громадный спрос на интеллигентные силы, которыми так бедна была до-земская деревня». В результате, заключал он, в земстве удачно сочетались два взаимных стремления – интеллигенции и народа³⁵.

Эту же позицию разделял И. А. Вернер. В 1882–1887 гг. он заведовал статистическим бюро курского земства. Общероссийскую известность Вернер получил в 1887 г. после того, как его статистический труд «Курская губерния» вызвал негодование большинства гласных курского земства, которые сочли его необъективным и неуместно полемичным, и постановили изъять из обращения, а статистическое бюро закрыть. В то же время Московское Юридическое общество, состоявшее при Московском университете, поддержало Вернера и представило его труд на премию Ю. Ф. Самарина³⁶. Заметим, что этот инцидент высветил противоречия между земскими профессионалами, стремившимися опираться на авторитет науки, и представителями традиционных сословий в земстве, на стороне которых были жизненный опыт и знание местных особенностей.

Начало складывания земской интеллигенции Вернер относил «к периоду истории русского разночинца», приходящемуся, по его мнению, на конец 1860-х – 1870-е гг. Он писал, что служба в земстве привлекла массу интеллигенции широкой свободой действий, тем более что время «расцвета» земства совпало со временем героической поры интеллигентной молодежи, с «хождением в народ»³⁷.

Особый характер земской интеллигенции, по мнению эсера В. Е. Трутовского – автора последнего в царской России обобщающего труда по истории земства, также можно было определить, если обратиться к эпохе 1870-х гг. и рассмотреть господствовавшие тогда настроения. «Хожение в народ» приняло, по словам Трутовского, тогда массовый характер, появились «кающиеся дворяне», мечтавшие отдать долг народу, но «действительность показала неосновательность их методов действия». В результате, с одной стороны начинается чисто политическое движение, а с другой – культурная работа, которая в земстве принимает широкий характер. По оценке ис-

торика, земство было тогда единственным местом, где могла найти приложение тяга интеллигенции к культурной деятельности³⁸. Эту же идею разделял юрист М. Д. Загряцков. В его представлении, «дифференцировавшаяся в 1860-х гг. разночинная интеллигенция стала громадной культурной силой в земстве»³⁹.

Анализ источников показывает, что на пороге XX века описание и понимание истории земских служащих пересекает некий рубеж. С этих пор представление об истории земств и их вольнонаемных специалистов характеризуется особым, специфическим методом видения. Сформированная к этому времени в рамках народнической историографии политическая мифологема «земская интеллигенция», синонимом которой с 1900 г. стало еще и словосочетание «третий элемент», изменила нарратив истории. Она заставила представителей других идейных течений русской мысли считаться с данной концепцией и типизированными понятиями о «земской интеллигенции» как идеологической группе и профессиональном слое с особыми бытовыми чертами. Ряд положений народнической интерпретации «земской интеллигенции» поддержала марксистская историография. В результате совместных усилий демократов в период первой русской революции и после нее была выработана и стала активно внедряться в массовое сознание версия о том, что все серьезное и самостоятельное в хозяйственно-культурной и политической деятельности земств было достигнуто только благодаря земской интеллигенции, а не сословному буржуазно-дворянскому земству⁴⁰.

В суждениях неонародников именно земская интеллигенция была движущей силой всей земской жизни, благодаря ее самоотверженности и энергии земское дело развивалось. Социальный объект при этом не имел достаточно четких границ. Разработчики темы не брали во внимание такие признаки, как профессиональная специализация представителей земской интеллигенции, уровень их квалификации, сословную принадлежность, размеры получения доходов, величину духовно-нравственного авторитета. Все это свидетельствовало о том, что демократам нужны были эффективные лозунги для продвижения «своего» варианта общественного развития, в том числе для получения контроля над ожидавшейся после 1905 г. реформой местного самоуправления и для борьбы за политическую власть.

Если кратко сформулировать проблемы, которые решали исследователи начала XX века при рассмотрении вопросов формирования профессиональных групп земских служащих, то они были следующими: привлечение на службу специалистов с высшим образова-

ем – врачей, агрономов; улучшение состава и повышение педагогического и общественного уровня учителей; повышение квалификации фельдшеров. Любопытно, что в отношении статистиков проблема увеличения их численности, судя по имеющимся источникам, для разработчиков темы никогда не была актуальной.

А. В. Пешехонов выступал за сохранение земских статистиков как сравнительно небольшой хорошо организованной идейной и профессиональной группы и возражал против пополнения ее людьми «со стороны», с другой общественной психологией и практическими интересами. Передача государством в ведение губернских земств работ по оценке недвижимости по закону от 8 июня 1893 г. и выделяемые на эти цели ежегодные субсидии в размере 1 млн. руб. объективно способствовали расширению масштабов статистических работ и быстрому увеличению контингента земских статистиков, счетчиков и регистраторов. В то же время государство пыталось контролировать ход оценочных работ и расходование отпускаемых средств. Такое «вмешательство» в развитие земской статистики вызвало резкое недовольство со стороны ее «старожилов». Эти настроения и выразил Пешехонов в статье с характерным названием «Кризис в земской статистике»⁴¹. Сам Пешехонов с 1896 по 1898 гг. заведовал статистическим бюро Калужской губернской земской управы, в 1898 г. руководил статистическими работами Полтавского губернского земства, но из-за конфликта с администрацией в 1899 г. был выслан из губернии и поселился в Петербурге, став сотрудником неонароднического «Русского богатства»⁴².

По мнению Пешехонова, реализация закона 1893 г. вела к тому, что статистические исследования «поручаются людям, не обладающим достаточными способностями, а то и вовсе чуждым земских традиций: департаментским чиновникам, земским начальникам, лесничим, отставным генералам и тому подобным людям, хотя и вполне «благонадежным», но к делу непригодным». В его представлении, это «ремесленники», которые интересуются «не столько делом, сколько заработком»⁴³. Пешехонов искренне полагал, что «правильно» вести статистические работы и всесторонне изучать народную жизнь должны «идеалистически настроенные юноши»⁴⁴.

Систематично писать о «выдающихся» заслугах интеллигенции на земской ниве представители народнической историографии стали только с начала 1900-х гг. По словам того же Пешехонова, «пореформенная русская деревня прогрессировала лишь постольку, по-

сколько земство явилось выразителем демократических тенденций и, прежде всего, спроса трудящейся массы на блага культуры, и поскольку интеллигенция обнаружила готовность творческой мыслью и научным знанием поделиться с народом»⁴⁵. Для характеристики взглядов земской интеллигенции публицист приводил адрес служащих Московского земства, направленный Н. К. Михайловскому по случаю 40-летнего юбилея его творческой деятельности. В представлении Пешехонова, в этом адресе наиболее ярко и точно было выражено мировоззрение целого поколения земских служащих, к которому принадлежал и он сам. В адресе были такие строки: «земство представляет единственное учреждение, в котором по нашим русским условиям может проявиться организованная общественная самодеятельность, и оно же оказывается почти единственным легальным убежищем для проявления практической деятельности критически мыслящей личности». От себя он добавлял, что интеллигенция внесла в земское дело «идеализм, демократический настрой, обаяние ума, таланта и нравственного благородства»⁴⁶.

Столь же превосходными эпитетами награждал земскую интеллигенцию автор, укрывшийся под аббревиатурой С. Д. К., утверждавший, что это – «соль земли земской»⁴⁷.

Всецело тенденция на идеализацию общественной и культурной роли земской интеллигенции в демократической историографии утвердилась во время и после первой русской революции. Сама революция стала раскрытием характера русской интеллигенции, и, вместе с тем, исторической проверкой действительного содержания ее идеологии. Цензурные и политические свободы позволили авторам, придерживавшимся радикальных воззрений, поносить самодержавие, разоблачать земских либералов, указывать на «грубое попрание» дворянскими земствами интересов народа. Именно через печатное слово демократы утверждали себя в качестве новой общественной силы, доказывая перспективность своих воззрений и продвигая свои проекты будущего. Стремившейся к власти интеллигенции необходимы были свои герои на всех «фронтах» борьбы с политическими противниками, и таким «героем» в земстве стал «третий элемент» – земская интеллигенция.

В опубликованных в 1905–1907 гг. работах Е. А. Звягинцева, И. П. Белоконского, А. А. Николаева, Н. Н. Соколова, Н. А. Кабанова, Н. И. Кузнецова, Н. Д. Носкова, И. А. Вернера, Л. С. Зака сорокалетняя история земств была подвергнута ревизии⁴⁸. Ее итогом стало то, что единственным светлым пятном на сословном буржуазно-

дворянском самоуправлении провозглашалась земская интеллигенция, история общественно-политической и культурной деятельности которой получала самостоятельное значение. В период Думской монархии наиболее резкие характеристики земской системы с призывами к ее немедленной ликвидации из легальной литературы исчезли, но оценка роли и значения «третьего элемента» сохранилась.

¹ *Трутовский В. Е.* Современное земство. Пг., 1914. С. 47; *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX века). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Изд. 2-е. СПб., 2000. Т. 2. С. 202. Г. А. Герасименко дает численность земских служащих к 1914 г. в 150 тыс. человек. См.: *Герасименко Г. А.* Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 51.

² Под таковым подразумевается вся совокупность идей, понятий, выраженных в словах или иных знаках, содержащая коды массового восприятия и поведения.

³ «Третий элемент» – условное название земских вольнонаемных служащих, в отличие от администрации («1-й элемент») и представителей местных сословий – земских гласных («2-й элемент»). Автором неологизма является Самарский вице-губернатор Г. В. Кондоиди. См.: От наших корреспондентов. Открытие XXXV губернского земского собрания в Самаре // *Русские ведомости*. 1900. № 18. 18 января. С. 2.

⁴ Колокол. 1864. № 179. 15 февраля. С. 1473.

⁵ Колокол. 1864. № 187. 15 июля. С. 1538.

⁶ *Чернышевский Н. Г.* Пролог: Роман из начала шестидесятых годов. М., 1957. С. 182, 188, 316.

⁷ [Долгушин А. В.] К интеллигентным людям // *Народническая экономическая литература*. М., 1958. С. 231.

⁸ [Лавров П. Л.] Гниль старого и рост нового // *Вперед!* 1875. № 6. С. 182.

⁹ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Новый Нарцисс, или Влюбленный в себя. Очерк. (1869 г.) // *Собр. соч.*: в 20 т. М., 1969. Т. 7. С. 25–39.

¹⁰ *Успенский Г. И.* Выпрямила (Отрывок из записок Тяпушкина) (1872 г.) // *Успенский Г. И.* Нравы Растеряевой улицы; Рассказы. М., 1984. С. 273–299.

¹¹ *Успенский Г. И.* Учительница. Рассказ. (1875 г.) // *Собр. соч.*: в 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 41–67.

¹² О ярко выраженной ориентации интеллигенции на художественную литературу и мифологичности ее сознания см: *Лотман М. Ю.* Интеллигенция и свобода (К анализу интеллигентского дискурса) // *Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология*. М., 1999. С. 122–151; *Могильнер М. Б.* Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999; *Микешин М. И.* Интеллигентская историософия // *Ценности и смыслы*. 2009. № 1. С. 103–116.

¹³ *Барсов К. А.* Сельская школа и учитель // *Русская школа*. 1896. № 5–6. С. 45. (Точный год поступления на службу в земство автор не указал. – Е. Ч.).

¹⁴ Положение о губернских и уездных земских учреждениях Высочайше утвержденное 1 января 1864 года. Ст. 2 // *Реформы Александра II*. М., 1998. С. 212.

¹⁵ Миллюков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. М., 1994. Т. 2. Ч. 2. С. 330–331; Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет: в 4 т. СПб., 1909. Т. I. С. 272.

¹⁶ Абрамов Я. В. Что сделало земство и что оно делает. (Обзор деятельности русского земства за 25 лет). СПб., 1889. Предисловие.

¹⁷ Абрамов Я. В. Постоянные результаты земской врачебной работы // Абрамов Я. В. Что сделало земство и что оно делает. С. 57–66; Он же. Что дает народу земская школа? // Там же. С. 132–136.

¹⁸ [Абрамов Я. В.] Новое течение // Неделя. 1887. № 44. 1 ноября; Он же. Ложные выводы // Неделя. 1888. № 21. 22 мая; Он же. Шаг вперед в земском деле // Неделя. 1887. № 49. 6 декабря; Он же. Учреждения и люди // Неделя. 1888. № 51. 18 декабря.

¹⁹ [Оболенский Л. Е.] Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1884. № 4. С. 172–176.

²⁰ [Оболенский Л. Е.] Внутреннее обозрение. Слухи о проекте изменений в организации земских учреждений // Русское богатство. 1887. № 3. С. 173–174.

²¹ Златовратский Н. Н. Воспоминания. М., 1956. Приложение. С. 361–362

²² Златовратский Н. Н. Надо торопиться. Рассказ (1885 г.) // Златовратский Н. Н. Деревенский Король Лир. Повести, рассказы, очерки. М., 1988. С. 496–521.

²³ Приклонский С. А. Паны дерутся, а у хлопцев чубы трещат // Приклонский С. А. Очерки самоуправления земского, городского и сельского. СПб., 1886. С. 16–30; Он же. Знамение времени // Там же. С. 39–41.

²⁴ Приклонский С. А. Либералы и кирпичники // Там же. С. 14–15.

²⁵ Приклонский С. А. Интеллигенция на земской службе // Там же. С. 142.

²⁶ Там же. С. 154–155.

²⁷ Там же. С. 123–125.

²⁸ Линева Д. А. (Далин) Не сказки: [Очерки]. СПб., 1895; Кривенко С. Н. На распутье: (Культурные скиты и культурные одиночки). СПб., 1895.

²⁹ Блеклов С. М. За цифрами и фактами: Записки земского статистика. М., 1894. С. 29, 170, 172.

³⁰ Фаресов А. И. Интеллигенция в деревне // Исторический вестник. 1895. № 9. С. 737–738.

³¹ Михайловский Н. К. Герои и толпа: Избр. тр. по социологии: в 2 т. М., 1998. Подробнее о роли Н. К. Михайловского в эволюции народнической мысли см.: Блохин В. В. На переломе. 1881–1904. Н. К. Михайловский в идейно-политической борьбе в 80–90-е годы XIX в. (Исторические этюды). М., 2004.

³² Васильева Т. А. Журнал «Русское богатство» и идейно-политическая эволюция народничества (1876–1916): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988. С. 12.

³³ Чернов В. Типы капиталистической и аграрной эволюции // Русское богатство. 1900. № 10. С. 251; Пешехонов А. В. Кризис в земской статистике [Ст. из журнала «Русское богатство». 1901] // На очередные темы. Материалы для характеристики общественных отношений в России. СПб., 1904. С. 330–331.

³⁴ Пешехонов А. В. Кризис в земской статистике. С. 320–325; Трутовский В. Е. Современное земство. Пг., 1914. Гл. II. Третий элемент. С. 38–40; Загряцков М. Д. Земская служба и третий элемент. Пг., 1914. С. 4–7; И. В. [Вернер И. А.] Наем-

ные служащие в общественных управлениях // Самоуправление. 1907. № 2. С. 8–9; *Зак Л. С.* Земская реформа и «третий элемент» // Самоуправление. 1907. № 24. С. 6; *Брюхатов Л. Д.* Значение «третьего элемента» в жизни земства // Юбилейный земский сборник. СПб., 1914. С. 191–192; *Носков Н. Д.* Земство и земское хозяйство. Очерк. СПб., 1906. С. 3–5.

³⁵ *Пешехонов А. В.* Кризис в земской статистике. С. 320.

³⁶ О статистике И. А. Вернере и курском инциденте см.: *Рошток А. И.* Земство и статистика // Русский вестник. 1888. № 5. С. 137–176; *Головин К. Ф.* Тенденциозная статистика // Санкт-Петербургские Ведомости. 1887. № 136, 137; *Фортунатов А. Ф.* Из воспоминаний о деятелях московской земской статистики // Памяти Николая Алексеевича Каблукова: Сб. ст. по статистике. Т. 1. М., 1925. С. 246–247.

³⁷ *И. В.* Указ. соч. С. 9–10.

³⁸ *Трутовский В. Е.* Современное земство. С. 39.

³⁹ *Загряцков М. Д.* Указ. соч. С. 4.

⁴⁰ См.: *Ачадов [Данилов Ф. А.]* Третий элемент, его значение и организация. М., 1906; *Зак Л. С.* Указ. соч. С. 6–7; *Брюхатов Л. Д.* Значение «третьего элемента» в жизни земства // Юбилейный земский сборник. СПб., 1914. С. 186–205; *Звягинцев Е. А.* О земстве и как его нужно устроить для пользы всего народа? М., 1906; *Каблуков Н. А.* О значении «третьего элемента» в земстве // Русские ведомости. 1913. № 218; *Новиков А. И.* Центр тяжести самоуправления // Вестник знания. 1905. № 2. С. 50–55.

⁴¹ *Пешехонов А. В.* Кризис в земской статистике. С. 307–331.

⁴² См.: *Протасова О. Л.* А. В. Пешехонов: Человек и эпоха. М., 2004.

⁴³ *Пешехонов А. В.* Кризис в земской статистике. С. 328.

⁴⁴ Там же. С. 331.

⁴⁵ Там же. С. 320.

⁴⁶ Там же. С. 321.

⁴⁷ *С. Д. К.* «Третьи лица» в земстве и 107-я статья Положения о земских учреждениях (Письмо из Черниговской губернии) // Русская мысль. 1901. № 9. С. 160.

⁴⁸ *Звягинцев Е. А.* Указ. соч.; *Николаев А. А.* Земские учреждения. СПб., 1907; *Кабанов Н. А.* О местном самоуправлении. Ростов н/Д, 1906; *Кузнецов Н. И.* Реорганизация земства: (На основах всеобщего избирательного права). Воронеж, 1906; *Носков Н. Д.* Земство и земское хозяйство. Очерк. СПб., 1906; *Он же.* Роль земства в освободительном движении. СПб., 1906; *Белоконский И. П.* Самоуправление и земство. Ростов н/Д., 1905; *Соколов Н. Н.* Земство и выборы гласных. СПб., 1907; *И. В.* Указ. соч. С. 8–11; *Зак Л. С.* Указ. соч. С. 6–7.

Раздел II.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ПРАВОВОГО НАРОДНИЧЕСТВА

Касторнов С. Н.

Народники-реформисты о проблемах развития местного самоуправления

Народники-реформисты в последней трети XIX – начале XX вв. уделяли большое внимание вопросам, связанным с развитием местного самоуправления в России. Эти проблемы затрагивались ими в книгах, в статьях, печатавшихся в «Неделе», «Отечественных записках», «Русском богатстве» и ряде других изданий. Многие народники-реформисты были гласными уездных и губернских земств, либо находились на земской службе в качестве статистиков, врачей и т.д. Главную цель своей работы в органах местного самоуправления они видели в том, чтобы облегчить жизнь простого народа, и в первую очередь крестьянства.

В постсоветской России с середины 90-х гг. XX в. проводится перманентная и не очень успешная реформа местного самоуправления. Представители власти и экспертного сообщества дискутируют о принципах формирования органов местного самоуправления, о том, должно ли местное самоуправление сохранить автономию или же, наоборот, стать частью властной вертикали. В свете этого немалый интерес представляет отношение народников-реформистов к вопросам, связанным с формированием земских собраний и городских дум, взаимодействием представительных и исполнительных органов местного самоуправления с органами государственной власти, формированием местных бюджетов и решением ряда других проблем местного хозяйства.

О большом значении, которое народники-реформисты придавали земствам и городским думам, неоднократно упоминается в работах В. И. Харламова, Б. П. Балугева, В. В. Зверева, С. Я. Новака, Д. Д. Жванин, С. Н. Касторного, Г. Н. Мокшина, Е. В. Чернышевой¹. Однако взгляды народников-реформистов на конкретные проблемы развития земского и городского самоуправления в России по-

прежнему изучены недостаточно. Специальные обобщающие работы по этой проблематике еще не появились.

Земское самоуправление, работая в условиях монархической формы правления, обладало самостоятельностью в вопросах избрания гласных и мировых судей, финансирования собственных программ и выбора форм организации земского хозяйства. Оно вовлекало местное население в общественную жизнь и стояло в центре сложного переплетения многообразных интересов на местах. Вместе с тем авторы земской реформы 1864 г. узаконили систему выборов, которая обеспечила преобладание дворянства. Земства были обременены обязательными функциями, не имевшими зачастую никакого отношения к местному хозяйству. Основным объектом земского налогообложения была земля. Частновладельческие земли, лучшие по качеству, облагались более низким сбором².

Народники-реформисты обращали внимание на незавершенность и усеченность земской реформы. Так, А. А. Головачев, признавал в 1871 г., что основным недостатком реформы 1864 г. является неправильное разграничение компетенции между центральной администрацией и органами местного самоуправления, что поставило земства в положение «ответвления центрального управления для заведования известной отраслью хозяйства, распорядиться которыми они самостоятельно не могли»³.

Другая проблема заключалась в том, что всесословные органы местного самоуправления не были созданы на волостном уровне. В связи с этим высказывались разные точки зрения по поводу необходимости создания мелкой земской единицы.

И. И. Каблиц был противником поспешного введения всесословного земства на уровне волости. Публицист считал, что в числе существующих в России органов общественного самоуправления наибольшую важность представляют «мир», являвшийся древним вече, потерявшим свое политическое значение, но сохранившим административно-хозяйственные функции по распределению налогов сообразно экономической силе дворов, и земство⁴. В земствах же, как указывал Каблиц, заправляла кучка землевладельцев, стремящихся сложить общественные тяжести со своих земель на крестьян и тех помещиков, что не попали в олигархическую группу, ведающую всеми земскими делами. Большим влиянием в земствах пользовались «прогрессисты», которые под самоуправлением подразумевали «право интеллигенции на самоуправные действия над народом»⁵.

Другой народник-реформист, С. Н. Кривенко, в начале 1880-х гг. выступил против проектов ряда дворянских деятелей, призывавших создать всесословную волость под руководством дворянского элемента, во главе с мировыми посредниками либо волостелями, избиравшимися уездными земскими собраниями из числа дворян⁶. По мнению Кривенко, целесообразней было бы создать бессословную волость, в которой бы все жители, независимо от сословия и имущественного положения, имели бы равные права⁷.

В 1896 г. Е. Д. Максимов отмечал, что земская волость или участок должна была иметь свое волостное либо участковое земское собрание из представителей всех проживающих на его территории сословий, избираемых пропорционально платимым ими налогам. Исполнительным органом была бы волостная земская управа, подчиненная одновременно уездному земскому собранию. В волостном земстве могли бы сосредотачиваться дела о раскладке земских и мирских повинностей между плательщиками всех сословий, выборы участковых гласных и должностных лиц, другие дела земской компетенции, касавшиеся участковых нужд и разрешение которых на уездных или губернских земских собраниях было бы нецелесообразно⁸.

Левый народник Н. Ф. Анненский в 1896 г. призывал к равенству всех жителей проектируемой всесословной волости при выборах. Он был убежден, что только при наличии всесословной волости можно достичь необходимой степени самостоятельности последней, как самоуправляющейся мелкой земской единицы, находящейся в непосредственной связи с системой общего земского самоуправления⁹. По сути дела, народник выступал за создание бессословной волости, как и Кривенко в начале 1880-х гг.

Правительство вместо введения бессословной или всесословной низшей земской единицы создало в 1889 г. институт земских начальников, ограничивший существовавшее крестьянское самоуправление. В. А. Мякотин отмечал в 1900 г., что при сложившихся обстоятельствах «крестьянское самоуправление, по сути, утрачивает всякое право на это название <...> едва ли не по недоразумению сохраняющееся еще за ним». Он делал вывод о необходимости замены опеки над крестьянским самоуправлением контролем административных и судебных учреждений¹⁰.

Если Мякотин видел в институте земских начальников форму опеки со стороны властей и дворянства, то Каблиц еще при введении новой должности усматривал в ней возможность самоуправных

действий над народом со стороны прогрессистской интеллигенции. Последняя, в образе земского начальника, на основании ст. 39 «Положения о земских участковых начальниках», должна будет заботиться не только о хозяйственном благоустройстве, «но даже и о нравственном преуспевании крестьян»¹¹.

Как мы видим, большинство народников-реформистов отрицательно относились к сохранению сословного принципа при формировании органов местного управления и самоуправления. Частичное признание этого принципа у Максимова, как нам представляется, было вызвано неверием его в возможность радикальных изменений в системе местной власти. Особую позицию занимал Каблиц-Юзов, являвшийся сторонником сохранения сословного крестьянского самоуправления и сословий вообще. По его мнению, главным спорным пунктом в вопросе о сословиях являлось существование дворянства, в нравственное и умственное превосходство которого уже никто не верил¹². Исходя из убеждения о том, что государство не должно быть единственной формой общественной связи между личностями, Каблиц призывал к тому, чтобы граждане государства, имеющие разнообразные занятия и интересы, объединялись в союзы по этим занятиям и интересам, «известные под именем сословий»¹³.

Народники-реформисты обращали внимание и на то, что зачастую сельские общества и волости выполняли несвойственные им функции. С. Н. Южаков отмечал в 1894 г., что от волостных властей и судов власти требуют применять нормы обычного права, но волостные старшины его просто-напросто не знают или не умеют согласовывать с новыми условиями. В результате «они блуждают в потемках и творят нелепости даже без злого умысла, а тем более если деревенский кулак сумеет этот умысел внушить»¹⁴.

М. А. Плотников в 1898 г. считал большим злом существовавшую почти повсеместно натуральную полицейскую повинность, отбываемую населением в виде безвозмездной службы сотских, десятских и рассыльных волостных правлений¹⁵.

Когда министерство внутренних дел в 1900 г. проектировало замену выборных сотских и десятских наемными стражниками, Мякотин высказал мнение, что эта мера повлечет за собой значительное облегчение только в том случае, если содержание этих стражников будет принято на счет казны. Автор выражал опасения, как бы эти изменения не привели к устранению контроля над сотскими и десятскими со стороны сельских обществ¹⁶. Он же высказался в

1903 г. против предложений ряда дворянских деятелей, выступавших за усиление полицейского надзора над сельскими обществами¹⁷.

Но, конечно, основное место в публицистике народников-реформистов уделялось вопросам, связанным с деятельностью земского и городского самоуправления. В начале 1880-х гг. были опубликованы статьи С. Н. Кривенко и Я. В. Абрамова, в которых давалась оценка сложившейся ситуации и предлагались пути реформирования органов местного самоуправления. Кривенко и Абрамов были тогда ведущими обозревателями «Отечественных записок» по внутренним вопросам и занимали более радикальные, чем впоследствии, позиции по вопросам реформирования политической системы страны.

Кривенко призывал правительство пересмотреть земское положение¹⁸. Главной бедой земства он считал отсутствие серьезной борьбы партий, «естественной <...> и необходимой принадлежности представительства». Причины того он видел в недостатке представителей от крестьян, на которых могли бы опираться преданные народным интересам земские деятели, а также в отсутствии местных органов печати и свободы слова вообще¹⁹. По мнению Кривенко, слишком много прав было предоставлено губернаторам, в частности право приостанавливать постановления земских учреждений, которые окажутся «противными законам или общегосударственным пользам». Самостоятельность земств прямо нарушалась. Автор считал, что кахановская комиссия должна была представить проекты реформирования всей системы местного управления, начиная с сельского общества и кончая отношениями к самоуправлению высшей местной администрации, не исключая и генерал-губернаторов²⁰.

В реформировании, по мнению публицистов «Отечественных записок», нуждались и органы городского самоуправления. В 1883 г. Абрамов отмечал, что «Городовое положение» взамен прежних общественных групп, бывших хозяевами города, мещанства и купечества, создало новый бессословный институт, получивший имя «город», но не имеющий никакой связи с массой населения и «являющегося для него лишь излишним бременем, как институт, специальное назначение которого изобретать всевозможные налоги». Городские думы являлись представителями не всего городского населения, а только наиболее состоятельной его части, домовладельцев и торговцев. Абрамов призывал правительство провести радикальные преобразования в городском устройстве²¹.

С наступлением эпохи контрреформ правые народники-реформисты выступили с теориями «малых дел» и культурничества. Они призывали во второй половине 1880-х – 1890-е гг. использовать уже имеющиеся возможности земств. Деятели же левого течения реформаторского народничества неоднократно обращались к властям и общественности с призывами к осуществлению реформ в области местного самоуправления.

Правые народники-реформисты Абрамов и Максимов в конце 1880-х – 1890-е гг. акцентировали внимание на том положительном, что сделало или может сделать земство. Это вопросы, связанные с улучшением сельского хозяйства, развитием здравоохранения, народного призрения. По мнению Абрамова, земская инициатива сыграла важную роль в понижении выкупных платежей, отмене подушной подати, облегчении для крестьянских обществ арендования казенных земель, в принятии мер по устройству кустарей и переселенцев, в принятии лесоохранительного закона и т.д.²². Высоко оценивал Абрамов темпы развития земской медицины. Он призывал земства взять в свои руки и физическое воспитание деревенских детей²³.

Максимов указывал на то, что земские учреждения немало сделали для общественного призрения. Народник считал, что общественное призрение и впредь должно оставаться в преимущественном ведении земств. Он призывал объединить все дело призрения в России и привлечь к нему возможно большее внимание центральной власти для удовлетворения тех нужд его, которые выходят за пределы местной деятельности²⁴. Максимов был убежденным противником выделения органов общественного призрения «в особую внеземскую организацию»²⁵.

Представители левого течения реформаторского народничества, не отрицая пользы от деятельности органов местного самоуправления, в первую очередь ценили в них то, что они в определенной степени являлись трибуной для выражения передовой общественностью своих политических и экономических требований. В деятельности этих органов они также видели и возможность увеличения своей социальной базы – земского «третьего элемента». Они были сторонниками более четкого разграничения компетенции правительства и местного самоуправления.

С. Н. Южаков отмечал, что, наряду с земскими деятелями, сознающими свои земские и общественные обязанности, существовали и элементы «совершенно не культурные», не имеющие даже прими-

тивных понятий об условиях всякой общественной деятельности. Они «компрометировали достоинство учреждения, призванного к <....> деятельности на пользу общества и государства»²⁷. Правда, по мнению Южакова, таких деятелей было меньшинство, и наличие их не мешало земствам проводить мероприятия, в частности, создавать особые сельскохозяйственные организации. Он с удовлетворением замечал, что и Департамент земледелия в своем докладе в 1895 г. отмечал, что «земские учреждения, несомненно, должны занять видное место в деле проведения в жизнь различных сельскохозяйственных улучшений»²⁸. Южаков считал, что деятельность земств в этой сфере нуждалась в определенной финансовой подпитке. По наблюдению народника, земцы зачастую ходатайствовали о правительственной субсидии «не столько из материальной нужды, сколько из желания получить правительственную санкцию своим начинаниям и тем самым лучше обеспечить их проведение в жизнь»²⁹.

Н. А. Карышев придерживался более критической точки зрения, по сравнению с С. Н. Южаковым. Он указывал на то, что во многих случаях земства выходили из всесословной роли и «становились на точку зрения влиятельного общественного класса», т.е. дворянства³⁰.

Карышев обращал внимание и на то, что в ряде сфер существует ненужное противопоставление интересов городов и земств. В качестве примера он указывал на общественное призрение. Со стороны городских дум замечалось стремление извлечь наибольшую сумму выгод от заведений, находящихся на содержании земств. Сами же думы производили наименьшие суммы затрат³¹.

По мнению публициста, существовало противоречие, между лишением земств права голоса в общегосударственных вопросах и принуждении нести расходы в общегосударственных интересах. Некоторые земства ограничивали свои необязательные расходы, относящиеся к сфере местного хозяйства и местного самоуправления, именно под влиянием роста расходов обязательных. Он осуждал стремление властей сузить возможность земств по привлечению разных имуществ к обложению посредством покровительства торгово-промышленному классу. Как считал Карышев, существовали необоснованные льготы частным владельцам. Непонятна была и конкуренция государственных налогов с земскими.

Карышев приветствовал меры, которые земства противопоставили вышеизложенным действиям властей: по возможности уравни-тельное обложение земским сбором всех имуществ, находящихся в

губернии или уезде, борьба с недоимщиками-землевладельцами, требование отмены некоторых стеснительных ограничений своих действий в сфере формальной процедуры при составлении смет и раскладок и при взимании земельного сбора. Он с сожалением констатировал, что земству удалось увеличить свое влияние в деле раскладок только в праве государственного поземельного сбора³².

Публицист придавал большое значение земским ходатайствам, главной целью которых была охрана интересов местного населения³³. Он обращал внимание на то, что большинство ходатайств имело целью оградить эти интересы от таких затрат, которыми пользуется не оно, а кто-то другой – население других местностей, казна или более состоятельные в ущерб менее состоятельным. В большинстве случаев эти ходатайства верховной властью не удовлетворялись³⁴. В качестве причин отклонения просьб земств Карышев выделял фискальные и административные тенденции управления, покровительство государства землевладельческому и торгово-промышленному элементу. Развитие же идеи самоуправления, по убеждению Карышева, требовали «некоторой работы в сторону пополнения и расширения первоначальных законоположений о земских учреждениях»³⁵.

Народник с осторожным оптимизмом отмечал, что земские стремления, даже не выходя из сферы ходатайств, не всегда оставались бесплодными и «сопровождались иногда весьма почтенными законодательными результатами». Это свидетельствовало о законности земских ходатайств об отменах, изменениях и дополнениях законов. Земство, по его мнению, и в этом случае «имело отправной точкой местную нужду, местную потребность, хотя временами последняя могла и не быть характерной особенностью одной только данной местности»³⁶.

Во второй половине 1890-х гг. влияние Карышева и Южакова в редакции «Русского богатства» падает. Вопросы деятельности органов местного самоуправления в большей степени стали освещать более радикально настроенные В. Г. Короленко, Н. Ф. Анненский, М. А. Плотников, В. А. Мякотин и А. В. Пешехонов. Они будут доказывать необходимость быстрее реформирования органов местного самоуправления в направлении ликвидации сословного принципа их формирования и увеличения представительства крестьян.

Анненский и Короленко обращали внимание на нежелательность того, чтобы представителями крестьянства в земствах являлись

волостные старшины и писари, находившиеся в зависимом положении от своего начальства. Другим недопустимым явлением они считали одновременное представительство на земских собраниях волостной администрации и земских начальников, стеснявшее представителей крестьянства, находящихся в зависимости от земских начальников. Последние же находились в такой зависимости от местной администрации, что участие их в органах самоуправления мало оправдывалось, как и участие других чиновников, законом к тому же призванных. Земские собрания неоднократно ставили вопрос о том, чтобы земские начальники не избирались в гласные, а тверское земство даже на практике провело такую меру³⁷.

Для улучшения координации деятельности уездных и губернских земств Анненский и Короленко приветствовали непременно участие председателей уездных управ в составе губернских собраний независимо от избрания их в число гласных, при условии того, что это не должно было умалять и без того малочисленное представительство³⁸. Они выступали за сохранение правила, по которому ходатайства уездных земств восходят к правительству через рассмотрение и заключение отдельных уездов и всей губернии³⁹. Указанные авторы, таким образом, выступали за определенную субординацию в деятельности уездных и губернских земств.

В городских делах, по мнению этих авторов, ситуация отличалась от земской только в том, что в земствах преобладал дворянский и бюрократический элементы, а в городских думах – буржуазный. Н. Ф. Анненский отмечал, что состав городских избирателей и городских гласных был ограничен очень тесными группами городского населения, городская же интеллигенция в массе своей была устранена от участия в городских общественных делах. «Городовое положение» от 11 июня 1892 г., доказывал автор, только ухудшило ситуацию. Он приводил тот факт, что после принятия этого «Положения» даже в Петербурге выборная дума не могла составиться при двукратных выборах, «вследствие чего хозяйством первого города империи, с 10-миллионным бюджетом, ведает собрание, состоящее почти наполовину из гласных, забаллотированных избирателями». Реформу городского самоуправления Анненский считал насущной потребностью городской жизни России⁴⁰.

В 1903 г. В. А. Мякотин раскритиковал рапорт товарища министра внутренних дел Зиновьева о произведенной им по высочайшему повелению ревизии петербургского городского самоуправления.

Причину недостатков в хозяйстве столицы чиновник видел в составе думы, в присвоении ею исполнительной власти и отсутствии сосредоточения последней в управе. Он предлагал расширить состав городских избирателей путем включения в их число, помимо землевладельцев, и «других состоятельных классов населения», сосредоточения всей исполнительной власти в руках управы и такую организацию административного контроля, при которой он простирался бы не только на постановления думы, но и на все действия исполнительных органов⁴¹.

Данные меры Мякотин считал паллиативными и неправильными, указывая на то, что расширение круга избирателей только за счет состоятельных слоев приведет к сохранению городского хозяйства «в заведывании ничтожного меньшинства населения». Существование городских исполнительных комиссий, облеченных известной долей самостоятельности, находящих для себя опору в законе и утверждаемых градоначальником, публицист считал прямой необходимостью. Их наличие отчасти сглаживало недостатки закона 1892 г., который «почти совершенно эмансипировал» управу от влияния дум⁴².

С критикой закона от 1 июня 1895 г., согласно которому из земских бюджетов были исключены обязательные расходы на содержание местных судебно-административных учреждений и губернских статистических комитетов, выступал Н. Ф. Анненский. Главным его недостатком публицист считал то, что сбережение земств, определяемое в 5,8 млн. руб. предоставлялось не в распоряжение земских учреждений, наравне с прочими земскими суммами, а направлялись на создание в каждой губернии дорожного фонда, тратить средства из которого земства могли только с соблюдением определенных условий и под контролем со стороны местной администрации. Это, по мнению Анненского, усиливало регламентацию земского хозяйства, вносило ограничения в принадлежащее земским учреждениям право определять самостоятельно размеры расходов на те или другие отделы необязательной части своего бюджета⁴³.

Анненский и Короленко в 1899 г. положительно восприняли намерение министерства финансов об освобождении земских учреждений от обязательных расходов по содержанию, делопроизводству и квартирному довольствию правительственных чиновников (чинов полиции, судебных следователей) и казенных учреждений (в том числе и средних учебных заведений)⁴⁴.

В 1900 г. МВД вновь делало попытки урегулирования земских расходов с целью сокращения земских бюджетов. По мнению Мякотина, они грозили серьезным переворотом в области всего земского дела, не вызывавшимися какой-либо необходимостью и весьма мало соответствовавших интересам населения. Автор подчеркивал желательность не замедления, а более быстрого роста земских бюджетов. Основным недостатком существующего способа получения земствами доходов он считал то, что главным объектом земского обложения была земля, выносившая на себе непропорционально большую по сравнению с торговлей и промышленностью долю платежей в пользу земства⁴⁵.

Проанализировав закон от 12 июня 1900 г. о предельности земского обложения, Мякотин отмечал, что он нес с собой значительное ограничение средств земского хозяйства. Освобождение земств от некоторых обязательных расходов, по мнению публициста, не давало заметных результатов, «так как земский бюджет и на будущее время остается обремененным гораздо более существенными расходами такого рода». Закон установил трех-процентные нормы ежегодного увеличения земского бюджета, что, как считал Мякотин, знаменует серьезное замедление в росте земского бюджета, ибо последний в конце 1890-х гг. возрастал на 5 % в год. В результате на пути увеличения земских затрат на необязательные расходы создавались труднопреодолимые преграды. Таким образом, делал вывод автор, закон 12 июня развивал принцип фактического контроля администрации над земским хозяйством, послуживший одним из основных начал земского Положения 1890 года⁴⁶.

Другая проблема, привлекавшая народнических публицистов – это организация земством продовольственной помощи голодающему крестьянству. Анненский и Короленко отмечали, что правительственная помощь была неэффективна, так как основывалась на началах круговой ответственности за выданные ссуды⁴⁷. Так как мелкая земская единица не была создана, то Короленко и Анненский выход видели в создании специальных временных организаций, местных продовольственных попечительств, поставленных в непосредственную связь с земскими органами⁴⁸.

Также, как и в деле сельскохозяйственных улучшений и оказания продовольственной помощи, проблемы существовали и в деле организации народного образования. Левые народники-реформисты особое внимание обращали на ненормальное положение, когда

земства, испытывающие недостаток средств, финансируют при этом церковно-приходские школы. Короленко и Анненский в 1897 г. в качестве показательного примера указывали на взаимоотношения Орловского земства с духовной консисторией, которая особым отношением потребовала в 1893 г. вывода земских школ из церковных помещений⁴⁹. Уездные земства Орловской губернии, равно как и другие, должны были передать в ведение епархиального начальства не один десяток учрежденных ими школ. Впрочем, по мнению Короленко и Анненского, жалеть об этом особенно не стоит, ибо земства будут вынуждены «глубже и серьезнее вникнуть в материальный быт и внутренние успехи чисто своих нормальных земских училищ, не гоняясь за дешевизной, которая приносит в данном случае скорее вред, чем пользу»⁵⁰.

В. А. Мякотин отмечал, что скудость материальных средств, находящихся в распоряжении земства, влияла на число училищ и условия их существования. При этом к сельского учителя предъявлялись непомерные требования, его положение было подчиненным. В итоге наблюдалось нечто вроде массового бегства учителей из школ, что серьезно усиливало позиции их конкурента – казенной винной лавки. Автор считал, что земства могли собственными усилиями улучшить материальную обстановку жизни учителя, и они принимали меры в этом направлении, хотя часто и недостаточные⁵¹.

Публицисты «Русского богатства» наряду с предложениями по совершенствованию деятельности органов местного самоуправления с конца XIX в. все в большей степени критиковали правительственные структуры, а также руководителей многих земств и городских дум. Они резко осуждали представителей местной администрации, зачастую превышающих свои полномочия. Как отмечал М. А. Плотников, в 1890-х гг. частыми явлениями были приостановка действий постановлений земских собраний, неутверждение избранных последними исполнительных органов самоуправления и т.д. Право veto применялось администрацией без достаточной разборчивости, о чем свидетельствовал тот факт, что, по жалобам земских собраний в сенате, последним отменялось 87 % протестов губернаторов⁵².

Указанные вопросы разрешались губернскими по земским делам присутствиями, через которые направлялись постановления губернаторов. Но, констатировал Плотников, эти органы оказывались слабым коррективом благодаря составу заседающих там лиц, стоя-

щих в непосредственно подчиненном отношении к начальнику губернии⁵³.

Мякотин, как и Плотников, отмечал ненормальность положения, когда губернатор давал указания служащим земских учреждений. Он указывал на то, что закон признавал за губернатором право известного надзора за деятельностью земских учреждений и утверждения приглашений земством на службу лиц, но не ставил губернатора в положение прямого начальника ни земств, ни лиц, состоящих на земской службе⁵⁴.

Существовали со стороны администрации и препятствия в виде стеснений, которым подвергались земские издания. Согласно мнению Госсовета от 13 июня 1867 г., земством воспрещалось без разрешения губернатора печатать отчеты и материалы о прениях и речах, произнесенных на земских собраниях⁵⁵. По мнению Плотникова, это серьезным образом сказывалось на практической стороне земского дела⁵⁶.

В. А. Мякотин обращал внимание и на то, что некоторые земские деятели и собрания враждебно относились к критике со стороны органов печати. В качестве примера он указывал на конфликт между орловским земством и газетой «Орловский Вестник», которая в отчете о земском собрании за 1902 г. допустила ряд ошибок и неточностей. Руководство управы, вместо того, чтобы исправить эти неточности при помощи самой газеты, обрушилось на последнюю с уничтожающей критикой. В результате «Орловский Вестник» отказался от помещения всяких отчетов о заседаниях земского собрания. Мякотин с возмущением писал: «...трудно вообще понять, каким образом преданность местному самоуправлению может сочетаться с враждебным отношением к гласности»⁵⁷.

А. В. Пешехонов считал необходимым преодолеть характерную для многих уездов ограниченность круга лиц, из которых пополняется состав «лучших людей»⁵⁸. Правительство, замечал публицист, практически не прислушалось к соображениям земств по вопросу о статистических бюро. Это, по мнению Пешехонова, во многом определялось составом земских собраний. Гласные земств позволили властям загубить в ряде губерний ряд отраслей земской деятельности. В первую очередь это относилось к земской статистике. Пешехонов полагал, что недостаточную «упругость» проявляли не только управы, но и персонал статистических бюро, и в первую очередь их заведующие⁵⁹.

Земства иногда все-таки осмеливались выступать с ходатайствами, в которых предлагали ограничить административное вмешательство в их жизнь. В связи с этим они неизбежно должны были вносить предложения об изменениях в Положение о земских учреждениях 1890 г, что вызывало определенные надежды левых народников-реформистов. Как отмечал в 1900 г. В. А. Мякотин, земцы, вспомнили о тех порядках, которые существовали в 1870–1880-х гг., и стали ходатайствовать о частичной отмене действующего Положения⁶⁰. В начале 1903 г. он констатировал, что с 1902 г. в земских собраниях не шло речи о передаче тех или иных отраслей земского дела в чужие руки и о сочувствии к «сдерживающим влияниям»⁶¹. Во многих собраниях поднимались вопросы об исправлении наиболее существенных недостатков действующей системы земского представительства⁶².

Оживление это, по мнению Мякотина, привело правительство к мысли об учреждении в составе МВД одного главного управления, в котором были бы сосредоточены все дела по местному хозяйству. Впрочем, эту меру он считал явно недостаточной. Ведь в состав предполагавшегося совета планировалось ввести всего пятнадцать «местных деятелей», причем в их число входили и предводители дворянства, и председатели земских управ, и члены их, и городские головы, и земские и городские гласные. Все они должны были занять свои места по назначению⁶³.

Таким образом, в среде народников-реформистов были распространены разные точки зрения в отношении органов местного самоуправления и их роли в русской жизни.

Крайне правый народник И. И. Каблиц оценивал перспективы развития общественного самоуправления достаточно сдержанно, опасаясь, что те же земства окажутся инструментом, с помощью которого «прогрессистская» интеллигенция будет проводить эксперименты над народом, не учитывая его мнений и желаний. Но в условиях реакции царствования Александра III среди деятелей правого течения реформаторского народничества наибольшее распространение получили идеи Я. В. Абрамова, С. Н. Кривенко и Е. Д. Максимова, сводящиеся к тому, что интеллигенция должна использовать имеющиеся органы местного самоуправления для развития народного здравоохранения, призрения, начального обучения. Максимов также обращал внимание на необходимость совместной работы земства и государства в этом направлении.

В среде левых народников-реформистов также можно выделить две точки зрения. Н. А. Карышев и С. Н. Южаков выступали за частичные изменения в деятельности органов местного самоуправления, направленные на расширение их компетенции в различных сферах деятельности, но при этом главные надежды они возлагали на добрую волю правительства.

Более радикально настроенные М. А. Плотников, Н. Ф. Анненский, В. Г. Короленко, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов скептически оценивали как политику правительства в сфере местного самоуправления, так и результаты деятельности земств и городских дум. Они видели, что в ряде земств верховодят либо явные реакционеры, отрицающие саму идею самоуправления, либо откровенные корыстолюбцы из дворянского сословия. «Третий земский элемент», являвшийся социальной базой реформаторского народничества, зачастую преследовался руководителями дум и управ. Поэтому развитие органов местного самоуправления они связывали с реформой всей политической системы страны.

¹ См.: *Харламов В. И.* Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х гг. XIX века. Общественно-политические воззрения Каблицы /Юзова/: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980; *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995; *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997; *Новак С. Я.* Абрамов – пионер «теории малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4; *Жвания Д. Д.* Народники-реформисты о крестьянской общине в 70–90-х гг. XIX века (В. П. Воронцов, И. И. Каблиц, П. А. Соколовский): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997; *Касторнов С. Н.* Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2002; *Мошкин Г. Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010; *Чернышева Е. В.* Социальный облик и общественная деятельность земских служащих (вторая половина 1860-х – 1914 годы) в отечественной историографии: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Челябинск, 2011.

² *Герасименко Г. А.* Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 16.

³ *Головачев А. А.* Десять лет реформ: (60–70-е годы): Земские учреждения // Вестник Европы. 1871. № 9. С. 124.

⁴ *Каблиц (Юзов) И. И.* Основы народничества. Ч. 1. 2-е, доп. изд. СПб., 1888. С. 309.

⁵ Там же. С. 213.

⁶ *Кривенко С. Н.* По поводу внутренних вопросов // Отечественные записки. 1883. № 7. С. 309.

⁷ Там же.

- ⁸ ОР РНБ. Ф. 1029 (Максимов Е. Д.). Оп 1. Ед. хр. 24. Л. 454.
- ⁹ *Анненский Н. Ф.* Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1896. № 1. С. 188.
- ¹⁰ *О. Б. А. [Анненский Н. Ф., Короленко В. Г.]* Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1900. № 5. С. 181–183.
- ¹¹ *Каблиц (Юзов) И. И.* Основы народничества. Ч. 2. 2-е, доп. изд. СПб., 1893. С. 91–92.
- ¹² Там же. С. 299.
- ¹³ Там же. С. 305.
- ¹⁴ Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1894. № 5. С. 82–83.
- ¹⁵ *Плотников М. А.* Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1898. № 1. С. 158.
- ¹⁶ Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1900. № 10. С. 178.
- ¹⁷ *Мякотин В. А.* Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1903. № 3. С. 180.
- ¹⁸ *Кривенко С. Н.* По поводу внутренних вопросов // Отечественные записки. 1881. № 10. С. 215.
- ¹⁹ *Кривенко С. Н.* По поводу внутренних вопросов // Отечественные записки. 1882. № 4. С. 269.
- ²⁰ Там же. С. 273, 276, 282.
- ²¹ *Абрамов Я. В.* Мещане и «город» // Отечественные записки. 1883. № 3. С. 1–2, 8–10, 14–21.
- ²² *Абрамов Я. В.* Что сделало земство и что оно делает (Обзор деятельности русского земства). СПб., 1889. С. 170, 251.
- ²³ Там же. С. 60, 69, 77.
- ²⁴ ОР РНБ. Ф. 1029 (Максимов Е. Д.). Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 235.
- ²⁵ Там же. Л. 237.
- ²⁶ Там же. Л. 11, 13.
- ²⁷ *Южаков С. Н.* Из современной хроники // Русское богатство. 1895. № 3. С. 117.
- ²⁸ *Южаков С. Н.* Из современной хроники // Русское богатство. 1895. № 4. С. 124, 127, 135–136.
- ²⁹ Там же. С. 145.
- ³⁰ *Карышев Н. А.* Земские ходатайства // Русское богатство. 1899. № 5. С. 117; *Он же.* Земские ходатайства // Русское богатство. 1899. № 9 (12). С. 56.
- ³¹ *Карышев Н. А.* Земские ходатайства // Русское богатство. 1899. № 8 (11). С. 140–142.
- ³² *Карышев Н. А.* Земские ходатайства // Русское богатство. 1899. № 6 (9). С. 140–142.
- ³³ *Карышев Н. А.* Земские ходатайства // Русское богатство. 1899. № 9 (12). С. 53–54.
- ³⁴ *Карышев Н. А.* Земские ходатайства // Русское богатство. 1899. № 8 (11). С. 67.
- ³⁵ *Карышев Н. А.* Земские ходатайства // Русское богатство. 1899. № 9 (12). С. 64.

- ³⁶ Там же. С. 65.
- ³⁷ О. Б. А. [Анненский Н. Ф., Короленко В. Г.] Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1897. № 10. С. 204–205.
- ³⁸ Там же. С. 206.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Анненский Н. Ф. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1896. № 1. С. 187.
- ⁴¹ Мякотин В. А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1903. № 2. С. 186, 189.
- ⁴² Там же. С. 186, 189.
- ⁴³ Анненский Н. Ф. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1896. № 1. С. 183–184.
- ⁴⁴ О. Б. А. [Анненский Н. Ф., Короленко В. Г.] Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1899. № 3. С. 181.
- ⁴⁵ О. Б. А. [Анненский Н. Ф., Короленко В. Г.] Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1900. № 4. С. 189.
- ⁴⁶ О. Б. А. [Анненский Н. Ф., Короленко В. Г.] Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1900. № 8. С. 126.
- ⁴⁷ О. Б. А. [Анненский Н. Ф., Короленко В. Г.] Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1897. № 9. С. 181.
- ⁴⁸ Там же. С. 198.
- ⁴⁹ Там же. С. 208.
- ⁵⁰ Там же. С. 209.
- ⁵¹ О. Б. А. [Анненский Н. Ф., Короленко В. Г.] Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1900. № 4. С. 181, 188.
- ⁵² Плотников М. А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1898. № 2. С. 206.
- ⁵³ Там же. С. 207.
- ⁵⁴ Мякотин В. А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1903. № 8. С. 217.
- ⁵⁵ Герасименко Г. А. Указ. соч. С. 15.
- ⁵⁶ Плотников М. А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1898. № 3. С. 188–190.
- ⁵⁷ Мякотин В. А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1903. № 1. С. 144.
- ⁵⁸ Пешехонов А. В. На очередные темы. Материалы для характеристики общественных отношений в России. СПб., 1904. С. 32.
- ⁵⁹ Там же. С. 331.
- ⁶⁰ О. Б. А. [Анненский Н. Ф., Короленко В. Г.] Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1900. № 4. С. 196.
- ⁶¹ Мякотин В. А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1903. № 1. С. 142.
- ⁶² Там же. С. 155–156.
- ⁶³ Мякотин В. А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1903. № 11. С. 185.

**Гипотеза или единственно верная научная теория?
(марксизм в оценках умеренного крыла русского
народничества в 90-е гг. XIX в.)**

Полемика между народниками и марксистами в 90-е гг. XIX в. по вопросам социально-экономического, общественно-политического развития страны неоднократно были предметом изучения в советской историографии. Можно даже сказать, что эта проблема стала непрямым условием освещения процесса «зарождения и мужания» молодой российской социал-демократии в борьбе с «отсталой» и уже в силу этого «реакционной» теорией народничества. Основной идеей подавляющего числа работ стало ленинское утверждение о «крестовом походе» «друзей народа» против единственно верного марксистского понимания закономерностей эволюции общества, превращения некогда прогрессивного направления революционно-освободительного движения в разновидность либерального варианта половинчатых и непоследовательных реформ. Желание доказать справедливость ленинского подхода толкало к обвинениям в фальсификации, ревизионизме марксизма, извращении его реального содержания. Естественным следствием подобных утверждений становился вывод о принадлежности народников к злейшим врагам марксизма, защитникам интересов кулачества и мелкой буржуазии.

К чести отечественных историков столь вульгарная и далеко не научная интерпретация на рубеже 1960–1970-х гг. была подвергнута критике, естественно, в «рамках объективного марксистско-ленинского анализа проблемы». Однако это не помешало указать на явные несуразности обличительно-прокурорской позиции, ее несовместимость с научным подходом. Первым обратил внимание на ошибки предшественников В. Г. Хорос, который отметил, что «увлекшись “обличением” народничества, исследователи ограничивались формально-теоретической критикой народнической идеологии, приходили к односторонним выводам»¹. В его монографии «Народническая идеология и марксизм (конец XIX в.)» была обоснована правомерность постановки проблемы «отражения» марксизма в идеологии умеренно крыла (либерального) народничества.

Идея необходимости коррекции методологии исследования была подхвачена В. Ф. Пустарнаковым, А. И. Володиным, Б. С. Итенбергом.

По их мнению, центром исследования должны были стать не факты и механизм влияния марксизма на русскую мысль, а проблема восприятия, истолкования, интерпретации его положений в России. Как справедливо отмечали авторы, «объект влияния со стороны марксизма был одновременно всегда субъектом интерпретации марксизма»². Политическая целесообразность постепенно, но неуклонно, вытеснялась научной толерантностью и взвешенностью оценок, в основе которой лежала убежденность в *равнозначности* двух доктрин, как вариантов модернизации общества, перехода от традиционной к индустриальной стадии развития³.

Такой подход позволяет, на наш взгляд, по-иному осветить как характер развернувшихся в 1890-е гг. дискуссий, их целевую направленность, так и степень восприятия новых идей, их приспособление к национальным условиям, использование для актуализации основополагающих принципов народнической доктрины. Не менее важным представляется и вопрос о начальном этапе полемики, когда марксизм только закреплялся в идейном поле общественной мысли.

Разность взглядов на данную проблему правомерно рассмотреть на примере взглядов, пожалуй, наиболее крупных экономистов-народников – В. П. Воронцова и Н. Ф. Даниельсона. Выбор данных личностей определяется не только их ролью в народническом направлении общественной мысли, но и своеобразием оценок марксизма, прозвучавших в их работах.

Но предварительно необходимо обратиться к сформировавшемуся в 1870–1880-е гг. отношению к теории К. Маркса. Публикация в 1871 г. первого тома «Капитала» вызвала живой интерес у передовой общественности. Своими суждения по поводу вышедшей работы высказали многие публицисты. В их числе были П. Л. Лавров и П. Н. Ткачев, М. А. Бакунин и Н. К. Михайловский, П. П. Червинский и И. И. Каблиц. В списке народников, в разное время высказывавших свое мнение о марксизме, были и революционеры, и сторонники умеренного крыла народничества. Преобладающим в оценках – при всех различиях во взглядах – являлась убежденность в научной значимости открытий, сделанных Марксом. Не случайно было и частое сравнение марксистской теории с дарвинизмом⁴. Законы эволюции природы и законы общественного развития рассматривались как несомненные достижения науки. В меньшей степени уделялось внимание преобразовательной стороне новой доктрины. И хотя некоторые идеи марксизма использовали в своей пропагандистской

деятельности землевольцы, активного распространения в революционной среде 1870-х гг. марксизм не получил.

Однако неудача революционного натиска на самодержавие заставила часть радикально настроенных народников пересмотреть свои убеждения. Эта незначительная группа революционеров, пройдя, по словам Плеханова, этап «разочарований в “программах”, казавшихся самыми практичными и безошибочными»⁵, искали выход из создавшегося положения посредством обращения к новой социалистической доктрине. Не видя ответа на целый ряд «в высшей степени важных вопросов», бывшие члены организации «Черный передел» начали критический пересмотр своего идейного багажа.

Социалистическая альтернатива по-прежнему осталась доминантой их мировоззрения. Но теоретические поиски шли не в русле выявления особенностей эволюции России, а через однозначное признание капиталистического развития страны. Опыт Западной Европы свидетельствовал о несомненной прогрессивности капитализма. Эпоха кровавых драм 1840-х годов, которая потрясла А. И. Герцена, осталась в прошлом. Пролетариат завоевал право участия в политической жизни. Влияние социал-демократических партий, выражавших интересы наемных рабочих, возрастало. Марксизм как идеология рабочего класса завоевывал все больший авторитет и силу. Утверждение о том, что «вместе с Александром II динамит убил народнические теории» неминуемо приводило бывших чернопередельцев к решению «стать на точку зрения социальной демократии Запада»⁶.

Возникшая в 1883 г. за границей первая марксистская группа «Освобождение труда» (Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, В. Н. Игнатов) поставила перед собой задачу пропаганды и распространения марксизма в России.

Во взглядах членов группы менялось отношение к крестьянству. Сходясь с народниками-реформаторами в признании исторической пропасти, отделяющей народ от образованной части населения, Плеханов и его товарищи порвали с иллюзиями в отношении скорого пробуждения крестьянства. Напротив, они стали подчеркивать его консервативность и реакционность. Тяжелые годы подполья, преследования полиции, идейные споры, смерть друзей, изломанность личных судеб, – все воплотилось в желании отказа от неоправдавшихся прогнозов и ниспровержении провинившихся богов.

В одном бывшие чернопередельцы были верны традиции революционного движения – приверженности высокой оценки роли интеллигенции в освободительном движении и поискам потенциального носителя революционных идей. Основной преобразующей силой общества, по мысли Плеханова и его товарищей, должен был стать класс совершенно новый для России – пролетариат. Только он мог составить «единственно понятливую аудиторию по жгучим социальным вопросам». Только он мог «послужить связующим звеном между крестьянством и социалистической интеллигенцией» и тем самым ликвидировать зияющую пропасть между «народом» и «образованной частью» населения страны⁷. Менялась не просто избранность субъекта планировавшихся преобразований, менялась сама система оценок, ее категориальность. На место широко подготовленной высокоморальной личности, способной увлечь народ своими убеждениями, высоким словом, самопожертвованием, должен был прийти класс, объединенный общими интересами, совместной работой, цельной идеологией.

Капиталистический способ производства с его нещадной эксплуатацией ближнего становился для пролетариата купелью, через которую должен был пройти любой человек, обращающийся в новую веру, приобретающий статус парии этого общества и одновременно его будущего могильщика. Отрицая в себе «идиотизм деревенской жизни», рабочий как бы заранее гарантировал, если не себе, то своим потомкам, отпущение грехов и пропуск в светлый и прекрасный храм коммунизма. А значит, и сам капитализм представлялся не таким исчадием ада, каким видели его народники, а необходимым этапом эволюции человечества, в который уже вступили другие народы и страны. Да и сама Россия была обречена на мучительное прохождение этой стадии развития и делала в этом направлении гигантские шаги.

Пропаганде идей марксизма Плеханов, как главный теоретик группы, посвятил свои силы, талант публициста и философа. Критика основных принципов народничества под его пером приобрела характер литературной войны за чистоту идей. Эта непримиримость свидетельствовала не только о цельности взглядов, но была предвестницей будущей нетерпимости к аргументам противников.

Кроме того, безусловное преклонение перед авторитетом всегда чревато сужением общего понимания проблемы. Плеханов упускал из виду, что в такой же степени как марксизм оказывал влияние на

развитие русского социализма, так и сама народническая мысль могла влиять на понимание Марксом и Энгельсом многих социально-экономических процессов, происходивших в странах второго эшелона капитализма (Испания, Италия, Португалия, Австро-Венгрия), к числу которых относилась и Россия. Так, высказанная А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским идея некапиталистического развития при использовании общины, получила и марксистскую интерпретацию. Из переписки Маркса с русскими общественными деятелями известно, что он считал такую возможность вполне реальной, хотя и сильно сомневался в жизнеспособности русской общины под всеразрушающими ударами капитализма. После смерти Маркса Энгельс дал свое понимание этого вопроса. В чисто теоретическом плане он не исключал общинную альтернативу и обуславливал ее победой пролетариата на Западе с последующей его действенной помощью странам, осуществляющим революционно-демократические преобразования.

Наряду с этим, и само восприятие марксизма не могло быть одномомерным и однозначным. Будучи полифоничной по своему звучанию, теория Маркса по-разному воспринималась представителями различных направлений общественно-политической мысли страны. Для усвоения всей совокупности идей марксизма (как, впрочем, и для выявления утопичности его некоторых положений и ограниченности прогностических возможностей) необходимы были время, выработка понятий, становление философской школы.

В деле пропаганды марксистских идей группа «Освобождение труда» добилась многого. В первую очередь это относится к пониманию и интерпретации философии и социологии Маркса. Однако попытка анализа действительного экономического положения России не удалась в силу желания показать, как должно происходить становление капитализма в стране, а не как оно происходило в действительности. В этом отношении исследования экономистов-народников оказались не только богаче по использованному статистическому материалу, но и в плане показа реальных процессов, изменявших лик пореформенной России.

Однако радикально настроенную молодежь привлекала не столько точность и доказательность особенностей развития национальной экономики, сколько логика научного обоснования социалистического идеала, обращение внимание на новый слой населения — промышленный пролетариат. Новизна учения, помноженная на увле-

ченность юности, создавала питательную среду для быстрого и активного распространения марксизма. Другими словами, данный процесс представлял собой не только проникновение, закрепление неких постулатов и связанный с ними пересмотр общественно-политических идей, но и столкновение поколений, формирование которых произошло в разное время, в различных условиях, испытало влияние разнохарактерных событий. И если молодые адепты марксизма восторженно воспринимали и пропагандировали буквальное прочтение марксизма, то более опытные общественные деятели осторожно и взвешенно относились к возможности использования теории в целом или ее отдельных сторон для понимания законов общественного бытия.

К числу лиц, которые не принадлежали к безоговорочным сторонникам модной научной доктрины, относился Воронцов. Он считал марксизм вполне законченной научной гипотезой, которая родилась в результате систематического и последовательного изучения реальных тенденций в жизни западноевропейского общества. Ей не было присуще спекулятивное желание поставить «осуществление известной идеи <...> в зависимость <...> от безличного абстрактного “закона”». Естественно, что, как и любому учению, марксизму были свойственны некоторые недостатки. Так, Воронцов указывал на метафизичность и всеобщность законов социального развития, присущих в духе гегелевской философии марксистской доктрине. Такой унифицирующий подход стирал особенности, присущие каждой стране, лишал ее «самостоятельной схемы эволюции», нивелировал отличия, создавал иллюзию однолинейности исторического процесса. Кроме этого Воронцов придерживался мнения об отсутствии в марксизме субъективного элемента. Экономический фактор не мог заменить сознательной и целенаправленной деятельности человека. Общественная эволюция зависит от практики людей, которые «тащат историю в разные стороны» и конечный результат представляет собой сумму различных величин, далекую от представлений отдельного лица. Но энергия сознательных борцов неминуемо «отразится на равнодействующей», может даже прервать неблагоприятную для общества тенденцию эволюции⁸.

Но в своей критике теории Маркса Воронцов не ограничился исключительно методологическими проблемами, а остановился также на ошибках в прогнозах эволюции экономики, социальной и политической сфер жизни общества.

Так, марксистский тезис о том, что «капитал должен постепенно сосредотачиваться все в меньшем и меньшем числе рук», пока не приведет к концентрации национального достояния в руках у небольшой кучки людей, «эксплуатирующих целый народ», оправдался не полностью. Хотя подобная тенденция продолжала существовать, но наряду с этим обнаружилось и другое направление. Все большее количество крупных предприятий использовали «при помощи акционерных компаний <...> (выпуском акций и облигаций...)» сбережения рядовых граждан⁹. Это свидетельствовало, по мнению Воронцова, об усилении паевого принципа финансирования производства и распределения прибыли.

Наряду с этим, глубокая убежденность Маркса в будущем господстве крупных предприятий также не подтвердилась. Как в промышленности, так и в сельском хозяйстве по-прежнему сохранялись мелкие объединения производителей, успешно противостоящие конкуренции мощных объединений. Для аграрного сектора экономики это означало, что его превращение в коллективное производство «будет закончено не капиталистическим путем»¹⁰.

На этом «ограничения» марксистской теории не заканчивались. Народнический экономист подметил и уязвимость утверждения об абсолютном обнищании населения. Бедность и униженное положение пролетариата действительно существовали как результат усиленной эксплуатации, но только «на первых ступенях развития капитализма». Однако рост рабочего сопротивления, создание профессиональных и политических организаций, проведение забастовок, четкое и недвусмысленное выражение интересов людей труда заставляли капиталистов «умерять свою эксплуатацию и делиться с рабочими частью своих барышей». Менялась сама структура капиталистического общества. Наемные рабочие уже были инкорпорированы в систему социальных связей, а не противостояли ей. Как подчеркивал Воронцов, изменение статуса пролетариата привело к тому, что борьба происходила «на почве существующего строя» при ослаблении и превращении революционной силы рабочего класса в силу эволюционную. Анализ требований участников стачек в Англии позволял ему утверждать, что эти формы сопротивления в основном использовались как фактор морального давления на предпринимателей. Улучшения своего положения рабочие могли добиться «путем мирных переговоров с хозяевами». Обоюдное недоверие, нетерпимость, а часто и ненависть, должны были уйти в про-

шное. Трудовые конфликты вполне могли регулироваться через учреждение «особых камер из представителей фабрикантов и рабочих». Это, как считал Воронцов, служило бы взаимной выгоде обеих сторон. Более того, компромиссное решение многих трудных вопросов давало возможность снять проблему противостояния, классовой борьбы и направить социальную энергию на достижение общих целей, превратить «...отношения между капиталистами и рабочими <...> в договорные отношения союзников, устанавливающих участие каждой стороны в предприятии на основании тщательной оценки всех обстоятельств данного дела...»¹¹.

Надо сказать, что многое в замечаниях Воронцова о несоответствии классических марксистских идей реальному состоянию капиталистического производства было вполне обоснованно. К концу XIX в. капитализм свободной конкуренции продемонстрировал свою устойчивость и эластичность. Противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистическим характером присвоения прибыли не достигли, как предполагали Маркс и Энгельс, своего апогея. Циклические кризисы перепроизводства не приблизили момент революционного взрыва. Параллельно с концентрацией производства и капитала достаточно широкое распространение получила и акционерная форма собственности. Жизненный уровень наемных рабочих не падал, а постепенно повышался. В этих условиях многие из прогнозов марксизма звучали, по крайней мере, не убедительно. Воронцов был одним из первых русских экономистов, кто обратил на это внимание. В своих работах он высказал идеи, которые во многом были созвучны взглядам Э. Бернштейна.

Критика марксизма, основанная на сопоставлении основных положений теории с реальной действительностью, подталкивала Воронцова к необходимости внесения корректив в марксистские прогнозы будущего. В теоретическом плане он оспаривал правомерность долговременного прогнозирования, рассчитанного на несколько десятков лет. Жизнь общества, по его мнению, зависела от влияния многих факторов, учесть которые было чрезвычайно трудно. Поэтому возможно было в лучшем случае «...констатировать существование в данное время известных тенденций <...> в течение определенного, может быть, очень непродолжительного времени, так как самый процесс эволюции порождает новые условия, дающие начало новым тенденциям, определить характер которых заранее решительно невозможно»¹².

Частное подтверждение этой мысли Воронцов находил в марксистском тезисе о переходе все большей части промышленных предприятий в руки узкой группы предпринимателей. По его собственному убеждению, следовало ожидать, что в будущем «некоторые отрасли в интересах общественной пользы станут постепенно переходить под управление правительства или общественных организаций», как это уже произошло с почтой, телеграфом, некоторыми железными дорогами. В других отраслях «разовьется кооперативное производство». Часть промышленных предприятий еще долго будет оставаться в частной собственности, но наметившийся процесс акционирования, в конце концов, превратит владельца в управляющего от имени пайщиков¹³. Тем самым Воронцов предвидел вполне реальный (и воплотившийся затем на практике) процесс огосударствления, государственного регулирования, кооперации и акционирования в промышленности, влиявший на характер собственности при капитализме.

Для него факт ошибочности в прогнозах марксизма свидетельствовал о слабости аргументации в пользу повсеместного использования идей Маркса. Это относилось как к научной доктрине, так и идеологической направленности. Как писал Воронцов, марксистское учение появилось в Западной Европе, и было построено на анализе машинной стадии развития промышленного производства. Но уже эти параметры ограничивали возможность ее применения в странах с преобладающим земледельческим населением. Особенно там, где еще окончательно не решен вопрос о характере землевладения, где крестьянство не превратилось в наемных рабочих и стремится «соединиться опять с землей <...> в надежде трудиться на ней, как самостоятельный собственник, самостоятельный индивидуальный производитель». В таких странах капиталистический способ производства окончательно еще не разрушил возможность «развития в будущем высоких социально-бытовых форм» на основе «способности к солидарной деятельности»¹⁴.

По мнению Воронцова, безусловный крах универсализма марксистских идей в социально-экономической области, необходимость серьезных корректив прогностических возможностей доктрины во многом лишали ее силы и мощи идеологического влияния. Научный социализм возник на основе веры в то, что капитализм «неизбежно уступит место строю коллективистическому», и что фабрично-заводские рабочие «есть тот элемент, которому предстоит водворить

новые порядки»¹⁵. Но стабильность экономического развития, снятие напряженности в общественно-политических отношениях заставляли усомниться в правомерности утверждений о преобразующей роли пролетариата и о возможности использования марксизма в странах с преобладающим крестьянским населением.

Положение наемных рабочих в процессе промышленного производства изначально было не самостоятельным и сводилось к одному из элементов «мертвого процесса производства», роли «живого инвентаря», бессловесно выполняющего автоматические операции. Уже в силу этого пролетариат, как считал Воронцов, не мог иметь «зизждительной идеи» обновления мира. В лучшем случае он способен был явиться силой разрушительной. Но и в этом качестве фабрично-заводские рабочие становились лишь слепыми исполнителями чужой воли. Продолжительный рабочий день, отсутствие досуга для повышения своего культурного уровня воспитывали у пролетария психологию «промышленного солдата, которого искусные демагоги могут обратить в солдата политического», пассивно следующего за вожаками¹⁶.

Конечно же, в своем отношении к промышленным рабочим Воронцов явно субъективен и пристрастен. Негативная оценка «стадного чувства», отрицание цивилизующего влияния технических знаний, роста образовательного уровня, политической культуры страдают явными передержками, желанием доказать «идиотизм городской жизни» капиталистического общества. При этом Воронцов забывает о высказанных идеях улучшения благосостояния, участия рабочего класса в разрешении социальных конфликтов. Но вместе с тем само предупреждение о возможности манипулирования узкой группой лиц массовым сознанием, возможности использования доверчивости и веры людей в корыстных целях было далеко не беспочвенным.

Естественно, Воронцов не ставил своей задачей предугадать вероятное развитие событий. Тезис о подчиненной и зависимой роли пролетариата был необходим для противопоставления его негативных качеств инициативе, деловой хватке, разуму и самостоятельности сельского жителя. Общинное владение землей, взаимопомощь, коллективное решение многих вопросов способствовали, по мнению народнического экономиста, образованию у крестьян «психического типа с задатками высоких альтруистических черт», который наиболее подходил «для развития способности к солидарной деятельности»¹⁷.

Уже в силу этого использование в странах с преобладающим крестьянским населением марксизма представлялось Воронцову «совершенно неестественным». В России, например, «пролетарий тонет в массе крестьянства». И если следовать марксистской модели общественного устройства, то «необходимо бы требовать <...> обездоления большей части населения страны». При таком подходе сам марксизм превращался «...в доктрину <...>, оскорбляющую наши идеальные порывы предложением мириться с массой страданий, ожидающих русский народ в течение неизбежного будто бы процесса выварки его в фабричном котле, игнорирующую реальные интересы реальных масс трудящегося люда, конструирующую, а не выясняющую прогрессивную эволюцию нашей страны, ломающую, а не развивающую жизненные процессы»¹⁸.

Как и Михайловский, Воронцов выступал против односторонности марксизма, которая коренилась, на его взгляд, в излишней универсализации исторического процесса, навязывании однотипности общественной эволюции, недооценке своеобразия каждой страны. В научном отношении эти недостатки, как и допущенные просчеты в прогнозировании дальнейших изменений характера собственности при капитализме, разрешении социальных конфликтов между рабочими и предпринимателями, могли быть отнесены к вполне естественной и объяснимой тенденциозности, желанию выделить и обосновать влияние экономического фактора на все стороны общественного бытия. И в этом отношении Воронцов несколько не отрицал правомерность, необходимость и желательность «обогащения русской науки марксизмом». Но это обогащение не должно было идти по пути создания особой идеологической системы, а стать «руководящей нитью и методом при исследовании сложных явлений исторической жизни». Тем самым Воронцов придерживался, в общем, традиционной точки зрения об использовании марксизма исключительно в качестве научной гипотезы¹⁹.

Итак, народнический публицист допускал с определенными оговорками возможность и допустимость применения гипотетических положений марксистской доктрины в научном анализе социально-экономических процессов, происходящих в обществе. Что же касается взаимоотношения собственного мировоззрения и перспектив развития капитализма в стране, то в этом вопросе Воронцов, отвергая возможность капиталистической эволюции России, несущей неисчислимы страдания трудовому народу, не мог равнодушно отно-

ситься к перспективе объективистского взвешивания преимуществ и недостатков вероятных последствий развития товарно-денежных отношений. Возложенная им на себя миссия защитника интересов народа заставляла противопоставлять личное понимание задач отечественной интеллигенции «неумолимому молоху марксистской предопределенности». Приверженность субъективному методу в социологии заставляла не только четко обозначить свои теоретические подходы, но и определить параметры социалистичности марксизма, применимость его идей на русской почве. Воронцов однозначно отвергал вероятность торжества марксизма в России.

Своеобычную позицию в выступлениях народников по вопросам марксизма занял Н. Ф. Даниельсон. Это учение оказало существенное влияние на формирование его взглядов. Для него Маркс стал непререкаемым авторитетом в области исследования общественно-политических и социально-экономических проблем. Весьма показательно, что когда в конце века многие идеи марксизма подвергались пересмотру, Даниельсон продолжал восторгаться эрудицией Маркса. В письме Н. А. Каблукову от 26 октября (7 ноября) 1900 г. он писал, что перечел такие произведения как «Классовая борьба во Франции», «Разоблачение дипломатической истории XVIII века», сборник статей, посвященных Крымской войне 1853–1856 гг., и нашел их нисколько не устаревшими: «Что за разностороннее образование! Для нас все эти книги любопытны в особенности потому, что касаются главным образом России...»²⁰.

Преклонение перед марксистской методологией проходит через все работы Даниельсона. А 1890-е гг. стали временем его активных выступлений против преуменьшения значимости научных открытий Маркса, за широкую пропаганду его идей. Конечно же, даниельсовское понимание марксизма далеко не во всем соответствовало его реальному содержанию (по-другому и не могло быть). Но сам факт перевода и публикации III тома «Капитала», повторное переиздание первого тома, изложение собственных взглядов говорят о многом.

В первую очередь Даниельсон подчеркивал стройность, последовательность, тщательность изучения явлений, взвешенность и обоснованность выводов. Он писал в предисловии к третьему тому «Капитала», этот труд «может служить образцом объективного метода в политической экономии, образцом истинно научных приемов при изучении явлений хозяйственной жизни»²¹. Как и Воронцов, Даниельсон заострял внимание именно на научной стороне марксист-

стской теории, но его видение не содержало каких-либо критических замечаний. Более того, его работы, опубликованные на страницах «Русского богатства» на рубеже XIX–XX вв., переполняют возражения против упреков в абсолютизации Марксом экономических причин развития общества.

Как считал Даниельсон, никаких признаков «однопричинности» в марксизме не было и в помине. «Явления хозяйственного порядка» определяют собой наиболее общие законы существования общества, но формы их проявления «...зависят от бесконечного ряда условий, при которых совершаются хозяйственные явления, <...> законы эти имеют силу лишь при наличии целого ряда условий и в пределах этих условий». Заслуга Маркса как раз и состояла в том, что он первый разработал способ исследования, позволяющий осуществить «...переход от общих законов, лежащих в основании явлений определенного порядка, <...> к тем, которые видоизменяют их чистое проявление». Правда, по признанию Даниельсона, систематического исследования влияния политических, правовых, нравственных и других причин на экономику основоположник марксизма не дал. Он только обозначил в последнем разделе третьего тома эти проблемы и постарался подготовить своих читателей для их восприятия. Однако смерть Маркса помешала осуществить задуманное²².

Но и вычленение главной составляющей общественного прогресса превратило социологию в науку, вооружив человека методом прогнозирования будущего. Теоретическая высота, которой достиг Маркс, «...давала ему возможность видеть вперед путь, по которому идет современное общество, и вследствие этого он имел возможность предостерегать общество от тех затруднений, от тех препон, которые отчетливо выделялись его умственным взором с высоты его научных построений»²³.

Если для Воронцова марксизм – всего лишь научная гипотеза, правомерность которой еще необходимо доказать, то для Даниельсона это учение – единственно верная теория, объективно предсказывающая будущую эволюцию. В своих работах он стремился опровергнуть утверждение об ее излишней детерминированности, шаблонности и однотипности, отсутствии альтернативности и навязывании единственно возможного пути для различных стран. Даниельсон писал по этому поводу: «Предполагать, что каждый народ должен неизбежно пережить все те формы хозяйственного развития, которые пережиты более развитым народом, значило бы, с одной

стороны, придавать законам исторического развития значение законов природы, а с другой – не принимать в соображение воздействие факторов еще более общего порядка, чем хозяйственные – поддержание существования, поддержание вида – во-первых, во-вторых – факторов высшего порядка, основывающихся на хозяйственных: политических, правовых, нравственных и пр., и пр., и, наконец, в-третьих, ту историко-хозяйственную обстановку, среди которой приходится жить данному народу»²⁴.

Как видно из приведенной цитаты, Даниельсон стоял на точке зрения многофакторности истории, но приводимые им аргументы касались в первую очередь объективных причин. Субъект истории, человек, хотя и не прямо подчинен им, но оттеснен на второй план. Как объективистски настроенный исследователь, Даниельсон пытался исключить субъективный фактор из характера научного исследования. В 1902 г. в письме Н. А. Каблукову он писал, что «наука и субъективный элемент не могут быть примирены: один исключает другой». Человек должен руководствоваться беспристрастным подходом в науке. В противном случае он рискует оказаться заложником призрачной идеи справедливости. А поскольку «у каждого обществ(енного) класса своя собственная идея справедливости, отличная от идеи справедливости другого класса», то истина, к которой стремится ученый, будет подчинена нравственной оценке явления. Спасением от этого Даниельсон считал «объективное знание и субъективное приложение его»²⁵.

Как видим, народнический экономист не соглашался с идеей об отсутствии в марксизме субъективного начала, подчинении и поглощении его объективизмом. Следовало различать объективное изучение явлений и использование полученных результатов в собственных утилитарных целях. Последовательное воздействие человека влияло на ход исторического процесса, корректировало общий вектор эволюции. Даниельсон отстаивал самодостаточность марксизма как научной теории, но в своей убежденности он не замечал действительного преобладания в пропагандируемой им теории объективных факторов, подчиненной роли личности. Марксизм оперирует понятиями «производительные силы», «производственные отношения», «формация», «общество», «класс», а действительный, реальный человек со всеми особенностями его психологической структуры, характером взаимоотношений между отдельными индивидуумами просто не включается в систему рассматриваемых проблем.

Вернее, сознательно сужается круг вопросов, связанных с его деятельностью. Результатом этого становится некоторая абсолютизация и упрощение общественных процессов.

Наряду с неприятием критики научной значимости марксизма не соглашался Даниельсон и с утверждениями Воронцова об изменении социальной структуры капиталистического общества и характера классовых отношений в Западной Европе. Особенно возмутила его высказанная в работе Воронцова «Наши направления» мысль о затухании классовой борьбы, о возможности «полюбовного» решения многих вопросов между предпринимателями и рабочими и превращении антогонистических противоречий между пролетариатом и буржуазией в «договорные отношения союзников». Заявить такое значило, как писал Даниельсон Каблукову 6 (18) мая 1894 г., «...совершенно упускать из вида, что сам механизм производ(ства) продуктов в виде товаров, меновой стоимости, дойдя до известного предела по необходимости, неизбежно ведет к обострению классовой борьбы, обострению, обусловленному развитием производ(ительности) труда, международным соперничеством, сокращением рынка и соответствующим всему этому кризисом, увеличен(ием) числа безработных и пр. и пр., и таким образом к обобществлению не только производства, но и пользованию его продукт(ов)»²⁶.

Перед нами «классический марксизм» 60–70-х гг. XIX века с его фатальной убежденностью в неминуемом крахе капиталистической стадии развития и перехода к справедливому бесклассовому обществу. Эти идеи, без сомнения, были близки Даниельсону. Как социалист, он предполагал, что на Западе грянет революция и главной ее силой станет пролетариат. Поэтому вслед за Марксом он утверждал о возрастании его революционной роли, усилении мощи рабочих организаций. Логика капиталистического производства превращала пролетария в наиболее последовательного и решительного борца с эксплуатацией и одновременно создавала предпосылки для будущего преобразования общества. Именно этим марксистским идеям следовал Даниельсон в своей критике высказанной Воронцовым точки зрения об исключительно разрушительном, а не созидательном характере рабочего класса. По его мнению, этот слой населения являлся «представителем и выразителем наиболее жизненных стремлений всего общества». Поэтому и происходил быстрый рост пролетарских партий, усиление их влияния, «стекание к этому движению отдельных членов других классов»²⁷.

Позиция Даниельсона в общей оценке марксизма, как видно из приведенного материала, существенно отличалась от взглядов Воронцова. В ней совместились высокая оценка научной значимости, методологической целостности и социальной направленности идей Маркса. Не критика, а пропаганда марксизма превалировала в его работах. Не вступая в прямую полемику с представителями народничества, Даниельсон не принимал и их интерпретацию марксизма. В его собственном прочтении явно преобладал сциентизм, желание использовать полученные результаты исследования экономики капитализма для предотвращения аналогичной эволюции России.

Другая особенность выступлений Даниельсона состояла в его отношении к марксистским идеям. Он был убежден в непоколебимости теоретических основ и справедливости сделанных прогнозов. Такая позиция препятствовала выявлению слабостей некоторых положений, на которые совершенно справедливо указывал Воронцов, и мешала пониманию изменений в развитии капиталистического общества, которые становились все более очевидными. На некоторые из них, кстати, обратил внимание в начале 1890-х гг. Ф. Энгельс, который писал, что происходившие перемены в формах собственности, развитие акционерного капитала вносили новое в характеристику производительных сил и производственных отношений. «Производство, которое ведется отдельным предпринимателем <...> все больше и больше становится исключением. Капиталистическое производство, ведущееся акционерными обществами, это уже больше не частное производство, а производство в интересах многих объединившихся лиц». Укрупнение предприятий, создание трестов ликвидировало и присущее ранее капитализму «отсутствие плановости». Наряду с этим, все большая стабильность в экономической и социальной областях свидетельствовала об ошибочности ожиданий Марксом и Энгельсом скорого революционного взрыва. Капитализм оказался гораздо более гибким и был наделен существенными резервами для своей дальнейшей эволюции. Как писал Энгельс в 1895 г., «история совершенно изменила <...> те условия, при которых приходится вести борьбу пролетариату». В политике это заставляло пересматривать формы и методы завоевания власти: «мы, “революционеры”, “ниспровергатели”, мы гораздо больше преуспеваем с помощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота». Многопартийная система, парламентаризм, всеобщее избирательное право создавали условия для ликви-

дации социальных конфликтов ненасильственными средствами. В принципе «старое общество могло бы мирно вращаться в новое в таких странах, где народное представительство сосредоточивает в своих руках всю власть, где конституционным путем можно сделать все, что угодно, если только имеешь за собой большинство народа»²⁸.

Можно сказать, что в некоторых вопросах Даниельсон оказался защитником идей, которые не оправдались в ходе проверки временем. Он не замечал, что, следуя «классическому» марксизму уже не успевает не только за развитием социально-экономической структуры капиталистического общества, но и упускает из виду эволюцию марксистских идей в Западной Европе.

В целом, отношение Воронцова и Даниельсона к марксизму определялось двумя моментами – пониманием роли и места капиталистической фазы развития в прогрессе общества и определением научной значимости марксистской теории. По первому из обозначенных вопросов народнические публицисты были едины, отрицая прогрессивность капитализма и правомерность закрепления рыночной экономики на российской почве. Их в равной степени отталкивали «прелести первоначального накопления капитала», перспектива разорения большинства населения страны, разрушение крестьянского хозяйства, господство духа наживы. Но марксистская логика предопределенности, железная («метафизическая») однолинейность исторического развития, «затушеванность» субъективного фактора отделяла позицию Воронцова от оценки Даниельсона. Для первого из них марксизм был не более чем научной гипотезой, правомерность которой еще предстоит доказать. Переводчик «Капитала» однозначно отстаивал объективизм методологии Маркса и с ее помощью стремился обосновать возможность некапиталистической эволюции страны. Разность подходов свидетельствовала об уже устойчивой традиции в интерпретации марксизма. Если часть русской интеллигенцией в конце XIX в. стремилась взять на вооружение некоторые положения этой теории с целью их использования для прогнозирования будущего России, то другая – акцентировала внимание на критическом анализе ее элементов, не исключая, впрочем, вероятности дополнения народничества новыми идеями.

¹ *Хорос В. Г.* Народническая идеология и марксизм (конец XIX в.). М., 1972. С. 9–10.

² *Пустарнаков В. Ф.* «Капитал» К. Маркса и домарксистская мысль в России: автореф. дис. ... докт. филос. наук. М., 1982. С. 12; *Володин А. И., Итенберг Б. С.*

Еще раз об отношении к Марксу и марксизму в России 60–70-х годов XIX века // Вопросы философии. 1983. № 1. С. 71.

³ Примером объективного освещения проблемы можно считать работу В. А. Твардовской и Б. С. Итенберга «Русские и Карл Маркс: выбор или судьба?» (М., 1999).

⁴ Весьма характерна оценка марксизма Н. Ф. Даниельсоном. В письме Н. А. Каблукову он так определял свое отношение к учению Маркса: «На мой взгляд, “Капитал” в экономической науке должен сыграть такую же роль, как “Origin of Species” в биологической: философская подкладка их одинакова. В основе обоих трудов лежит мысль об изменяемости последовательных состояний. В одном случае видов, в другом – в экономическом строении общества» (РГАСПИ. Ф. 199. Оп. 1 Д. 79. Л. 10).

⁵ Плеханов Г. В. Наши разногласия. М., 1939. С. 119.

⁶ Плеханов Г. В. Социализм и политическая борьба. М., 1939. С. 51.

⁷ Там же. С. 47; Он же. Наши разногласия. С. 345.

⁸ В. В. [Воронцов В. П.] Наши направления // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века. М., 1994. С. 70, 75.

⁹ В. В. Наши направления. С. 71.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 72.

¹² Там же. С. 73.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 59, 61, 69.

¹⁵ В. В. [Воронцов В. П.] Немецкий социал-демократизм и русский буржуазизм // Неделя. 1894. № 49. Стлб. 1592.

¹⁶ В. В. Наши направления. С. 67, 68.

¹⁷ Там же. С. 69.

¹⁸ В. В. Немецкий социал-демократизм и русский буржуазизм. Стлб. 1592.

¹⁹ В. В. [Воронцов В. П.] От семидесятых годов к девятисотым. СПб., 1907. С. 165.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 226. Л. 1 об.

²¹ Николай-он [Даниельсон Н. Ф.] Предисловие к русскому изданию // Маркс К. Капитал. СПб., 1896. Т. 3. С. XXIII.

²² Николай-он [Даниельсон Н. Ф.] Несколько слов об основных положениях теории Карла Маркса // Русское богатство. 1897. № 1. С. 28, 27.

²³ Николай-он [Даниельсон Н. Ф.] Предисловие к русскому изданию // Маркс К. Капитал. СПб., 1885. Т. 2. С. XIV.

²⁴ Николай-он. Несколько слов об основных положениях теории Карла Маркса. С. 28.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 243. Л. 7, 6.

²⁶ Там же. Д. 118. Л. 8.

²⁷ Там же. Л. 3 об.

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 22. С. 234, 546; Т. 36. С. 497.

Роль «народнического наследия» в марксистской концепции интеллигенции

Исследование генезиса марксистской концепции интеллигенции убеждает в том, что ее содержание и критическая направленность в значительной степени формировались под влиянием полемики марксистов с легальным народничеством на рубеже 1890–1900 гг.

Долгое время эта связь не воспринималась как очевидная и даже возможная. В советской историографии существовала многолетняя традиция восприятия любых теоретических построений народничества через призму ленинской критики «друзей народа». Особенно это было характерно для работ отечественных исследователей 30–60-х годов¹. Соответственно, представление о марксистской и народнической «моделях» интеллигенции как о теоретических антиподах препятствовало самой постановке вопроса об их генетической и содержательной взаимосвязи.

В 70–80-е гг. XX века в отечественной историографии появились ряд содержательных исследований, посвященных народничеству 1870–1890-х гг. Некоторые из них затрагивали аспект взаимосвязи народнической и марксистской идеологий, «отражение» марксизма в народнической публицистике². Правда, в соответствии с идеологическими возможностями того времени, анализировалась в основном одна сторона взаимосвязи – влияние марксизма на эволюцию народнических программ. Считалось, что этот процесс не затронул марксистского понимания сущности и роли интеллигенции, поэтому сравнительное исследование народничества и марксизма по данному вопросу не производилось.

В «перестроечные» и «постперестроечные» годы оживляется и нарастает интерес к феномену правого (нереволюционного) крыла народничества второй половины XIX в., его истокам, эволюции, конкретным персоналиям³. Началось активное изучение истории неонародничества⁴. В то же время, гаснет интерес к марксизму, как идеологии, исчерпавшей свой объяснительный потенциал. А между тем, исследование генетической и содержательной взаимосвязи народнической и марксистской концепций интеллигенции имеет далеко не «антикварный» интерес.

Во-первых, оно позволяет осознать укорененность этих двух идеологий в структурах российского менталитета, рассматривать две концепции как принадлежащие одной культурно-философской традиции, а самих представителей народничества и марксизма – как типичных российских субъектов, имеющих общую психологию, мифологию, стереотипы мышления. Так, в содержании концепций интеллигенции и легальных народников, и марксистов в равной степени можно отметить тенденцию антиинтеллектуализма, нигилистического отношения к умственному труду, духовной культуре, к интеллигенции как ее активному субъекту и носителю. В народнической идеологии эти установки еще и парадоксальным образом уживались с обоснованием ведущей роли интеллигенции в революционно-освободительном движении.

Во-вторых, подобное исследование позволяет понять причины трагической судьбы российской интеллигенции после Октября 1917 г., объективно проанализировать истоки партийно-государственной политики, которую проводила власть в отношении интеллигенции в советской России.

По выражению историка русской философии С. А. Левицкого, «полемика между марксистами и народниками осталась бы только интересным эпизодом в истории русской общественной мысли, если бы не было Октябрьского переворота и захвата власти крайними марксистами-большевиками. В свете же последующего воцарения большевизма спор этот приобретает судьбоносное значение. Ибо, с точки зрения исторической перспективы, в этом споре дело шло об идеологическом возглавлении грядущей социальной революции»⁵.

В дореволюционной публицистике вопрос о корневой связи народничества с российской социал-демократией уже ставился и широко обсуждался общественностью. Так в 1890-е годы, когда народники и марксисты выясняли отношения в теоретических спорах, В. П. Воронцов указывал на достаточно распространенное в «народнических» кругах мнение об определенном родстве их идеологий. В статье «Попытки обоснования народничества» (1892) он по этому поводу пишет: «В последнее время обнаруживается существование другого течения, которое мы считаем возможным причислить к народничеству, хотя само оно резко себя от него отделяет, – народничество, которое можно назвать западническим или подражательным. <...> Все содержание рассматриваемого направления заимствовано целиком от теоретиков западноевропейского пролетариата, которые

построили известную схему для объяснения эволюции европейских обществ с новейшим, городским пролетариатом в последней завершенной его стадии и предполагаемой народно-коллективной организацией промышленности в следующей»⁶.

Различные варианты мнения о духовном родстве народничества и марксизма можно встретить и у теоретиков неонародничества 1900-х гг.⁷ и у т.н. «легальных марксистов» – авторов нашумевшего сборника «Вехи». Н. Бердяев, например, отмечает, что, несмотря на теоретическое противоборство в печати, «марксистские победы над народничеством не привели к глубокому кризису природы русской интеллигенции, она осталась староверческой и народнической и в европейском одеянии марксизма»⁸. Ему вторит С. Л. Франк: «Казалось бы, с народничеством борется марксизм <...>, но <...> победоносный и всепожирающий народнический дух поглотил и ассимилировал марксистскую теорию, и в настоящее время различие между народниками сознательными и народниками, исповедующими марксизм, сводится, в лучшем случае, к различию в политической программе и социологической теории, и совершенно не имеет значения принципиального культурно-философского разногласия»⁹.

Несколькими годами ранее в предисловии к знаковой книге Н. А. Бердяева о Н. К. Михайловском другой «легальный марксист» П. Б. Струве указывал на внутреннюю связь методологий народничества и марксизма: «классового подхода» марксистов и «субъективного метода» народников, усматривая разницу между ними лишь в степени субъективизма. «Возведение “классовой точки зрения” в необходимую сознательно принимаемую норму истины есть лишь особый вид того, что г. Михайловский проповедовал под названием “субъективного метода”. Отсюда близость методической точки зрения ортодоксального марксизма к точке зрения г. Михайловского: в этом заключается общее той и другой – гносеологическая ложь и психологическая правда»¹⁰.

Внутренняя связь методологий народничества и марксизма обуславливает и сходное решение некоторых проблем, в значительной степени это касается «проблемы интеллигенции». Как народнические экономические и социальные программы невозможно понять, не принимая во внимание этики народничества, так и системное качество того, что мы называем марксистской теорией интеллигенции, невозможно объяснить, не приняв как факт оценочные интенции, которые лежат в ее основе и конституируют ее логику.

Однако рассмотрим вначале наиболее очевидные различия между народничеством и марксизмом в понимании «проблемы интеллигенции». Они заключаются в следующем.

Народничество рассматривает проблему интеллигенции как центральную в своих культурно-социологических построениях, для марксизма – наоборот – характерно демонстративное невнимание к «проблеме интеллигенции», восприятие ее как «проходящей». Такова была общая позиция русского марксизма, принципиально отрицавшего существование такой «проблемы». Считалось, что это народническая проблема («семейная драма врага» – по выражению А. М. Горького). Марксизм решил ее раз и навсегда, признав пролетариат, а не интеллигенцию движущей силой революционно-освободительного движения, поэтому и интерес к ней проявлял только при решении тактических вопросов. Если обратиться к вопросу о периодизации процесса формирования марксистской концепции интеллигенции (1883–1894, 1894–1902, 1902–1917), то легко обнаружить, что этапы логически и содержательно конституируются именно по критерию меняющегося отношения к интеллигенции – стремлением заручиться ее поддержкой или, наоборот, дискредитировать в политической борьбе. Крайний вариант последнего – «антиинтеллигентское» движение экономизма.

Во-вторых, народническую трактовку проблемы интеллигенции можно рассматривать не только как проблему определения субъекта революционно-освободительного движения, но и как своего рода культурную драму. Отсюда обилие в ее содержании именно культурологической проблематики: вопрос об историческом отчуждении интеллигенции и народа, постановка и осмысление проблемы «разности культур» в дискуссиях «Ум и чувство как фактор прогресса», «Интересы народа или его идеалы?», исследование не только деятельности, но и сознания российской интеллигенции, ее «родовых» качеств. Такая постановка вопроса характерна для всех этапов развития народнической концепции интеллигенции, начиная от И. И. Каблицы и В. П. Воронцова, которые впервые рассматривают в таком ключе «проблему интеллигенции», кончая Р. В. Ивановым-Разумником (тема родовых качеств интеллигента) и Н. И. Ракитниковым (проблема отчуждения интеллигенции от народа)¹¹.

Марксистская же интерпретация вопроса об интеллигенции исключала подобный срез анализа проблемы как принципиально ненаучный. Так, Г. В. Плеханов в полемике с неонародником Ивановым-

Разумником косвенным образом объясняет некоторую «усеченность» марксистского подхода, при котором игнорируется этический и культурно-психологический контекст проблемы. Имея в виду марксизм, он утверждает: «Всякая данная философия истории лишь постольку имела теоретическую ценность, поскольку она переходила на почву социологии, поскольку ей удавалось определить социологический эквивалент тех или других «этических» явлений»¹².

Не вдаваясь в детали, отметим, что в рамках марксистской концепции интеллигенции за всю многолетнюю историю ее существования так и не удалось совместить социологию и этику: понимание интеллигенции как социологической величины с пониманием российской интеллигенции как специфического социокультурного явления. И это не вина русских марксистов, так как методология марксизма — способ объяснения наиболее общего и закономерного, а не уникального и частного. Подтверждением тому являются многочисленные и продолжающиеся до сих пор, опирающиеся на прежние методологические традиции, попытки определения понятия интеллигенции.

Возвращаясь к легальному народничеству, хочется отметить, что более глубокий, культурно-философский подход анализа «проблемы интеллигенции» является действительно оригинальным моментом в их наследии. По сути, И. И. Каблиц-Юзов и публицисты «Недели» предвосхитили современную традицию исследования темы «интеллигенция-власть-народ», о чем свидетельствуют культурологические и философские изыскания последующих лет¹³.

Проанализируем сходство двух концепций интеллигенции в содержательном плане. «Перетекание» элементов «народнического наследия» в марксистскую теорию интеллигенции здесь более очевидно. Этот факт отчасти можно объяснить существованием и влиятельностью народничества в России. Первые русские пропагандисты марксизма — П. Б. Аксельрод, Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, а также будущие марксистские идеологи культурной революции А. В. Луначарский, А. М. Горький также вышли из народнической среды, «унаследовав» народнические взгляды, подходы, мифологемы. Кроме того, существуют некоторые идеи и настроения, которые как будто, «витают в воздухе», определяя вектор умонастроений эпохи и формируя стереотипы массового общественного сознания.

Марксистская концепция интеллигенции сложилась под влиянием целого ряда дискуссий, развернувшихся на страницах российской печати на рубеже 1890/900-х гг. Наиболее значимые из них:

- 1) внутринароднические дискуссии 1880–1890-х гг. на тему «Интересы народа или его идеалы?», «Ум и чувство как факторы прогресса»;
- 2) полемика марксистов с народниками 1890-х гг. на тему «о наследстве 1860-х гг. и наследниках»;
- 3) марксистские дискуссии 1904–1905 гг. об определении понятия «интеллигенция», обсуждение темы «Является ли интеллигенция классом?». Ее участники: В. В. Воровский, А. С. Изгоев, М. И. Туган-Барановский, В. М. Шулятиков и др.;
- 4) дискуссия 1909 г. по поводу сборника «Вехи»;
- 5) дискуссия 1909–1910 гг. «Об индивидуализме и мещанстве» между народником Р. В. Ивановым-Разумником и русскими марксистами Г. В. Плехановым, А. В. Луначарским, А. М. Горьким;
- 6) внутривластьная полемика между А. Н. Потресовым и В. И. Лениным на тему «об интеллигентской стихии в социал-демократическом движении».

Рассмотрим два первых эпизода как наиболее значимых в формировании марксистской концепции интеллигенции. Они заложили традицию критики и самокритики интеллигенции, сформировали отрицательный эмоционально-психологический фон обсуждения темы интеллигенции на страницах российской печати.

В силу политических обстоятельств, «внутринародническая» полемика велась преимущественно в теоретической плоскости, благодаря чему легально-народнические представления об интеллигенции были выражены не в публицистической, а в концептуальной форме. Как показывает анализ работ Г. В. Плеханова, В. И. Ленина, П. Б. Струве, А. В. Луначарского, А. М. Горького, А. Н. Потресова и других, менее известных теоретиков марксистской концепции интеллигенции, отдельные аргументы этой «внутринароднической» полемики были заимствованы марксистами и перенесены ими на собственную теоретическую схему. А некоторые положения, наиболее дискредитирующие народников как представителей интеллигенции (тезис И. И. Каблиц-Юзова о политической и нравственной несостоятельности интеллигенции, склонности к бюрократическому перерождению, В. П. Воронцова о буржуазности и классовом характере интеллигенции и др.) в дальнейшем использовались русскими марксистами в их собственных дискуссиях против народников. Одно из характерных признаний на эту тему: «„Друзьям народа“ нельзя не быть благодарными, – писал В. И. Ленин в 1894 г., – за то, что они много посодействовали уяснению классового характера нашей

интеллигенции, и тем подкрепили теорию марксистов о мелкобуржуазности наших производителей»¹⁴. При этом, наблюдая за чужой полемикой, многие марксисты не делали различий между позициями представителей различных фракций «либерального» народничества, считая их расхождения во взглядах несущественными¹⁵.

Устойчивым элементом «народнического наследия» в марксизме является тенденция к дискриминации интеллигенции. Она была инспирирована самокритикой народнической интеллигенции в 1880–1890-е гг., и в последующем укрепились обстоятельствами конкретной политической борьбы. В. И. Засулич, спустя годы, объясняла преимущественно критическую направленность полемики с легальным народничеством соображениями цензуры, которая не позволяла русским марксистам акцентировать собственно-позитивную часть их программы. В статье «Элементы идеализма в социализме» (1906) она отмечает: «Но бдительность цензурного ведомства скоро заставила вести, безусловно, необходимые расчеты с этико-субъективистами-народниками чисто отрицательным путем. Интеллигентной личности, обязанной “повернуть колесо истории” и тащить его по собственному пути, справедливо противопоставлялся стихийный экономический процесс развития капитализма и разложения общины, перед которым “личность” совершенно бессильна. Свой же революционный путь к будущему лишь подразумевался или отмечался одними намеками. Для борьбы с народничеством этого было достаточно»¹⁶.

Уже в 1870-е гг. произошло окончательное оформление двух тенденций в народничестве: революционной, «народовольческой» и эволюционной, культурнической, а после 1881 г. – размежевание взглядов в лагере легального народничества (на политическое и культурническое течения). В эти годы намечается стремление народников-культурников, объединившихся вокруг журнала «Неделя», преодолеть «интеллигентский субъективизм» школы Н. К. Михайловского. Такие публицисты как Я. В. Абрамов, В. П. Воронцов, И. И. Каблиц-Юзов, В. С. Пругавин, Г. П. Сазонов, С. Н. Южаков и др. выдвигали ряд тезисов, подвергавших сомнению способность интеллигенции участвовать в будущем переустройстве общества радикальными методами, предлагали переосмыслить цели и задачи интеллигенции. Отсюда рождается критическое отношение к той части интеллигенции, которая не разделяла эти взгляды, т.е. «идет по ложному пути»¹⁷.

Легальное народничество первоочередной задачей интеллигенции считало помощь крестьянству в его повседневной жизни в условиях капитализма (работа в школах, больницах, организация библиотек и агрономической помощи), пропаганду «малых дел» среди интеллигенции, а также экономическое, социологическое и культурное обоснование «теории малых дел». Аграрно-экономическая сторона доктрины «малых дел» разрабатывалась в работах В. П. Воронцова, В. В. Берви-Флеровского, Н. Ф. Даниельсона, Г. П. Сазонова, А. А. Исаева, В. С. Пругавина, С. Н. Южакова, А. А. Головачева в журналах «Русское богатство», «Русская мысль», «Отечественные записки», «Слово», «Русские ведомости».

В последующем социологическое обоснование теории «малых дел» вылилось в критику народниками мнения о выдающейся роли интеллигенции в общественном переустройстве страны (особенно после разгрома революционного народничества в начале 1880-х гг.), затем – в критику роли идей вообще. Идеям противопоставлялись «чувства», социальные и нравственные настроения масс, выражающие «естественные законы жизни». «Ум», «идеи» трактуются теоретиками крайне правого народничества (И. И. Каблиц-Юзов) как парафраза рационалистической сферы культуры, носителем которой является интеллигенция. «Чувство», «почва» ассоциировались с интуитивно-чувственным мировосприятием простого народа, с «целостностью сознания и бытия», с социальным идеалом. Формируется «чувство» главным образом в народных массах, поэтому именно в народе заключаются нравственные идеалы будущего. Если принять во внимание, что представления о «целостности» в русском сознании традиционно связывались с представлением о единстве «красоты, истины и правды», то становится понятно, что для народника «чувство» больше, чем гносеологический идеал. Это еще и ценностно-духовные основы общества, отношения социальной гармонии, солидарности, моральные традиции, скрепляющие общество, не позволяющие ему превратиться в «простое скопление индивидов» («как на Западе»).

Выводы теоретиков «ортодоксального» народничества: интеллигенция должна ненасильственным путем, не претендуя на политическое доминирование, помочь обществу согласовать темпы социально-экономического и политического развития с «настроениями» и «чувствами» народных масс, подготовить народные массы к социальной революции.

Дальнейшая разработка концепта «ум—чувство» в культурологическом плане приводит к резкому противопоставлению интеллигенции и народа.

Вот характерные высказывания на эту тему И. И. Каблицы: «Развитие социально-нравственных инстинктов в обществе совершается не накоплением знаний, а известного рода жизненной деятельностью. Общинное владение землею, господствующее у нас в России, гораздо более способствует развитию социально-нравственных инстинктов, нежели изучение каких бы то ни было наук именно потому, что ставит сообщинников в известные отношения друг к другу, при которых они оказывают постоянную помощь друг другу. Молодое поколение, развиваясь в общинных и артельных порядках, имеет возможность гораздо чаще упражнять свои социально-нравственные инстинкты, нежели это могло бы быть при господстве индивидуализма. Отсюда вытекает общественно-нравственное превосходство крестьянской массы над интеллигенцией, хотя эта последняя и является обладательницей знания. И так как развитие общественных форм гораздо больше зависит от прогресса общественных и нравственных чувств, нежели от накопления знаний, то понятно, что участие крестьянской массы в общественном деле будет более общественно-выгодным, нежели участие интеллигенции»¹⁸.

Вообще, вопрос о взаимоотношениях интеллигенции и народа у Каблицы приобретает характер стойкого культурологического противопоставления. Из формулы «интеллигентность измеряется количеством знаний»¹⁹ он выводит мысль об ущербности интеллигенции в нравственном отношении: «Приняв за факт, что приобретение знаний не делает человека более нравственным, мы должны будем прийти к выводу, что средний уровень нравственности интеллигентных людей никоим образом не может быть выше общенародного, <...> у народа уровень нравственности должен быть не ниже, но даже выше»²⁰.

Настойчивое противопоставление интеллигенции и народа порою доходит до несправедливого уничижения деятельности культурной элиты. Доказывается, что культура создается исключительно народом, а поэты, композиторы и художники лишь различным образом интерпретируют то, что уже создано народом-творцом. Из культурологического противопоставления интеллигенции и народа делаются программные выводы в духе крайне правого народничества: нужно не «руководить» народом, а служить ему.

Эти выводы разделяет и с энтузиазмом отстаивает (только не в отношении крестьянства, а пролетариата) марксистская дореволюционная публицистика в сборниках «Литературный распад» (1908, 1909), «Очерки философии коллективизма» (1909), во многих художественных работах и публицистических статьях А. М. Горького (1905–1909), в статьях А. В. Луначарского, А. Богданова, Ю. Стеклова.

Особенно яркие параллели с народническими трактовками места и роли интеллигенции обнаруживает творчество А. М. Горького, тесно связанного с теоретическими построениями марксизма. Приблизительно с 1898 г. Горький делает поворот от народничества и ультраиндивидуализма к культу общественности, который принимает у него форму воинствующего антиинтеллектуализма. Во всех дискуссиях в марксистской печати на тему интеллигенции Горький принимает самое живое участие. В эти годы он главный идеолог и проводник марксистской концепции интеллигенции. Его авторитетное слово воспринимается как «голос народа», поэтому Горького цитируют, на него ссылаются публицисты практически всех направлений общественной мысли.

Тему культурологического противопоставления интеллигенции и народа Горький развивает в дискуссии «Индивидуализм или коллективизм?», имевшую широкий общественный резонанс. Как и представители «ортодоксального» народничества²¹, он исходит из признания примата общества над отдельным его представителем, народа над индивидом, коллектива над личностью. На этом строится апология коллективизма и трактовка индивидуализма как деструктивного качества. Так, по выражению Горького, индивидуальность есть результат дробления «целостной энергии коллектива». Одинокое «Я», «без опоры на силу вне себя не способно к творчеству, то есть к бытию, ибо бытие и творчество едино суть»²². «Сама по себе, вне связи с коллективом, вне круга какой-либо широкой, объединяющей людей идеи, индивидуальность – инертна, консервативна и враждебна развитию жизни»²³.

В этом же ракурсе решается вопрос о культуре народной и элитарной. Приведем здесь достаточно пространную цитату, которая не оставляет сомнений относительно уничижительной оценки Горьким роли интеллигенции в истории и культуре: «Народ – не только сила, созидаящая все материальные ценности, он – единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создающий все вели-

кие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них – историю всемирной культуры. <...> Мощь коллективного творчества всего ярче доказывается тем, что на протяжении сотен веков индивидуальное творчество не создало ничего равного “Илиаде” или “Калевале”, и что индивидуальный гений не дал ни одного мирового типа, который не существовал бы ранее в народных сказках и легендах. <...> В мифе и эпосе, как и в языке <...> определенно сказывается коллективное творчество всего народа, а не личное мышление одного человека. <...> О технике можно сказать, что она <...> результат творчества не личного, а коллективного, она развивается и растет на фабрике, среди рабочих, в кабинетах же только обобщают, организуют новые данные, добытые коллективом. <...> Открытия в области естествознания, подводя итоги росту техники, тоже лишь формально являются делом личности. <...> Искусство – во власти индивидуума, к творчеству способен только коллектив»²⁴.

Интеллект, обладание знаниями, по мнению Горького, не являются достоинствами интеллигенции, так как возможны исключительно «за счет народа». Этот стереотип («интеллигенция ест хлеб народа») идет еще от народников 1860–1870-х гг., в частности, от «Исторических писем» П. Л. Лаврова. Однако корни его, безусловно, в «культурном бессознательном» самого российского общества. В его содержании всегда присутствовало понимание значимости физического труда и оценка умственного труда как варианта «ничего-неделания». Теоретики легального народничества не только воспроизводили этот отечественный стереотип, но и осмыслили его как определенную культурную проблему.

Так, неонародник Н. Ракитников в статье «Интеллигенция и народ», говоря о причинах трагического отчуждения интеллигенции и народа, указывает и на этот стереотип. «Мы видели, – пишет он, – что та специфическая рознь, которая вырастает из самого факта выделения интеллигенции из остальной массы населения, и которая проявляется как рознь людей предания и людей критической мысли, – что эта рознь почти неизбежно осложняется идейной враждой людей, разно верующих и разно решающих самые важные жизненные вопросы, а часто тонет в более общей, более широкой ненависти эксплуатируемого трудового народа ко всем эксплуататорам, ко всем привилегированным, в ненависти людей черного труда к белоручкам <...>. Крепостник-помещик и интеллигент типа Новикова или Радищева были в глазах народа одного поля ягоды, он их не

различал <...>. Для него всякий нерабочий человек все еще был “барином”, к которому у него было глухое чувство вражды»²⁵.

Статьи А. М. Горького демонстрируют пример бессознательного воспроизведения некоторых стереотипов массового сознания. Его «Заметки о мещанстве», направленные против интеллигенции (не социал-демократической), даже стали предметом критики писателя со стороны некоторых марксистов²⁶. О сознательной эксплуатации этих стереотипов русскими теоретиками марксизма свидетельствует их реакция на статьи Горького – известны, например, неоднократные обращения В. И. Ленина к Горькому с просьбой написать «что-нибудь в духе “Заметок”...» и благожелательные отзывы Г. В. Плеханова: «У художника Горького <...> может многому научиться самый ученый социолог. В нем – целое откровение»²⁷.

Так, по мнению Горького, интеллигент – это «дармоед и бездельник в суровой рабочей среде, откуда – он ждет – его однажды могут выгнать вон», а чувство вины интеллигента перед народом – это «страх возмездия, но уже ослабленный, принявший, как ревматизм, хроническую форму». Гуманизм интеллигенции – это «нечто вроде религии, но не так цельно и красиво», «орудие примирения», «милостыня народу». Гуманизм интеллигенции «не имел успеха, народ не насытился, не стал более кротким и, по-прежнему, хотя и безмолвно, но очень косо смотрел голодными глазами, как пожирались плоды его труда. Мещанин любит говорить народу: “Возлюби ближнего твоего как самого себя”, но под ближним всегда подразумевает только самого себя, поучая народ любви, оставляет за собой право жить за счет чужого труда – незыблемым»²⁸.

Разделяет Горький и широко распространенное в марксистских кругах подозрение относительно истинных мотивов «народолюбия» народнической интеллигенции. «Тот факт, что интеллигенту некуда было идти, кроме как “в народ”, и что герой искал “толпу”, понуждаемый необходимостью, не особенно четко отмечен русской литературой, но зато в ней множество гимнов герою, который “во имя высокой святыни” отдавал свою жизнь трудному делу организации народных сил», – сетует А. М. Горький²⁹. Есть такие высказывания и у Г. В. Плеханова, В. И. Ленина, А. Н. Потресова. Последний, например, в статье «О наследстве и наследниках» (1899) доказывает, что «народолюбие» интеллигенции – «не следствие сознательного логического процесса, а <...> продукт бессознательной психики»³⁰. В том же 1899 г. Ленин прямо указывает на корыстолюбивые мотивы

вы народолюбия интеллигенции. Интеллигенция примыкает к пролетариату, писал он в рецензии на книгу К. Каутского, исключительно «по мере того, как капитализм все более и более отнимает самостоятельное положение интеллигента, превращает его в зависимого наемника, грозит понизить его жизненный уровень»³¹.

Основания для подобных выводов, как ни парадоксально, дали сами представители народнической интеллигенции. Так в концепции В. П. Воронцова есть немало положений, сходных с марксистским пониманием интеллигенции. Это тезисы: 1) о связи духовной деятельности интеллигенции с интересами господствующего класса; 2) о классовом характере вырабатываемой ею идеологии; 3) о служебной роли интеллигенции в борьбе классов; 4) о буржуазности интеллигенции и т.д. Они возникли в полемике Воронцова с Михайловским и другими представителями идеи «бессословности» интеллигенции.

В книге «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1894) В. И. Ленин, обвиняя народников в «буржуазности», бьет их же оружием, почти буквально повторяя аргументы Воронцова: «Чтобы судить о русской “бессословной интеллигенции”, пишет он, — <...> для этого нужно сопоставить идеи и еще более программы нашей “бессословной интеллигенции” с положением и интересами данных классов русского общества. Чтобы устранить возможность заподозрить нас в пристрастности, мы не будем делать этого сопоставления сами, а ограничимся ссылкой на того народника, статья которого была комментирована в I главе (т.е. В. П. Воронцова. — Н. П.). Вывод из всех его отзывов вытекает совершенно определенный: русская передовая, либеральная, “демократическая” интеллигенция была интеллигенцией буржуазной. “Бессознательность” нисколько не исключает классового происхождения идей интеллигенции»³².

По мнению Воронцова, идеи интеллигенции в нынешнем виде преимущественно отражают интересы господствующих, «сильных классов», а сама современная ему интеллигенция стремится исправить недостатки общественной организации в интересах господствующего класса. Необходимо принять как факт расслоение русского общества после реформы 1861 г., а также расслоение интеллигенции между существующими сословиями. Интеллигенция должна переосмыслить свои задачи на новом этапе, а не рассматривать себя как некое надсословное образование, которое направляет «невежественные массы» к неведомым идеальным целям. Истинное назначение образованных классов жить вместе с народом, освещать

жизнь и интересы всех социальных слоев и этим самым, способствовать единению общества³³.

Именно такие выводы лежат в основе отстаиваемой Воронцовым и его окружением идеи «сословности», «классового характера» российской интеллигенции. Следует признать, что выводы не были услышаны марксистскими участниками дискуссии. Более того, идея сословности интеллигенции была просто позаимствована марксистами (без соответствующих социально-практических импликаций) для доказательства обратного – несостоятельности претензий интеллигенции на роль учителя народа в то время, когда уже появилась новая движущая сила общественного прогресса – пролетариат. Интеллигенция должна «не учить народ, а учиться у него» – эта народническая формула почти буквально воспроизводится «марксистами-экономистами» в 1896–1899-х гг. П. Надеждин, например, в популярной брошюре «Рабочие и интеллигенция» советует рабочим взять на себя роль воспитателей интеллигенции, так как она «в своей массе мало сознательна».

Дискредитирующие интеллигенцию выводы следуют, также, из трактовки Воронцовым специфики сознания интеллигенции. Двойственность сознания, по его мнению, не позволяет доверять ее рефлексивной способности. С одной стороны, интеллигенция изучает общество «с целью познания истины», «стремясь обнять социальные явления с точки зрения общей, идеальной». С другой – «по ограниченности знаний и под влиянием личного интереса и среды она их понимает в духе господствующего класса»³⁴. В результате получается, что сознательно интеллигенция ищет истину, а бессознательно подчиняет интерес своих поисков истины сословному интересу, попадая в ловушку идеологии господствующего класса. Из этой двойственности самосознания интеллигенции Воронцов выводит ее «естественную близорукость»: интеллигенция эгоистически не замечает интересов других, а признает только свой собственный познавательный интерес. Однако, в принципе, интеллигенция способна на то, чтобы, сознательно восприняв «общечеловеческие идеи правды и справедливости», сочувствовать народу в его бедственном положении и поставить народ на первое место среди тех, кому она сочувствует³⁵.

«Двойственность» самосознания интеллигенции – тема публицистики активного участника марксистской полемики с легальным народничеством 1890-х гг. Г. В. Плеханова. «Близорукость» интелли-

генции он выводит не из «родовых» качеств интеллигенции, а из особенностей ее положения в социально-классовой структуре общества. Искажение реальности у идеологов народничества возникает потому, что неустойчивое, промежуточное положение их в обществе (как представителей социального слоя интеллигенции) не дает им возможности «охватить» действительность в ее целостности. Им открывается лишь фрагмент реальности, которую они принимают за целое. Профессиональная и классово-партикулярная позиция еще более замыкает их познавательный горизонт и приводит к тому, что народническая интеллигенция как слой не понимала своей буржуазно-демократической сущности, «не успела познать самое себя, не сумела выяснить себе свою собственную родословную»³⁶. Об «импрессионистической неустойчивости», «отраженности идей», «раздвоенности сознания» интеллигенции как класса, говорили представители всех фракций марксизма. «С тех самых пор, как интеллигенция себя помнит, а русская история ее знает, – писал А. Н. Потресов, – ей неизменно был присущ дуализм – двоеначалие особого рода. Сама отгороженная от жизни стеной кружковой отчужденности от всех прочих элементов ее окружающего общественного строя, она и в сознании своем <...> неизменно ощущала и запечатлевала ту же самую раздвоенность»³⁷.

Однако, русский марксизм, вслед за Марксом, считает возможным для мыслителя преодолеть ограниченность своей собственной классово-партикулярной позиции с помощью правильной теории («научной социологии»), адекватно воспроизводящей реальность общественного целого, обеспечить постижение истинного положения вещей, как для него, так и для тех, кто освоил его теорию. Поэтому Г. В. Плеханов призывал народническую интеллигенцию примкнуть к «правильной теории» (т.е. к марксизму), а социал-демократической интеллигенции сформулировать задачу пропаганды этой научной теории среди других слоев общества, и, прежде всего – среди пролетариев.

Еще один момент преемственности в концепциях интеллигенции правого народничества и марксизма – подход к определению понятия интеллигенции и тесно связанная с этим вопросом тема бюрократического перерождения интеллигенции.

Каблиц-Юзов первым среди легальных народников дает социологическое определение интеллигенции, которое, скорее, было свойственно марксистским публицистам. Создается впечатление,

что тех и других, объединяло единое стремление найти еще одно основание для дискредитации народнической идеи интеллигенции как «критически-мыслящих личностей». В основу определения понятия закладывался критерий «вида деятельности» – умственный в отличие от физического, который к тому же позволял зафиксировать экономическую основу существования социальной группы. (В первые годы Советской власти подобный подход имел драматические последствия для интеллигенции, поскольку с учетом российского стереотипа «интеллигенция – дармоед и бездельник на шее рабочего класса», из него следовала формула «кто не работает – тот не ест»). Как критерий анализа «вид деятельности» представлялся более объективным и убедительным, чем субъективный критерий «идейное отношение к предмету деятельности». Таким образом, Каблиц расширяет народническое определение интеллигенции, включая в объем понятия не только писателей, ученых, но и священнослужителей, военных, промышленников, сельских хозяев, торговцев, чиновников, администраторов и т.д. Такой подход – названный современниками «социально-экономическим» или социологическим, отражал не столько реальные изменения в социально-классовой структуре российского общества (эти процессы скорее были замедлены), сколько политические мотивы, споры с политическим противником.

Отводя от себя упреки соратников в третировании интеллигенции, умалении ее действительной роли в обществе, Каблиц отвечает, что его критика интеллигенции происходит из стремления предостеречь ее от несвойственной ей и вредной для общества функции политического господства. «Для правильного исполнения своих общественных функций интеллигенция не нуждается в политическом господстве: деятельность инженера, ветеринара, профессора, минера несколько не улучшилась бы от того, что в их руки попала бы власть над народом, а скорее даже наоборот. Дело в том, что при этом каждый, по свойственной людям слабости старался бы не столько о расширении своего умственного и нравственного влияния, сколько о проведении своих планов чисто бюрократическим путем»³⁸.

Тема бюрократического перерождения интеллигенции – один из оригинальных моментов публицистики Каблиц-Юзова. Еще задолго до «веховцев» он нарисовал психологический портрет русской интеллигенции, отметив склонность к бюрократизму как самобытность русской культурной элиты: «Между русским интеллигентным обществом и бюрократией существует старинная родственная связь,

которая и сказывается в любви русского интеллигентного человека к бюрократическим мероприятиям. Защищает он горячо и умело принципы самоуправления, а случится что-нибудь затрагивающее его за живое, и он инстинктивно хватается за привычное, унаследованное от отцов средство – бюрократизм»³⁹. За бюрократизм, «как за удобное орудие, привыкли хвататься всякие партии, начиная с ретроградной и кончая буржуазно-либеральной и интеллигентно-социалистической. <...> Как, по мнению г. Каткова, институт консервативных урядников является необходимым орудием управления, точно так же и по мнению некоторых социалистов необходимо организовать нечто вроде социалистических урядников, которые бы силою внушали народу, как ему жить, чтобы быть счастливым»⁴⁰.

Каблиц-Юзов также искренне полагал, что большая часть интеллигенции, особенно буржуазная и социал-демократическая, преследует в революционно-освободительном движении корыстные политические цели, стремится сделать из политики орудие для укрепления своего экономического господства – «как это было на Западе». Но «...не будучи в состоянии сами по себе завоевать желанный пост, они хотят, чтобы общество и народ помогли им в этом деле, а после этого все останется по-старому: общество и народ будут повиноваться, а интеллигенция под знаменем науки – командовать»⁴¹. «История <...> доказывает нам, что вооружение интеллигенции политической силой только деморализует ее и сбивает на бюрократический путь воздействия на общество»⁴².

Тема особой склонности русской интеллигенции к бюрократизму обсуждалась не только народничеством крайне правого толка. Достаточно вспомнить «Вехи». В марксистской публицистике еще до 1905 года ее неоднократно поднимал А. С. Изгоев, справедливо полагая, что когда «в обычном словоупотреблении бюрократов причисляют к интеллигентам, это шокирует менее, чем можно было бы ожидать»⁴³. В статье «Интеллигенция как социальная группа» (1904) Изгоев исследует сложную историю взаимоотношений интеллигенции и бюрократии. В самых общих чертах она выглядит следующим образом. Стремясь к духовной независимости, распространяя знания, интеллигенция прямо и косвенно подрывает господство бюрократии. Последняя же реагирует как усилением контроля над средствами информации, знаниями, пытаясь монополизировать их, стремится включить интеллигенцию в ряды бюрократии. Там, где это невозможно, действует при помощи угроз и подкупа.

«При включении интеллигенции в ряды бюрократии, – высказывает Изгоев мысль, удивительно актуальную и сегодня, – создается тип, средний между интеллигентом и бюрократом. В груди такого человека поистине живут две души. Как интеллигент, он сторонник свободы исследования, как бюрократ – он проповедник официальной истины»⁴⁴.

Опираясь на марксистскую теорию классов, Изгоев делает выводы, с которыми вполне согласился бы и Каблиц-Юзов: «Сущность интеллигенции не в творчестве вообще, и не в социальном творчестве в частности. Социальное творчество – удел классов и групп, принимающих непосредственное участие в жизни, в производстве материальных благ. Когда современная интеллигенция берется за не свойственное ей социальное творчество, она рискует только обратиться в бюрократическую силу и вместо двигателя жизни превратиться в тормоз»⁴⁵.

Тенденцию к бюрократическому перерождению в среде социал-демократической интеллигенции, особенно в период партийного строительства после 1905 г., отмечал и А. Н. Потресов. Обозревая ретроспективно историю социал-демократического движения, он делает, в сущности, страшный для марксиста вывод о «перерождении социал-демократического движения по интеллигентскому типу», и, в частности, в сторону «гипертрофии служебных элементов движения и фетишизирования отдельных ли приемов борьбы (например, террора) или партийно-группового аппарата вообще (например, вавилонской башни нашего организационного строительства)»⁴⁶.

Таким образом, преемственность темы бюрократизма как родового качества интеллигенции в народнической и марксистской публицистике не вызывает сомнений.

Подводя итоги, отметим следующее. Легально-народническая критика и самокритика интеллигенции 1880–1890-х гг. объективно несла в себе тенденцию антиинтеллектуализма – принижение значения знаний, идей, возвеличивание коллективных форм сознания и бытия народа, отсюда негативное эмоционально-психологическое отношение к интеллигенции, умаление ее политической и культурной работы, ее нравственного облика, ее системы ценностей. Этот факт отмечался уже современниками. Н. К. Михайловский, давая определение интеллигенции, вынужден был с горечью констатировать, имея в виду, прежде всего Воронцова и Каблиц-Юзова: «Интеллигенция – это отвлеченный признак, объединяющий черты об-

разованности и умственного труда в весьма различных классах – враждебное отношение к этому общему признаку составляет характеристическую особенность русского народничества»⁴⁷.

Можно сказать, что, сформировавшись под влиянием легально-народнических идей, в условиях острой полемики и полемических передержек, марксистская концепция интеллигенции обрела свое «лицо» и определила политику победившей партии в отношении интеллигенции после Октября 1917 г.

¹ См.: *Костко К.* Разгром народничества марксизмом // *Большевик*. 1935. № 5; *Генкина Э.* О книге В. И. Ленина «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов? М., 1936; *Марков Д.* Борьба с народничеством как злейшим врагом марксизма. Л., 1936; *Гак Г.* О книге В. И. Ленина «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов?» М., 1939; *Якуб Г.* Борьба В. И. Ленина против либерального народничества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1950; *Шестаков М. Г.* Разгром В. И. Лениным идеалистической социологии народничества. М., 1951; *Халипов Н.* Борьба В. И. Ленина против субъективной социологии либерального народничества. Минск, 1954; *Дорожкин Н. Г.* Развитие В. И. Лениным материалистического понимания истории в борьбе с народничеством. М., 1954; и др.

² *Хорос В. Г.* Народническая идеология и марксизм (конец XIX в.). М., 1972; *Он же.* Идейные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980; *Социологическая мысль в России: Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX веков.* Л., 1978; *Бурлак В. П.* Отражение идей марксизма в русской прогрессивной общественной мысли 1840–1860-х гг. XIX в. М., 1980; *Костин А. Ф.* От утопии к науке: Из истории революционной мысли в России. М., 1984.

³ См.: *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995; *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997; *Блохин В. В.* Историческая концепция Николая Михайловского (к анализу мировоззрения российской народнической интеллигенции XIX века). М., 2001; *Мокишин Г. Н.* Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. Воронеж, 2007; *Он же.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010.

⁴ См.: *Алексеева Г. Д.* Народничество в России в XX веке: идейная эволюция. М., 1990; *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997; *Морозов К. Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998; *Сыпченко А. В.* Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. М., 1999; *Леонтьев Я. В.* «Скифы» русской революции: партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М., 2007.

⁵ *Левицкий С. А.* Очерки по истории русской философской и общественной мысли. Франкфурт на Майне, 1983. Т. 2. С. 32.

⁶ *Воронцов В. П.* Попытки обоснования народничества // Русское богатство. 1892. № 3. С. 69.

⁷ См. статьи *Ю. Гарденина (В. Чернов) и И. Брусиловского*: «Вехи» как знамение времени: Сб. ст. М., 1910. С. 13, 147.

⁸ *Бердяев Н. А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. Свердловск, 1991. С. 10.

⁹ *Франк С. Л.* Этика нигилизма // Там же. С. 178.

¹⁰ *Струве П. Б.* Предисловие // *Бердяев Н. А.* Объективизм и индивидуализм в общественной философии: Критический этюд о Н. К. Михайловском. СПб., 1901. С. XXIII.

¹¹ *Иванов-Разумник Р. В.* История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в. СПб., 1908; *Ракитников Н.* Интеллигенция и народ // «Вехи» как знамение времени: сб. ст. М., 1909.

¹² *Плеханов Г. В.* К вопросу о роли личности в истории // Избр. филос. произв.: в 5 т. М., 1958. Т. 5. С. 539.

¹³ См.: *Кормер В. Ф.* Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // Вопросы философии. 1989. № 9; *Яковенко И.* Россия. Интеллигенция. Революция // Свободная мысль. 1992. № 11; *Возилев В. В., Назаров Ю. Н.* Философия интеллигенции: Разум как революционная сила истории. Иваново, 2002; *Соколов А. В.* Интеллигенты и интеллектуалы в истории России. СПб., 2007; *Капустина О. В.* Советский анекдот как исторический источник для изучения образа интеллигента // Интеллигенция и мир. 2012. № 4; и др.

¹⁴ *Ленин В. И.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 1. С. 306.

¹⁵ *Балуев П. Б.* Либеральное народничество и Г. В. Плеханов: Проблема интеллигенции // Революционеры и либералы России: Сб. ст. М., 1990. С. 46.

¹⁶ *Засулич В. И.* Элементы идеализма в социализме: Избр. произв. М., 1983. С. 468.

¹⁷ См.: *Харламов В. И.* Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в России в 70–80-х гг. XIX в. // Революционеры и либералы России: Сб. ст.; *Балуев П. Б.* Либеральное народничество и Г. В. Плеханов: Проблема интеллигенции.

¹⁸ *Каблиц-Юзов И. И.* Основы народничества: в 2 т. 2-е изд. СПб., 1888. Т. 1. С. 113–114.

¹⁹ *Каблиц-Юзов И. И.* Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886. С. 73.

²⁰ Там же. С. 75.

²¹ Мы отмечаем основную доминанту в трактовке «проблемы интеллигенции» в концепциях правого крыла народничества, т.к. единой трактовки даже в рамках одной его фракции не существовало.

²² *Горький А. М.* Разрушение личности // Собр. соч.: в 16 т. М., 1979. Т. 16. С. 224.

²³ Там же. С. 227.

²⁴ Там же. С. 219–234.

- ²⁵ *Ракитников Н.* Интеллигенция и народ. С. 308.
- ²⁶ См.: *Орловский П. [Воровский В. В.]* Из истории новейшего романа: Горький. Куприн. Андреев // Из истории новейшей русской литературы: Сб. ст. СПб., 1910. С. 277–333.
- ²⁷ *Плеханов Г. В.* К психологии рабочего движения: О «Врагах» Горького // Избр. филос. произв.: в 5 т. Т. 5. С. 527.
- ²⁸ *Горький А. М.* Заметки о мещанстве // Собр. соч.: в 16 т. Т. 16. С. 196–197.
- ²⁹ *Горький А. М.* Разрушение личности. С. 233.
- ³⁰ *Потресов А. Н.* Этюды о русской интеллигенции. СПб., 1906. С. 100.
- ³¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 4. С. 209.
- ³² *Ленин В. И.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Там же. Т. 1. С. 441–442.
- ³³ *Воронцов В. П.* Наши направления. СПб., 1893. С. 54.
- ³⁴ Там же. С. 25.
- ³⁵ Там же. С. 211–212.
- ³⁶ *Плеханов Г. В.* Внутреннее обозрение // Соч.: в 24 т. М., 1924. Т. 3. С. 247.
- ³⁷ *Потресов А. Н.* Этюды о русской интеллигенции. С. 266.
- ³⁸ *Каблиц-Юзов И. И.* Интеллигенция и народ в общественной жизни России. С. 78.
- ³⁹ Там же. С. 53.
- ⁴⁰ Там же. С. 56–57.
- ⁴¹ Там же. С. 55.
- ⁴² Там же. С. 78–79.
- ⁴³ *Изгоев А. С.* Интеллигенция как социальная группа // Образование. 1904. № 1. С. 93.
- ⁴⁴ Там же. С. 92.
- ⁴⁵ Там же. С. 91.
- ⁴⁶ *Потресов А. Н.* Этюды о русской интеллигенции. С. 268.
- ⁴⁷ *Михайловский Н. К.* Собр. соч. СПб., 1909. Т. 7. Стлб. 680.

**Трудовая народно-социалистическая партия и
Российская коммунистическая партия (большевиков):
сравнительный анализ программных установок**

Историография народно-социалистической партии весьма обширна и сегодня уже нельзя пожаловаться на недостаток исследовательского внимания к этой ветви русского социализма. В исследованиях, начиная с 1950-х гг., накопился большой багаж сравнений энесов с марксистами, либералами, а также более радикальными неонародниками (прежде всего ПСР)¹. Вместе с тем, современные авторы, сравнивая программные установки энесов с марксизмом, сравнивают их, прежде всего, с *социал-демократическими установками*, находясь в «дооктябрьском» политическом поле. Однако совершенно неслучайно советская идеология базировалась не просто на «марксизме», но на «марксизме-ленинизме». Иначе говоря, с октября 1917 г. политическая ситуация в России коренным образом изменилась — появился коммунизм как действующая государственная политическая сила. В этом отношении всем неонародникам, в т.ч. народным социалистам, пришлось действовать в совершенно новой политической системе, и, судя по реакции руководства партии, эту систему они сочли неприемлемой, начав против коммунистов борьбу.

Естественно, что большевизм, как российская и тогда ведущая ветвь коммунизма, сравнивался с народничеством советскими историками. Однако делалось это в критическом ключе. Советские авторы указывали на принципиальные расхождения неонароднических установок с коммунистическими, уличая первых в оппортунизме марксизма. Поэтому сравнение Трудовой народно-социалистической партии и РКП(б) не может ограничиваться только анализом различий, но должно выявлять и моменты сходства этих политических сил. Первый аспект важен для понимания механизмов раскола общества в российской Гражданской войне, а второй, напротив, наталкивать на решения проблем урегулирования глубоких общественных конфликтов.

С первых строк программ обеих партий обнаруживается принципиальное различие в понимании того, каким же должно быть новое общество². Коммунистическая идея передачи власти пролета-

риату и «беднейшему крестьянству или полупролетариату», полной перестройки государственного аппарата для этих целей, вступала в противоречие с идеей энесов о необходимости общенародного управления при сохранении усовершенствованных элементов прежней государственной системы (прежде всего, местного самоуправления). Предполагаемая социальная база энесов включала не только рабочих, но и *все* крестьянство, а также интеллигенцию. Передача власти народу в понимании народных социалистов должна была происходить мирным путем, без использования диктаторских и репрессивных механизмов. Большевики и, прежде всего, сам В. И. Ленин говорили не только о необходимости диктатуры пролетариата, но и о неизбежности (на пути к народной демократии) Гражданской войны с непременными репрессиями. После того, как революция стала фактом, энесы наибольшие надежды возлагали на Учредительное собрание. Большевики же воспринимали это собрание лишь как дополнительный механизм, стараясь использовать его в интересах диктатуры пролетариата.

Диссонансом звучат базовые ценности партий. Развитие «человеческой личности» и «обеспечение каждому человеку возможности всестороннего и гармоничного развития» энесов критиковались и даже едко высмеивались Лениным как буржуазные и ложные идеи. Коммунисты своей целью видели не «развитие», а *беспощадную борьбу* против всякой эксплуатации, разделения общества на классы. По мысли составителей программы РКП(б) никакое движение к свободной личности невозможно без захвата власти трудящимися, насильственного подавления буржуазии, дворянства и прочих элитарных групп имперского общества.

Особенно заметны различия целей партий в политико-правовой сфере. Энесы выступали с традиционным набором демократических ценностей в области прав человека: *равенство* граждан перед законом; уничтожение сословных разграничений и привилегий; свобода совести, слова, печати, собраний, союзов и передвижений; неприкосновенность личности, жилища и переписки; право петиций. Большевики же устанавливали *привилегии* для рабочих и беднейших крестьян, давая только им право собраний, союзов, печати и, одновременно, лишая «эксплуататоров» политических прав. Интересно, что в большевистской программе много говорится об эмансипации женщин, в то время как в программе энесов об этом практически не упоминается.

Основным институтом и опорой демократии у народных социалистов выступает избираемый всенародно однопалатный парламент, которому придавались значительные полномочия: вся полнота законодательной власти, формирование бюджета, согласие на новые налоги и сборы; право одобрять международные договоры; «контроль за всеми действиями исполнительной власти»; утверждение министров. В любом случае, это была *представительная* демократия, опиравшаяся на местах на земское и городское самоуправление, соглашавшаяся принципиально с идеей разделения властей (при ведущей роли законодательной власти). Идеалом большевиков выступала *прямая* демократия трудящихся. Политические привилегии рабочих и крестьян давали им преимущества при формировании органов власти – Советов. Предусматривалась широкая программа развития прямой демократии: «избирательной единицей и основной ячейкой государства становится не территориальный округ, а производственная единица (завод, фабрика)», «1. Обязательное привлечение каждого члена Совета к выполнению определенной работы по управлению государством. 2. Последовательная смена этих работ с тем, чтобы они постепенно охватывали все отрасли управления. 3. Постепенное вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством»³. Принцип разделения властей большевиками отвергался как буржуазный: они выступали за уничтожение разделения исполнительной и законодательной власти.

В организации судебной системы, как важнейшей ветви власти, народные социалисты предполагали, по сути, развивать принципы судебной реформы 1864 г.: гласность, состязательность, независимость суда; равенство всех граждан перед законом; выборность судей и суд присяжных. Вместе с тем, суд, конечно, оставался делом профессионалов, опиравшихся не только на революционное, но и на прежнее законодательство. Коммунистическая программа переносила принципы прямой демократии и сюда. Предполагалось создание единой и абсолютно новой системы народных судов; «выборность судей из трудящихся только трудящимися»; участие в суде временных заседателей от народных организаций (профсоюзов и т.п.), *дальнейшее привлечение всего трудового населения «поголовно» к исполнению судебных обязанностей*; отмена всего прежнего законодательства и право судей принимать решения по своему усмотрению.

Наконец, в международных отношениях энесы осуждали завоевательные войны, выступая за разоружение, мирное решение кон-

фликтов, развитие солидарности трудящихся. Во время мировой войны они, как и большинство социалистов, поддерживали правительство, в т.ч. Временное. Как известно, В. И. Ленин крайне негативно отзывался о действиях социалистов Европы, поддержавших военные бюджеты своих правительств, назвав их «социал-шовинистами». Отражая взгляды Ленина, программа РКП(б) называла любые пацифистские программы обманом трудящихся, настаивала на том, что истинный мир будет достигнут только после победы трудящихся классов над буржуазией в Гражданской войне.

Экономическая программа народных социалистов концентрирует внимание, прежде всего, на аграрных вопросах. Предполагалась национализация земли, причем в любом случае за вознаграждение; поддерживались формы коллективного землепользования, в т.ч. община. Очень скромно, хотя и в духе общедемократических требований, выглядят предложения по рабочему законодательству. В финансовой сфере и экономической политике предполагалось уничтожить протекционизм (не самое понятное мероприятие, учитывая, что фритредерство – типично рыночный механизм, а энесы предполагали сделать производство «общественным», читай, государственным); центр тяжести госрасходов переносился «на культурные и экономические нужды трудового народа». Коммунисты высказывались куда более решительно. Они не только предложили, но и провели экспроприацию (т.е. национализацию без всякого вознаграждения) всей экономически значимой частной собственности, заявили о необходимости широкого государственного планирования, поголовных мобилизациях трудящихся на общественные работы. Программа ВКП(б) говорит о замене торговли государственным распределением, необходимости отмены денег, превращении банков из полноправных участников экономической системы в «бухгалтерию»; подробно оговариваются мероприятия по развитию сельского хозяйства, рабочего законодательства. Указывается на решающую роль государства, Советов и, особенно, профсоюзов во всех вопросах, касающихся экономической деятельности предприятий. Стоит также подчеркнуть, что программа большевиков, в отличие от программы энесов, выглядит как комплексная, поскольку в ней подробно оговариваются мероприятия во всех сферах экономической деятельности.

Серьезные различия присутствуют и в программе преобразования социально-культурной сферы. Например, если народные социалисты возлагали большие надежды на программы социального стра-

хования, всемерное развитие медицинской помощи через структуры земского и городского самоуправления (хотя и при поддержке государства), предполагали бороться с безработицей через развитие местного производства, то большевики упирали на экспроприацию и национализацию медицинской системы, жилищного фонда, государственные мероприятия в области здравоохранения, которое предполагалось сделать бесплатным.

В области образования народные социалисты стремились к равному, общедоступному, всеобщему *начальному* образованию; автономии учебных заведений; свободе преподавания. Большевики отстаивали принцип «обязательного *общего* и политехнического образования для всех детей обоего пола до 17 лет», а, говоря об общедоступности, имели в виду доступность для «пролетариата и полупролетариата». Большевистская программа предусматривала эмансипацию обучающихся, развитие системы дошкольного и самообразования, политизацию школы, обязательное преподавание в школах военного дела.

Как видим, программы партий различаются и весьма значительно. Насильственность методов коммунистических преобразований вызывала неприятие энесов, партия которых изначально формировалась с претензией на легальность. Другой точкой конфликта было разрушение большевиками (в т.ч. на уровне программных заявлений) прежнего судопроизводства, системы местного самоуправления, иначе говоря, элементов уходящей государственности, которые воспринимались народными социалистами как необходимые и даже выстраданные структуры в новой России. Третьим источником напряженности служила явная привилегированность «пролетариев» и «полупролетариев» в советском государстве. Даже если не принимать во внимание традиционные симпатии народников к крестьянам, очевидно, нарушались идеи равноправия граждан, провозглашавшиеся международными социалистическим и либеральным движениями.

Однако, как уже говорилось, наша задача состоит не только в том, чтобы выявить точки различия. То, что члены этих партий слишком по-разному видели будущее России доказано самой историей и вполне очевидно. Гораздо меньшее внимание уделяется сходству программных заявлений, а, как оказалось, их не так уж мало.

Выше нами было уже сказано о том, что базовые ценности партий различаются. Тем не менее, приглядимся более внимательно. Требования развития «человеческой личности» и «обеспечения каж-

дому человеку возможности всестороннего и гармоничного развития» (кстати, на первый взгляд кажущиеся исключительно либеральными принципами) оказываются на поверку характерными для всего социалистического движения и содержатся в программах РСДРП, ПСР, а заодно *присутствуют* в программе РКП(б). Сравним:

Программа Трудовой народно-социалистической партии: «Для нас нет ничего выше и дороже человеческой личности. *В ее всестороннем развитии* и бесконечном совершенствовании мы видим сущность исторического прогресса. Обеспечить всем людям возможность полной и свободной жизни, *обеспечить каждому человеку возможность всестороннего и гармонического развития* – такова конечная цель, которую ставит себе наша партия»⁴.

Программа ПСР: «Социальный прогресс человечества, выражающийся в борьбе за установление общественной солидарности и *всестороннее, гармоническое развитие человеческой личности*, предполагает как необходимое условие рост власти человека над естественными силами природы...»⁵.

Программа РСДРП: «Заменив частную собственность на средства производства и обращения общественною и введя планомерную организацию общественного благосостояния и *всестороннего развития всех членов общества*, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество...»⁶. Этот же пункт программы РСДРП дословно повторен в программе РКП(б).

Энесы, таким образом, делали основной упор на декларирование *цели*, большевики решающее значение в программе придавали *методу* достижения в принципе сходной цели. Говоря о необходимости диктатуры пролетариата, поражении в правах нетрудового населения, коммунисты подчеркивали временность этих мер, полагая превратить все население России в население *трудовое*. Социальная база большевиков даже в программе выступает отнюдь не однозначно четкой, включая и идею «сближения» со «средним крестьянством», и необходимость использования в хозяйстве «специалистов старой школы», а в армии «военспецов». Одновременно энесы, говоря о приверженности интересам *трудового* народа, указывали, что на первом плане для них – интересы «наиболее обремененных и угнетенных на данный момент».

Иначе говоря, и большевики, и народные социалисты видели себя защитниками именно *социально незащищенного трудового насе-*

ления. Обязанность трудиться, прописанная в программе народных социалистов и подразумеваемая в программе коммунистов (а заодно и в советских конституциях), сближала до чрезвычайности представления этих «антиподов» о способе существования человека в новом обществе. Симпатии же энесов к классовой борьбе, которую предполагалось «использовать в интересах трудящихся», не исключали, следовательно, возможности революционного развития событий, а значит и определенной доли насилия в политической жизни.

Сходными оказались взгляды коммунистов и энесов на форму государственного устройства новой России. И те, и другие предлагали федеративное устройство, признавали свободу наций на самоопределение. Интересно, что обе партии указывали на важнейшее значение в жизни страны местного самоуправления, выдвигали идею выборности администрации, правда, как указывалось выше, они вкладывали в эти понятия разный смысл. Сближало партии и понимание необходимости гуманизации судебной системы. К примеру, обе предлагали ввести и широко применять условное осуждение. Очевидным является сходство программных взглядов на такой важнейший государственный институт как армия. По сути, обе партии предлагали сделать военнослужащих полноправными участниками общественной жизни: сохранить за ними все права, включая, политические. Большевицкая программа предусматривала «тесную связь военных формирований с фабриками, заводами, профессиональными союзами, организациями деревенской бедноты», программа народных социалистов – отбывание воинской повинности в местах проживания. *Обе партии планировали в будущем перейти к милиционной армии.*

В экономической области партии сближало стремление к установлению общественной собственности на землю и прочие средства производства, к созданию общественного распределения, негативное отношение к рыночной экономике. Коммунисты и энесы приветствовали развитие различных форм кооперации. Обе партии выступали за введение прогрессивного налогообложения. В программе народных социалистов значилось установление восьмичасового рабочего дня, участие рабочих в управлении предприятиями, поощрение развития профсоюзов, рабочий контроль над сферой охраны труда, необходимость борьбы с безработицей, улучшение жилищных условий трудящегося населения – пункты, под которыми подписались бы и коммунисты.

В культурной сфере энесы и коммунисты считали необходимым отделение церкви от государства и школы от церкви, развитие бесплатного образования, преподавание в школе на родном языке, считали необходимым развивать профессиональное образование.

Интересные сведения дает контент-анализ текстов программ.

Таблица 1

Термины, связанные с проявлениями
социально-политической агрессии

Термины-индикаторы	РКП(б)	ТНСП
Диктатура/диктатура пролетариата	6	1
Революция/революционный/революционное движение	18	1
Гражданская война	3	-
Революционная война	1	-
Недовольство	1	-
Борьба	15	4
Классовая борьба	1	1
Уничтожить	15	1
Упразднить	1	-
Разбить/разрушить	2	-
Положить конец	1	-
Освободить	7	-
Завоевать	1	-
Подавить	8	-
Противостоять	1	-
Натиск	1	-
Победа	1	-
Экспроприировать	5	1
Свергнуть	1	-
Захватить	1	-
Итого	90	9

Анализ лексики связанной с появлениями социально-политической агрессии дал шокирующий, но во многом ожидаемый разрыв между программами исследуемых партий. Употребление терминов, связанных с агрессией, односторонним доминированием у большевиков выше в 10 раз (!) чем у энесов. Многие термины, присутствующие в программе коммунистов, у народных социалистов просто

отсутствуют (см. Таблицу 1). Понятие «диктатура», упомянутое в статистике политической терминологии энесов, вообще употребляется в негативном ключе. Излагая программные требования, народные социалисты предпочитали использовать термины, связанные с «мягкой», открытой борьбой: «настаивать» (4 ед.), «добиваться» (5 ед.), «приложить все усилия» (1 ед.), «отстаивать» (2 ед.), итого 12 ед. Для сравнения, в программе большевиков такая лексика практически отсутствует. Иными словами, количественный анализ еще раз подтвердил экстремистский характер большевистской программы. Свое влияние, вероятно, оказала и разгоревшаяся Гражданская война.

С другой стороны, интересные результаты дал контент-анализ терминов, отражающих стремление к социально-политической интеграции.

Таблица 2

Термины, отражающие стремление
к социально-политической интеграции

Термины-индикаторы	РКП(б)	ТНСП
Обеспечить всем/обеспечить каждому	1	3
Партия всех [трудящихся]	-	1
Интересы всего [трудового] народа	-	2
Объединить/собрать все силы	1	6
Сплотиться/внутренняя связь [социальной группы]	6	1
Слить воедино/неразрывная связь [различных социальных слоев]	6	-
Воля всего народа	-	1
Всенародный	1	-
Доступность для всех / Равенство всех/ одинаковость для всех	10	8
Всесторонне охватить	-	1
Солидарность/поддержка	1	1
Братский союз/единство действий всех трудящихся	2	-
Вовлекать все более широкие массы [трудящихся]	1	-
Сблизить госаппарат (в т.ч. армию, суд, управление производством) с массами	7	4
Уничтожение привилегий/деления общества на классы	3	1
Общая собственность [трудящихся]	1	2
Общее хозяйство/производство	1	2
Объединение отраслей/кооперация	5	1
Слаженность	1	-

Поголовная мобилизация/мобилизация всех социальных сил	2	-
Общий труд	1	1
Организация в общегосударственном масштабе	3	-
Организация всего населения	1	-
Итого	53	35

Во-первых, приведенные данные таблицы 2 показывают уже не столь фатальный разрыв содержания программ партий (следует учитывать и меньший объем программы энесов по сравнению с программой РКП(б)).

Во-вторых, таблица показывает, что энесы и коммунисты обладали конструктивной программой, ориентированной на интеграцию общества для достижения политических целей партии. Обе партии в программных установках отдавали предпочтение социальным слоям трудящихся, обе проповедовали общедоступность ряда социальных благ, обобществление экономической жизни, необходимость сближения государственных органов с народом.

Вместе с тем, уже текстологический анализ программ показывает и различие смыслов, которые большевики и энесы вкладывали в сходные термины. Например, если народные социалисты, говоря об общих правах, имели в виду все же общие права *для всех слоев населения*, то большевики – *только для тех, кто зарабатывает на жизнь своим трудом, без использования наемной рабочей силы*. Интересно, что коммунисты в равенстве прав неизменно подчеркивали гендерный аспект (равенство мужчин и женщин, например, в обучении, занятии судебных должностей), в то время как энесы – общесоциальный. Рассуждая об интеграции, большевики очень часто вкладывали в это понятие идею *внутригрупповой* интеграции (Сплотиться/внутренняя связь [социальной группы]; братский союз/ единство действий всех трудящихся; объединение отраслей/кооперация), в то время как народные социалисты говорили преимущественно об интеграции *межгрупповой* (Объединить/собрать все силы; обеспечить всем/обеспечить каждому; доступность для всех/равенство всех/одинаковость для всех).

Был и еще один момент, сближавший мировоззрение коммунистов и энесов – это ощущение фатального раскола общества, возникшего в результате развития капитализма. Выход из этой «катастрофической» ситуации представлялся обеим партиям через обобщение

ствление экономики, создание политических институтов демократии, максимализацию политического и экономического влияния трудящихся классов и одновременную деструкцию прежних элит. Однако программа энесов, хотя и несла в себе зерна социального раскола, но все же предполагала диалог, сотрудничество с партиями прочего политического спектра, поэтому она, конечно, выглядит более предпочтительной как программа эволюционного развития России на пути к *социальному обществу*.

В связи с этим немаловажно поставить, наверное, самый главный вопрос – почему же столь «конструктивная» партия обладавшая набором привлекательных идей, оказалась политическим карликом? Например, даже в революционный 1907 г. численность партии не превышала 2 тыс. человек⁷, а на выборах в Учредительное собрание партия оказалась на последнем месте, набрав менее полумиллиона голосов, в то время как большевики – почти одиннадцать⁸. Причины слабости партии в межреволюционный период изложены в работе А. В. Сыпченко⁹, что же касается событий, последовавших за февральской революцией, то, думается, здесь следует обратиться к работе В. П. Булдакова, указавшего на маргинализацию населения в годы мировой войны, склонность маргиналов впитывать агрессивные идеи и отторгающих реформизм¹⁰. Кроме того, коммунистические идеи диктатуры накладывались на конструкцию патриархального доминирования. Все эти элементы отсутствовали, либо были представлены ничтожно в программе энесов.

Еще одним важным итогом нашей работы является осознание принципиальной возможности сотрудничества этих двух партий по весьма широкому спектру вопросов. И в этом отношении очевидна слепота большевиков, полагавших, что только они отстаивают истинные интересы трудящихся. Как показал исторический опыт, о благе трудового народа искренне задумывались не только коммунисты или социалисты, но и русские либералы. Думается, что партия энесов вполне могла бы стать частью легальной многопартийной политической системы, берущей свои корни от февраля 1917 г., пока не сделалась бы очевидной утопичность идеи обобществления экономики вне тоталитарного общества. Смогла бы партия преодолеть этот кризис – мы никогда не узнаем.

¹ Подробнее см.: Мосейкина М. Н. Трудовая народно-социалистическая партия в современной историографии // Вестник РУДН. Сер. История России. 2009. № 1; Назаров В. В. Идеология неонароднических партий: программно-

тактические разногласия эсеров и энесов // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2011. № 2.

² Анализ программ проводится по изданиям: Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы. М., 2003. С. 64–71; VIII съезд Российской Коммунистической Партии (большевиков). Москва, 18–23 марта 1919 года. Стенографический отчет. М., 1919. Электронный ресурс: <http://agitclub.ru/center/comm/rkpb/1919progr.htm> (Дата обращения: 4.03.2014).

³ Там же.

⁴ Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы. С. 64–65.

⁵ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: в 3 т. Т. 1. М., 1996. С. 273.

⁶ Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 гг. М., 1996. С. 29.

⁷ Сыпченко А. В. Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. М., 1999. С. 37.

⁸ Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: история зарождения и гибели. М., 1997. С. 366.

⁹ Сыпченко А. В. Указ. соч. С. 216–217.

¹⁰ Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

Салтык Г. А.

Народные социалисты и трудовики Центрального Черноземья в 1906–1917 гг.

История политических партий является одной из актуальнейших тем в отечественной историографии. Это связано, прежде всего, с тем, что в современной России идет процесс создания демократического государства, одним из условий существования которого является многопартийность. Поэтому изучение процесса становления и эволюции региональных политических партий начала XX века, анализ опыта их парламентской деятельности по-прежнему волнует ученых.

Народным социалистам и их сторонникам – трудовикам посвящен целый ряд обобщающих исследований¹. Работ, в которых анализируется процесс становления вышеназванных партий в губерниях Черноземного центра России (Воронежской, Курской и Тамбовской) не так много². В основном интерес исследователей привлекает деятельность депутатов-социалистов от вышеназванных губерний в Государственных думах³.

Нами были изучены материалы центральных и региональных архивов, периодическая печать, стенографические отчеты Государственных дум, в результате чего удалось собрать интересные факты, существенно дополняющие историю народно-социалистической партии, действовавшей в одном из крупнейших регионов России – Черноземном центре.

Следует отметить, что после образования партии народных социалистов в ноябре 1906 г. ее отделения были созданы во многих губерниях. Одной из крупнейших организаций в Черноземном центре являлась воронежская, насчитывающая в своих рядах около 100 чел. Руководителем местных энесов был врач Н. А. Вырубов, а наиболее активными членами – Н. И. Калужников, Д. К. Долгов, И. А. Бунин, Л. И. Левченко и Д. Ф. Лебедев⁴.

Как показывают разнообразные источники, народных социалистов поддерживал «третий элемент земства» и демократическая интеллигенция города и деревни. Так, в Воронежскую

группу народных социалистов входили присяжные поверенные, земские врачи, железнодорожники⁵. По сведениям жандармского управления, деятельность свою они ограничивали «распространением литературы исключительно в городе», а также принимали участие в кампании по выборам депутатов Государственных Дум и активно поддерживали депутатов от крестьян⁶.

Следует отметить, что левые депутаты от Черноземного Центра России – Ф. Г. Овчинников, М. К. Гудилин и И. Е. Соломка (Курская губерния); В. С. Миронов, И. Т. Лосев и В. Т. Окунев (Тамбовская губерния); И. Я. Пушкарский (Воронежская губерния) – вошли в комитет Трудовой группы⁷.

Фракция трудовиков 1-й Государственной Думы, образованная 28 апреля 1906 г. на собрании депутатов от крестьян, рабочих и интеллигенции, насчитывала 97 депутатов. Трудовики объявили себя представителями «трудящихся классов народа» (крестьян, фабрично-заводских рабочих и интеллигентных тружеников). Фракция должна была объединить их вокруг самых неотложных требований трудящихся, которые могли быть осуществлены в ближайшее время через Государственную Думу. Около половины трудовиков составили члены левых партий.

Депутаты-трудоики от губерний Центрального Черноземья избирались в различные комиссии. К примеру, депутат от Тамбовской губернии В. Т. Окунев являлся членом комиссии по исполнению государственной росписи доходов и расходов, продовольственной и распорядительной комиссий. Его подпись стоит под законопроектом «О гражданском равенстве», на заявлении об образовании местных аграрных комитетов. Он также выступал по вопросу о неприкосновенности личности и по аграрному вопросу.

Членом аграрной комиссии стал и депутат-трудоик от Курской губернии М. А. Меркулов – один из руководителей Щигровского крестьянского союза партии эсеров Курской губернии. Он также подписал законопроект «33-х» по аграрному вопросу и заявление об образовании местных аграрных комитетов.

Депутаты-трудоики от имени своих «выборных» обращались в Думу и вносили свои предложения. Так, посланец Грайворонского уезда Курской губернии трудоик М. К. Гудилин

предлагал избрать аграрную комиссию в составе 33-х депутатов, а не 99 чел., как предполагалось первоначально. По мнению депутата, – «чем меньше состав комиссии, тем больше толка от ее работы». Он также сообщил думцам о настроениях, царивших в деревне: «Если первоначально крестьяне и мещане “вполне надеялись, что Государственная Дума разрешит их нужды, дав им землю и свободу”, то со временем эти надежды “стали слабеть...”»⁸.

Об этом также шла речь в послании крестьян с. Холкок Новооскольского уезда. В нем, в частности отмечалось следующее: «Когда носились слухи о Думе – мы все, крестьяне земли русской, направили все свое внимание на нее. Но Дума вопросы не решила. Мы требуем от Думы: Разойдись! Перестань быть ширмой, закрывающей от нас правду! Тогда мы станем лицом к лицу со своим врагом. Выберем истинных представителей, действительных защитников труда и облечем их доверием и законодательной властью. Долой бесправную Думу! Да здравствует Учредительное Собрание!»⁹.

В знак протеста по поводу роспуска Государственной Думы многие депутаты составили так называемое «Выборгское воззвание». В нем содержалось обращение к населению России: «Граждане! Стойте крепко за поправление прав народного представительства, стойте за Государственную Думу! Ни одного дня Россия не должна оставаться без народного представительства»¹⁰. От Курской губернии подписи под «Выборгским воззванием» поставили трудовики И. Е. Соломка, Ф. Г. Овчинников, М. Д. Кутоманов, М. К. Гудилин и М. А. Меркулов.

Во время выборов во 2-ю Государственную Думу трудовики блокировались с эсерами и Всероссийским Крестьянским Союзом. К этому времени было сформировано до 40 провинциальных отделов Трудовой группы, в том числе в исследуемом регионе.

В трудовую группу 2-й Государственной Думы от Воронежской губернии вошли Ф. С. Меняйленко, К. А. Чернышев, Д. В. Уразов, от Курской – С. И. Волков и И. Н. Мушенко, от Тамбовской – А. Р. Давыдов, М. А. Липатов, Я. Е. Прасолов, Д. З. Романов, М. К. Резанов. В Думу было избрано также два народных социалиста: Я. И. Ворожейкин и А. Е. Киселев (Тамбовская губерния).

Заметим, что во 2-й Думе наблюдался рост числа левых депутатов. Так, если от Тамбовской губернии в 1-й Думе не было ни одного представителя левых партий, то во 2-й их насчитывалось 7. Примерно такая же картина и по Воронежской губернии. По Курской губернии в 1-й Думе из 11 депутатов только один принадлежал к партии эсеров (5 поддерживали трудовиков)¹¹.

Депутаты-социалисты выступали с трибуны Думы практически по всем обсуждаемым вопросам (об отмене военно-полевых судов, голоде, новобранцах и т.д.). Но особенно они были активны в прениях по аграрному вопросу. А энес А. Е. Киселев и трудовик И. Н. Мушенко были избраны в аграрную комиссию. Кроме того, трудовики исследуемого региона подписали «Проект основных положений земельного закона» (заявление 104-х членов).

Аграрный законопроект думской группы был внесен на заседание 3 мая 1907 г. депутатом-курянином И. Н. Мушенко. По земельному вопросу выступал также трудовик А. Н. Афанасьев (сл. Павловка, Обоянский уезд, Курская губерния). В частности, критикуя депутатов, сторонников сохранения частной собственности на землю, он ратовал за передачу земли крестьянам без выкупа: «Вся частная собственность должна быть уничтожена, и земля должна поступить в пользу народа, который должен ею сам управлять <...> когда будет уравнительное землепользование, тогда наступит успокоение всей страны»¹².

Трудовики Центрального Черноземья принимали активное участие в обсуждении и др. вопросов: о помощи голодающим (И. Е. Пьяных, А. Е. Киселев), об избрании продовольственной комиссии (Н. С. Долгополов) и т.д. А депутаты И. Н. Мушенко, А. И. Русанов, П. С. Лохвицкий, А. Е. Афанасьев, Н. С. Долгополов И. Е. Пьяных и Н. О. Оводов в числе 31 депутата подписали «Основные положения проекта образования местных земельных комитетов»¹³.

Кроме деятельности в Думе, депутаты-трудовики старались поддерживать отношения со своими избирателями. Повсеместно ими распространялись письма от депутатов Государственной Думы «К народу», посылались также персональные письма депутатов на родину¹⁴. Депутаты также встречались со своим

электоратом. К примеру, 27 апреля 1907 г. на станцию «Обоянь» прибыл депутат-трудовик А. И. Русанов. Его ожидало около 200 чел. – учащиеся, учителя городского училища, рабочие и служащие г. Обояни. Курский депутат обратился к ним с речью, в которой отметил, что его товарищи стараются отстоять у правительства землю и волю для народа. В своем выступлении он также коснулся и деятельности местной администрации, отметив при этом, что «чины полиции, также как и земские начальники существуют только для порабощения народа»¹⁵.

О выступлении А. И. Русанова писала газета «Сегодня»: «27 апреля, отъезжая из Обояни, А. И. Русанов <...> произнес противоправительственную речь. По делу возбуждено следствие...»¹⁶. От ареста курского депутата спас вовремя подошедший поезд, на котором он уехал в столицу.

Подобное произошло и в Тамбовской губернии. В феврале 1907 г. губернатор доносил в МВД, что «на железнодорожной станции в Козлове собрались рабочие и учащаяся молодежь, по случаю проводов в столицу депутатов Думы Ф. В. Огнева, Я. Е. Прасолова и А. Е. Киселева. После того, как депутат Киселев произнес антиправительственную речь, собравшиеся запели революционные песни, а затем потребовали снять шапки у находившихся на станции нижних чинов полиции...»¹⁷.

Нужно отметить, что правительство всячески старалось пресекать подобные действия депутатов. За каждым членом Думы был установлен негласный надзор, о чем неоднократно говорилось с трибуны Думы. Так, И. Н. Мушенко с негодованием отмечал, что «правительству в высшей степени важно не допустить депутатов к избирателям, изолировать их от народа <...>. Мы знаем, какие циркуляры оно рассылает в провинции. Мы знаем, как оно охраняет депутатов особыми телохранителями в пути на родину». И далее он рассказал о том, как местные власти устроили наблюдение у дома одного из депутатов Курской губернии: «Филер регистрировал всех, кто приходил к депутату. Вот, господа, какова неприкосновенность депутата!»¹⁸.

В это время в губерниях исследуемого региона продолжали действовать небольшие группы народных социалистов. Извест-

но, например, что воронежских энесов возглавлял врач Н. А. Вырубков, занимавший должность директора психиатрической лечебницы Воронежского губернского земства. По поступавшим в ГЖУ агентурным сведениям, зимой 1907 г. на его квартире систематически проходили собрания местных трудовиков и народных социалистов. Так, на одном из них, состоявшемся 1 февраля того же года присутствовали врачи С. Сергиевский и Левашов, присяжные поверенные В. М. Якимов, Н. И. Калужников, Д. К. Долгов и И. А. Бунин, а также учителя Л. И. Левченко и Д. Ф. Лебедев. Во время обыска на квартире полицией было обнаружено два экземпляра программы народно-социалистической трудовой партии, отпечатанных на машинке и револьвер¹⁹.

После роспуска 2-й Государственной Думы народные социалисты Центрального Черноземья активности не проявляли. Как сообщалось в «Известиях народно-социалистической партии» в январе 1908 г. «партийный центр народных социалистов прервал связь с группами в 8 губерниях», среди которых были названы Тамбовская и Воронежская²⁰.

О том, что в Воронежской губернии «трудовая группа» и ее члены никаких действий не предпринимают», отмечалось и в документах Департамента полиции в мае 1908 г. По его данным, в 1908 г. «организованной группы трудовиков» не имелось и в Тамбовской губернии. Вместе с тем, в местную полицию поступали сведения о том, что в губернии все же «замечены отдельные лица, примыкающие к трудовикам. Речь шла, прежде всего, о бывших депутатах Думы В. Баташове и В. Окуневе²¹.

После Февральских событий 1917 г. энесы пытались объединить всех неонародников в одну партию. Это событие произошло 17–23 июня 1917 г., когда вслед за партийными съездами энесов и трудовиков последовал 1-й съезд ТНСП. В целом по России в июне 1917 г. трудовая группа насчитывала 9–10 тыс. чел., численность энесов равнялась 6–7 тыс. Объединение заметно усилило партию. Она имела организации в 52 губернских и 89 уездных городах, а также в 18 селах и станицах.

Немногочисленные группы энесов имелись и в губерниях Черноземного Центра России. В июле-августе они проводили

многочисленные собрания, на которых рассматривали насущные проблемы данного момента, и, прежде всего, обсуждали вопрос о необходимости создания новой партии. Так, на состоявшемся 15 июля 1917 г. в Тамбове собрании ТНСП под председательством Н. С. Жихарева был заслушан краткий исторический обзор по истории народно-социалистической партии, названы причины выделения трудовиков и народных социалистов в самостоятельную партию. С обоснованием программы ТНСП, ее отличием от народнической, эсеровской и марксистской идеологии выступил народный социалист К. В. Бажанов. На этом собрании разгорелась острая дискуссия между сторонниками образования новой партии и их противниками. Многие народные социалисты считали, что разногласия между ними и социалистами-революционерами несущественны, что образование самостоятельной ТНСП «только дробит силы народников». Их сторонники призывали участников собрания отказаться от партийной раздробленности.

Итог дискуссии подвел бывший депутат 2-й Государственной думы трудовик А. Е. Киселев. Он подчеркнул, что «ПСР не представляет внутренней целостности, что история как бы толкает ее в сторону народных социалистов». Большинством голосов была принята резолюция, в которой подчеркивалось стремление тамбовских социалистов «с горячей готовностью отдать все свои силы на защиту Родины». Участники собрания были уверены в том, «что не усилиями отдельных партий, не силами отдельных классов и групп, а только единением всех революционных сил, опирающихся на организованную демократию и при поддержке всего народа может быть сохранена свободная народная Россия»²².

Подобные собрания проходили и в других городах Центрального Черноземья. К примеру, 25 июля в Воронеже состоялось открытое собрание, на котором народный социалист С. Н. Наумов выступил с докладом, посвященным объединенному съезду Трудовой группы энесов, проходившем в Петрограде. В целом, воронежцы были солидарны с Центром, поэтому здесь также появилась объединенная организация энесов и трудовиков²³.

Народные социалисты Курска на собраниях, регулярно проходивших осенью 1917 г. обсуждали вопросы об отправке агитаторов в уезды, о рассылке партийной литературы, о подготовке к выборам в Учредительное собрание. С этой целью курские энесы предполагали отпечатать 60 тыс. воззваний, содержащих призыв поддержать депутатов-энесов на выборах в Учредительное собрание, а также разъяснявших программные положения партии по аграрному вопросу²⁴.

Нужно отметить, что в 1917 г. их программа в сфере земельной политики была усовершенствована и конкретизирована. Национализация земли, по их мнению, должна была проходить в два этапа. Первоначально предполагалось национализировать казенные, удельные земли свыше трудовой нормы. Купчие и наделные земли отдавались в пользование их владельцев. На этом этапе излишки доходов, получаемые с земель лучшего качества, должны были, по мнению народных социалистов, поступать в доход государству. В то же время все юридические действия с землей ограничивались условием, что в одних руках не должно собираться земли свыше трудовой нормы.

На втором этапе предполагалось, что в государственную собственность должны перейти купчие и наделные крестьянские земли, на которых велось трудовое хозяйство. Но, подтверждая национализацию земли в аграрной области, ТНСП резко осудила самочинные захваты помещичьих хозяйств и, в частности, резолюции Всероссийского крестьянского съезда от 25 мая 1917 г. о передаче их в ведение крестьянских земельных комитетов. Народные социалисты считали также, что эсеры «своим “без выкупа” страшно затрудняют проведение земельной реформы».

Пытаясь выйти за рамки городской партии, агитаторы-энесы отправлялись в деревни с разъяснением своей аграрной программы. Своими впечатлениями они делились с читателями газеты «Народный социалист»: «Глушь и дичь культурная здесь изумительная. Интеллигенция вообще отсутствует. Ни школ, ни учителей <...>. Десяткам культурных и партийных работникам хватило бы дела», – писали народные социалисты после посещения деревень Суджанского уезда Курской губернии. Однако

энесы были полны оптимизма, чувствовали свою востребованность. «Кто впадает в тоску, советуем ехать в деревню, — здесь почерпнете и бодрость и укрепите веру в себя, в то, что наша революция разбита быть не может», — считали куряне²⁵.

Агитационно-пропагандистская деятельность народных социалистов способствовала появлению в деревнях и селах небольших группы своих сторонников. Одна из них, к примеру, была организована в с. Рассказово Тамбовской губернии после выступления посланца губернской организации энесов А. Е. Киселева²⁶.

Нередко представители социалистических партий проводили совместные собрания, на которых обсуждали текущие вопросы революции. Главное внимание они по-прежнему уделяли объединению всех революционных сил. К примеру, 14 июля 1917 г. в Тамбове состоялось собрание представителей партии эсеров, народных социалистов и организации «Бунд». На нем также присутствовали представители Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Председателем собрания был единогласно избран прокурор окружного суда В. К. Вольский. На этом собрании речь шла о единении «в этот грозный час» всех социалистических партий и выработке для них единого плана действий. Однако решения этот вопрос так и не получил.

И все же надежда на объединение всех социалистических сил не покидала энесов. В сентябре 1917 г. состоялось заседание ЦК ПСР, на которое были приглашены представители ТНСП. По инициативе последних обсуждался вопрос о совместной деятельности обеих партий на предстоящих выборах. Местным группам эсеров и народных социалистов предоставлялось право заключать блоки между собой. Особое значение придавалось вопросу о том, чтобы соглашение обеих партий «проводилось» как можно чаще на выборах в органы местного самоуправления, в работе Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а также в других общественно-демократических организациях²⁷.

Немаловажное место в этой деятельности отводилось и земским органам местного самоуправления. «Борьба за волостное земство — это борьба не с правительством, а с темнотой и неподготовленностью народа», — отмечали народные социалисты. По

их мнению, именно они «грозят самому существованию волостного земства». «Русское общество и в особенности все старые работники, должны осознавать, что без самой активной их помощи деревня, волостное земство в большинстве случаев не сможет укрепиться, не сможет завоевать в глазах населения тех симпатий, той поддержки, без которой ему трудно сохраниться среди бурь и непогод революционного времени», – восклицали энесы. Вместе с тем они подчеркивали, что укрепление волостного земства, внедрение в сознание населения важности идей самоуправления для дела революции, для торжества революционных принципов более важно, чем даже сохранение и укрепление различных комитетов и советов. По их мнению, земства не только необходимо создавать, но нужно также «идти энергично и беззаветно на служение молодому самоуправлению»²⁸.

Анализируя прошедшие выборы, энесы указывали на то, что «почти повсеместно наблюдалось уклонение крестьян от участия в выборах». Имелись даже хутора, где ни один человек не принял в них участия. Так, в Елатомском уезде Тамбовской губернии почти всюду за исключением одной волости происходило значительное недоизбрание гласных. Если на первые выборы здесь явилось 49 % избирателей, то на вторые – 34 %. Энесы полагали, что это происходило потому, что большинство крестьян смотрели на выборы, «как на новую затею». Многие голосовали за «своих людей» (кума Ивана, свата Егора).

Но были и приятные исключения. Так, в с. Рассказово Тамбовской губернии «население приняло живейшее участие в выборах, даже старички и старушки ползли с конвертами в руках исполнить свою гражданскую, может быть необычайную и неожиданную для них обязанность, выстраивались в очередь и ждали часами», – отмечалось в газете «Народный социалист»²⁹.

Энесы пытались объяснить их успех тем, что с. Рассказово не было похоже на обычные селения. По их словам «здесь имелось много интеллигенции». Среди избранных гласных оказались 2 врача, 1 механик, 8 бухгалтеров и конторщиков. Важную роль сыграл и тот факт, что на выборах функционировало два списка – от демократического блока, объединившего рабочих, крестьян,

служащих и трудовую интеллигенцию и от прогрессивного блока, под флагом которого шли торговцы и промышленники. Такое разделение кандидатов не по партиям, а по социальному положению оказалось для населения, мало разбиравшегося в партиях, самым подходящим», – писали народные социалисты³⁰.

В настоящий праздник превратились выборы гласных в волостное земство с. Стakanовo той же губернии: «В 2 часа возле церкви был отслужен молебен. Отец Александр призвал народ к спасению родины и к ее защите. Затем с красными флагами, на которых было написано “Да здравствует Земля и Воля!”, и революционными песнями манифестанты направились к волостному правлению»³¹.

Партия народных социалистов была немногочисленной. Однако это не помешало ей выставить свои списки на выборах в органы местного самоуправления во всех уездных и губернских городах Центрального Черноземья. Среди представителей энесов Воронежской губернии преобладали гласные городских дум, земские деятели, учителя, мировые судьи³². Их идеи разделяли агрономы, преподаватели, бухгалтера. Так, среди 30 кандидатов в депутаты Тамбовской городской думы было 8 служащих земских управ, 5 учителей, 1 солдат, 1 лесничий, 4 бухгалтера, 1 библиотекарь, 1 инженер и т.д.³³.

Подобная картина наблюдалась и в уездных городах. В Белгороде, например, из 25 кандидатов в депутаты городской думы было 6 учителей, 1 священник, 1 юрист, 1 прапорщик, 1 фельдшер, 4 машиниста, 5 чиновников, 5 кустарей, 1 солдатка³⁴.

Нередко в ряды партии попадали члены ссудно-сберегательных и кредитных товариществ, союзов кооперативов и т.д. В Тамбове, например, во время выборов в Учредительное собрание энесы объединились со съездом кооперативных организаций и выступили единым списком³⁵.

О причинах крайне слабого влияния партии в массах свидетельствует высказывание курского учителя А. А. Фортунатова. Сравнивая собрания эсеров и энесов, он говорил: «С социалистами-революционерами можно не соглашаться, но их всегда слушаешь с интересом. На их собраниях всегда приподнятая

атмосфера; у энесов – часто и умно, и благоразумно, но – нет-нет и вспомнишь “Живой труп” Л. Толстого. Помните, изюминку, вот ее-то и нет у народных социалистов»³⁶.

Наиболее активно в Центральном Черноземье действовали воронежские энесы. Они сконцентрировались вокруг старого народовольца, активного члена партии народных социалистов, одного из основателей Всероссийского учительского союза Н. В. Чехова. Сторонники народных социалистов имелись и в Воронежском гарнизоне. Председателем полкового комитета здесь был Я. М. Калиновский³⁷. Небольшие группы энесов появились в Валуйском, Острогожском, Бобровском уездах Воронежской губернии. Отдельные их представители имелись и других уездах. Всего же местные группы ТНСП насчитывали около 100 чел.³⁸

Около 30 народных социалистов входили в белгородскую группу (Курская губерния), возглавлял которую директор мужской гимназии Герман Федорович Линсцер. Активными ее членами являлись священник А. Г. Попов, юрист Я. А. Травкин, фельдшер А. Н. Лимар, прапорщик Н. А. Монько, учителя П. П. Скрипников, Д. И. Сапрыкин, А. Н. Красовский. Были среди них и рабочие, служащие, кустари. Крестьяне в группе отсутствовали³⁹.

Небольшое объединение народных социалистов появились и в ряде сел Тамбовской губернии: в апреле организовалась группа в с. Сысоево, которую возглавил земский страховой агент А. А. Зеленецкий. В июне группа ТНСП оформилась в г. Козлове. В нее входили преимущественно земские учителя, в том числе и члены Совета крестьянских депутатов⁴⁰.

Небольшие успехи революционной работы в деревне окрыляли партию. На Всесоюзном съезде народно-социалистической партии, проходившем в июне 1917 г. отмечалось, что «идеи и программа партии встречают сочувствие не только у интеллигенции, настроенной социалистически, но и среди крестьян, и даже рабочих, не порвавших связь с деревней». Немногочисленность своих рядов народные социалисты объясняли тем, что «партия включает в свои ряды только граждан, вполне разделяющих и понимающих программу партии и ни в коем случае не допускающим огульного присоединения к партии целыми селениями,

деревнями или войсковыми частями». При этом народные социалисты указывали на то, что по мере того, как трудовое крестьянство начинало само разбираться в земельном вопросе, оно все больше и больше прислушивалось к голосу народных социалистов. Об этом свидетельствует тот факт, что крестьяне просили прислать ораторов народных социалистов не только на митинги и собрания в отдельные села и волости, но даже специально собирали со всего уезда представителей волостных комитетов для того, чтобы «не только заслушать партийного оратора, но и разобраться в аграрном вопросе»⁴¹.

Заметим, что народные социалисты тесно сотрудничали со всеми социалистическими партиями. В Тамбове они поддерживали даже Литовскую народно-социалистическую партию, в которую входили литовские беженцы, проживавшие на территории Тамбовской губернии. Энесы-литовцы неоднократно поднимали вопрос о необходимости «войти в самый тесный контакт с русской трудовой народно-социалистической партией». Некоторые члены литовской народно-социалистической партии открыто переходили в ряды ТНСП. Так, 16 июля на общем собрании партии обсуждался вопрос о вступлении литовца И. К. Грабовского в ряды русской ТНСП. Причем, представитель литовских энесов – Ф. И. Радневич был включен в список кандидатов в гласные Тамбовской городской думы⁴².

И все же главным вопросом революции народные социалисты считали вопрос о власти. По их мнению, реальной властью на местах должны были стать органы местного самоуправления, избранные демократическим путем: городские думы, волостные, уездные и губернские земства. Свою задачу они видели, прежде всего, в том, чтобы завоевать большинство в этих органах и тем самым обеспечить себе победу на выборах в Учредительное собрание.

В «Основных положениях муниципальной программы народных социалистов», опубликованной в Тамбове накануне выборов в органы местного самоуправления, энесы подчеркивали, что городская дума должна «заботиться о народном образовании, народном здравоохранении, о городских путях сообщения,

о водопроводе, о канализации <...> обо всем, что касается интересов городского населения»⁴³.

По убеждению энесов, интересы рабочих и крестьян были тесно связаны между собой. Поэтому они обещали избирателям «одинаково стремиться улучшить положение рабочих в городе и крестьян в деревне». «Если улучшится положение в деревне – сократятся рабочие руки в городе и от того повысится зарплата рабочих», – писали народные социалисты Тамбова. Гласные городской думы должны были добиваться того, чтобы продолжительность рабочего дня не превышала 8 часов, а подростки от 16 до 18 лет работали не более 5 часов в день. Детский труд до 16 лет нужно было, по их мнению, отменить. Поддерживали они и идею страхования рабочих, считая, что городская дума должна была принять участие в организации совместно с профсоюзами фабрично-заводских инспекций⁴⁴.

Подробно излагались и основные положения муниципальной программы народных социалистов в финансовой области. Так, наряду с улучшением городского финансирования, энесы предлагали переложить налоговую тяжесть «с трудового народа на имущие классы», установить налог на незаработанный прирост ценностей и на незастроенные участки, на предметы роскоши (особняки, автомобили и прочее), произвести переоценку недвижимого имущества, а также установить правильное взаимоотношение между земством и городом в области налогообложения⁴⁵.

Народных социалистов не могли не заботить и вопросы народного образования. Школа должна была стать общедоступной и давать детям не только общее образование, но и практические знания. Предполагалось создание сети детских яслей и садов, детских санаториев и больниц, площадок, школьных лабораторий, библиотек, мастерских, ванн, школьных гимнастических помещений, кинематографов и т.д. Энесы выступали также за организацию врачебного надзора за школьниками в целях улучшения «школьной санитарии», а также высказывали мнение о том, чтобы детям раздавали бесплатные, горячие завтраки.

В целом же, энесы стремились к воспитанию «самостоятельной, критически мыслящей личности», к тому, чтобы на боевую

арену жизни дети вышли вполне готовыми к строительству новой жизни, во всеоружии знания, всесторонне гармонически развитые и умственно и нравственно, а также физически, с навыками труда, имея возможность сознательно избрать профессию»⁴⁶.

Значительное внимание в своих программах народные социалисты обращали на земельный и жилищный вопрос. Они были категорически против частной собственности на землю. Эсеры выступали за ее социализацию, энесы – за национализацию. «Только когда исчезнет стремление покупать землю с целью перепродажи, с целью застроить их негодными временными постройками, только тогда город сможет заняться плановой застройкой», – отмечали энесы. По их мнению, политика партии в городской думе должна быть направлена «к достижению передачи земли в распоряжение городского самоуправления». Для этого они предлагали бороться за увеличение налогообложения городских земель, за «воспреещение продажи городских участков земли», за «право городских дум преимущественно перед всяким третьими лицами и учреждениями, покупать продающиеся в городе участки земли». Обобществляя городскую землю, организовывая на ней застройку, народные социалисты вместе с тем, считали необходимым одновременно заняться урегулированием жилищного вопроса. «Мы обещаем вам, что все наши силы и умения мы приложим к тому, чтобы оздоровить ваши жилища, заставить домовладельцев истратить свои доходы на улучшение квартир и комнат, на чистоту и опрятность домов, на устройство разного рода удобств», – отмечали энесы в «Основных положениях муниципальной программы»⁴⁷.

Таким образом, энесы предложили горожанам обширную программу деятельности, которую они обязывались проводить в жизнь в случае избрания их представителей в городскую думу.

На выборы в городские думы, проходившие в августе, народные социалисты шли в блоке с эсерами и меньшевиками. Так, в Курске за социалистический блок проголосовало 7777 чел. – наибольшее количество избирателей; на втором месте кадеты – 2057 чел.; на третьем трудовики – 1147 чел. По результатам выборов 2/3 мест (61 место) из общего числа гласных Курской

городской думы (97 чел.) принадлежало «социалистическому блоку». Из них: 28 – эсеров, 9 – трудовикам.

В состав Льговской городской думы (21 депутат) вошло 8 кадетов, 4 трудовика, 2 социалиста-революционера, 1 меньшевик, 6 беспартийных. В Путивльской городской думе в социалистический блок входило 9 чел. (из 21 гласного). В то же время далеко неутешительными для неонародников были результаты выборов по Белгороду и Обояни: в Белгородскую городскую думу было избрано всего 3 энеса и 1 эсер (из 44 мест), в Обояни в думу попали лишь 2 социалиста. К сожалению, установить их партийную принадлежность не удалось⁴⁸.

В Воронеже на выборах в городскую думу по списку социалистов-революционеров прошло 17 чел., социал-демократов – 2; в Тамбове – 43 % всех голосовавших горожан отдали предпочтение эсерам и только 14 % объединенным социалистам⁴⁹.

В Тамбовской губернии большинство городского населения также проголосовало за социалистов-революционеров. Так, в Борисоглебске эсеры и меньшевики получили поддержку 8789 чел., в то время как кадетов поддержало всего 947 избирателей⁵⁰. На выборах в городскую думу в Тамбове эсеры заняли 1-е место, кадеты – 2-е, меньшевики – 3-е. Народные социалисты получили наименьшее количество голосов⁵¹.

Причины неудачи на выборах сами энесы объясняли тем, что их партия была самой молодой из социалистических партий. По этому поводу они писали: «Ее меньше знают в населении <...>, она никогда не приближается к демагогическим приемам агитации, то есть не дает невыполнимых обещаний»⁵².

И все же энесов радовал тот факт, что «всюду на выборах в городские думы побеждали социалисты». Эсеры и энесы не только входили в городские думы (энесы – гласный Валуйской думы Н. К. Головин, гласные Бобровской думы – П. В. Гольцев и С. Г. Матвеев, Воронежской думы – С. Н. Наумов), но и возглавляли их. Так, председателем Воронежской думы был энес Н. В. Чехов; городским головой в Острогожске – энес Н. В. Соколовский, а в Воронеже – эсер Андреев и т.д.⁵³.

Временное правительство народные социалисты расценивали как внепартийную, консолидирующую страну силу. Высказавшись за демократическую республику, они считали, что она должна быть строго парламентской, а не советской. Отмечая заслуги Советов рабочих и солдатских депутатов в победе революции и образовании Временного правительства, народные социалисты указывали на то, что Совет может сыграть важную роль в закреплении завоеваний революции. Но вместе с тем Совет не должен был претендовать на роль правительства во избежание «пагубного» для успеха революции двоевластия⁵⁴. Советская власть, по их мнению, не будет авторитетной и лишь ввергнет страну в крайние бедствия анархии. Лозунг «Вся власть Советам» энесы считали несостоятельным. Поэтому активного участия в деятельности Советов на местах они не принимали.

В Советах рабочих и солдатских депутатов Центрального Черноземья народных социалистов было мало, хотя они не только входили в исполкомы Советов и являлись их рядовыми членами, но и возглавляли некоторые из них. Так, деятельностью Белгородского Совета руководил народный социалист Г. Д. Линсцер, его рядовым членом была М. Г. Зюбенкова и т.д.⁵⁵.

Главным приложением партийных сил в феврале-октябре 1917 г. народные социалисты считали выборы в Учредительное собрание. В целом население Центрального Черноземья поддерживало партию эсеров. По Воронежу и губернии было подано 1098007 голосов. За список № 3 (эсеров) – 875300 голосов; избрано 15 депутатов: 13 эсеров, 2 большевика; по Курску и губернии – 1060261 голос; за список № 1 (эсеров) – 869497 голосов, избрано 13 эсеров и 2 большевика. По Тамбову и губернии – 1173193 голоса; за список № 1 (эсеры и губернский Совет крестьянских депутатов) – 835556 голосов, избрано 13 эсеров и 6 большевиков. От Курской губернии в Учредительное собрание было избрано 12 эсеров, от Воронежской губернии – 13 эсеров; от Тамбовской – 13 эсеров⁵⁶.

Среди губернских центров исследуемого региона больше всего голосов энесам отдали в Курске – 1 599 чел.; на втором месте Воронеж – 1289 чел. из 38 279 избирателей; в Тамбове

безраздельно господствовали эсеры – здесь народных социалистов поддержало всего 579 избирателей. В воинских частях энесы также не пользовались большой популярностью. Так, в Курском гарнизоне за энесов отдали голоса 156 чел., в Тамбовском – 65, в Воронежском еще меньше – 33 чел.

В целом по округам первенство принадлежало Курскому. За партию народных социалистов здесь проголосовало 8 591 чел., в Тамбовском – 7 408 и в Воронежском – 6 116 избирателей.

Что касается уездов, то данные по Курской губернии, приведенные ниже, свидетельствуют о том, что здесь народные социалисты пользовались незначительной поддержкой. Так, в Щигровском уезде за них проголосовало 447 избирателей, Суджанском – 390, Корочанском – 253, Путивльском – 188, Льговском – 532, Фатежском – 258, Тимском – 271. Рыльском – 309, Обоянском – 220, Старооскольском – 292. Заметно выделяется лишь Белгородский уезд, где энесов поддержало 1450 чел. Интересно распределились голоса избирателей в Новооскольском уезде: за список № 1 (социалисты-революционеры) – 4547 голосов, № 3 (народные социалисты) – 49 голосов, а Халанской волости этого же уезда – 4229 избирателей проголосовали за эсеров, 8 – за энесов. В целом же в Курске и 11 уездах народным социалистам отдали свои голоса менее 1 процента избирателей⁵⁷.

Подобная картина наблюдалась и в уездах Воронежской губернии: Валуйский уезд – 430 чел., Новохоперский – 131, Бобровский – 499, Задонский – 126, Бирюченский – 144, Нижнедевицкий – 67, Павловский 133, Землянский – 59 чел. Немногим отличались Воронежский, Острогожский, Коротоякский, Богучарский уезды. Здесь энесов поддержали соответственно – 676, 712, 574 и 1244 избирателя⁵⁸.

В Тамбовской губернии сторонников народно-социалистической партии также было немного. Об этом красноречиво свидетельствуют результаты выборов в Учредительное собрание по Борисоглебскому уезду. Так, если из 146688 избирателей за эсеров проголосовало: по городу – 2796 чел. (23,74 %), по уезду – 116557 чел., то за энесов, соответственно – 275 (2,33 %) и 215. Причем в Краснохуторской волости энесов не поддержал ни один

избиратель. В 19 волостях (из 24-х) и 4-х населенных пунктах (из 10-ти) за них было отдано от 1 до 8 голосов.

Итак, мы видим, что народно-социалистическая партия собрала большинство голосов в уездном центре. Однако среди сельских жителей ей не удалось завоевать популярности. Можно, правда, отметить, что 34 голоса энесам отдали жители Бирнакской волости и 31 – Уваровской волости. Но если учесть, что здесь проживало соответственно 8438 и 9605 избирателей, эти цифры общей картины не меняют⁵⁹.

Кандидатами в депутаты Учредительного собрания от трудовой народно-социалистической партии в исследуемом регионе были выдвинуты: Тамбовская губерния – А. В. Пешехонов, А. Е. Киселев, А. Е. Кулыжный, Д. Н. Горбачев, И. К. Кирсанов, И. Ф. Грачев, Я. Н. Устинов, А. Ф. Карманов, М. П. Трунов, Н. В. Буянов, С. А. Чурилин, Д. Т. Мишков, В. Ф. Колпаков, В. А. Ципулин, А. Н. Бунаков, С. А. Макаров; Курская губерния – А. Н. Минин, А. П. Марков, Г. Ф. Линсцер, А. В. Алехин, Н. А. Деревенский, И. Ф. Боровецкий, В. И. Метлин, Н. А. Благовещенский, С. И. Ладинский, М. К. Шевченко, Л. Е. Пошлай; Воронежская губерния – Д. Г. Лихоносов, Н. В. Чехов, Ф. П. Лузганов, М. П. Дукельский, Н. П. Макаров, В. В. Хижняков, П. А. Саввин, С. Н. Наумов, Н. К. Головин, М. М. Харитонов, Я. М. Калиновский, Н. В. Соколовский, Г. И. Фомин, Ф. А. Дорошевский, П. В. Гольцев, Н. И. Попов, С. Г. Матвеев, а также В. И. Анисимов и А. В. Пешехонов⁶⁰.

Социальный состав кандидатов в депутаты Учредительного собрания от ТНСП можно прояснить на примере избирательного списка № 3 от Воронежской губернии⁶¹. Среди 17-ти Воронежских народных социалистов преобладали представители интеллигенции: гласные городских дум, земские деятели, мировые судьи, учителя, редакторы газет и т.д.

Заметное влияние энесов и трудовиков в земских и кооперативных организациях позволило им на выборах в Учредительное собрание блокироваться с кредитными и потребительскими кооперативами и союзом земских служащих, как это было в Тамбове⁶².

Таким образом, партия энесов по социальному составу была интеллигентской и среди трудящихся Центрального Черноземья большим авторитетом не пользовалась. Итоги выборов в Учредительное собрание оказались для нее неутешительными. Тем не менее, энесы оказались в числе инициаторов и активных деятелей «Союза защиты Учредительного собрания», предлагали организовать всеобщую забастовку служащих в поддержку и вооруженную защиту демократически избранного представительного учреждения. Это была партия, которая в союзе с эсерами могла стать реальной оппозицией большевистской партии.

¹ Колесниченко Д. А. Трудовики в период первой российской революции. М., 1985; Она же. Состав Трудовой группы в I и II Государственных думах: Сводная таблица членов фракции. М., 1988; Сыпченко А. В. Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. М., 1999; Протасов Л. Г., Протасова О. Л. Народные социалисты // Родина. № 10. 1994; Аноприева Г. С., Ерофеев Н. Д. Народные социалисты // Кентавр. № 1. 1995; Панюков А. А. Народно-социалистическая партия и ее роль в борьбе за решение аграрного вопроса. 1905–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; и др.

² Салтык Г. А. Народные социалисты Центрального Черноземья и Учредительное собрание // Науч. тр. МПГУ. Сер.: социально-политические науки. Сб. ст. М., 2001; Она же. Неонародническое движение Черноземного центра России: 1901–1923 гг. М., 2002; Она же. Народные социалисты Центрального Черноземья: история становления и деятельности (конец XIX – начало XX вв.) // Уч. записки: Электронный научный журнал Курского государственного университета. Курск: КГУ. 2010. № 3 (15). Режим доступа: www.scientific-notes.ru № 0421000068/0052.

³ Коноваленко М. П. Государственная Дума и деятельность в ней депутатов от губерний Центрального Черноземья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1999; Он же. Депутаты-трудовики от Курской губернии в первой Государственной Думе // Россия на рубеже веков: история и современность. Курск, 2002; Полнер Л. С., Коноваленко М. П. Законодательная деятельность депутатов от губерний Центрального Черноземья в Первой Государственной Думе // Известия Курского государственного технического университета. Курск, 2001. № 7. Пашин В. П., Жмыхова Л. В. Представители Курской губернии в Государственной Думе 1906–1917 гг. // Известия Курского государственного технического университета. Курск, 1998. № 2;

⁴ ГА РФ. ДПОО. 1907. Оп. 237. Д. 15. Л. 24.

⁵ Там же. Оп. 235. 1906. Д. 725. Ч. 1. Л. 8.

⁶ Там же.

⁷ Государственная Дума. Созыв I. Сессия I. Полный стенографический отчет. СПб., 1906. Т. 1–2.

⁸ Цит. по: *Салтык Г. А.* Неонародническое движение Черноземного Центра России: 1901–1923 гг. С. 200.

⁹ XX век. 1906. № 77.

¹⁰ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 4036. Л. 75.

¹¹ Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. 1907 г. СПб., 1907. С. 6–7, 12, 16, 21–22, 28.

¹² Государственная Дума. Стенографические отчеты. Второй созыв. Сессия 1. Т. 1. СПб., 1907. Стлб. 769, 1173, 1178.

¹³ Государственная Дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв. 1907 г. С. 76, 289; Государственная Дума. Второй созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. СПб., 1907. С. 23, 225–226.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 237. Д. 100. Т. 1. Л. 226–227.

¹⁵ Там же. Л. 190; Д. 110. Л. 190.

¹⁶ Сегодня. 1907. 27 апреля.

¹⁷ ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 971. Л. 136.

¹⁸ Государственная Дума. Стенографические отчеты. Второй созыв. Сессия 1. Т. 1. Стлб. 1179.

¹⁹ ГА РФ. ДПОО. 1907. Ф. 102. Оп. 237. Д. 15. Л. 24

²⁰ Известия народно-социалистической партии. 1908. № 1.

²¹ ГА РФ. ДПОО. 1908. Ф. 102. Оп. 238. Д. 19. Ч. 10. Л. 2; Ч. 52. Л. 1.

²² Известия Тамбовского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1917. № 78.

²³ *Лавыгин Б. М.* 1917-й год в Воронежской губернии. Воронеж, 1928. С. 72; Курская жизнь. 1917. № 90.

²⁴ Там же. № 90, 115, 118.

²⁵ Из письма нашего товарища // Народный социалист. 1917. № 48.

²⁶ Известия Тамбовского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1917. № 110.

²⁷ Народный социалист. 1917. № 7(56).

²⁸ Народный социалист. 1917. № 9 (58).

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Солдат и рабочий. 1917. № 86; Воронежский телеграф. 1917. № 239.

³³ Известия Тамбовского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 1917. № 88.

³⁴ Известия Белгородского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 24.

³⁵ Солдат и рабочий. 1917. № 90.

³⁶ Курская жизнь. 1917. № 10.

³⁷ Воронежский телеграф. 1917. № 208.

³⁸ Народный социалист. 1917. № 3.

³⁹ Известия Белгородского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 22.

⁴⁰ Народное слово. 1917. № 7, 24.

⁴¹ Народный социалист. 1917. № 24.

⁴² Известия Тамбовского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 1917. № 88.

⁴³ Народный социалист. 1917. № 21; Известия Тамбовского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 1917. № 80.

⁴⁴ Народный социалист. 1917. № 21.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Известия Тамбовского Совета рабочих, крестьянских и солдатских и депутатов. 1917. № 80.

⁴⁷ Народный социалист. 1917. № 21.

⁴⁸ Курская жизнь. 1917. № 16, 27, 115; Известия Белгородского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 24; ГАКО. Ф. Р-846. Оп. 2. Д. 5. Л. 31; Оп. 1. Д. 57. Л. 11, 16, 29.

⁴⁹ Лавыгин Б. М. Указ. соч. С. 71; Каверина Г. Н. Профессиональные организации средних городских слоев и мелкобуржуазные партии в период мирного развития революции (На материале Тамбовской и Воронежской губерний) // Непролетарские партии России в трех революциях: сб. статей. М., 1989. С. 183.

⁵⁰ Борисоглебская жизнь. 1917. № 4.

⁵¹ Известия Тамбовского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. 1917. № 88.

⁵² Народный социалист. 1917. № 47.

⁵³ Лавыгин Б. М. Указ. соч. С. 84; Курская жизнь. 1917. № 9.

⁵⁴ Аноприева Г. С., Ерофеев Н. Д. Указ. соч. С. 35.

⁵⁵ Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. Курск, 1957. С. 14–15; Известия Белгородского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. № 22, 24.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 32. Л. 18; Воронежский телеграф. 1917. № 232; Крестьянское дело. 1917. № 28–31.

⁵⁷ Курская жизнь. 1917. № 90, 115, 118.

⁵⁸ Воронежский телеграф. 1917. № 239.

⁵⁹ Борисоглебская жизнь. 1917. № 11, 12.

⁶⁰ Дело деревни. 1917. № 13; ГА РФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 263. Л. 2; Д. 395. Л. 5; ГАТО. Ф. 1068. Оп. 1. Д. 25. Л. 9; Д. 28. Л. 3.

⁶¹ Воронежский телеграф. 1917. № 208.

⁶² Дело деревни. 1917. № 13.

Раздел III.

ТЕОРЕТИКИ ПРАВОГО НАРОДНИЧЕСТВА

Жвания Д. Д.

И. И. Каблиц о крестьянской общине и самобытной модернизации России

Иосиф Иванович Каблиц (Юзов) (1848–1893) вошел в историю народничества как идеолог крайне правого его толка. Начинал он свою общественную деятельность в 1870-е гг. как бакунист и анархист. Но после неудачного «хождения в народ» 1874–1875 гг. в его мировоззрении произошли существенные перемены. Каблиц отказывается от бывшего бунтарства и переходит на позиции легального народничества, став его первым сложившимся идеологом. На рубеже 1870/80-х гг. под псевдонимом «Юзов» он обратил на себя внимание общественности настойчивой проповедью народнических идей в газете «Неделя»¹.

Свою версию народничества Каблиц изложил в двух книгах «Основы народничества» (1882) и «Интеллигенция и народ в общественной жизни России» (1885). Главная их идея: истинные народники – те, кто на задачи русской жизни смотрят «глазами мужика». А т.н. «передовая» интеллигенция, пропагандирующая политический переворот, есть худший и опаснейший враг народа, т.к. она пытается переделать русскую жизнь по либеральным западным теориям, которые для нее совсем не подходят.

По понятным причинам особого успеха у демократической интеллигенции определение народничества Каблицем не имело. Однако это не отрицает его вклад в разработку других вопросов народнической теории. Один из них – роль крестьянской общины в предлагаемой народниками модели модернизации России.

Тексты Каблицы построены по позитивистской моде, которая получила распространение в России во второй половине XIX века. Рассуждения народнического публициста довольно абстрактны. Свои социологические конструкции он возводит на социологических выводах других авторов (за счет монтажа цитат), исследовательские концепции которых являются не более чем субъективной

интерпретацией социальной и исторической действительности. Это и позволяет обозначить метод Каблицы как абстрагирование от абстракций или интерпретацию интерпретаций. Поэтому мы здесь вынуждены будем анализировать и комментировать каблицевские интерпретации интерпретаций.

Взгляды Каблицы на институт русской поземельной общины непосредственно вытекают из его концепции «национальной самобытности». «Социальные формы настолько хороши, насколько приспособлены к характеру и потребностям народа», – таков его основной посыл².

Свою концепцию самобытности России Каблиц противопоставляет «мудрствованиям» славянофилов, принявшим гниение «современных общественных форм Запада» за гниение западной цивилизации как таковой и сделавшим из этого вывод, что ее нужно заменить цивилизацией русской. «Они не могут понять того, что Запад не разлагается, а преобразовывается, идя своим самобытным путем». Более того: славянофилы «совершенно не умеют» отличать истинно русской самобытности от «патологических проявлений русской общественной жизни». «Нынешние выродившиеся славянофилы готовы относить к самобытным формам ее всякого рода наросты и прыщи», что дает повод «могикам западничества насмеяться над идеей русской самобытности», – негодует автор «Основ народничества»³.

Однако поэтизацией «наростов и прыщей» на теле русского общества грешили и народники. Так, писатель Г. И. Успенский даже в таких незначительных достижениях цивилизации как «какая-нибудь керосиновая лампа или скверный линючий «ситчик» видел предметы, которые, «несмотря на свою явную ничтожность тем не менее наносят неисцелимый вред порядкам и идеалам, основанным и вытекающим из условий земледельческого труда. Керосиновая лампа уничтожает лучину, выкуривает из избы вон всю поэтическую сторону лучинушки»⁴. На воспевание Успенским «лучинушки» обратил внимание такой «могикан западничества», как 24-летний «легальный марксист» П. Б. Струве, который не замедлил воспользоваться этим для того, чтобы раскритиковать народнические воззрения. «Столь изумительная “социальная организация” (крестьянская община. – Д. Ж.) вытекает из всей материальной обстановки и с гибелью одной погибнет другая», – писал он в своей первой книге «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России»⁵.

Каблиц далек от какой-либо романтизации крестьянской жизни. Также ему чужда славянофильская идея русского мессианства. «Не

потому мы идем самобытным путем, что мы избранный народ, предназначенный велениями судьбы, заменить своею цивилизацией сгнившие цивилизации Запада, – пишет народник, – а только потому что все народы должны идти своим путем. Самобытность – необходимое условие правильного развития общественных форм»⁶.

Почему же Каблиц делает такой акцент на самобытности народов? Обратимся к его методологии. Каблиц был гносеологическим пессимистом. «Границы действительного мира вещей, – полагал он, – совсем не совпадают с границами мира явлений». Поэтому познание объекта всегда субъективно. Между субъективным познанием и объектом познания существует несоответствие. «Мы будем знать не весь объект, а только часть его, и эта часть будет восприниматься не такую, какую она есть, а соответственно свойствам субъекта»⁷. В концепции Каблица крестьянство предстает как некая таинственная «вещь в себе». Представления же интеллигенции о народе – это не более чем взгляд со стороны («кажимость»), в соответствии с которым переделывать жизнь народа недопустимо. Ибо самобытное развитие народной и национальной жизни – это общественный закон, столь же обязательный, как и закон природы.

Каблиц (что естественно для народника) предлагает опираться в деревне на общинные порядки, являющиеся проявлением русской самобытности. История России, по его мнению, «дала нам для развития социальных чувств более целесообразное и вместе с тем только полезное, а не гибельное средство для многих поколений – общину, артель»⁸.

По убеждению Каблица, стремление русского крестьянина к общинной форме хозяйствования объясняется не только, и скорее даже не столько материальной, сколько духовной потребностью. «Главный интерес народа состоит в возможности жить по своей воле, хотя бы при этом народ хуже будет есть, пить и одеваться. Мы должны, наконец, понять, – внушает Каблиц своим читателям, – что для народа его духовные потребности выше материальных, и что его стремление иметь экономическую независимость нельзя объяснять только в материальном смысле». Способность русского крестьянства к самоуправлению можно усмотреть «во всех его привычках и действиях». Потребность в нем отражается в народной мифологии, в создании «тех идеальных образцов практической жизни, которыми он от времени до времени утешает свою скорбь и которые очень часто побуждают его странствовать и отыскивать так называемое «Беловодье».

Далее Каблиц вполне по-анархистски раскрывает социальный смысл крестьянской утопии: «Это “Беловодье” – земной рай русского крестьянина. Там нет ни убийств, ни воровства, ибо нет бедности; там нет ни налогов, ни чиновников, так как жители его не подчинены никакому государству. Это самоуправляющаяся община...»⁹.

Доказательства свободолюбия русского крестьянства Каблиц черпает в его пословицах и поговорках. «Мысль о холопстве русского мужика приходилась по сердцу барско-чиновничьей интеллигенции, – пишет он. А в это время крестьяне говорили: “Сколько рабов, столько врагов”; и “Ваше благородие черт зародил, а нас грешных Господь спосоздал”; “Мы и там будем служить на бар: они будут в смоле кипеть, а мы станем дрова подкладывать”». Каблиц подчеркивает тот факт, что воззрения народа на свое освобождение были намного прогрессивнее тех предложений, которые делала на сей счет западноевропейская, а вслед за ней и «российская ученая мысль и книжная премудрость». Он подмечает, что когда Вольтер предлагал лишь приглашать помещиков к делу освобождения, «наши крестьяне в то же самое время требовали полного освобождения и надела не только пахотной землею, лесами и лугами, но и реками, озерами, рудниками, необходимыми для крестьянского промысла». Стремление русских крестьян к «земле и воле», о чем упоминает Каблиц, находило бурное выражение в крестьянских войнах и восстаниях. «Крестьянское воззрение на этот предмет (на волю. – Д. Ж.) было высказано в подложных манифестах Пугачева, – пишет он. – Нельзя же на самом деле думать, что этот донской казак являлся каким-то пророком новых истин; он объявлял только о тех льготах, которые крестьянство ждало с нетерпением»¹⁰.

Каблиц подчеркивает также, что крестьянские воззрения на земельную собственность проявлялись и в учениях раскольничьих наставников и учителей. Он выступает против расхожих (во все времена) штампов «прогрессистов» о «моральной ущербности» и «нравственном вырождении» крестьян. По словам «прогрессистов», пишет он, «Россия наполнена негодями; куда не посмотришь, везде мерзость запустения, везде гнусность...». «Прогрессисты» «с презрением и негодованием накидываются на всякого, кто видит в крестьянине человека, может быть, и забитого, пассивного, но все-таки человека; они с торжеством, с захлебывающейся радостью подхватывают все то, что клеймит этого мужика <...>. Они с ликованием встречают все поверхностные обобщения всякого наблюдателя де-

ревни, который доказывает, что мужик – это жалкая тварь, способная за грош перервать горло своему ближнему, что мужик способен продать свою жену, детей и вообще что угодно, что деревня скопище безнравственных негодяев, ведущих между собой неустанную войну из-за материальных благ». «Оболгать мужика – большое удовольствие для интеллигента», – заключает Каблиц. Стремясь опровергнуть антикрестьянские инсинуации «общественного мнения», он утверждает, что община способствует «развитию социально-нравственных инстинктов». Поэтому мужику не нужно «изучение каких бы то ни было наук», ибо община обеспечивает условия, при которых «все оказывают помощь друг другу»¹¹.

Таким образом, Каблиц на свой «стародедовский» лад приходит к традиционным для народничества выводам. Он стремится доказать взаимообусловленность общинного устройства русской деревни и «чувств», «желаний» и «мнений» русского крестьянина. С его точки зрения, результатом «субъективно-видового» выбора русского народа является общинный уклад жизни, способствующий развитию «социально-нравственных инстинктов» и обеспечивающий условия, при которых «все оказывают помощь друг другу». Поэтому по морально-нравственным критериям русский крестьянин превосходит индивидуалистический западный тип личности. Кроме того, бережно сохранив свои традиционные общинные устои, он превосходит и личностный тип российского интеллигента, который заимствует свои нормы поведения и мировоззрение с Запада. Община в концепции Каблица – это динамичный социальный институт. «Существующие формы общинного владения, – пишет он, – не остаются такими испокон веков без всяких изменений и усовершенствований»¹².

Каблиц – ярый противник подражания западным образцам хозяйствования. В соответствие со своей теорией самобытности он утверждает, что каждая европейская страна «имеет свои самобытные черты». «Кому же мы должны подражать? Английское, французское или немецкое землевладение должны мы насадить на необозримых полях России?» – задается он риторическим вопросом¹³. Предлагаемый Каблицем вариант разрешения аграрного вопроса демократичен. Прежде всего, в качестве тех причин, которые приводят крестьянские хозяйства к обеднению, Каблиц выделяет крепостнические пережитки: малоземелье, обилие платежей, отсутствие сельскохозяйственного инвентаря. Основной причиной истощения крестьянства Каблиц считает налоги и выкупные платежи. «Государство ве-

ликодушно истощает платежную силу крестьянина в пользу частных лиц, — указывает Каблиц, — и этим самым преграждает путь к расширению собственного бюджета». Но даже это несправедливое распределение средств не помогает помещикам сохранить свои хозяйства. «Несмотря на громадные суммы выкупных платежей, доставшихся в руки помещиков, эти последние разоряются и сбывают земли к кулакам и торговцам», — пишет Каблиц. «Ни помещики, ни купцы не являются у нас сельскими хозяевами, способными вести земледельческую промышленность. Ею занимаются почти исключительно крестьяне», — таков вывод Каблица. Отсюда вытекает и программное требование народнического публициста — отдать землю крестьянам. Ибо остальные классы общества только торгуют землей. «Интересы общества и государства требуют, чтобы земля была в тех руках, в которых она дает наибольший доход». Это требование также «необходимо с точки зрения общественной солидарности и справедливости». По Каблицу, «следует помочь крестьянам приобрести достаточное количество земли, необходимое для самостоятельного ведения хозяйства»¹⁴.

В советской историографии было принято утверждать, что программа Каблица выражала интересы кулацких верхов деревни. Однако беспристрастное прочтение его предложений говорит об обратном. «Пусть же она (земля. — Д. Ж.) прямо попадет в руки крестьян, нежели сделается орудием торговли и возвышения вредных для государства, и для народа — кулаков и мироедов», — пишет он в «Основах народничества». И далее: «Необходимо позаботиться, чтобы земля, перешедшая в крестьянские руки, не могла опять попасть к мироедам»¹⁵. Здесь Каблиц почти дословно повторяет требование Воронцова, который в том же 1882 г. в книге «Судьбы капитализма в России» призвал обезопасить крестьян от посягательств кулачества.

В 1905 г. эти требования будут вновь выдвинуты С. Н. Южаковым. В своей брошюре «Аграрный вопрос» спасение России он поставит в зависимость от спасения народного производства. «Что же для этого нужно? Прежде всего, расширить площадь этого хозяйства. Земельная площадь народного хозяйства должна быть не меньше его рабочих сил. Земельная площадь должна поместить труд всего земледельческого населения. Только тогда выручка народного хозяйства будет достаточна не только для пропитания населения и его нищенского бюджета, но и для прогресса хозяйства и культурного развития населения»¹⁶. Программа народников «Недели» — увеличе-

ние наделов и уменьшение податей – являлась общим проектом демократического разрешения аграрного вопроса. Специфические интересы общинного крестьянства они рассматривали в его контексте.

На отсутствие четкой народнической программы переустройства именно общинного хозяйства в свое время обратил внимание писатель Н. Н. Златовратский. «Что говорить! – восклицал он. – Увеличение наделов и уменьшение податей – вещи, безусловно, хорошие, однако эти прекрасные желания могут оставаться прекрасными и помимо всяких вопросов об общине. К чему здесь община? Но раз вы говорите об общине, раз вы признаете ее даже особенным национальным преимуществом, вы не имеете никакого права игнорировать логическое развитие общинных идеалов»¹⁷. Эти упреки болеющего душой и сердцем за русскую деревню писателя как будто бы обращены к Каблицу. И действительно: свои аграрные требования идеолог «стародедовского» народничества никак не соотнес со своей теорией национальной самобытности.

Каблиц (в отличие от Воронцова) не видит в распространении знаний в крестьянской среде залога рационализации общинного хозяйства. Рационализацию он ставит в зависимость от демократического разрешения аграрного вопроса. Так, в ответ «агрономам-помещикам», кои «много кричат о травосеянии», он приводит следующие слова крестьян: «Если бы удобной земли, да хлебушка было побольше, тогда ничего, можно было бы и травосеянием заняться. А теперь сеять-то негде, – местов таких нет, ведь травосей любит землю сдобренную». «Не недостаток знаний составляет причину той отсталости полеводства, которая проявляется в некоторых местах, а недостаток земли и сельскохозяйственного инвентаря, – указывает Каблиц. – Это доказывается тем, что богачи из тех же крестьян, т.е. люди, не обладающие большими сельскохозяйственными сведениями, чем вообще крестьяне, ведут в тех же местах более рациональное хозяйство, нежели их малоземельные и бедные соседи». С другой стороны, Каблиц сетует на последствия бурного пореформенного роста промышленности в ряде регионов. Так, он указывает на то, что расширение транспортной инфраструктуры заставило отказаться крестьян от такого традиционного промысла, как извоз, с помощью которого «в былые времена они кое-как поправляли свое материальное положение»¹⁸.

Большие надежды Каблиц возлагает на помощь общине со стороны государства. Он (так же, как и В. П. Воронцов) видит в госу-

дарстве надклассовую силу, которую можно склонить к выгодной для крестьян политике. «Если на Западе государство, будучи представителем исключительно культурных классов, под их эгоистическим влиянием, и было принуждено идти по дороге экономического рабства народонаселения, – рассуждает он, – то у нас оно вполне независимо и может избрать такой путь экономической политики, который более соответствует общенародной пользе и который более выгоден для самого государства»¹⁹.

Каблиц считает, что в 1861 г. государством была сделана первая попытка обеспечить экономическую независимость крестьянства. «В России крестьяне освобождены не по западному образцу, а по-русски, – пишет народник. – В факте наделения крестьян землей сказалось влияние понятий самого народа, который не допускал возможности остаться без земли». Но эта попытка осталась незаконченной из-за «реакции со стороны “общества”». Каблиц в духе царистских иллюзий крестьянства надеется, что монархическое правительство поможет общинникам обзавестись землей, оградит их от кулаков-мироедов и от «деяний различных хищников». «Все зависит от того, как будут вести себя относительно общины правящие классы, – замечает публицист. – На их совести будет лежать ее гибель; они только будут виноваты, если такая дурная трава, как Разуваевы, заглушат общину»²⁰.

Каблиц призывает государство убрать препятствия на пути развития той «исконной бытовой формы», каковой является крестьянская община. Он предлагает даже ввести в законодательство «понятие общинного владения в том виде, в котором оно сложилось у народа». «Не о насильственном поддержании общины государством говорим мы, а только об устранении препятствий, стесняющих ее естественный рост и развитие»²¹. Но эта формула построена без учета того, является ли появление в общине «дурной травы» в лице «Разуваевых» естественным? Другими словами: имманентен ли для общины процесс формирования зажиточного крестьянства?

Н. Н. Златовратский считал, что социальное размежевание в общине – естественный результат пореформенного развития России. «Яд, отравляющий общину, и в настоящее время все больше и больше проникает к самому сердцу ее, это стремление к «хозяйствованию» и «обособлению», – пишет он. – А при настоящих условиях это стремление не может быть удовлетворено иначе, как в форме кулачества и мироедства, т.е. эксплуатирования положения своего же собрата»²². Каблиц же вопрос о появлении кулачества оставляет без ответа.

Каблиц стремится доказать основной «старонароднический» тезис: земледельческой России развитие промышленного капитализма «пока совершенно неприменимо». По мысли Каблицы, «в России нет необходимости к такому жестокому и бесчеловечному средству для обобществления труда», как капитализм, ибо «у нас сохранилось общинное владение, которое с большим успехом может исполнить эту роль». Каблиц резко критикует тех «прогрессистов» которые считают, что поддерживать общинное земледелие – дело «реакции и застоя», а «старания же завести у нас промышленный пролетариат – прогрессивны и полезны». Каблиц выступает также против теории Маркса: «стадии экономического развития России были и будут другими, нежели на Западе»²³. В капитализме Каблиц видит зло. И нужно приложить максимум сил для того, чтобы его избежать.

На основе своей теории самобытности Каблиц разработал общий план промышленной модернизации России. По его мнению, «при обсуждении будущих судеб русского народа нельзя не принимать во внимание того нравственного оттенка, каким он отличается от европейцев», а именно, «общинно-артельного духа», ставящего русский народ впереди западноевропейских народов, превратившихся в «пульверизированные нации», что может их в будущем привести только к «бюрократическому социализму», ибо «личность на Западе, благодаря предполагаемой национализации земли и отсутствию кооперации, будет иметь дело непосредственно с государством». В России личность будет иметь дело «со своей общиной-артелью и, дальше, с союзом этих общин-артелей». На Западе «капиталистов только и может заменить государство, у нас их могут заменить артели-общины и союзы их», – убежден Каблиц. Это преимущество – результат самобытности русской нации, так как общинность – и здесь Каблиц вновь выдает в себе сторонника цивилизационного подхода – это «субъективно-видовая» ее особенность, основанная на «индивидуальных особенностях» каждого индивидуума, то есть, в конечном итоге, все того же русского мужика, сохранившего «за собой такую долю самоуправления, о которой культурным классам и не снилось»²⁴.

Краеугольным камнем в предлагаемом Каблицем плане промышленной модернизации является артель – «вполне народная» форма производства, которая «имеет свой корень» в крестьянской общине. Поэтому Каблиц предлагает сделать артель основой крупного – «чисто русского» – сельскохозяйственного производства. В крестьянской общине Каблиц также прослеживает тенденции, которые заставят ее «слить те мелкие дольки земли, на которые она де-

лится теперь» и организовать производство на артельных началах. «Прогресс сельскохозяйственной промышленности рано или поздно приведет к необходимости дорогостоящих работ осушения и орошения почвы, а также всякого рода крупных машин», – констатирует он. Каблиц призывает государство «вместо того, чтобы поддерживать капитал», «помочь артели в борьбе с могучим противником»²⁵. «Благодаря общинному владению (приучающему наши рабочие классы к большей солидарности в жизни, нежели это есть у рабочих классов на Западе), распространение артельного труда замечается в России больше, чем где бы то ни было. Остается только помогать этому естественному процессу обобществления, и тогда легко будет избежать многих печальных результатов капитализма, а в том числе и пролетариата»²⁶.

Итак, Каблиц в общих чертах описал тот план промышленной модернизации России, который затем развили народники-экономисты В. П. Воронцов и Н. Ф. Даниельсон, а также публицист С. Н. Кривенко. Следует отметить, что Каблиц на основе теории самобытности наметил не только план промышленной модернизации России, но и выдвинул предложения по политическим вопросам. Он подчеркивает «наивный монархизм» русского крестьянства. «В мыслях и действиях царской власти, он (народ. – Д. Ж.) видит воплощение идеальной справедливости, как она понимается им самим. Все, что он считает истинным и справедливым, все это он приписывает царской власти; напротив, все, что у нас делается вопреки его желаниям, его понятиям, все это объясняет кознями «господ», он убежден, что все его бедствия были бы прекращены, если бы Царь узнал о них»²⁷. Каблиц считает, что не нужно разрушать этот социальный миф; наоборот – «исконное стремление к общению с царской властью, к непосредственному изложению своих нужд и потребностей самому Царю, помимо бюрократии» он предлагает использовать для того, чтобы организовать периодическое появление перед царем «выборных представителей местных нужд и потребностей». Это предложение Каблица было один раз осуществлено на практике – 9 января 1905 г.

В целом взгляды И. И. Каблица на институт русской крестьянской общины выдержаны в общем для народничества ключе: община находится в центре его социологической концепции. Предлагаемый Каблицем план модернизации страны также построен на общинно-артельном фундаменте. Оригинальной его концепцию делает акцент на народной самобытности. Ее он противопоставляет интеллигентским иллюзиям о народных нуждах. Но позитивистский социоло-

гический метод не позволил Каблицу показать процесс формирования менталитета (если пользоваться терминологией Каблицы – «субъективно-видовое сознания») той или иной социальной группы, в частности крестьянства. Апелляция Каблицы к «чувствам и мыслям» «средней личности» (без учета социологической конкретики) делает его концепцию надуманной и произвольной.

¹ Подробнее о И. И. Каблице см.: *Харламов В. И.* Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX в. Общественно-политические воззрения Каблицы /Юзова/: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980; *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995 (ук. им); *Зверев В. В.* Русское народничество: Учеб. пособие. М., 2009. С. 181–195; *Мошкин Г. Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010 (ук. им).

² *Каблиц-Юзов И. И.* Основы народничества: в 2. т. 2-е изд. СПб. 1888–1893. Т. 1. С. 243.

³ Там же. С. 269, 270.

⁴ *Успенский Г. И.* Крестьянин и крестьянский труд // Соч. СПб., 1889. Т. 2. Стлб. 557.

⁵ *Струве П. Б.* Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894. С. 164.

⁶ *Каблиц-Юзов И. И.* Основы народничества. Т. 1. С. 263.

⁷ Там же. С. 158, 160.

⁸ Там же. С. 365.

⁹ Там же. Т. 2. С. 202–203, 306.

¹⁰ Там же. С. 316–317.

¹¹ Там же. С. 316–317, 467–468.

¹² Там же. Т. 1. С. 375.

¹³ Там же. С. 244.

¹⁴ Там же. С. 431, 433–434.

¹⁵ Там же. С. 435.

¹⁶ *Южаков С. Н.* Аграрный вопрос в России. СПб., 1906. С. 20–21.

¹⁷ *Златовратский Н. Н.* Очерки крестьянской общины. (Деревенские будни) // Собр. соч. СПб., 1896. Т. 8. С. 303.

¹⁸ *Каблиц-Юзов И. И.* Основы народничества. Т. 1. С. 434, 430–431.

¹⁹ Там же. Т. 2. С. 230.

²⁰ Там же.

²¹ Там же Т. 1. С. 428–429, 437, 461; Т. 2. С. 230.

²² *Златовратский Н. Н.* Указ. соч. С. 301.

²³ *Каблиц-Юзов И. И.* Основы народничества. Т. 1. С. 262, 404, 438; *Он же.* Капитализм в России (рецензия на книгу В. В. [В. П. Воронцов] «Судьбы капитализма в России») // Неделя. 1882. № 21.

²⁴ *Каблиц-Юзов И. И.* Основы народничества. Т. 2. С. 51–53, 196–197.

²⁵ Там же. С. 390–391.

²⁶ *Юзов И.* Капитализм в России.

²⁷ *Каблиц-Юзов И. И.* Основы народничества. Т. 1. С. 326.

**В. П. Воронцов и возрождение народнического
аполитизма в начале 1880-х гг.**

Переломным событием в развитии народнического движения 1880-х гг. стало убийство народовольцами Александра II. Ожидаемого начала в России крестьянской революции не произошло. Наоборот, простой народ испытал сильнейшее потрясение и скорбь в связи с неожиданной мученической гибелью царя-освободителя.

Революционно-террористическая деятельность, оказавшаяся без народной поддержки и теперь строго пресекаемая властью, зашла в тупик. В тоже время, начинает набирать вес и значение пропаганда «культурной работы» в массах теоретиками и публицистами правого, неревolutionного народничества (И. И. Каблиц, Я. В. Абрамов, Л. Е. Оболенский и др.). Особый успех у интеллигенции получила т.н. «теория малых дел», суть которой сводилась к отказу от политической борьбы с самодержавием и сосредоточению усилий на удовлетворении практических нужд народа.

Данная статья посвящена одному из идеологов реформаторского или легального народничества 1880–1890-х гг. Василию Павловичу Воронцову (1847–1918). Больше всего он известен как экономист, автор теории о «мертворожденности» русского капитализма¹. Гораздо меньше изучен вклад Воронцова в разработку тактики мирной модернизации социально-политической системы России, чем он начал заниматься еще в 1870-е гг.

Но прежде чем обратиться к анализу взглядов Воронцова, необходимо показать общую расстановку сил в правом народничестве после 1 марта 1881 г.

В советской историографии господствовала точка зрения, согласно которой с разгромом «Народной воли» перестало существовать и народничество, т.к. его эпигоны – «либеральные народники», защищали интересы зажиточного крестьянства. Наибольшим нападкам подвергались попытки «мирных» народников указать новый путь к социализму, без революции и кровопускания. В соответствии с марксистской парадигмой, народнический аполитизм 1880-х однозначно интерпретировался как примирение с царизмом и отказ от идеи социалистического переустройства общества².

По мнению современных исследователей, в 1880-е гг. народническая мысль продолжила свое поступательное развитие, связанное с преодолением идеализма 1870-х гг. и разработкой программ практического сближения с народом на почве культурно-просветительской деятельности в качестве учителей, врачей, агрономов и т.п.³.

Однако легальное народничество состояло не только из тех, кто призывал интеллигенцию к новому, деполитизированному варианту «хождения в народ». Все 1880–1890-е гг. народникам-культурникам успешно противостояли народники-политики. Их полемика между собой о том, какая интеллигенция нужна России: тираноборческая или трудовая – одна из наиболее ярких страниц идейной жизни России последних десятилетий XIX в.

Представители культурнического народничества во главе с его ведущим теоретиком И. И. Каблицем-Юзовым формально продолжали тактику народников 1870-х гг. Они защищали концепцию первоочередных социальных преобразований, признавая необходимость развития самостоятельности народных масс. Главный лозунг «культурников» – «все для народа и только через народ». Неслучайно народников «Недели» и «Мысли» называли «ортодоксами».

Центральная идея «критического» народничества и его бессменного лидера Н. К. Михайловского – ограничение самодержавия и расширение политических свобод интеллигенции как единственной общественной силы, способной выступить в роли «ускорителя» общественного прогресса. Народники-политики обвиняли своих оппонентов в идеализации мужика, преклонении перед деревней и общиной, которые, в силу своей «непросвещенности», не способны к социальной модернизации, а значит, нуждаются в руководящей деятельности интеллигенции. Основным тактический принцип публицистов журнала «Отечественные записки» – «все для народа, но посредством лучшей его части – интеллигенции»⁴.

«Культурники» со своей стороны упрекали «политиков» в ложной любви к народу, подозревая их в защите интересов нарождающейся русской буржуазии. Ведь именно она могла воспользоваться либеральными свободами для усиления своей власти над народом. И надо признать, что в начале 1880-х гг. эти нападки на радикально-демократическую интеллигенцию имели под собой основание.

«Какое счастливое и загадочное существо эта интеллигенция, – писал в 1881 г. на страницах журнала «Дело» публицист Б. П. Онгирский, – без желудка, без плоти и крови, вся сотканная из какой-то

эфирной дымки. Не буржуазия и не народ – так кто же она, вне этих двух и единственных в наше время форм реального существования?». Интеллигенция воспитывается, получает образование, а затем и работает не в народной, а в буржуазной среде. Все средства к жизни она получает из рук буржуазии и государства, т.е. фактически существует за счет эксплуатации народа. И если «трудящиеся интеллигенты» говорят, что они живут своим трудом, то это только иллюзия. «Не будь вы интеллигентом, окруженным буржуазией, – заявлял Онгирский, – вы одним своим трудом не добыли бы себе и куска хлеба»⁵.

Очевидно, что в 1880-е гг. понятие «народная интеллигенция» начинает наполняться новым содержанием, как раз в духе теории «малых дел». Раньше народники мирились с тем, что интеллигенция существует за счет народа. Она решала великую историческую задачу: подготовку общественного переворота, после которого народ будет «всеми голова». И только политическое бессилие этих «друзей народа» заставило новое поколение народников поставить вопрос о необходимости появления в России новой интеллигенции – работающей для народа и непосредственно в народной среде. Лишь такая интеллигенция могла утверждать, что она не буржуазная, а истинно народная.

Народническое мировоззрение В. П. Воронцова формировалось на рубеже 1860–1870-х гг., когда он был студентом Медико-хирургической академии. Анализируя опыт западных реформ и революций, Воронцов заключал, что на смену дворянам в Европе пришла буржуазия, а народ как был эксплуатируемым и бесправным, таким и остался. Эта же участь ожидала и Россию, если ее развитие пойдет по западному сценарию. Поэтому Воронцов примкнул к народникам, развивавшим идею самобытной модернизации страны.

В 1870-е гг. Воронцов был сторонником идей П. Л. Лаврова. А он, как известно, не верил в то, что бунты способны поднять «спящий народ» на борьбу с властью. Поэтому дело интеллигенции или «критически мыслящих личностей» идеолог пропагандистского течения в народничестве видел в развитии народного самосознания и воспитании будущих революционеров.

В декабре 1871 г. студент Воронцов принял активное участие в дебатах на известном собрании в квартире Таганцева. Его участники пришли к единодушному решению, что «...в России некому бороть-

ся за конституцию: дворянство и буржуазия слабы, да они и без конституции с заднего крыльца прекрасно защищают свои классовые интересы. Остается одна интеллигенция, действительно заинтересованная в политических свободах, но она тоже слаба, да к тому же, в большинстве настроена социалистически, а потому за чистую конституцию бороться не будет. Остается один выход – развернуть знамя, выставив на нем социалистические требования, а вместе с тем вовлечь в борьбу широкие народные массы, к организации которых и надлежит приступить»⁶. Эта идея станет квинтэссенцией всей последующей общественной деятельности Воронцова.

После окончания в 1873 г. академии Воронцов около восьми лет проработал земским врачом в Новгородской, Вологодской и Симбирской губерниях. Выбор такого пути «служения народу» не был случайным. Сочувствуя революционерам-пропагандистам, Воронцов, тем не менее, не вошел в состав кружка чайковцев, хотя и выполнял отдельные их поручения. Известный революционер Н. А. Чарушин вспоминал, что «с Воронцовым многие из чайковцев были в близких отношениях и не раз пытались вовлечь его в кружок, но он отклонял предложения, мотивируя свой отказ тем, что подпольная революционная деятельность в русских условиях, не давая реальных результатов, всегда лишь усиливает реакцию и сокращает возможность культурной работы в народе»⁷.

Но связи Воронцова с революционерами не прервались. В середине 1870-х гг. он становится тайным корреспондентом заграничной газеты П. Л. Лаврова «Вперед!», опубликовав здесь очень важную для понимания становления его взглядов статью «К вопросу об условиях революции в России»⁸.

Каковы основные идеи Воронцова, относительно развития социально-революционного движения в России? «На знамени современной русской молодежи написано: социальная революция через посредство народа»⁹. Так как деятельность «партии», не имеющей большого жизненного опыта, еще не обрела основательности и целесообразности в силу большого разнообразия «фракций» – мелких подпольных кружков – ей предстояло основать свою программу на научном изучении общественных явлений. Кружковым занятиям молодежи Воронцов определил задачу так: «узнать недостатки существующего порядка вещей и найти средства к его ниспровержению». Изучение критики существующего общественного строя, «на-

учно обработанных принципов либерализма, политического радикализма и социально-революционных партий на Западе» привело к «отрицанию политических революций и революций сверху вниз и к признанию, – как единственно рационального – принципа социальной революции через посредство народа»¹⁰.

Далее Воронцов отмечает, что в России критическая мысль, направленная на изучение общества, развилась лишь недавно, и прогрессивные идеи вырабатывались подпольно и заимствовались с Запада. «Получая их, таким образом, из вторых и третьих рук, русская молодежь не могла ясно видеть связь их с умственным развитием той страны, откуда они к нам проникали, и для нее утратилась умственно-историческая преемственность различных прогрессивных идей»¹¹.

Критикуя формальный подход к определению революционных задач в России, Воронцов приводит примеры «ходячих представлений» – заблуждений «армии гасителей»: «каждый народ, будучи недоволен существующим общественным строем, готов к революции, наше дело объединить возможные восстания и произвести всеобщий взрыв», «взволновать одну местность, за которой якобы поднимется и остальная Россия», «революция есть воспитательное средство», и нужно бунтовать народ, во что бы то ни стало¹².

Чтобы доказать неприменимость западных методов революционной борьбы на нашей почве, Воронцов обращается к изучению опыта народных движений в России (на примере восстаний Разина, Пугачева и др.) и приходит к следующему выводу: характерной чертой русских народных движений, является то, что все они совершались во имя царской власти. «Наблюдая общественную жизнь, русский человек видел, что всякое ее явление санкционировалось царской властью и что все изменения совершались ею же; следовательно, заключал он, царская власть есть общественная сила»¹³. Привлечение субъективного метода социального познания и психологического подхода позволяет Воронцову заключить, что в религиозном сознании русского народа царская власть, имея божественное происхождение, обладает высшим правом и могуществом, тогда как несправедливость и неправомерность – есть проявления узурпирующих власть дворян.

С учетом этого обстоятельства главную цель революционной деятельности в России Воронцов определяет так: «Если неудачи наших народных движений обуславливались, главным образом, отсталым мирозерцанием народа, то дело социальной революции

требует изменения последнего; следовательно, все силы партии должны быть направлены именно на это дело, не отвлекаясь бунтами и заговорами»¹⁴.

Итак, несмотря на относительную неудачу «хождения в народ» Воронцов по-прежнему считает приоритетной задачей русской интеллигенции «умственную переорганизацию» народа. Данная позиция опиралась на признание образования и науки, а не насилия, в качестве главного орудия прогресса. И в этом позиция Воронцова очень близка к идеям основоположников русского народничества.

И Герцен, и Чернышевский отводят роль внешнего побудительного толчка народной самодеятельности образованной части общества. «Выдающиеся личности должны были стать наставниками и руководителями основной массы населения в усвоении главных ценностей цивилизации – науки и образования. Чем больше простого народа будет приобщено к культуре, чем более просвещенной станет основная масса населения, тем быстрее пойдет развитие общества, тем совершеннее станет его устройство»¹⁵.

Воронцов, как и родоначальники народничества, утверждает, что основное предназначение интеллигенции – нести народу свет знания. Но он доводит эту идею до логического завершения. Благодаря просвещению в народе «создастся собственная интеллигенция» и он будет давать из своей среды образованных рабочих, «стоящих по своему развитию в уровень с веком». «К этому, – по мысли Воронцова, – и должна стремиться наша интеллигентская социально-революционная партия; идеалом ее должно быть самоуничтожение»¹⁶.

С конца 1870-х Воронцов основное внимание в своих исследованиях уделяет экономическим вопросам. Особенно его волновала судьба русского капитализма. Кстати, именно благодаря Воронцову, точнее начатой им полемики, слово «капитализм» получило в России широкое распространение.

Антикапиталистическая теория Воронцова стала экономическим обоснованием полезности «малых дел». Она же доказывала необходимость развития «народного производства» через сохранение общины, развитие артелей и кустарных промыслов. Тем более что состояние упадка, в котором пребывало в 1880-е гг. крестьянское хозяйство (по вине бюрократии и зарождающейся под ее покровительством буржуазии), требовало безотлагательных спасительных мер. «В последнее десятилетие, – пишет Воронцов, – правительство последовательно проводит идею покровительства крупному капитали-

стическому производству на средства, доставляемые обреченным к гибели мелким»¹⁷. Своим тяжелым трудом и многочисленными лишениями простой мужик обеспечивал воплощение идей образованного меньшинства, а в благодарность получал обвинения в устаревших формах производства и культурной отсталости. «Нельзя поэтому сказать, что народ двадцать лет проспал, что у него только и было заботы: истощать землю и подготавливать сельскохозяйственный кризис. Он совершал в это время великое дело, от того или другого направления которого зависит будущее наше развитие, он боролся за высший тип общественно-экономического прогресса, и не его вина, если победа далась ему путем понижения степени развития; нельзя упрекать его за то, что принужденный вести отчаянную борьбу с обществом народ недостаточно был энергичен в своих отношениях к природе: природа от него не уйдет, а пропустить благоприятный общественно-исторический момент очень нетрудно»¹⁸.

В предисловии к книге «Судьбы капитализма в России» (1882) в качестве новой программы деятельности народнической интеллигенции Воронцов предлагает «изучение закона экономического развития России – основу всех остальных проявлений жизни страны»¹⁹. Главной целью своих публикаций Воронцов ставит объединение социалистов через формирование прочных антикапиталистических принципов: «Народная партия много бы выиграла в практическом отношении, если бы двойственность, раздирающая ее мирозерцание, была уничтожена, если бы к ее вере в живучесть народных устоев присоединилось убеждение в исторической невозможности развития капиталистического производства в России»²⁰.

Как бы отвечая своим обвинителям на упреки в отрицании очевидных успехов русского капитализма, Воронцов объясняет свою позицию так: «Отрицая возможность господства в России капитализма как формы производства, я не чего не предпрещаю относительно его будущего, как формы и степени эксплуатации народных сил»²¹. Наша буржуазия в лице Разуваевых, Колупаевых, Сладкопевцевых не станет бороться за политические свободы, она не образует из себя партии и не нуждается в науке и просвещении. Наш кулак-собственник свое развитие обеспечивает грубой эксплуатацией народа, подрывая этим источник финансов государства»²².

Свою антикапиталистическую позицию и обращение к экономическим вопросам вообще Воронцов поясняет следующим образом: дворянство утрачивает значение, кулачество невежественно, оста-

ется народ, политическая роль которого далеко впереди. Отсюда защита экономических интересов народа – есть способ достижения политических целей интеллигенции. И только экономическая же сила способна сделать народную партию сильной политически²³. А это прямое указание автора на истинные цели (политические) экономических изысканий.

Внимание читателей книги привлекла также мысль о том, что благодаря невозможности развития в России капиталистического производства ее историческая миссия заключается в осуществлении равенства и братства, «если уж ей не суждено бороться за свободу». В предисловии к книге Воронцов расшифровывал ее так: раз в России нет класса, подобного европейской буржуазии, то нет и естественной опоры политической свободе, а значит, европейский конституционный либерализм теряет свое значение. Далее следует ремарка, адресованная правительству о том, что царская власть не будет иметь в обществе противника, который вынуждал бы ее на уступки либерализму. Эти уступки (например, в отношении печати) власть может сделать добровольно, потому что свобода общества и в этом случае будет фиктивна, ибо «также легко изорвать клоч бумаги, “хартию свободы”, как подарить его»²⁴.

Таким образом, по убеждению Воронцова, не имея ресурсов, политической борьбы не выиграть. Только победив в противоборстве с капитализмом в сфере экономических отношений, интеллигенция преуспела бы и в революционной деятельности.

У Воронцова не так много работ не связанных напрямую с экономическими вопросами. Одна из них – «Капитализм и русская интеллигенция», увидевшая свет в 1884 г. на страницах «Отечественных записок». Эта статья внесла определенный вклад в становление «теории малых дел». Она предвосхитила выступление в 1885 г. в «Неделе» другого народнического публициста – Я. В. Абрамова, который начал успешную разработку практической программы культурной работы интеллигенции в деревне. Абрамов сам указывал на то, что Воронцов за год до него поставил вопрос о судьбе безработного «интеллигентного пролетариата»²⁵.

Действительно, Воронцов одним из первых обратил внимание на сложное положение представителей интеллигентных профессий, на которое их обрекают капиталистические преобразования в стране. Трудности с приложением полученных знаний и поиском «сносного заработка» толкнули автора к позиции «не спасителя отечества», а

самого интеллигента-работника, ищущего занятия по специальности. Основным вопросом, выбранным Воронцовым для поиска решения проблемы интеллигенции, стало противоречие: «в то время как многие стороны общественной жизни еще так мало развиты, а учителя, врачи, агрономы, техники и прочие специалисты не могут трудоустроиться». Еще несколько лет назад (в 1870-х гг.), замечает народник, ощущалась острая их нехватка, но «по прошествии нескольких последних лет ситуация изменилась на обратную». Представители интеллигентных профессий месяцами не могут найти работу, участвуют в конкурсах на замещение должностей, соревнуясь с десятками-сотнями таких же «несчастливых», берутся за неквалифицированный труд и соглашаются на сокращение жалованья ради выживания²⁶.

По мнению Воронцова, двадцатилетний период бурного насаждения капитализма в России и одновременное оживление в сфере высшего труда не имеют причинно-следственной связи, а являются совпадением. Рождение трудящейся интеллигенции он связывает со следующими основными причинами: освобождение крестьян и последующее сокращение чиновничества, ранее содержавшихся за их счет; преобразование судебных учреждений и организация земского самоуправления, потребовавших привлечение профессионалов (врачей, акушеров, юристов, экономистов, учителей и проч.) в провинцию; строительство железнодорожных путей и транспорта, требующее инженеров и техников. Последнее могло бы быть названо явлением капиталистическим, если бы не развивалось на деньги правительства. И хотя буржуазные преобразования также требуют высококвалифицированных работников, потребности производства в них несравнимо малы с потребностями народа²⁷.

Ситуация, когда месяцами или даже годами рабочие места в провинции не могли быть укомплектованы, за 4–5 лет сменилась на ту, при которой на одну должность претендуют десятки кандидатов. И если в крупных городах есть альтернатива в виде частной практики, то в глубинке она «решительно ничего не дает».

Наблюдаемый рост предложения интеллигентного труда над его спросом подсказывает простое решение проблемы путем сокращения образовательной системы, плодящей невостребованных работников. Однако Воронцов его не принимает. Отсутствие спроса на «высший труд» вскрывает противоречие между интересами рынка и потребностями народа. Отсутствие возможности заработка для спе-

циалистов указывает не на высокую степень удовлетворения потребностей населения в различных квалифицированных услугах, а на неспособность их оплатить²⁸. Так в сравнении с другими европейскими государствами в России в 2–4 раза меньше врачей. При этом их большая часть сосредоточена в крупных городах. Ссылаясь на публикации в журналах «Врач» и «Медицинский вестник», Воронцов приводит в пример ситуацию в Екатеринославской губернии: один врач приходится на 2421 горожанина, и только один – на 47000 сельских жителей (в Воронежской губернии это отношение составляет 1 к 50000). Там же, куда еще не дошла земская реформа, врачебное дело находится в худшем положении²⁹.

«Кучка привилегированных лиц, – пишет народнический экономист, – на которую работает русская цивилизация, нуждается лишь в небольшом числе, а народные массы не имеют средств для оплаты врачебного труда. Вследствие этого, как только врач теряет место, ему остается обыкновенно следующий исход: брать в долг у знакомых (большей частью, разумеется, без отдачи, несмотря на все желание уплатить), прибегать к общественной благотворительности и, в крайнем случае, отказаться от борьбы за существование и очистить место другим»³⁰.

Для придания веса своим утверждениям Воронцов приводит в пример крайние случаи подобных ситуаций. Доктор медицины М. С. Худяков, служивший в военно-медицинском ведомстве и в связи с болезнью отправленный в отставку, обращался в военно-медицинское управление с просьбой о принятии на службу (хотя получал небольшой пенсией), но получил отказ. Совершая самоубийство в возрасте 39 лет, он оставил посмертную записку, в которой причиной такового назвал «неимение средств к жизни» («Русские ведомости» № 269 за 1883 год)³¹.

Приводя яркие примеры сложной ситуации, в которую наряду с врачами попадают и юристы, и агрономы, Воронцов приходит к выводу, что проблема эта не отраслевая. Оказывается, главным потребителем продуктов высшего труда, а значит, и определяющим спрос на интеллигенцию, является буржуазия. И она ответственна за то, что неудовлетворенность общественных потребностей сочетается с невозможностью для интеллигенции служить интересам народа, чем и обеспечивать свое существование и культурное развитие страны. И здесь Воронцов вскрывает то коренное отличие отечественной

буржуазии, которое мешает прогрессивному развитию общества. Если на западе капитализм выступает «общенародным культурным агентом» – способствует просвещению, повышает производительность труда, защищает интересы личности, то в России он имеет обратное влияние: «он отмежевал себе уголок в миллион-полтора рабочих и не выходит из него, оставив десятки миллионов трудящихся на произвол судьбы <...> вместо оздоровления обстановки народной жизни он поставил свой миллион рабочих в такие гигиенические условия, каким, разумеется, не позавидует крестьянин, оставшийся в стороне от его цивилизующего влияния»³².

Главной причиной сложного положения рабочей интеллигенции Воронцов видит «мертворожденность» русского капитализма. Сокращение национальной производительности, обеднение государства и земств не позволяют оплатить труд необходимой в народе доли образованных специалистов³³.

В заключении статьи «Капитализм и русская интеллигенция» Воронцов призвал представителей «высшего» труда «принять горячее участие» в борьбе против капитализма по причине его отрицательного влияния на рост народного благосостояния, а значит на их личное благополучие и выполнение культурной роли, предписанной интеллигенции законами истории³⁴.

В исторической литературе главным разработчиком теории «малых дел» долгое время считался Я. В. Абрамов. Отсюда ее второе название – «абрамовщина». Но историку В. И. Харламову удалось доказать, что Абрамов – это прежде всего ее талантливый популяризатор. Социологическое обоснование теории принадлежит другим идеологам правого народничества – И. И. Каблицу и Л. Е. Оболенскому. А вот подробное экономическое ее обоснование – это уже заслуга В. П. Воронцова³⁵.

Анализ работ Воронцова начала 1880-х гг. свидетельствуют о том, что он занимался не только экономикой, но и проблемой интеллигенции. Воронцов одним из первых, и даже раньше Абрамова, поставил вопрос об интеллигентской безработице и необходимости переселения «культурного пролетариата» в деревню. Весьма интересными представляются также оценки Воронцовым уровня политического развития народа, который еще долго (как оказалось до революции 1905 г.) будет верить в царя и лишь от него ожидать решения всех своих проблем.

Опираясь на анализ социально-экономического развития пореформенной России и его влияние на положение народа и интеллигенции, В. П. Воронцов уже в начале 1880-х гг. приходит к однозначному выводу: основная задача «народнической партии» – развитие экономического и правового сознания масс. Только на почве борьбы за удовлетворение своих повседневных нужд (в хлебе насущном), крестьянин мог задуматься над необходимостью изменения общественного строя.

Первоочередность экономических задач перед политическими, озвученная в концепции общественных преобразований Воронцова, послужила поводом для награждения его ярлыком «народника-монархиста». И это несмотря на то, что идея замены самодержавно-бюрократического строя на демократический прослеживается во всем его творчестве. Другое дело, что Воронцов не призывал к свержению власти путем физического насилия. Разгром правительством «Народной воли» и контрреформы Александра III доказывали слабость интеллигенции, когда она пыталась действовать как самостоятельная политическая сила. Поэтому главным оружием интеллигенции Воронцов считал знания, которые она должна была передать народу. Только в этом случае простой народ мог стать самостоятельной общественной силой, способной совершить радикальный социальный и политический переворот.

¹ См.: *Зверев В. В.* Н. Ф. Даниельсон, В. П. Воронцов: Два портрета на фоне русского капитализма. М., 1997; *Расков Д. Е.* В. П. Воронцов об экономическом развитии России // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 1997. Вып. 3; *Мошкин Г. Н.* В. П. Воронцов. Исторический портрет // Вопросы истории. 2003. № 9; и др.

² Подробнее о советской историографии правового народничества см.: *Зверев В. В.* Драматическая история историографического феномена: как «мирные народники» превратились в «мелкобуржуазных реакционеров» // Вестник РУДН. Сер. История России. 2009. № 3.

³ *Балуев Б. П.* Споры в конце XIX века о роли интеллигенции в исторических судьбах России // В раздумьях о России (XIX век): сб. ст. М., 1996; *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX века. М., 1997; *Мошкин Г. Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010.

⁴ Подробнее см.: *Мошкин Г. Н.* Проблема типологии идейно-тактических направлений в легальном народничестве // Общественная мысль и общественное движение в России пореформенного времени: Сб. ст. Воронеж, 2005.

⁵ *Z. [Онгирский Б. П.] Интеллигенция, народ и буржуазия // Дело. 1881. № 12. С. 2, 6–9.*

⁶ *Попов И. И. Забытые иркутские страницы: записки редактора. Иркутск, 1989. С. 202.*

⁷ *Чарушин Н. Что было на собрании у профессора Таганцева // Каторга и ссылка. 1925. Кн. 15. С. 100; Троицкий Н. А. Первые из блестящей плеяды: Большое общество пропаганды (чайковцы). Саратов, 1991. С. 65.*

⁸ *В. В. [Воронцов В. П.] К вопросу об условиях революции в России // Вперед! 1876. № 31. В начале XX века В. П. Воронцов включил эту статью под заголовком «В семидесятих годах» в свой сборник «От семидесятих годов к девятисотым» (СПб., 1907).*

⁹ *Воронцов В. П. В семидесятих годах // Интеллигенция и культура: Избр. соч. М., 2008. С. 284.*

¹⁰ Там же. С. 284–285.

¹¹ Там же. С. 286.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 288.

¹⁴ Там же. С. 300.

¹⁵ *Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. С. 62.*

¹⁶ *Воронцов В. П. В семидесятих годах. С. 302.*

¹⁷ *Воронцов В. П. Судьбы капитализма в России // Экономика и капитализм. Избр. соч. М., 2008. С. 310.*

¹⁸ Там же. С. 315–316.

¹⁹ Там же. С. 53.

²⁰ Там же. С. 56.

²¹ Там же. С. 56–57.

²² Там же. С. 57–58.

²³ Там же. С. 58.

²⁴ Там же. С. 57, 164.

²⁵ *[Абрамов Я. В.] Правда ли, что нет дела? // Неделя. 1885. № 32. 11 августа. Стлб. 1122–1123.*

²⁶ *Воронцов В. П. Капитализм и русская интеллигенция // Интеллигенция и культура: Избр. соч. С. 307–320.*

²⁷ Там же. С. 309–310.

²⁸ Там же. С. 327.

²⁹ Там же. С. 325.

³⁰ Там же. С. 316.

³¹ Там же. С. 317.

³² Там же. С. 328–329.

³³ Там же. С. 333.

³⁴ Там же. С. 337.

³⁵ *Харламов В. И. Теория «малых дел» Юзова в оценке читателей-современников // Из истории общественно-политической мысли России XIX в. М., 1990. С. 111–112.*

Социально-философские идеи эволюционного развития в теоретическом наследии Я. В. Абрамова

В лагере реформаторского народничества, актуализировавшего идеи мирного, эволюционного развития¹, Я. В. Абрамов (1858–1906), выдающийся общественно-литературный деятель эпохи «второго хождения в народ», занимал особую позицию. Как мыслитель и теоретик он творчески развивал традиции демократического просветительства 1870-х – начала 1880-х годов в свете теории «великой культурной работы»².

Социологические и художественные концепции Абрамова, в мировоззрении которого определяющей была идея эволюционного развития общества, представляют большой научный интерес. Он, как и другие крупные теоретики эволюционизма XIX – начала XX века (И. С. Тургенев, Л. А. Полонский, М. М. Ковалевский³, К. Д. Бальмонт, на Западе – Г. Спенсер, Э. Б. Тайлор и др.), всемерно способствовал тому, чтобы в политической и моральной философии утверждался и доминировал гуманистический пафос, чтобы социально-нравственные и эстетические феномены рассматривались с позиций не классового, а цивилизационного подхода.

Адептами эволюционной теории XIX века были созданы традиции, получившие развитие в структурно-функциональном направлении социальной философии последующих десятилетий (Т. Парсонс, Р. Белла и др.), заложены основы (в сфере как гуманитарных, так и естественных наук) для манифестации универсального эволюционизма в качестве феномена парадигматического сдвига в постнеклассической науке рубежа XX–XXI столетий⁴. Однако, в отличие от социального дарвинизма Г. Спенсера, от теорий культурной эволюции Э. Б. Тайлора или Л. Г. Моргана концепция «постепеновства снизу» И. С. Тургенева, Л. А. Полонского и близкого к ней Абрамова-народника, была ориентирована на проблемы социальных движений, являлась альтернативой идее революционных изменений и терроризму, любым формам социального насилия. В этой эволюционистской концепции в свете критерия когерентности, актуализированного в теории познания Канта («Критика чистого разума»), а в «учении о слоях» Николая Гартмана, распространенного на область онтологии, социокультурные эволюционные процессы рассматривались в непосредст-

венной связи с идеей прогресса, с идеалами демократического просветительства.

Позиции одного из наиболее влиятельных последователей тургеневской идеи «постепеновства снизу» в сознании современников отождествились с теорией «малых дел» («абрамовщиной»⁵) и подвергались последовательной критике со стороны хранителей «наследства» революционной демократии, революционного и легального народничества 1880–1890-х гг., марксистов, социал-демократов, большевиков и т.д. Во многом по этой причине программа «постепеновства снизу» – как феномен демократического просветительства – оказалась прочно забытой, заслоненной формирующейся идеологией марксизма. В тех условиях она закономерно перешла в статус явления маргинальной культуры.

Однако Абрамовым тургеневская концепция «скромной деятельности» «помощников народа»⁶, судя по формам самоактуализации этого талантливого прозаика и публициста в литературной и общественной работе, воспринималась в парадигме модальности. Именно здесь следует искать истоки той общественной программы, которая сформировалась у него в 1880–1890 годы, и тех особенностей творчества, которые во многом определялись нравственно-просветительскими целями его деятельности.

Абрамов сам принадлежал к тому «образованному и работающему классу», который «вербует» из народа» и имеет «понятие о всенародности, о воле массы», а потому способен «смело признаваться себе в том, что думает, исполнять свое назначение»⁷. Он стремился к освещению и анализу факторов развития народной жизни в условиях капитализма, усиливающегося расслоения русского общества, к познанию «силы и способностей русского народного духа», «умственной деятельности русского народа», его предрасположенности «к творчеству новых форм жизни»⁸ в контексте тех идей, которые развивались идеологами демократического просветительства, сторонниками эволюционного пути развития общества⁹.

Примечательно, что в «Программе вопросов для собирания сведений о русском сектантстве» Абрамов проблему «интеллигенция – народ» рассматривал не в свете субъективной социологии народников, к которым он, казалось бы, примыкал, а в соответствии с утверждениями Л. А. Полонского и К. Д. Кавелина о том, что положение «образованного класса» аналогично тому, в котором находится народ¹⁰. «Существовать сама для себя интеллигенция не может, – писал Абрамов,

– ее существование возможно только в том случае, если она является представительницей интересов народа, трудящейся массы...»¹¹.

Абрамов был убежден в том, что народ обладает потенциальной способностью к самоорганизации (он приходил к такому выводу, изучая сектантское движение), что «практические меры помощи народу <...> без навязывания ему чуждых форм <...> приведут к *постепенному* (выделено мною. – В. Г.) изменению жизни людей и построению справедливого общества»¹². В этом он был не одинок среди ближайшего окружения в редакции газеты «Неделя». И. И. Каблиц-Юзов, например, в книге «Основы народничества», впервые изданной в 1882 году, отказывал интеллигенции в праве «мудрить с народом», навязывать ему такие формы жизни, которые не соответствуют желаниям «народной массы»¹³.

В одном из наиболее значительных своих произведений – повести «В степи» Абрамов словно проиллюстрировал мысль о том, к чему ведут попытки «вламываться в народную жизнь». «Печальная участь изуродывания или полнейшего исчезновения <...> обычаев, имевших в деревне большое значение», постигла Круглую Балку, которой один из «молодых деятелей, стремившихся “произвести разумные” («чужое слово» автор берет в кавычки. – В. Г.) реформы деревенской жизни», нанес непоправимый ущерб. «Не зная народа, не имея никакого понятия об условиях его жизни, – писал Абрамов, – <...> нисколько не уважая, поэтому, тех форм жизни и общественно-экономических отношений, которые выработал народ вековым опытом», этот «деятель» «много зла наделал несчастным мужикам»: заменил «помочи» «общественными запашками», потребовал «каждому двору <...> представлять» рабочую силу, продукты и орудия труда и т. д., что привело к «болтанию земли», к обнищанию крестьян и другим «неприятностям»¹⁴. Это был пример последствий еще «бескорыстного набега» на жизнь народа, но как всякий «набег» он имел разрушительные действия, был лишен конструктивного начала.

Хотя в современной литературе Абрамова относят к числу почвенников¹⁵ и «культурников»¹⁶, он значительно отличался (как можно судить по его литературно-художественному и публицистическому творчеству) от И. И. Каблицы-Юзова, В. П. Воронцова, С. Н. Южакова, С. Н. Кривенко, Ф. А. Щербины, Л. Е. Оболенского, А. С. Пругавина, В. С. Пругавина, К. В. Лаврского, Г. П. Сазонова, П. П. Червинского, С. Я. Капустина, Н. Н. Златовратского и др., в определенных моментах от Н. К. Михайловского и других социологов, этнографов, публи-

цистов и прозаиков легально-народнического направления 1880-х годов¹⁷, от тех, кто перспективы развития страны определял на основе «почвы», то есть исходя из понимания морально-психологических, ментальных традиций крестьянина-общинника. Еще «легальный марксист» П. Б. Струве считал, например, Каблица идеологом той фракции в народничестве, которая была «непосредственно убеждена» «в специфическом национальном характере и духе русского народа и в особенных его исторических судьбах»¹⁸. С. А. Венгеров, известный критик, публицист, редактор недолго просуществовавшего журнала «Устой», в котором активно печатался Абрамов, писал в «Очерках по истории русской литературы» о том, что публицисты «Недели» фетишизировали деревню и ради этого «готовы были пожертвовать всеми завоеваниями культуры»¹⁹.

«Деревня», придуманная «Неделей»²⁰, не могла «ослепить» молодого сотрудника этой газеты, где он стал работать после официального запрещения «Отечественных записок»²¹. Абрамов, в отличие от тех легальных народников, с которыми его часто отождествляют, хорошо знал истинное положение дел в деревне, и народнические иллюзии относительно крестьянского «мира», «общины» преодолел очень быстро. Поскольку он рассматривал утверждение капиталистических отношений в России как явление не случайное, а глубоко закономерное²², то в своих рассказах, очерках, повестях сумел правдиво и объективно показать, что общинный быт не выдерживает натиска «нового порядка», что «начался процесс разложения»: рушатся на глазах и «мир», и «семья», и «устой», исчезают коллективизм, нравственные нормы жизни «по совести», «по Божески», сложившиеся в патриархальной крестьянской среде²³.

Не случайно именно Тургенев, неоднократно писавший о несостоятельности надежд на «деревню», в письме к М. Е. Салтыкову-Щедрину от 26 мая (7 июня) 1882 года дал высокую оценку рассказу Я. В. Абрамова «Ищущий правды»²⁴, где начинающий писатель осветил причины распада и деградации крестьянской общины. Герой этого рассказа – крестьянин Афанасий Иванович Лопухин, «мирской человек», – на своем личном опыте убеждается, что «старый строй – мир справедливости и равенства – стал рушиться, старые обычаи стали исчезать», что «большинство <...> населения разорялось <...> и попадало в кабалу, а меньшинство быстро богатело за счет большинства»; «“мир” мало-помалу превращался в собрание людей, интересы которых не только не солидарны, но часто прямо противоположны»²⁵.

Судя по художественным произведениям Абрамова («В степи», «Бабушка-генеральша», «Ищущий правды» и др.), он в такой же мере, как и Тургенев, не рассматривал в качестве «чудодейственного средства знаменитую „троицу” – „земство, артель, общину”²⁶, хотя вовсе не исключал важности, например, работы в земских учреждениях»²⁷. Анализу работы таких учреждений Абрамов посвятил специальную книгу²⁸. Как и Тургенев, публицист уже в 1880–1890 годы обращался к «скромным труженикам» с призывом «служить народу», соотносил «скромную деятельность» «народных слуг»²⁹ с задачами «культурной работы» во имя «движения <...> народа вперед», во имя того, чтобы «освободить человека от зависимости от материальных условий существования и дать простор его духовным способностям»³⁰. Общность концептов «скромная деятельность», «народные слуги», «служение народу», «великое дело просвещения», «великая культурная работа» и т.д.³¹, которые функционируют в аутентичных смысловых пространствах текстов Тургенева и Абрамова, говорит о принципиальной схожести, даже близости их социально-философских позиций.

В трактовке роли «образованного класса», интеллигенции Я. В. Абрамов в такой же мере сближался с И. С. Тургеневым, Л. А. Полонским, К. Д. Кавелиным, в какой дистанцировался от собственного легально-народнического окружения. Еще в историографии начала XX в. отмечалось, что публицисты «Недели», в частности, В. П. Воронцов, И. И. Каблиц, С. Н. Кривенко и др., усвоили себе «какое-то характерное для этой разновидности народничества пренебрежение к интеллигенции» и ее «учительной роли», а также к политически-освободительным ее стремлениям как к чему-то «буржуазному»³². Современные ученые настаивают на «сходстве марксистской и народнической концепций <...> в тенденциях к дискриминации интеллигенции»³³. Суть концепции народников-почвенников в наиболее отчетливом виде выражена в статье Каблиц «Ум и чувство как факторы прогресса», в его книгах «Основы народничества», «Интеллигенция и народ в общественной жизни России» (1885). Не приходится сомневаться, что эти работы были хорошо известны Абрамову, так как вызвали оживленное обсуждение вопросов исторической отчужденности интеллигенции от народа и «разности» их культур.

В этих работах и дискуссиях по их поводу обнаруживается источник критики интеллигенции реформаторским народничеством (несмотря на различия в позициях его таких, например, представителей, как Каблиц, Южаков, Воронцов), суждений о ее «буржуазно-

сти» (Воронцов), «политическом бессилии» (Каблиц). Начинался процесс пересмотра исторической роли «критически мыслящих личностей» революционеров-семидесятников в самом народническом лагере. В социологии народников-почвенников определяющей стала оппозиция «ум – чувство». Каблиц развивал мысль о том, что «ум» – это форма рационально-логического миропонимания, свойственная интеллигенции, а «чувство» – интуитивно-аксиологическая форма мировосприятия народа, ассоциирующаяся с «целостностью познания». «Чувство», формирующееся в глубинных слоях народной жизни, Каблиц связывал с проявлением «ценностно-духовных основ общества, отношений социальной гармонии, солидарности, моральных традиций, скрепляющих общество»³⁴. И идеолог «малых дел» Каблиц, и представляющий левый фланг в легальном народничестве Южаков, и центрист Воронцов отдавали предпочтение «чувству и сознанию народа», а не «знаниям» и «головным идеям» «образованного класса». Они считали «родовыми качествами» интеллигенции индивидуализм, рационалистичность, изнурительную рефлекссию, оторванность от жизни народа и его культуры. По их убеждению, интеллигенция должна «не учить народ, а учиться у него»³⁵. Противопоставление народа интеллигенции вело к выводам, согласно которым «общенародный уровень нравственности» неизмеримо выше уровня «интеллигентных людей»³⁶.

В произведениях Абрамова уже первой половины 1880-х гг. не функциональна оппозиция «народ – интеллигенция». Она не формулируется и не становится предметом авторской рефлексии. Более того, этико-социологическая концепция «долга народу» народнических теоретиков автором-повествователем повести «В степи» оценивается в контексте иронической саморефлексии, предметом которой является не идея роли интеллигенции, а те утопические представления о «книжном народе», который «совсем не похож на действительный»³⁷, и формы выполнения этого долга, которые были характерны для участников «хождения в народ».

Подобно Тургеневу и Полонскому, Абрамов не считал, что интеллигенция должна «учиться у народа». Более того, он настаивал на том, чтобы интеллигенция выполняла свою просветительскую миссию: «...Надо, наконец, понять, – писал он в статье «Малые и великие дела», – что обязанность каждого интеллигентного человека состоит в том, чтобы работать над облегчением материальной нужды народной массы и духовным просветлением ее...»³⁸. В персонаж-

ной системе произведений Абрамова-художника есть герои, представляющие «образованный класс»: это автобиографический герой таких произведений, как «Гамлеты – пара на грош», и, безусловно, автор-повествователь рассказов, очерков и повестей первой половины 1880-х гг., который сливается с «образом автора». Автор-повествователь как действующее, а не только повествующее лицо, является метатекстовым компонентом; этот носитель речи, имеющий свою содержательно-формальную субъектную сферу, во многом определяет специфику метанарратива абрамовских произведений. Он обладает своим социально-психологическим обликом, в нем обобщены черты интеллигента, одного из «народных слуг», мировоззрение которого раскрывается в эволюции. С типом интеллигента, созданным Каблицем и другими публицистами «Недели», он ничего общего не имеет: это не тот интеллигент, который должен «учиться у народа», он сам является носителем знания, которое позволяет выявлять закономерности трансформаций «народного быта».

Таким образом, программные установки народнических социологов почвеннической ориентации, с одной стороны, и поиски настоящего пути», «способа»³⁹ решения проблем народной жизни в условиях распада крестьянской общины («старого строя деревенской жизни») и «разорения и закабаления» крестьянства «господами коммерсантами», «кулаками-мироедами»⁴⁰ Абрамова, с другой, вытекают из разных мировоззренческих источников, имеют различный генезис, укоренены в таких социальных и культурных традициях, которые в определенных моментах даже противоположны друг другу. Со «скромной деятельностью»⁴¹ представителей демократической интеллигенции Абрамов, мыслитель и писатель, связывал осуществление целей «просвещения народа», «удовлетворения его вопиющих <...> реальнейших нужд», «великой культурной работы» «для пользы народа»⁴².

Это позволяет объективно рассматривать теорию «малых дел» в истолковании Абрамова. Примечательно, что от авторства самого термина «малые дела», приписываемого ему, Абрамов решительно отказывался⁴³. Истоки идеи «созидательной практической работы снизу»⁴⁴ (выделено мною. – В. Г.), «просвещения народа», которой руководствовался писатель⁴⁵, иные, по сравнению с социально-философским генезисом теории «малых дел» некоторых легальных народников почвеннической ориентации. Аберрация в выводах исследователей возникает, видимо, из-за внешних переключек между программой «постепеновства снизу» и практикой «малых дел». Та-

кие переключки можно обнаружить, как мы уже могли убедиться, даже у Тургенева. Если, например, рассматривать автономно, то есть за пределами внутренних связей всех элементов системы «постепенности снизу» Тургенева одно из его программных высказываний об обусловленности временем «малого», «тесного круга» деятельности «народных слуг» в условиях всеобщего «разложения и сложения»⁴⁶, то может сложиться впечатление, что великий писатель-философ является апологетом... теории «малых дел».

Абрамов об общественных позициях Тургенева мог судить не только по литературным сочинениям и другим выступлениям писателя в ведущих журналах 1870-х – начала 1880-х годов, но и по рассказам Г. А. Лопатина (с ним Абрамов был знаком еще со времени их проживания в Ставрополе, поддерживал дружеские отношения и состоял в переписке⁴⁷) и С. Н. Кривенко (Абрамов работал вместе с ним в течение ряда лет в «Отечественных записках», «Неделе» и в редакциях других изданий). Оба они общались с Тургеневым в 1870-х – начале 1880-х годов и оставили воспоминания о нем⁴⁸.

Как и Тургенев⁴⁹, Яков Абрамов бескрылому эмпиризму и разрозненным действиям, при которых игнорируются законы развития общества, противопоставлял такую системную, «кропотливую работу», которая бы обеспечивала прогрессивное развитие всех сторон общественной, народной жизни – экономики, культуры, образования, техники, науки, социальной сферы, медицины, государственного устройства, законодательства, нравственности и т.д. Он имел ввиду не просто «школы», «аптеки» и «библиотеки», а комплексную работу интеллигенции, управленческих структур по улучшению экономического положения народа, просвещения его, поддержку ими исторических инициатив народа во имя мирного прогресса общества в целом, то есть работу, основанную на глубоком изучении закономерностей социально-исторического, этнокультурного развития страны и опыта поисков новых форм самоорганизации народной жизни. Находясь под обаянием его идей, тысячи молодых людей шли работать народными учителями, деревенскими врачами, агрономами, техниками и т.д. в города и деревни России.

А. П. Чехов в рассказе-повести «Дом с мезонином» (1896) описал это ширящееся движение, «работу в народе» интеллигенции, которая, откликаясь на призыв Абрамова, «посвящала себя распространению <...> знаний, подъему производительности народного труда <...> народно-просветительской, организационно-врачебной и иного вида культурной деятельности земских учреждений»⁵⁰. В «Доме с мезони-

ном» один из главных оппонентов такой деятельности – «художник» – доказывает, что «земство», «медицинские пункты, школы, библиотечки, аптечки, при существующих условиях, служат только порабощению», поскольку «причины <...> болезней» общества она не затрагивает. Но именно такие «причины» являлись предметом рефлексии Абрамова – и прозаика, и публициста, в центре внимания которого, по его словам, был именно «строй общественных отношений».

Свое отношение к практике «малых дел» Абрамов выразил в статье «Малые и великие дела», написанной как отклик на это произведение Чехова. Смысловой центр статьи находится в поле притяжения не народнического активизма (Кривенко, например, понимал под «служением народу» оказание реальной помощи крестьянам⁵¹) и не идей «малых великих дел» Воронцова, связывавшего цели «народного производства» с организацией «новых социально-культурных сил и распространением знаний и идей в массе населения»⁵², а программы «постепеновства снизу» Тургенева и Полонского.

Автор статьи «Малые и великие дела» упрекал своих противников в том, что они отказались от «исканий правды», что, выступая против работы в «народно-просветительских учреждениях», они лишь «прикрывают собственное убожество, собственную неспособность к чему бы то ни было»⁵³. Абрамов вовсе не проповедовал «малые дела»: нигде в его статье такая деятельность не отождествляется со стратегией комплексной системной работы во имя «облегчения жизни <...> народа и просветления его сознания»⁵⁴. С позиции историзма «малые дела» рассматриваются публицистом как необходимый компонент в реализации стратегии изменения социального «строя жизни». Он акцентировал внимание не столько на «бездеятельности» художника и «сухости», ортодоксальности, ограниченности Лиды Волчаниновой – героев чеховского рассказа, сколько на «ужасе того положения вещей, при котором "миллиарды людей живут хуже животных"», и как следствие – на проблемах «обращения человека <...> в более высокий тип» и «свободы проявления его духовных способностей»⁵⁵.

Абрамов даже солидаризировался с идеей своего «оппонента» – художника, «гонителя малых дел»⁵⁶, согласно которой надо «искать правду и смысл жизни», «стремиться к вечному и общему», дать людям «возможность "подумать о душе"», реализовать «призвание каждого человека в духовной деятельности»⁵⁷. Именно этим целям, с точки зрения критика, служат в данный момент люди, «работающие над просвещением народа», что принципиально отличает их от

тех, кто, подобно чеховскому герою, «громкими словами <...> прикрывают <...> собственную неспособность к чему бы-то ни было» и которым «нет решительно никакого дела до того, что люди страдают»⁵⁸. Как и Тургенев, Яков Абрамов был убежден, что подобная деятельность обусловлена *конкретно-исторически* и вовсе не является *универсальной* формой решения основной «задачи человеческой цивилизации» – «освободить человека от материальных условий существования и дать простор его духовным способностям»⁵⁹. «Дело заключается в том, – конкретизировал свою позицию Абрамов, – чтобы найти путь, каким всего вернее можно достичь этой цели». Противники «малых дел» «более верного пути» не знают и не видят⁶⁰.

В то же время в рассматриваемой статье Абрамов подчеркнул, что при решении глобальных проблем «правды и смысла жизни» нельзя абсолютизировать и, тем более, фетишизировать тактику «малых дел»: «Не будем <...> останавливаться на удивительном способе отыскания правды и смысла жизни: слишком очевидно, что отыскать то и другое далеко не так легко и возможно и не при помощи тех же приемов, как починить дорогу»⁶¹. Как видим, Абрамов мыслил широко, масштабно и перспективно, имея в виду «высокие цели» или, говоря словами виднейшего «хранителя идейного наследия» демократов 1860-х гг. Н. В. Шелгунова, – «идеи высшего порядка»⁶². Это был своего рода ответ тем, кто теорию «малых дел» сделали олицетворением общественной программы Абрамова.

За год до появления в печати статьи «Малые и великие дела» вышли «Очерки русской жизни» Шелгунова, где он причислял Абрамова к «проповедникам» «малых дел», которые не занимаются «идейными вопросами», «учат тому, чтобы не думать и не глядеть дальше своего носа». Шелгунов отказывал защитникам «малых дел» в «мышлении <...> при котором каждый, кроме своего маленького, делаемого им, дела, знает и понимает, какое место и оно, и он сам занимают в общем строе гражданской жизни»⁶³.

Подобные упреки в адрес Абрамова – явление весьма типичное. Впрочем, позиции этого видного идеолога демократического просветительства и сторонника эволюционного развития общества⁶⁴ не воспринимались адекватно его современниками, представлявшими разные течения общественной мысли 1880–1890-х гг. Об искаженном восприятии собственных идей и исканий его единомышленников именно теми, кто отождествлял их с народниками, пропагандировавшими теорию «малых дел»⁶⁵, Абрамов откровенно иронично

писал в статье «Малые и великие дела»: «В самом деле, оказывается, что люди попали на ненастоящий путь; они занимаются пустяками, мелочами, временным, а главное-то и забыли, о главном-то и не думают, главным не занимаются»⁶⁶. Писатель-просветитель подчеркивал, что «главное» для него – решение «задачи человеческой цивилизации», заключающейся в построении социально справедливого общества на основе идеалов гуманизма, и мыслилось это как результат постепенного, мирного развития и совершенствования всех сторон народной жизни во имя достижения «правды» и «свободы».

«Строй общественных отношений»⁶⁷ был предметом интеллектуальной интенции на протяжении всей творческой жизни Абрамова, художника и мыслителя. «Великая культурная работа» интеллигенции его времени, «"малые дела", которые должны облегчить жизнь <...> народа и просветлить его сознание»⁶⁸, соотносились публицистом с задачами совершенствования «общего строя гражданской жизни». И в художественном творчестве в объекте внимания писателя-«социолога» находился именно «*существующий строй жизни*» («Бабушка-генеральша»), а не отдельные его составляющие.

Видимо, учитывая эти особенности творческой индивидуальности Я. В. Абрамова, М. Е. Салтыков-Щедрин и Н. К. Михайловский – редакторы «Отечественных записок» – поручили в 1884 году отдел «Внутреннее обозрение» именно этому молодому сотруднику и высоко ценили его умение обобщать факты, концептуализировать эмпирический материал. 12 марта того же года М. Е. Салтыков-Щедрин в письме Г. З. Елисееву сообщал: «...В мартовской книжке "Внутреннее обозрение" писал Абрамов. <...> Кажется, что Абрамов будет дельнее Кривенко и в тысячу раз талантливее Южакова...»⁶⁹.

Широчайший спектр публицистических выступлений писателя, поддерживавшего любой «хороший опыт» или «дело», исполненное «ума, самоотвержения, энергии»⁷⁰, «правдиво» освещавшего наиболее социальные вопросы, определен его установкой на содействие прогрессу во всех сферах общественного бытия. Это было конкретной реализацией стратегических идей программы демократического просветительства, «постепеновства снизу», в методологическом плане мало общего имевшей с теорией и практикой «малых дел».

Интересно, что А. П. Чехов в повести «Моя жизнь» (1896), спустя десять с лишним лет после публикации основного корпуса литературных произведений Абрамова, актуализировал вслед за ним некоторые вопросы русской жизни и откликнулся на полемику по пово-

ду идей «постепеновства снизу». Великий писатель вернулся к тем же проблемам, которые освещал в своих литературно-художественных произведениях Абрамов: это вопросы об отношениях «большинства» и «меньшинства» («...нужно, чтобы сильные не поработали слабых, чтобы меньшинство не было для большинства паразитом или насосом, высасывающим из него хронически лучшие соки»⁷¹), об утрате ментальных традиций народа – «жизни по совести», «по-Божески» («...совершенное отсутствие справедливости, именно то самое, что у народа определяется словами «Бога забыли»⁷²) и мн. др. Видимо, не без влияния повести Абрамова «В степи» (1882) возник у Чехова и замысел повести «Степь» (1888): об этом можно судить по характеру типизации образов «господ коммерсантов», «хозяев степи».

Примечателен сам факт, что в 1896 году Чехов создает два весьма значительных с точки зрения его идейно-творческих исканий произведения – «Дом с мезонином» и «Моя жизнь»: в первом, как уже говорилось, он показал «оппонента» теории «малых дел», во втором – концепции «постепеновства». Уже сама актуализация этой полемики говорит о многом, прежде всего о том, что Абрамов как писатель и мыслитель находился в эпицентре «борьбы идей».

В повести «Моя жизнь» Чехов через диалог Мисаила Полознева и доктора Благово откликается на дискуссии о практике «постепеновства»: «Заговорили о постепенности. Я сказал (Мисаил Полознев. – В. Г.), что <...> постепенность – палка о двух концах. Рядом с процессом постепенного развития идей гуманных наблюдается и постепенный рост идей иного рода. Крепостного права нет, зато растет капитализм. И в самый разгар освободительных идей, так же, как во времена Батыя, большинство кормит, одевает и защищает меньшинство, оставаясь само голодным, раздетым и беззащитным. Такой порядок прекрасно уживается с какими угодно веяниями и течениями, потому что искусство порабощения тоже культивируется постепенно»⁷³.

Чехов в системе реалистического стиля осуществляет задачу воплощения множественности точек зрения на предмет изображения, средствами аукториальной повествовательной ситуации внедряется в точку зрения героя, но не монополизирует ее. Поэтому такая трактовка одной из «идей конца XIX века»⁷⁴ (идеи «постепенности») не является окончательной, бесспорной. И прежде всего, потому, что герой Чехова, выходя за рамки чисто этического вопроса о «добре и зле» и обращаясь к проблемам «строения жизни» («крепостное право» – «капитализм») в аспекте осознания параллельного развития «идей гу-

манных» и «иного (то есть противоположного) рода», не ставит вопрос о средствах преодоления противоречий между «меньшинством» и «большинством», остается в плену позитивистской методологии.

Мышлению же Абрамова, как мы пытались показать, позитивизм не свойственен: он, подобно Тургеневу, Полонскому, программу «постепеновства снизу» рассматривал как явление системного характера, а в качестве системообразующего фактора – не общину, не «идею личности», не абстрагированный «моральный фактор», не деятельность «героев», а содействие естественному ходу «народного развития». Об этом можно судить по той общности позиций в рассмотрении «проклятых вопросов»⁷⁵, которая наблюдается у Абрамова и Полонского, имевших в виду проблемы именно «существующего строя жизни» и рычаги мирного, постепенного прогресса во всех социальных сферах российского общества⁷⁶. Полонский решал вопрос о предотвращении реакции средствами «доверия русскому обществу», и хотя его статья была написана как отклик на убийство народовольцами Александра II, в ней рассматривались возможности реализации широкой программы мирного прогресса за счет использования «прав русского общества», то есть привлечения к процессу постепенного развития страны всех социальных слоев, русского народа, в первую очередь, то есть с опорой на выработанные русским народом (крестьянством) социально-нравственные принципы.

Об уважении к «выработанному народом вековому опыту» писал, как уже отмечалось, и Абрамов в одном из публицистических отступлений повести «В степи», одновременно показывая в этом произведении общественные и экономические результаты труда «свободного мужика», находящегося вне «благодетельного (в кавычках. – В. Г.) покровительства и помощи капиталиста»⁷⁷. Поскольку позитивизм был не свойственен художественной социологии Абрамова, то его решение вопроса о «существующем строе жизни» имело парадигматический характер. По этой же причине он, в отличие от Полонского, гораздо критичнее относился к идеям реформизма и не возлагал особых надежд на инициативы «сверху».

Итак, идее радикализма в эпоху, когда «все перевернулось и только укладывалось», была противопоставлена *альтернатива* – концепция постепенного, мирного прогресса. Это было реальным выражением толерантности, репрезентации открытого для всех идейного течения, которое не боялось сравнения с другими точками зрения и не избегало духовной, идеологической, партийной конкуренции. Идеология и социальная философия демократического просветитель-

ства в лице Тургенева, Полонского, Кавелина, Абрамова и др. позиционировалась именно в качестве особого течения русской общественной мысли. Установка на постепенное, мирное развитие «снизу», на достижение свободы и справедливости определяла актуальность создания «партии постепенцев» и выработки ее особой программы. 26 февраля (10 марта) 1881 года в момент наивысшего напряжения внутривластного кризиса в России Тургенев писал Кавелину: «...Пора нашей партии (если можно так выразиться) выступить с совершенно ясной, подробной и обстоятельной программой, чем мы отличимся и от славянофилов, и от революционеров, и даже от самого правительства. В “Стране” Полонский (о котором я такого же высокого мнения, как и Вы) уже наметил некоторые важнейшие пункты»⁷⁸.

Русская история не дала «партии» «постепенцев снизу» шанса для реализации ее программы. Поскольку это течение общественной мысли не стало мировоззренческой основой исторической практики, оно осталось не изученным современной наукой. Но философско-социологическое и художественное наследие представителей течения демократического просветительства, сторонников эволюционного развития общества, является феноменом отечественной интеллектуальной истории, который необычайно актуализируется в условиях современных исканий путей инновационного развития страны, а потому приобретает большое общественное значение, помогая в решении вопросов социального, культурного и нравственного совершенствования и обновления России.

¹ См.: *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX века. М., 1997. С. 363–365; *Мокишин Г. Н.* Что такое «легальное народничество»? // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. История. Международные отношения. Вып. 2. Ч. 1. С. 21–30.

² *Абрамов Я. В.* Малые и великие дела // Книжки «Недели». 1896. Июль. С. 227.

³ Известный социолог, этнограф, историк М. М. Ковалевский, развивавший сравнительно-исторический метод исследования общественной эволюции различных народов, обосновавший формулу поступательного движения, исключаящего революции, большое внимание уделял истории народов Северного Кавказа. Я. В. Абрамов живо интересовался работами этого теоретика эволюционизма и исследователя общественного быта кавказских горцев, о чем свидетельствует, например, его рецензия на книгу М. М. Ковалевского «О сословно-поземельных отношениях у горцев Северного Кавказа», опубликованная в журнале «Отечественные записки» в 1884 г. (№ 2. С. 163–167).

⁴ *Казюринский В. В.* Эпистемологические проблемы универсального эволюционизма // Универсальный эволюционизм и глобальные проблемы. М., 2007. С. 6.

⁵ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Русский биографический словарь: Современная версия. М., 2007. С. 6.

⁶ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Письма: в 13 т. Т. 10. М.; Л., 1965. С. 296.

⁷ Полонский Л. А. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1876. № 8. С. 801–802.

⁸ Федосеевец [Абрамов Я. В.] Программа вопросов для собирания сведений о русском сектантстве // Отечественные записки. 1881. № 4. С. 260.

⁹ Сближала Я. В. Абрамова с кругом И. С. Тургенева, Л. А. Полонского и одновременно отделяла его от народников-почвенников идея пропаганды всего «добытого и усвоенного европейской цивилизации»: очень многие его научно-популярные и публицистические работы подчинены этой цели («Вселенная: популярный астрономический очерк», «Песталоцци: Его жизнь и педагогическая деятельность», «Два великих француза: благодетель человечества Луи Пастер и апостол образования Жан Масэ», «Стефенсон и Фультон: изобретатели паровоза и парохода; их жизнь и научная деятельность», «Народное образование в Японии», «В чем сила Соединенных Штатов» и мн. др., книги-биографии о Фарадее, Колумбе, Стенли, Франклине, вышедшие в серии «Жизнь замечательных людей», у истоков которой стоял Абрамов (в петербургском издательстве Ф. Ф. Павленкова книги этой серии выходили с 1890 по 1907 гг., переиздавались до 1914 г.) и которая была возобновлена в 1933 г. А. М. Горьким).

¹⁰ Кавелин К. Д. Крестьянский вопрос // Вестник Европы. 1881. № 3. С. 45.

¹¹ Федосеевец. Программа вопросов для собирания сведений о русском сектантстве. С. 256.

¹² Новак С. Я. Я. В. Абрамов – исследователь народной жизни // За лучшую будущность России: к 150-летию со дня рождения Якова Васильевича Абрамова, общественного деятеля, публициста, критика: Биобиблиографические материалы. Ставрополь, 2008. С. 29.

¹³ Каблиц-Юзов И. И. Основы народничества: в 2 т. 2-е изд. СПб., 1888. Т. 1. С. 83.

¹⁴ Федосеевец [Абрамов Я. В.] В степи // Устои. 1882. № 1. С. 160–161.

¹⁵ Павлова Н. Г. Теоретические источники марксистской концепции интеллигенции // <http://irbis.asu.ru/mmc/melnik/23.ru.shtml>.

¹⁶ Мокшин Г. Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010. С. 195–234; Он же. Народники-культурники в отечественной историографии конца 1970–2000 годов // Народники в истории России: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Воронеж, 2013. С. 59–72.

¹⁷ Жвания Д. Д. Полемка народников-реформистов с легальным марксистом П. Б. Струве // www.historu.dux.ru/jva_n07.htm. С работами названных народнических теоретиков и публицистов Я. В. Абрамов был хорошо знаком. В фонде редкой книги Ставропольской государственной краевой универсальной научной библиотеки находятся, напр., книги В. С. Пругавина (Русская земельная община в трудах ее местных исследователей. М., 1888) и Г. П. Сазонова (Неотчуждаемость крестьянских земель в связи с государственно-экономической программой. СПб., 1889), подаренные авторами Я. В. Абрамову, о чем свидетельствуют их автографы на этих книгах.

¹⁸ Струве П. Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894. С. 2, 19.

¹⁹ Венгеров С. А. Очерки по истории русской литературы. СПб., 1907. С. 90–91.

²⁰ Тургенев И. С. Указ. соч. Т. 12. Кн. 1. С. 51.

²¹ До сих пор остается невыясненной роль ярких, содержательных анализов внутренней жизни России, с которыми выступил Я. В. Абрамов на страницах последнего номера «Отечественных записок», в принятии цензурой решения о приостановке и окончательном закрытии журнала в марте 1884 года.

²² В то же время Я. В. Абрамов отрицательно относился к тем «русским марксистам», которые, ссылаясь на теорию К. Маркса, утверждали необходимость капиталистического пути развития в тех формах эксплуатации народа, которые вели к его «вырождению». В рассказе «Гамлеты – пара на грош» (1882), относящемся к периоду распространения марксистской теории в России, устами героя-повествователя писатель выразил свое неприятие основной идеи «последовательных марксистов», которых «Маркс трижды проклял бы». Ее суть заключалась в утверждении того, что «воцарение капитала» и «скорейшее разорение и закабаление народа» приведет к осознанию им «необходимости переустройства жизни на новых началах» (Абрамов Я. В. Гамлеты – пара на грош (Из записок лежебока): Рассказ // Устой. 1882. № 12. С. 77–78). «Система» марксистов, рассчитанная на использование последствий «жестокости» капитализма, оценивалась Абрамовым с позиций теории эволюционного развития общества.

²³ Федосеев [Абрамов Я. В.] Бабушка-генеральша // Отечественные записки. 1881. № 6. С. 51; Он же. Ищущий правды. С. 37.

²⁴ Тургенев И. С. Указ. соч. Т. 13. Кн. 1. С. 266.

²⁵ Абрамов Я. В. Ищущий правды. С. 35, 37.

²⁶ Тургенев И. С. Указ. соч. Т. 5. С. 52.

²⁷ См.: Зверев В. В. «Теория малых дел» Я. В. Абрамова // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России. Ставрополь, 2013. С. 70–104.

²⁸ Абрамов Я. В. Что сделало земство и что оно делает: (Обзор деятельности русского земства). СПб., 1889.

²⁹ Абрамов Я. В. Малые и великие дела. С. 216.

³⁰ Там же. С. 215, 224.

³¹ Ср.: Тургенев И. С. Указ. соч. Т. 10. С. 296; Т. 11. С. 34; Т. 12. С. 208–209; Абрамов Я. В. Малые и великие дела. С. 216, 220, 222–223. Призывая «работать над просвещением народа», Абрамов воплощал в жизнь «продуманное убеждение» И. С. Тургенева «в необходимости для русской жизни широкого просвещения», основанное на понимании того, что «где нет движения мысли, там нет и прогресса» (Абрамов Я. В. Малые и великие дела. С. 220; Иван Сергеевич Тургенев. † 22 августа, 1883 // Вестник Европы. 1883. № 9. С. 11; И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1983. Т. 1. С. 420).

³² Чернов В. М. Философские и социологические этюды. М., 1907. С. 256–257.

³³ Павлова Н. Г. Указ. соч.

³⁴ Там же.

³⁵ См., напр.: Каблиц-Юзов И. И. Основы народничества. Т. 1. С. 114.

³⁶ Каблиц-Юзов И. И. Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886. С. 73.

³⁷ Федосеевец [Абрамов Я. В.] В степи. Ч. V. // Устои. 1882. № 5. С. 95. В этой повести, основанной на автобиографическом материале, писатель показал, каким образом народническая интеллигенция, «любившая народ исключительно по книжкам», освобождалась от идеализации народа, переживая «период первого пробуждения совести, первого сознания своего долга, громадного долга народу», затем – «тяжелое состояние духа, которое испытывал в своей жизни всякий истинный друг народа из интеллигенции», столкнувшийся с тем, что его «полная готовность принести себя в жертву за народ», его «страшная потребность посвятить все свои силы на служение народу» не находят поддержки в самой народной среде: «защитники народа» ощущают лишь свою «полную ненужность» и не могут преодолеть «веками установившийся взгляд» на представителя интеллигенции как на «чужака» (Федосеевец [Абрамов Я. В.] В степи. Ч. V. С. 94; Он же. В степи. Ч. IV. // Устои. 1882. № 3–4. С. 114). Но эта типичная драма народнической интеллигенции – «романтиков реализма» (И. С. Тургенев) – для Абрамова не становилась поводом к пересмотру просветительских программ той интеллигенции, которая персонифицируется в образе автора произведений писателя. Автобиографический герой преодолевает «мучительно болезненное состояние» периода идейного перепутья после краха «хождения в народ» и, благодаря анализу объективных причин, обусловивших несбыточность надежд народнической интеллигенции на исторические инициативы крестьянства, вырабатывает концепцию практической помощи народу.

³⁸ Абрамов Я. В. Малые и великие дела. С. 224.

³⁹ Там же. С. 224–225.

⁴⁰ Федосеевец [Абрамов Я. В.] В степи // Устои. 1882. № 1. С. 162, 159; Он же. Ищущий правды // Отечественные записки. 1882. № 5. С. 49.

⁴¹ Абрамов Я. В. Малые и великие дела. С. 216.

⁴² Там же. С. 220, 222, 217, 223, 227.

⁴³ Абрамов Я. В. Малые и великие дела. С. 214. Я. В. Абрамов подчеркивал, что «термин „малые дела“ изобретен <...> писателями», которые «с пренебрежением озлоблением относятся» к «деятельности людей, беззаветно отдающихся служению народным нуждам». Там же. С. 214–215.

⁴⁴ Новак С. Я. Я. В. Абрамов – исследователь народной жизни. С. 26.

⁴⁵ Абрамов Я. В. Малые и великие дела. С. 220.

⁴⁶ Тургенев И. С. Указ. соч. Т. 11. С. 33.

⁴⁷ В одном из донесений полиции, под негласным надзором которой Я. В. Абрамов находился еще с конца 1870-х годов, отмечалось: «В 1883 году адрес Абрамова был обнаружен в записках, отобранных при аресте государственного преступника Германа Лопатина». – ГАСК. Ф. 101. Оп. 5. Д. 285. Л. 15. (Копия).

⁴⁸ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 385–396; 402–423.

⁴⁹ Там же. С. 388.

- ⁵⁰ *Абрамов Я. В.* Малые и великие дела. С. 214.
- ⁵¹ *Кривенко С. Н.* По поводу культурных одиночек // Русское богатство. 1893. № 12.
- ⁵² *Жвания Д. Д.* В. П. Воронцов и И. И. Каблиц в освещении дооктябрьской историографии // <http://www.history.dux.ru/jvan02.htm>.
- ⁵³ *Абрамов Я. В.* Малые и великие дела. С. 220.
- ⁵⁴ Там же. С. 227.
- ⁵⁵ Там же. С. 219–223. См. об этом подробнее: *Головкин В. М.* Забытый отклик на рассказ А. П. Чехова «Дом с мезонином» // Библиография. 2013. № 4. С. 128–132.
- ⁵⁶ Там же. С. 216.
- ⁵⁷ Там же. С. 223; *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М., 1977. Т. 9. С. 186.
- ⁵⁸ *Абрамов Я. В.* Малые и великие дела. С. 220.
- ⁵⁹ Там же. С. 224.
- ⁶⁰ Там же. С. 224.
- ⁶¹ Там же. С. 225.
- ⁶² *Шелгунов Н. В.* Очерки русской жизни. СПб., 1895. С. 1091.
- ⁶³ Там же. С. 1092.
- ⁶⁴ Я. В. Абрамов пережил идейную эволюцию, характеризующуюся некоторым его сближением в начале 1900-х гг. с «левой демократией», что не привело, однако, к пересмотру позиций демократического просветительства. См.: *Новак С. Я., Кемпинский Э. В.* Общественно-политическая деятельность Я. В. Абрамова в конце XIX – начале XX века // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России. Ставрополь, 2013. С. 150–161.
- ⁶⁵ См.: *Харламов В. И.* Теория «малых дел» Юзова в оценке читателей-современников // Из истории общественно-политической мысли России XIX века. М., 1990; *Зверев В. В.* Эволюция народничества: теория «малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4. С. 86–94.
- ⁶⁶ *Абрамов Я. В.* Малые и великие дела. С. 218.
- ⁶⁷ *Абрамов Я. В.* Ищущий правды. С. 36.
- ⁶⁸ *Абрамов Я. В.* Малые и великие дела. С. 227.
- ⁶⁹ *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: в 20 т. Т. 19. Кн. 2. М., 1977. С. 293.
- ⁷⁰ *Алчевская Х. Д.* Передуманное и пережитое: Дневники, письма, воспоминания. М., 1912. С. 339.
- ⁷¹ *Чехов А. П.* Указ. соч. С. 220.
- ⁷² Там же. С. 225.
- ⁷³ Там же. С. 222.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ *Тургенев И. С.* Указ. соч. Т. 13. Кн. 1. С. 72.
- ⁷⁶ См., напр., статью Л. А. Полонского: Страна. 1881. 3 марта.
- ⁷⁷ *Федосеев [Абрамов Я. В.]* В степи // Устой. 1882. № 1. С. 155.
- ⁷⁸ *Тургенев И. С.* Указ. соч. Т. 13. Кн. 1. С. 68.

**С. А. Приклонский – забытый исследователь
северного крестьянства**

Большой вклад в изучение северного крестьянства внесли народники. Одним из примеров этого можно считать деятельность видного народнического публициста Сергея Алексеевича Приклонского (1846–1886)¹. Он родился в Москве в семье священника Зачатьевского девичьего монастыря Алексея Тимофеева. В 1864 г. окончил Вифанскую семинарию², а затем прошел курс обучения на юридическом факультете Московского университета.

В июне 1869 г. Приклонский поступил на службу в МВД и служил сначала во Владимирской, а с августа того же года – в Олонецкой губернии. В Петрозаводске в мае 1873 г. он был назначен на важный пост правителя канцелярии губернатора³.

В начале 1872 г. Приклонский поднес в дар формирующемуся при статистическом комитете музею «жемчужные серьги, употребляемые крестьянками в Вытегорском уезде»⁴. В 1875–1877 гг. его избирали казначеем Петрозаводского благотворительного общества⁵. Как видно, молодой чиновник был достаточно хорошо известен местной общественности.

Один из биографов Приклонского отмечал, что «...большую часть служебного периода он провел в Олонецкой губернии, т.е. в области, где местная интеллигенция развита очень мало, где есть только невежественное крестьянство и бюрократия, где возможна, поэтому сильнейшая эксплуатация массы и где всего необходимее деятельное участие администрации к нуждам населения. Занимая влиятельный пост правителя канцелярии губернатора, Сергей Алексеевич имел возможность не оставаться безучастным зрителем эксплуатации и хищничества, господствовавших в крае, и насколько это было в его силах, боролся с кулачеством, опутывавшим население. Там, где для этого было недостаточно власти административной, он прибегал к помощи печати. Благодаря Приклонскому и, также, покойному Лалошу⁶, командированному в Олонецкую губернию для составления владенных записей по устройству быта государственных крестьян, последние получили здесь 15–18-десятинный надел, что избавило их от необходимости быстрой ломки привычной лядиной системы хозяйства⁷ и до некоторой степени обеспечило их

дальнейшее существование»⁸. По свидетельству другого биографа, «он раскрыл массу злоупотреблений в казенном лесном хозяйстве, чем приобрел себе много врагов»⁹.

Будучи не в состоянии опорочить служебную деятельность Приклонского местные чиновники нанесли ему сильнейший удар с другой стороны. В мае 1879 г. он был уволен со своей должности за близкое знакомство с политическими ссыльными.

В конце 1870-х гг. в Олонецкой губернии в ссылке оказалось несколько весьма активных деятелей. Роковую роль в судьбе Приклонского сыграла его принадлежность к кружку М. В. Фидровского.

Основатель кружка – студент медицинского факультета Киевского университета дворянин М. В. Фидровский весной 1878 г. был выслан в Олонецкую губернию за участие в студенческих волнениях¹⁰. Местное начальство разрешило ему заниматься фельдшерством в петрозаводской земской больнице. В конце февраля 1879 г. в Петрозаводск был переведен ссыльный революционер, автор знаменитой прокламации «Молодая Россия» П. Г. Заичневский – давний знакомый Фидровского. Еще одним активным участником кружка стал уроженец Черниговской губернии дворянин Д. П. Сильчевский, впоследствии известный журналист и библиограф. Он также отбывал в Петрозаводске ссылку за устройство «демонстрации политического характера»¹¹.

Первый сигнал о существовании кружка Фидровского поступил к олонецкому губернатору Г. Г. Григорьеву от начальника ОГЖУ полковника Кретковского 22 мая 1879 г.: «По наблюдению моему за образом жизни сосланных по разным случаям в Олонецкую губернию под надзор полиции лицам оказалось, что бывший студент Киевского университета Михаил Фидровский <...> дает у себя в квартире, в доме Кояндера притон многим состоящим здесь, как равно вновь высылаемым под надзор полиции лицам, а также некоторым здешним молодым людям и прибывающим на каникулярное время воспитанникам, где и просиживают в беседах иногда до поздней ночи. Чаше всех посещают Фидровского поднадзорные Заичневский (ныне отправлен в Повенец) и Сильчевский. Приняв к наблюдению, с своей стороны, надлежащие за сим меры, но проникнуть в общество сих лиц для каждого наблюдающего очень трудно; между тем сумнительно, что, едва ли лица сии разделяют между собою в беседах хорошие убеждения. И потому во избежание случая, могущего вкоренить в этом обществе зловерный правительству кружок, я обстоятельство это имею честь донести до сведения Вашего превосходительства»¹².

По-видимому, сразу после получения донесения из ОГЖУ губернатор вызвал С. А. Приклонского, объяснил сложившуюся ситуацию и предложил уйти со службы по собственному желанию. Приклонскому пришлось подчиниться. Вскоре местные «Губернские ведомости» сообщили: «23 мая правитель канцелярии олонекского губернатора коллежский секретарь Приклонский, согласно прошению, уволен со службы в отставку»¹³.

В условиях репрессий, которые правящие круги обрушили на страну после покушения на Александра II землевольца А. К. Соловьева, отставка была для Приклонского довольно легким наказанием. Вероятно, Григорьев хотел таким путем замять скандал, грозивший и ему неприятностями.

Одновременно донесение о кружке Фидровского поступило из ОГЖУ к министру внутренних дел Л. С. Макову. В связи с этим в канцелярии министра 24 мая 1879 г. была составлена «Записка для памяти»: «Получено сведение, что правитель канцелярии олонекского губернатора коллежский секретарь Сергей Приклонский находится в близких отношениях с тамошними поднадзорными, которые часто бывают у него, и он недавно провожал до первой станции отправленного в город Повенец Петра Заичневского. Об этом сообщено было олонекскому губернатору, но никаких мер не принято. Спросить у губернатора»¹⁴.

На другой день, 25 мая, Маков отправил Григорьеву запрос с просьбой подтвердить вышеуказанные сведения. 2 июня последовало донесение губернатора: «...имею честь доложить, что правитель моей канцелярии коллежский секретарь Приклонский действительно был знаком с состоящими под надзором полиции Фидровским, Сильчевским и Вершининым и ездил за город в минувшем мае месяце с состоящим также под надзором полиции Петром Заичневским, о чем я тотчас же узнал, но начальник жандармского управления не сообщал мне об этом, 23-го же мая означенный Приклонский, согласно его прошению, уволен мною от службы в отставку и вчера он выбыл из Петрозаводска в Москву к своим родителям»¹⁵.

Остается добавить, что после увольнения Приклонского со службы по распоряжению МВД за ним был установлен секретный полицейский надзор.

В 1879 г. началось сотрудничество Сергея Приклонского в либеральной газете «Русские ведомости». Сразу после отъезда из Петрозаводска он опубликовал там серию очерков «С севера России. Пись-

ма об Олонецкой губернии» (1879, № 331; 1880, № 6, 17, 23, 30, 46, 62, 66, 73, 111, 151) «В борьбе со зверем» (1880, № 167, 175, 190, 213), «Жертвы войны и русское общество» (1880, № 174, 180, 184, 203), «Очерки административной ссылки» (1880, № 225, 230, 235, 255, 337; 1881, № 56), «Полесники и обиралы» (1881, № 165) и др. материалы. Некоторое время он даже входил в состав редакции газеты.

Уже современники отмечали, что в основе работ Приклонского были как собственные наблюдения автора, так и материалы «извлеченные им из олонекских архивов, так как, состоя на коронной службе, Сергей Алексеевич не ограничивался административной деятельностью, а близко знакомился с местным населением, статистикой и историей края»¹⁶. «Письма из Олонецкой губернии», по мнению одного из биографов Приклонского, «долго будут памятны всем, интересующимся формами землевладения в России, потому что помимо описания современной общины, они заключают в себе документы по истории введения переделов земли на Севере»¹⁷. В 1884 г. «Письма из Олонецкой губернии», первоначально печатавшиеся в «Русских ведомостях», были изданы отдельной книгой «Народная жизнь на Севере».

Большой общественный резонанс получила и другая серия очерков Приклонского в «Русских ведомостях» – «Очерки административной ссылки». По свидетельству историка общественного движения в царской России Б. И. Николаевского, «это была едва ли не первая, появившаяся в легальной печати статья о положении административных ссыльных»¹⁸. Народолюбец С. А. Иванов писал об этих очерках, посвященных описанию положения политических административно-ссыльных и вообще порядков этой ссылки, как о публикациях, «обративших на себя в свое время всеобщее внимание»¹⁹.

В декабре 1880 г. в Москве группой земских деятелей стала издаваться либеральная газета «Земство». Среди публицистов, постоянно сотрудничавших в ней был и Приклонский, который вел там еженедельное обозрение внутренней жизни. Газета печатала статьи, в которых приводились факты обнищания, упадка сельского хозяйства, низкого уровня просвещения и т. д. В одном из номеров была помещена статья «Голод в Олонецкой губернии» (1881, № 33). После убийства Александра II газета получила два предостережения «за недозволительное и несправедливое осуждение деятельности лиц, занимающих важные государственные должности» и в июле 1882 г. была закрыта²⁰.

В 1880 г. в Москве возник новый либерально-народнический журнал «Русская мысль», который, по свидетельству историка журналистики Б. И. Есина «по составу сотрудников был наиболее интересным журналов 1880-х годов»²¹. Вскоре в этот журнал был приглашен Приклонский, которому была поручена подготовка одного из важнейших журнальных разделов – «внутреннее обозрение», который он вел «около двух лет». Кроме того, он поместил в «Русской мысли» ряд своих публицистических статей. Как заметил его биограф, «Публицистические статьи Приклонского выделяются из массы подобных же горячностью тона и искренностью убеждения <...>. Эта горячность и подчас резкость тона создавала покойному немало цензурных затруднений и была, кажется, одною из причин выхода Сергея Алексеевича из состава сотрудников “Русской мысли”»²². Уже упоминавшийся С. А. Иванов заметил о сотрудничестве Приклонского в «Русской мысли», что он был «душой этого журнала в лучшее время его существования»²³.

Из петербургских изданий Приклонский сотрудничал также в народнической газете «Неделя». Здесь он опубликовал статью «Наше кулачество» (1884, № 35), в которой отстаивалась идея минования Россией капиталистической фазы развития. По мнению современного исследователя В. И. Харламова, в быстро правящей «Неделе» Приклонский был последним крупным народническим публицистом, отстаивавшим эту точку зрения²⁴. Публиковался он и в радикально-демократическом журнале «Дело», где появилась его статья «Хроника рабочего труда» (1883, № 1), и в умеренно-либеральном «Северном вестнике». Статьи Приклонского в народнической периодике были также собраны и изданы отдельной книгой «Очерки самоуправления земского, городского и сельского» (СПб., 1886).

Значение публицистики Приклонского для оппозиционных изданий 1880-х гг. Иванов охарактеризовал так: «Бойкий, или вернее сказать, серьезный, талантливый публицист, он был еще более не-оценим <...> в качестве редкого знатока всей русской административной машины. До 1880 года, т.е. до своего появления на литературном поприще, он долгое время служил правителем канцелярии олонекского губернатора, а потому с русскими административными порядками был знаком до тонкости. На литературную работу он ушел с этой должности под влиянием <...> Заичневского, с которым он познакомился в Петрозаводске, где Заичневский проживал в качестве административного ссыльного»²⁵.

Сотрудничество в народнических изданиях и знакомство с Заичневским оказали большое воздействие на мировоззрение Приклонского и создали ему соответствующую репутацию. Когда Иванов решил издавать нелегальную революционную газету для широкой общественности, то привлек к сотрудничеству в ней именно Приклонского. И не ошибся в выборе. При встрече с Ивановым публицист «сам указывал на бедность революционной литературы <...>, так что вообще на его согласие участвовать в предполагаемой газете можно было рассчитывать наверняка»²⁶.

О московском периоде жизни Приклонского есть упоминания в известной книге воспоминаний В. А. Гиляровского «Москва и москвичи». Мемуарист описал его так: «С. А. Приклонский, автор книги “Народная жизнь на Севере”, стройный и красивый, с лицом, еще обвеянным недавними полярными бурями Ледовитого океана, курил папиросу за папиросой, то и дело, стряхивая пепел с вьющейся русой бороды». По свидетельству Гиляровского, в Москве Приклонский был хорошо знаком с писателем-демократом Г. И. Успенским, адвокатом Ф. Н. Плевако, народническим писателем и публицистом М. И. Орфановым и многими другими представителями либерального и народнического движения. Вспоминает Гиляровский и о том, что Приклонский был веселым человеком, умеющим подметить забавные черты в обыденной жизни²⁷.

С. А. Приклонский скоропостижно скончался 21 октября 1886 г. Похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве. Посмертно в «Северном вестнике» была помещена его статья «Странники или бегуны»²⁸.

Крупнейшей работой С. А. Приклонского, посвященной Олонецкому краю является его книга «Народная жизнь на Севере»²⁹. В предисловии, датированном 24 июля 1883 г., Приклонский изложил историю ее создания: «Предлагаемая читателям книга написана давно. Она составила из статей, которые в сокращенном виде были напечатаны в “Русских ведомостях” в конце 1879 и в начале 1880 годов. Там они носили название “Письма об Олонецкой губернии” и были подписаны псевдонимом “Лонский”. В настоящем издании является в первый раз в печати только последняя глава “Народная школа и рабочая жизнь”. Остальные главы уже были напечатаны и теперь издаются в дополненном, но не измененном виде <....>. “Письма об Олонецкой губернии” были написаны на досуге, во время безделья. Затем наступила пора, когда я был поглощен другими работами до такой степени, что не мог и думать об отдельном издании “Писем”.

Да и читателям было не до них. В это время у всех было много живого дела, много насущных, широко поставленных вопросов. Теперь у меня опять досуг, опять безделье <...>. Я знаю, что в этой книге есть большие недостатки. Цеховые ученые найдут ее чересчур легкомысленною, а обыкновенные читатели – слишком скучною. Поэтому я ни за что не решился бы издать ее, если бы в настоящее время русское общество не переживало давно не бывалого литературного оскудения. Ведь читать почти нечего <...>. При такой скудости моя книга не будет лишнею».

Из этого предисловия можно сделать вывод о том, что для Приклонского подготовка работы о жизни крестьян Олонецкого края была вынужденным занятием. В условиях наступления консервативных сил и усиления правительственных репрессий против революционных и легальных народников Приклонский потерял возможности активного участия в общественной жизни. В ситуации такого вынужденного «безделья» он обратился к изучению крестьянской жизни Олонецкого края.

Книга С. А. Приклонского «Народная жизнь на Севере» состоит из 11 глав. Первые две главы «Крестьянские невзгоды и земская немочь» и «Мужицкая культура и интеллигентный чиновник» посвящены постоянным неурожаем и как следствие их – голодному существованию крестьян и отношению к голоду земских органов и губернских властей, а также выявлению причин периодических голодовок на основе данных, полученных при обследовании Олонецкого уезда в начале 1870-х гг. Эти главы имеют большое познавательное значение. Здесь Приклонский продемонстрировал возможности примененного им метода, который можно назвать локально-избирательным. Тщательно рассмотрев состояние крестьянского хозяйства в одном уезде, и показав ту роль, которую играла в нем подсека, он пришел к выводу об ошибочности господствующих представлений о состоянии крестьянского хозяйства на севере России и неправильность правительственной политики в этой области.

В третьей главе «Под прикрытием европейской науки» детально изложена история подсеки и ее роль в крестьянском хозяйстве, а также дан анализ законодательного и административного регулирования подсек. Приклонский указывает, что эта проблема имеет большое значение не только для Олонецкой губернии, но еще для шести губерний Европейского севера России. Следующие две главы посвящены рассмотрению двух форм крестьянского землевладения

– волостному и личному владению землей. По его мнению, волостное владение землей хорошо сочеталось с ведением подсечного земледелия и поэтому сохранилось до середины XIX в. Эту разновидность землевладения в Олонецком крае подметил чиновник А. А. Лалош, присланный из Петербурга для составления и выдачи владенных записей государственным крестьянам Олонецкой губернии. Он предложил наделять землей поземельные общины, но местные власти не прислушались к его предложениям и документы на владение землей были выданы на каждое селение отдельно. Это нанесло смертельный удар волостному владению землей. По этому поводу Приклонский заметил: «В странное время живем мы, – языком лепечем о сохранении основ, а руками ломаем эти основы...»³⁰.

Главную причину борьбы лесного ведомства с подсеками Приклонский видел в противоречии между интересами развития крестьянского хозяйства и лесной торговлей. Заброшенные подсечные участки зарастали кустарником и лиственным лесом, а спросом для продажи пользовался сосновый лес. Симпатии Приклонского при этом были целиком на стороне крестьянских хозяйств³¹.

Завершив рассмотрение форм землепользования у крестьян Олонецкой губернии, Приклонский перешел к рассмотрению форм крестьянского землевладения. Этому сюжету посвящено две главы «Волостное владение землею», где дано описание развития древнейшей формы землевладения – волостного владения землей, и «Личное владение землею». Приклонский писал, что волостное владение землей соответствовало подсечной системе землепользования. При этом передел земли носил стихийный, естественный характер, без участия общины. Но с появлением трехполья возникло личное владение земельными участками. В личное владение переходили пашня и сенокос. Эти земли крестьяне могли продавать, закладывать, дарить, завещать, отдавать в приданое и т. д. При этом новыми собственниками становились не только члены этой же общины, но и посторонние люди – крестьяне других волостей, священники, посадские люди и др.³².

Приклонский придавал большое значение изучению истории крестьянства и сельского хозяйства в Олонецком крае, поэтому целую главу посвятил подробному рассмотрению передела земель, произведенного в конце XVIII в. С ухудшением положения крестьян во второй половине XVIII в. он связал Кижское восстание³³: «В 1769–1771 гг. здесь произошел “крестьянский бунт”. Правительство назначило следственную комиссию для усмирения крестьян и для

исследования причин беспорядков. Эта комиссия, по выражению генерал-губернатора Я. Е. Сиверса, «преследовала огнем и мечом несчастных, которых можно было бы образумить несколькими словами». Но, в тоже время, она «добросовестно исследовала причину беспорядков и в своих трудах сохранила для потомства поразительную картину разорения края от алчности немногих лиц, при отсутствии правильной общественной организации, основанной на принципах равенства»³⁴. Сведения о Кижском восстании, приведенные Приклонским имеют особую ценность еще и потому, что они были почерпнуты из недоступных тогда историкам архивных материалов. В отличие от советских историков, видевших причину восстания в усилении заводских повинностей, народник и здесь увидел, прежде всего, действия сельских богачей.

Тщательное изучение Приклонским истории передела крестьянских земель середины 1780-х гг. объясняется актуальностью данной темы в 1870-е гг., когда автор принимал активное участие в наделении государственных крестьян землей. Обращение к истории крестьянского землевладения помогло ему понять истоки формирования систем землевладения, сложившейся в Олонецкой губернии к 1870-м гг. Приклонский рассматривал этот вопрос с позиций народничества. С одной стороны, это имело положительное значение, поскольку позволило дать глубокую, детальную и независимую от официальных инстанций картину событий. Но, с другой стороны, Приклонский видел в формировании частного землевладения только негативную сторону, а в общинном землевладении подчеркивал только его положительную роль. Нужно также отметить, что внимание автора было приковано к региональным особенностям землевладения и его специфике, что способствовало объективному анализу предмета исследования. Дополнительный интерес эта глава имеет еще и потому, что в ней дается довольно неприглядная картина административных действий известного поэта Г. Р. Державина, занимавшего в 1784–1785 гг. пост губернатора Олонецкой губернии.

В седьмой главе «Неурядица в землевладении» Приклонский рассматривает современное ему состояние землевладения как длительный, но еще незавершенный процесс, и потому, по его мнению, оно «поддается изучению только при помощи исторического метода»³⁵.

О состоянии крестьянского землевладения начале 1870-х гг. Приклонский писал: «...хотя система крестьянского землевладения в Олонецкой губернии не успела еще принять вполне законченной и

отвердевшей формы, тем не менее, принцип общинного землевладения преобладает, подчиняя себе старые формы волостного и личного землевладения»³⁶. В подтверждение своих рассуждений Приклонский включил в текст главы мемуарный очерк о том, как весной 1872 г. он жил две недели «в одном глухом селении Повенецкого уезда». Там его внимание привлекли три крестьянских типа. Первым был местный богачей: «Как теперь пред глазами у меня этот рыжий. Небольшого роста, кругленький, с порядочным брюшком, — он щеголевато одет в розовую ситцевую рубаху и, сверх нее, в малиновую рубашку, вязанную из шерсти. Золотистые, рыжие волосы завились в кольца и кудрями повисли над лбом. Небольшая красная борода так и искрится на солнце. Все лицо горит румянцем. Голубые, такие добрые, славные глазенки поминутно перебегают с одного предмета на другой <...>. Но, к моему великому изумлению, по проверке оказалось, что рыжий принадлежит к числу недовольных существующим порядком, что это — местный богач и пропагандист “здоровых экономических начал”, что с такою счастливою и довольною улыбкою он толкует собеседникам о необходимости уничтожить общинное владение». Рыжий богачей говорил, что он «своим потом облил поле и сделал его урожайным», поэтому будет несправедливо допустить, чтобы «при переделе он лишился этого поля, а взамен его получил другую, истощенную и неродимую землю»³⁷.

И тут же Приклонский дает описание двух других крестьянских типов: «Однако из дальнейших разговоров оказалось, что рыжий, как все ораторы, сильно прихвастнул, говоря, будто облил поля своим потом. В его поля больше всех вложил поту черномазый, нечесаный, мрачный геркулес, который равнодушно стоял поодаль от кружка собеседников. Он с малолетства остался сиротою и, не имея за душою ни кола, ни двора, ничего, кроме рабочей силы, заложил свой земельный участок, которого не в силах обработать, а сам нанялся в работники к рыжему. Этот нечесаный силач, по своему положению в общине, составлял совершенную противоположность рыжему богачу, <...> у него земли всего на две души, а семья большая, — урожаем никак не прокормишься. И лишняя рабочая сила есть, да полей нет, а нет полей от того, что богачи, вроде рыжего, позабрали лишнюю землю. Справедливо ли, что мир не может наделить землею долговязого, взявши излишек у рыжего?»³⁸.

Таким образом, Приклонский использовал метод художественной типологизации олонекского крестьянства на основе личных впе-

чатлений. В этом приеме можно отметить влияние легально-народнической публицистики и литературы. Опыт личного общения с крестьянами позволил ему сделать вывод о расслоении общины даже в северном Повенецком уезде Олонецкой губернии.

Восьмая глава книги Приклонского называется «Паллиативы» и посвящена тем малоэффективным, с точки зрения народнического публициста, мерам, которыми крестьяне борются с бедностью. Автор пишет, что малоземелье большинства крестьян Олонецкой губернии происходит как из-за природных условий края, так и из-за несправедливого распределения земли в общине и имеет результатом общий упадок земледелия³⁹.

Одним из последствий малоземелья Приклонский считал недостаток семян как «постоянное и общее явление в Олонецкой губернии». В главе приведены данные о нехватке семян «повсеместно» в 1878 г., и в отдельных уездах в 1871–1873 гг. публицист привел обширную выдержку из опубликованного в «Губернских ведомостях» донесения пудожского исправника о недостатке семян в Пудожском уезде в 1876 г., вызванного необходимостью пересеять часть озимых и яровых посевов⁴⁰ и сведения о недостатке яровых семян в том же уезде в 1879 г., вероятно, также заимствованные из этой же газеты⁴¹.

Для более глубокого рассмотрения проблемы нехватки семян Приклонский вновь применяет свой прием – глубоко рассматривает эту проблему на примере Каргопольского уезда, который считался «житницей Олонецкой губернии». Сначала он привел по уже известной схеме общие сведения об этом уезде: площадь 19207 кв. верст, население в 1870 г. насчитывало 62611 душ, в т.ч. 59142 крестьянина, а плотность населения составляла 3,2 жителя на кв. версту, крестьяне Каргопольского уезда проживали в 797 селениях и в 9891 дворе, т.е. на одно селение в среднем приходилось 12 дворов, а на один двор 6 душ жителей. О благосостояние каргопольских крестьян говорит тот факт, что жители Олонецкой губернии называли их «толоконниками», поскольку толокно, было для жителей губернии слишком лакомой пищей, а каргополы ели его постоянно⁴².

Следствием обезземеливания крестьян стало развитие отхожих промыслов. Приклонский обратил свое внимание и на это явление. В главе приведена таблица о числе выданных отходникам паспортов за 1866–1880 гг. по Олонецкой губернии. За этот период число отходников выросло с 10576 до 32867 чел. Публицист дает этим данным такое объяснение: «Отхожие промыслы издавна были известны крестьянам

Петрозаводского и других уездов, всегда отличавшихся слабым развитием земледелия. Один Каргопольский уезд долгое время представлял в этом отношении счастливое исключение, прокармливая урожайем все местное население. Но лет 20–30 тому назад нужда познакомила каргополов с отхожими промыслами, и с того времени, год от году, уходит все большее и большее число “бурлаков”, как принято у крестьян называть уходящих на сторону работников. В настоящее время четвертая часть всего взрослого рабочего населения уезда ежегодно покидает родную землю и на стороне отыскивает пропитание»⁴³.

Точка зрения Приклонского на отход отличается от общепринятого среди историков северного крестьянства подхода. Причинами отхода он считает малоземелье и «захват культурных земель немногими богачами». Народник писал, что летом уходят на заработки наиболее сильные и здоровые мужчины, что приводит к упадку земледелия, который ведет к нехватке своего хлеба и покупке хлеба весной у сельских богачей по завышенной цене. В результате он пришел к следующему выводу: «Таким образом, многоземельные богачи остаются в барыше от чужого промысла, богатеют еще более и, вместе с тем, получают больше средств и силы для эксплуатации бедняков. Разоренье, нищета и деморализация населения постоянно, с большею и большею силою, распространяться по мере развития отхожих промыслов»⁴⁴.

Большой интерес представляет глава «Сельские богачи». Ее можно считать одной из наиболее интересных, поскольку там исследована очень важная проблема роли и значения богатых крестьян в жизни деревни. Кроме того, Приклонский построил главу на сравнении между богатыми крестьянами северной и средней России. Отчасти содержание главы представляет собой антропологический очерк, в котором подробно описаны жилище, одежда и питание сельских богачей, а с другой стороны автор большое внимание уделяет социологическим и культурологическим проблемам.

Приклонский признавал тот факт, что богатые крестьяне Олонецкой губернии постоянно, в широких размерах и разных формах ведут благотворительную деятельность. Признавал он и большую роль, которую играла эта благотворительность для подъема культурного уровня крестьянства и особенно для развития начального образования. Однако всю эту деятельность он рассматривал в рамках народнической парадигмы, видя в ней лишь способ идейного или «нравственного» подчинения крестьянства эксплуатации со стороны богачей. По этому поводу публицист писал: «Таким обра-

зом, сельский богач в Олонецкой губернии успел усвоить себе многие характеристические особенности людей высшей культуры, сравнительно с массой крестьян, и в то же время не оторвался от этой массы, остался в рядах ее в качестве передового носителя культуры. Между тем, высшая культура есть великая сила, нравственно подчиняющая себе темный крестьянский люд. Под обаянием нравственного превосходства богачей в глазах крестьян застилается туманом громадный вред, который приносят те же богачи невыносимо тяжелою эксплуатациею крестьянского труда. Этим только и можно объяснить, почему в Олонецкой губернии нам ни разу не приходилось слышать сказаний о происхождении богатства от преступления, какие на каждом шагу слышишь в деревнях средней России»⁴⁵.

Завершается глава лирическим отступлением. Приклонский описывает старообрядческий лубок с изображением птицы Сири́н, созданный «поморскими иконописцами» и виденный им «в домах у олонецких староверов». Полуженщина и полуптица Сири́н привлекает своим пением людей, который стремятся на ее звуки и гибнут. Приклонский предположил, что художник выразил в этом лубке «староверческий взгляд на нашу цивилизацию». Комментарий народника хорошо отражает его собственное мировоззрение конца 1870-х гг.: «Нет, впереди не смерть, не могила, а жизнь и счастье, царство света и радости. Но все эти блага далеко еще впереди, а теперь нельзя не согласиться и с грубым художником, что наша цивилизация, как блестящая красавица, птица Сири́н, постоянно требует человеческих жертв. Люди высшей культуры слишком дорогою ценою продают свет цивилизации людям низшей культуры, своекорыстно эксплуатируя последних...»⁴⁶.

Для иллюстрации условий, в которых вынуждены были жить олонецкие крестьяне, Приклонский подробно останавливается только на одном «имеющем более общее значение и повсеместную распространенность» явлении – «продолжающейся доныне борьбы человека с диким, хищным зверем» и посвятил этой теме целую главу «Борьба со зверем». В ней сделана попытка оценить экономический ущерб от нападений диких зверей. По его данным, в среднем за 1871–1878 гг. волки и медведи ежегодно истребляли по 1853 головы крупного и 3438 голов мелкого скота. В денежном выражении этот ущерб оценивается в 48654 руб. или по 1 руб. 17 коп. на двор⁴⁷.

В качестве эффективной меры по борьбе с дикими животными Приклонский предлагает массовые крестьянские облавы. Фактически же развитие охотничьего промысла решило эту проблему уже к началу XX в. В пореформенный период охота на диких зверей носила

хищнический характер и привела к уменьшению охотничьей добычи с 200–300 тыс. шкур на рубеже 1850–1860-х гг. до 125 тыс. шкур к началу XX в.⁴⁸. Распространение охотничьих ружей среди крестьян и вовлечение крестьянского хозяйства в рыночную экономику если не решили, то ослабили к началу XX в. проблему нападений хищных зверей на крестьянский скот.

Заключительная глава «Народная школа и рабочая жизнь» посвящена положению сельской школы, ее влиянию на крестьянство и отношению крестьян Олонецкой губернии к сельской школе. Показательно, что она была специально написана для отдельного издания книги в 1884 г. Можно предположить, что Приклонский обратился к детальному изучению сельской школы только в начале 1880-х гг. Вероятно, это было связано с изменением общественно-политической ситуации в России после 1 марта 1881 г. Последовавший затем разгром революционного народничества и дискредитация идей насильственного переустройства в глазах значительной части обществу привели к переходу части революционно-демократических деятелей на позиции либерального народничества. В конце XIX в. лозунг введения всеобщего начального образования стал одним из требований либерального движения. Поэтому можно считать, что после 1881 г. мировоззрение Приклонский довольно быстро трансформировалось в сторону борьбы за общекультурные изменения в народной жизни, то есть, на позиции легального народничества.

Нужно отметить, что «школьная» глава является наиболее большой по объему главой книги «Народная жизнь на Севере» и занимает примерно шестую часть текста книги⁴⁹. Это говорит о том, что в начале 1880-х гг. проблема сельской школы была для публициста предметом глубокого изучения.

Глава написана на основе многочисленных публикаций в газете «Олонецкие губернские ведомости» по вопросам школьного дела и содержит богатый и разнообразный фактический материал, включающий свидетельства учителей, представителей духовенства и самих крестьян, а также статистические и отчетные публикации о народном образовании. В этой главе Приклонский почти не обращается к событиям далекой истории, но много и подробно о событиях двух пореформенных десятилетий, выступая как публицист, или историк современности.

К существовавшей в это время школьной системе Приклонский демонстрирует неоднозначное отношение. К церковно-приходским школам его отношение однозначно негативно, а к земским школам

отношение двойственное. Признавая заслуги земства в открытии школ и обеспечении всем необходимым учебного процесса, публицист считает, что многие успехи земства в этом деле объясняются активностью земских гласных из богатых крестьян. Кроме того, по мнению народника, земские школы не в состоянии обеспечить всеобщего школьного обучения.

В «школьной» главе Приклонский на доступном ему материале продолжал развивать свою идею о том, что крестьянство Олонецкой губернии фактически разделилось на две группы – сельских богачей и бедняков («рабочую массу»). Отношение к сельской школе у этих групп было противоположным: сельские богачи всячески поддерживали их открытие и деятельность, а беднота относилась к ним безразлично или враждебно. На многочисленных ярких примерах в главе показано, что бедность была серьезным препятствием для посещения школы детьми из бедных семей.

Вызывает удивление точка зрения Приклонского о необходимости передать сельские школы в ведение государства. Вероятно, это можно объяснить сделанной им отрицательной оценкой деятельности Олонецкого губернского земства и приобретенным за долгие годы чиновничьей службы пониманием решающей роли государственного регулирования в решении глобальных проблем страны. В целом, глава «Народная школа и рабочая жизнь» ценна как собранным в ней богатым фактическим материалом о сельских школах Олонецкой губернии, так и оценками их деятельности, сделанными автором с позиций либерального народничества.

После выхода в свет книги «Народная жизнь на севере» рецензии на нее появились в нескольких ведущих журналах⁵⁰.

Работы С. А. Приклонского о северном крестьянстве написаны со знанием дела, на основе многолетних личных наблюдений и во многом отличаются от сложившихся в современной науке представлений. В наши дни, когда происходит пересмотр устарелых концепций истории северного крестьянства, обращение к работам такого умного и наблюдательного исследователя, каковым был Приклонский, представляет определенный интерес.

¹ Биографические сведения см.: Приклонский С. А. [Некролог] // Русская мысль. 1886. № 11; Приклонский С. А. [Некролог] // Северный вестник. 1886. № 11; Приклонский С. А. [Некролог] // Исторический вестник. 1886. № 12; Несколько слов «Северному вестнику» // Русская мысль. 1886. № 12; Приклонский С. А. // Языков Д. Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей.

Вып. 6. СПб., 1890; Приклонский С. А. // Деятели революционного движения в России. Т. 2. Вып. 3. М., 1931; Приклонский С. А. // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1898. Т. 25; Приклонский С. А. // Большая энциклопедия. Т. 15. СПб., б. г.; Приклонский С. А. // Энциклопедический словарь братьев Гранат. Т. 33; Приклонский С. А. // «Русские ведомости». 1863–1913: Сб. ст. М., 1913; Из народовольческих воспоминаний С. А. Иванова / предисловие и примечание Б. И. Николаевского // Народовольцы 80-х и 90-х годов. М., 1928. С. 27, 51, 52, 64; Меламед Е. И. Приклонский С. А. // Русские писатели. 1801–1917: Биографический словарь. Т. 5. М., 2007.

² ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 5. Д. 568. Л. 11 об. Вифанская семинария – известная до 1917 г. духовная семинария при Спасо-Вифанском монастыре, основанном в 1783 г. в окрестностях Троице-Сергиевой лавры. Приношу свою искреннюю благодарность за сведения о пребывании С. А. Приклонского в Вифанской семинарии А. Ю. Дубинскому. См.: Дубинский А. Ю. Вифанская духовная семинария. Алфавитный список выпускников 1881–1900 годов (краткий генеалогический справочник). М., 2002.

³ Формулярный список о службе правителя канцелярии Олонецкого губернатора коллежского секретаря Сергея Приклонского. – НАРК. Ф. 2. Оп. 68. Д. 2237. Л. 78–87 об.

⁴ Приобретения для музея при статистическом комитете // Олонецкие губернские ведомости. 1872. № 12. 12 февраля.

⁵ Общее собрание Петрозаводского благотворительного общества // Олонецкие губернские ведомости. 1876. № 20. 17 марта.

⁶ Лалош А. А. – чиновник МВД; автор исследования «Сельская община в Олонецкой губернии» (Отечественные записки. 1874. № 1–2).

⁷ Лядинная система хозяйства – подсечное земледелие; в Олонецкой губернии лядина – чаща мелкого леса, возвышенное место, поросшее березой, ольхой и осиной. См.: Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898. С. 52.

⁸ Приклонский С. А. [Некролог] // Северный вестник. 1886. № 11. С. 1.

⁹ Приклонский С. А. [Некролог] // Исторический вестник. 1886. № 12. С. 664.

¹⁰ О высылке из Киева в Олонецкую губернию под надзор полиции студентов тамошнего университета Львова, Фидровского, Фролова, Бошно, Баха, Бат, Глинки, Драгневича и Подольского. – НАРК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 46/6. Л. 386.

¹¹ Ведомость Петрозаводского городского полицейского управления о лицах, состоящих под надзором полиции в городе Петрозаводске за 1879 год. – НАРК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 54/114. Л. 189 об.–190.

¹² Донесение начальника Олонецкого губернского жандармского управления полковника Кретковского губернатору Олонецкой губернии Г. Г. Григорьеву от 22 мая 1879 года. – НАРК. Ф. 1. Оп. 10. Д. 48/6. Л. 213б–213б об.

¹³ Олонецкие губернские ведомости. 1879. № 41. 2 июля.

¹⁴ Об учреждении негласного надзора за бывшим правителем канцелярии олонецкого губернатора Сергеем Приклонским. – РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 561. Л. 1.

¹⁵ Там же. Л. 4.

¹⁶ Приклонский С. А. [Некролог] // Северный вестник. 1886. № 11. С. 1. С. 2.

¹⁷ Там же.

- ¹⁸ Из народовольческих воспоминаний С. А. Иванова. С. 64.
- ¹⁹ Там же. С. 52.
- ²⁰ Белоконский И. П. Земское движение до образования партии народной свободы // Былое. 1907. № 4. С. 243.
- ²¹ Есин Б. И. История русской журналистики XIX века. М., 1989. С. 185.
- ²² Приклонский С. А. [Некролог] // Северный вестник. 1886. № 11. С. 1–2.
- ²³ Из народовольческих воспоминаний С. А. Иванова. С. 51.
- ²⁴ Харламов В. И. Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70–80-х годах XIX века // Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 177.
- ²⁵ Из народовольческих воспоминаний С. А. Иванова. С. 52.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М., 1968. С. 418–420.
- ²⁸ Приклонский С. А. Странники или бегуны. Из народной жизни на севере // Северный вестник. 1888. № 9. С. 101–128; № 10. С. 117–143.
- ²⁹ Приклонский С. А. Народная жизнь на Севере. М., 1884. 367 с.
- ³⁰ Там же. С. 100.
- ³¹ Там же. С. 76–80.
- ³² Там же. С. 109–110, 122–124.
- ³³ Подробнее о Кижском восстании см.: Балагуров Я. А. Кижское восстание. Петрозаводск, 1969.
- ³⁴ Приклонский С. А. Народная жизнь на Севере. С. 130.
- ³⁵ Там же. С. 161.
- ³⁶ Там же. С. 173–174.
- ³⁷ Там же. С. 174–176.
- ³⁸ Там же. С. 176–177.
- ³⁹ Там же. С. 185.
- ⁴⁰ Посев и урожай хлебов в Пудожском уезде в 1876 году // Олонецкие губернские ведомости. 1876. № 96. 15 декабря.
- ⁴¹ Посев и произрастание хлебов в Пудожском уезде // Олонецкие губернские ведомости. 1879. № 46. 20 июня.
- ⁴² Приклонский С. А. Народная жизнь на Севере. С. 189–190.
- ⁴³ Там же. С. 199.
- ⁴⁴ Там же. С. 200.
- ⁴⁵ Там же. С. 257.
- ⁴⁶ Там же. С. 260.
- ⁴⁷ Там же. С. 278–279.
- ⁴⁸ Кораблев Н. А. Карелия во второй половине XIX – начале XX в. // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 264–265.
- ⁴⁹ Приклонский С. А. Народная жизнь на Севере. С. 309–366.
- ⁵⁰ Вестник Европы. 1884. № 2; Дело. 1884. № 1; Отечественные записки. 1884. № 1.

**Народ, нация и раса во взглядах М. О. Меньшикова
(1885–1900 гг.)**

Времена, когда имя М. О. Меньшикова находилось под запретом, миновали. К сегодняшнему дню опубликовано множество различных работ¹, среди которых наиболее взвешенными и глубокими, по нашему мнению, являются труды А. В. Репникова² и С. М. Саньковой³, отличающиеся концептуальностью подходов и широтой научных обобщений. Тем не менее, до настоящего момента свет увидело лишь одно монографическое исследование – П. И. Шлемина, вышедшее в далеком 1997 г. весьма ограниченным тиражом, полностью посвященное анализу взглядов публициста⁴.

Кроме того, попытка отказаться от негативистских подходов советской историографии (предпочитавшей игнорировать имя Меньшикова или награждавшей его вслед за В. И. Лениным эпитетами «черносотенец», «мракобес», «махровый реакционер»⁵) привела к тому, что, по меткому выражению С. М. Саньковой, «реабилитация стала переходить в канонизацию»⁶. В свою очередь А. В. Репников справедливо отмечает, что в современной науке наметилась иная, по сравнению с советской историографией, тенденция – «представить Меньшикова в качестве одного из ведущих философов “русской идеи”»⁷. С другой стороны, по сегодняшний день остается практически неизученным раннее творчество Меньшикова, т.е. относящееся к периоду, предшествовавшему началу его работы в «Новом времени».

В ряде статей мы высказывали предположение, что на ранних этапах Меньшикову были близки идеалы легального (реформаторского) народничества, выразителями которых была газета «Неделя». Этот тезис не вызвал возражений у специалистов по более позднему творчеству публициста. При этом стоит отметить, что, по-видимому, первым, кто стал рассматривать Меньшикова как «эпигона народничества», был А. И. Богданович – современник публициста.

Одной из важнейших категорий мировоззрения М. О. Меньшикова был образ «народа», который в значительной мере был тождественен представлениям о крестьянстве. Судьба самого многочисленного социального слоя России конца XIX в. вызывала искренний интерес и сочувствие публициста и, по сути, являлась одной из центральных проблем его творчества. Тем не менее, анализ текстов

дневников и записных книжек Меньшикова дает право утверждать, что далеко не всегда семантическая наполненность концепта «народ» оказывалась синонимичной понятию «крестьянство».

Среди терминов, имевших достаточно широкое употребление, наиболее важными с точки зрения влияния на структуру взглядов публициста, можно считать «нацию» и «расу». Учитывая этот факт, вполне логичным кажется подход к изложению материала, основанный на раскрытии содержания этих понятий Меньшиковым, начав с обращения к расовым мотивам в его творчестве.

Такой взгляд кажется оправданным по нескольким причинам. Во-первых, данный вопрос недостаточно изучен в отечественной историографии. Зачастую он игнорируется исследователями, и лишь А. Рейтблат утверждает, что именно расизм служил одним из тех краеугольных камней, на которых зиждилось мировоззрение Меньшикова⁸. Таким образом, у нас есть возможность хотя бы частично осветить важную проблему.

Во-вторых, в отличие от «национализма», «расизм» представляет собой целостное понятие, по крайней мере, в той части, которая относится к «традиционному», или «классическому», расизму⁹, что в свою очередь существенным образом упрощает процесс классификации идей и определения их принадлежности к теории.

Наконец, в-третьих, предложенный подход позволит выявить скрытые связи между расовым вопросом и философскими установками, которыми руководствовался Меньшиков в своем творчестве.

Необходимо отметить, что, несмотря на большое количество изученных источников, мы располагаем ограниченным объемом материалов, позволяющих говорить о расовой тематике в мировоззрении публициста 1885–1900 гг. Связано это с тем, что до конца XIX в. интересующий нас вопрос лишь однажды стал непосредственным предметом его анализа. Тем не менее, вполне оправданным кажется утверждение, что следы расовых мотивов обнаруживаются уже на самых ранних этапах творчества Меньшикова. Свидетельством этого может служить категориальный аппарат – тот набор понятий, посредством которых автор описывал воспринимаемую им реальность.

Так, дневники публициста, относящиеся к середине 1880-х гг., зафиксировали неоднократные его обращения к соответствующим терминам¹⁰. Более того, ряд высказываний Меньшикова позволяет утверждать, что он рассматривал интеллектуальные, нравственные и др. качества человека (или народа) как непосредственные атрибуты ра-

сы, что само по себе может быть воспринято как признак расизма.

Так, критикуя «идею Бога», Меньшиков предполагал допустимой (именно допустимой, а не безусловной) гипотезу, в соответствии с которой существование «здравой человеческой логики» являлось признаком «только высших культурных рас и притом – высшего периода их развития»¹¹. Позднее, в начале 1890-х гг., размышляя над проблемой справедливого правосудия, Меньшиков пытался обосновать ответственность общества в целом за действия преступника, называя последнего «продуктом своей расы»¹². К этому следует прибавить неоднократные обращения публициста к данному термину в самых разнообразных контекстах¹³.

Однако почти за 15 лет (с 1885 по 1900 гг.) эта тема так и не получила сколь бы то ни было последовательного развития. Только в 1894 г. в письме из Нью-Йорка, которое было опубликовано на страницах «Недели», Меньшиков обратился к проблеме «расовой вражды». При этом содержание идей, которые озвучил публицист, свидетельствовало в пользу интерпретации его позиции как явного противника любых форм расизма. Иронически называя Соединенные Штаты «страной свободы», Меньшиков с очевидным осуждением говорил о людях, «не признающих принципа равноправности всех рас и религий»¹⁴.

Тем не менее, необходимо отметить, что на рубеже XIX–XX вв. в дневниках Меньшикова наблюдался резкий рост внимания к расовой проблематике, сопровождавшийся увеличением количества упоминаний соответствующих терминов. Поэтому мы считаем принципиально важным обратиться к анализу того, что понимал публицист под термином «раса», и какие последствия для структуры его общественно-политических взглядов имело появление нового предмета анализа.

Одним из примеров прямого обращения публициста к расовой тематике можно считать рядовую статью, опубликованную на страницах «Недели» в 1898 г.¹⁵. В ней, размышляя над проблемой «упадка народного питания», Меньшиков высказывал серьезное опасение: «Не сделалось бы у нас того же самого с человеком, что уже сделалось со скотом», породы которого, по мнению Меньшикова, в России вырождались в связи с невозможностью обеспечить его достойным кормом. По мнению публициста, «Великой и Малой России с их недавно богатыми *расами* (здесь и далее выделено нами. – Н. З.)» грозила та же участь, которая постигала «Белоруссию». «Типический белорус, заморенный, хилый от природы, ленивый, глупый» в представ-

лении автора являл собой пример поразительно отличавшийся от «ярославца или владимирца, а особенно донского казака», восхищавших Меньшикова «своей физической и психической силой». Но в то же время, публицист опасался, что «теперь очередь дошла» и до них¹⁶.

Приведенная выше цитата является отражением типичной для творчества Меньшикова практики чрезвычайно своеобразного применения термина «раса». На протяжении многих лет он использовался с большей или меньшей интенсивностью, но нам так и не удалось обнаружить примеров «традиционного», сугубо антропологического его прочтения. Ни в дневниках, ни в статьях Меньшикова нами не найдено ни одного упоминания негроидной, монголоидной или европеоидной расы в контексте приписываемых им характерных интеллектуальных или иных черт. Даже в конце века, когда частота употребления термина резко возросла, речь преимущественно шла о коннотациях синонимичных понятию «нация» или «народ».

Так, среди причин исторических успехов «*Англии*» Меньшиков называл «наслоение *рас* самое пестрое, какое возможно»¹⁷, однако пророчил ей в будущем «*расовый* упадок именно вследствие ее изолированности»¹⁸. Схожие мысли высказывал публицист и по поводу судьбы «*славянского* типа», который ожидал «упадок *расы*» вследствие «вытеснения финской примеси»¹⁹. «*Французов*», в свою очередь, Меньшиков называл «не худшей из *рас*», несмотря на «физическое безобразие», отмеченное Мопассаном²⁰.

Наряду с этим на страницах записных книжек публициста можно обнаружить примеры употребления термина «раса», абсолютно не связанные ни с антрополого-биологическими, ни с этническими характеристиками. В них речь периодически заходила то о «разбойничьей расе»²¹, то о «береговой» с «более свежей кровью» и «хорошо настроенными нервами»²². Критикуя современную цивилизацию, Меньшиков писал о появлении «"расы дикарей" – дегенератов, людей которых общественная вражда непрерывным гнетом измела и обесформила до неузнаваемости»²³. Наконец, особенно любопытным выглядит не получившее четкого определения словосочетание «промышленная раса»²⁴.

Приведенные факты убеждают нас в том, что смысл, который вкладывал Меньшиков в термин «раса», был предельно далек от значений, заложенных в него Ж. де Гобино. В дневниках публициста можно обнаружить ряд суждений, которые едва ли могли принадлежать не только правоверному адепту идеологии расизма, но и

любому борцу за «чистоту нации». Это, впрочем, не отменяет вульгарной «биологизации» ряда общественных явлений, свойственной творчеству Меньшикова.

«Примесь чужой крови, – писал публицист в начале XX в.²⁵, – как примесь песка к глине, <...> олова к меди <...> укрепляет породу, но для этого примесь должна быть в известной пропорции <...>. Песок в избытке портит глину <...>. Случается, что смесь народностей сразу дает могучую породу, но чаще она ослабляет человеческий тип. Но ослабляет не навсегда. Постепенно та или иная из составных частей начинает вырождаться, выветриваться, и, когда отношение частей дойдет до нужной пропорции, раса вдруг крепнет, расцветает, делается могучей. Затем более слабый элемент продолжает выветриваться, и, как в стали, где выжигается уголь, – раса принимает первоначальный тип, т.е. более чистый, слабый. Этим, – по мнению Меньшикова, – <...> можно объяснить загадочные то подъемы, то упадки национальностей. Например, древние евреи были сильны, пока были смешанной расой, пока еще из их породы не выветрилась примесь африканской крови, пока действовала лигатура истребленных месопотамских народцев <...>. Несколько веков покоя и скрещивания в пределах своей страны и примесь начала исчезать и тип упал...»²⁶.

Приведенная цитата, с одной стороны, является дополнительным аргументом, доказывающим чрезвычайно специфический характер трактовки термина «раса», предложенной Меньшиковым. С другой – позволяет обратиться к еще одному весьма важному мотиву в творчестве публициста, который, в отличие от мнимого расизма, имел гораздо более существенное значение в мировоззрении автора – мотиву крови и породы.

Уже в ранних дневниках публициста обнаруживаются следы темы, которая в той или иной форме присутствовала в творчестве Меньшикова на протяжении долгих лет, а возможно, и всей жизни. Рассуждая о той роли, которую сыграли привилегированные классы в лице норманов в русской истории, он констатировал: «Отрывая сильную молодежь от земледелия, варяги брали дань у народа его лучшей кровью. В то безумное время <...> вся мужская молодежь или падала, защищая свои хаты, или <...> нападая на хаты соседей. Красивейшие и сильнейшие из женщин были военной добычей, отводились в плен и на месте старых славянских [холопий] вырастало слабое, некрасивое поколение»²⁷.

Отказывая варяжским князьям в приписываемой им цивилизаторской роли, в частности, в вопросе распространения христианства на Руси, Меньшиков также апеллировал к вопросам крови. Так, он отмечал тот факт, что еще бабка Владимира I (Святого) приняла крещение, и называл Ольгу «чистокровной славянкой»²⁸. Это, по видимому, должно было убедить потенциального читателя в том, что христианизация являлась естественным для древнерусских племен процессом, а не результатом внешнего воздействия культуртрегеров.

Наконец, утверждая, что именно иноземные князья принесли с собой на русскую почву начала вражды и насилия, Меньшиков называл славян «слишком смирным народом, некровожадным», чуждым войне²⁹. Таким образом, в представлениях публициста происходило соединение интеллектуальных, нравственных и физических качеств человека (или народа) не столько с расовыми признаками, сколько с этнической принадлежностью.

Спустя 16 лет после того, как были написаны процитированные строки, Меньшиков вновь обращался к проблеме «призвания варягов», но на этот раз его оценки несколько менялись. «Присутствие варягов, – по мнению публициста, – дало новгородскому племени примесь буйной энергической бродячей и мужественной крови <...>, как суздальскому населению помогла сильная кровь татар». В этом факте Меньшиков не видел ничего постыдного³⁰, и утверждал, что именно «чистота породы» являлась причиной ее упадка, в то время как «кипучее сочетание рас», напротив, «давало расцвет цивилизации»³¹.

Источником этой темы в творчестве Меньшикова, по нашему мнению, являлся латентный социал-дарвинизм (а отнюдь не расизм), служивший своеобразным методом осмысления общественной реальности. Однако в этом вопросе, как и во многих других, Меньшиков не был до конца последователен.

Ставя проблему улучшения человеческой породы (прежде всего ее духовных качеств³²) и сталкиваясь с примерами ее деградации, публицист зачастую связывал эти явления не столько с биологическими, сколько с социально-экономическими процессами. Рассуждая о сомнительной пользе распространения христианства на Руси, Меньшиков утверждал, что «мораль нельзя вычитать из книг; ее нужно иметь у себя в крови, нужно родиться с нею». Но, не успев завершить фразу, добавлял: «А для этого необходимы <...> известные формы общественно экономической жизни»³³. С искренним сожалением отмечая вырождение населения Белоруссии, Меньшиков

констатировал: «Сделавшись театром войн, яблоком раздора между Литвой и Русью, эта страна захирела. Паны высосали всю энергию холопов, а скудное питание довершило остальное»³⁴. Появление «ленивой, лишенной воли, самообладания [и] чувства долга» породы Меньшиков связывал с развращающим действием «городской цивилизации»³⁵. И, наконец, источником самых лучших человеческих качеств, на которых «держится нация», публицист называл «честный трудовой быт», способный «воспитать расу героев»³⁶.

Таким образом, мы можем полностью согласиться с мнением оставшегося неизвестным собеседника Меньшикова, часть разговора с которым зафиксирована в дневнике публициста: «Очень уж вы по скотоводчески смотрите»³⁷. Нарочитая биологизация общественных явлений действительно была одной из характерных черт творческого метода ведущего сотрудника «Недели». Однако она никогда не была главным или, по крайней мере, единственным элементом мировоззрения Меньшикова, в котором важное место занимали социально-экономические и политические проблемы. И уж тем более его взгляды нельзя интерпретировать как расизм.

Не менее противоречивым было отношение Меньшикова и к проблеме национализма. В его дневниках и записных книжках можно встретить высказывания, характеризующие публициста как явного противника этой идеологии. «Национальный вопрос» Меньшиков называл «смягченной до пределов своей страны формой эгоизма»³⁸, а «разделение на национальности» — «логическим последствием хищнической культуры», к которой он относился резко отрицательно³⁹. Войну — явление, по мнению публициста, отвратительное — он объяснял борьбой «национальных паразитов — аристократий», чьи интересы были чрезвычайно далеки от народных⁴⁰. Наконец, летом 1901 г. Меньшиков записал в своем дневнике впечатления, которые оставила у него поездка в Ригу. Они представляются чрезвычайно интересными в контексте поднятого нами вопроса.

Размышляя над перспективами развития города, публицист всячески приветствовал соединение в его населении русских, поляков, «богатых евреев», латышей и других народов. Меньшиков призывал обратиться к опыту Великого Новгорода, который «пятьсот лет тому назад умел ладить с “гостями» и соседями». «Нет сомнения, — писал публицист, — что восторжествует тот принцип, что теснить кого-нибудь нет нужды, что всем на земле и должно быть и может быть просторно. Всем, кроме лентяев, лежебоков, людей баронской или

чиновнической привилегии, людей 20-го числа или чересчур обеспеченной ренты <...>. Пока мы чувствуем себя как русские, поляки <...>, то и будем ими, не будем людьми дельными, рабочими, полезными, честными друг к другу. Ей-богу, мне как русскому, приятнее вести компанию с честным латышом, нежели с вороватым москвичом, и немец охотнее покупает в моей лавке, если товар у меня дешевле и лучше, чем у немца. *Leben und lassen leben*⁴¹ – девиз чудесный»⁴².

Как можем убедиться, на первый взгляд в мировоззрении Меншикова, не обнаруживается даже отдаленных намеков на национализм. Однако сложившаяся в отечественной историографии традиция интерпретации идей публициста «Нового времени» как идеолога «Всероссийского национального союза» и теоретика «русской идеи»⁴³ заставляет нас более внимательно подойти к данной проблеме.

Справедливости ради стоит отметить, что вплоть до начала XX в. национальный вопрос не привлекал пристального внимания Меншикова и, как в случае с расовым вопросом, лишь изредка становился предметом его анализа. Весьма симптоматичным кажется и тот факт, что эпизодические всплески интереса публициста к этой тематике были результатом не столько внутренней логики развития его взглядов, сколько реакцией на «внешние раздражители».

Мы располагаем тремя документами, которые, по-видимому, являются примерами первых попыток Меншикова обратиться к национальному вопросу⁴⁴. Идеи, озвученные в этих текстах, как по форме, так и по содержанию были чрезвычайно близки, а в ряде случаев дословно повторяли друг друга⁴⁵. На страницах записных книжек Меншиков опровергал обвинения в «национальной нетерпимости», звучавшие со страниц «западной и русской печати» в адрес России, и утверждал, что «иностранческий вопрос <...> не расовый и не религиозный <...>, а исключительно политический и экономический»⁴⁶.

Важно отметить, что речь в этих документах шла не только и не столько о национальных противоречиях между коренным населением империи и «иностранцами», сколько о попытке оградить русский народ от эксплуатации со стороны чужеземцев. «Нигде на свете, – утверждал Меншиков, – иностранцам не было предоставлено столько выгод, сколько у нас». За призывами к «широкой терпимости, равноправности, свободной конкуренции», по мнению публициста, скрывалось «стремление поживиться на наш народный счет». Меншиков писал о попытках «хищнической эксплуатации корен-

ного русского населения или тех гос[ударственных] богатств, которые были добыты жертвами только русского народа»⁴⁷.

В другом дневнике Меньшиков констатировал, что, «сознавая свою отсталость <...>, мы готовы поминутно звать варягов править и владеть нашим хозяйством, заводами, учеными институтами, канцеляриями, промышленностью и торговлей <...>. Под предлогом научиться мы раздали немецким колонистам множество плодороднейших земель, и плодами наших двухсотлетних войн за теплый юг и морские берега воспользовались иноземцы». Таким образом, «не ненависть, а страх», «не желание “истребить” чужое племя, а инстинкт <...> самосохранения» подсказывали, по мнению публициста, правительству «известные “меры”»⁴⁸.

Тот факт, что Меньшиков апеллировал к образу «варягов», кажется нам не случайным и весьма симптоматичным. Отметим, что именно момент «призвания» иноземных князей публицист рассматривал в качестве точки отсчета многовековой истории эксплуатации привилегированными классами русских племен⁴⁹. В этом контексте становится вполне очевидным, что для Меньшикова не существовало принципиальных различий между хищником аристократом и хищником инородцем, а реальный смысл всей риторики публициста сводился к требованиям оградить народ от посягательств на его материальное благополучие.

В то же время содержание упомянутых документов позволяет нам поднять весьма важный вопрос о том, что именно подразумевал Меньшиков под термином «нация». Анализ обширного комплекса источников позволяет утверждать, что вплоть до начала XX в. в мировоззрении публициста отсутствовало четкое понимание этого явления, не говоря уже о конкретных определениях. Всю неоднозначность и противоречивость представлений Меньшикова о «нации» демонстрирует одна цитата из его дневника начала XX в.: «Для нас, русских, родное общество – европейское, т.к. мы принадлежим к более обширной, чем наша народность, нации – общеевропейской или точнее – общехристианской <...>, сложившейся в пределах древней арийской семьи»⁵⁰. На фоне столь утонченных дефиниций вполне естественной выглядит попытка публициста дать не «позитивную», а «негативную» трактовку проблемы, в связи с чем «национальный вопрос» на страницах его записных книжек превращался в «инородческий».

Тем не менее, столь противоречивое и неоднозначное представление Меньшикова о феномене нации никоим образом не ставит под

сомнение тезиса, что на поздних этапах творчества он стал главным теоретиком русского национализма. Более того, анализ его отношения к судьбе русского крестьянства, предложенный, в частности, в других наших статьях⁵¹, позволяет, как нам кажется, лучше понять содержание сложных процессов эволюции не только мировоззрения публициста, но и народнической доктрины.

Долгое время в советской историографии вслед за В. И. Лениным было принято рассматривать сельских жителей в качестве социальной базы «крестьянского социализма». Во многом именно с этим была связана критика народничества, якобы не отдававшего себе отчета в том, что крестьянство более не представляло собой единого класса, распадаясь на буржуазию и пролетариат⁵². Напротив, ряд современных специалистов склонен полагать, что образ народа в творчестве идеологов крупнейшего общественного движения России был тождественен вне зависимости от рода занятий образу человека труда⁵³. Однако и подобную трактовку можно принять лишь с некоторыми оговорками.

Эволюционируя на протяжении более 40 лет, народничество являлось одновременно частью и отражением объективных процессов, протекавших в империи. И независимо от того, насколько верным был анализ его идеологов, насколько точны были их оценки общественных явлений, теория не могла оставаться статичной. Появившись как «крестьянский социализм», стремившийся стать выразителем интересов подавляющего большинства населения, со временем народничество должно было расширить свои границы, поменять акценты и адаптироваться к новым условиям. К концу XIX в. социально-экономическое расслоение сельской общины, о котором писал Ленин, рост городского населения, появление пролетариата и многие другие объективные процессы ставили под сомнение способность крестьянства выступать в качестве опоры оппозиционного движения.

Впрочем, и само народничество к этому времени существенным образом изменилось. От былого революционного запала не осталось и следа. Речь уже шла даже не о поиске альтернативных, некапиталистических путей развития, а о помощи народу в процессе адаптации к новым социально экономическим условиям, воспринимавшимся как данность. Тем не менее, существенные перемены в содержании доктрины не повлекли за собой трансформации основных концептов — тех форм структурирования реальности, с помощью которых идеологи народничества обосновывали цели движения. Незыблемым ос-

тавался и образ народа, служение которому воспринималось как безусловный и неоспоримый долг интеллигенции. Но сам народ все больше походил на фантом, нечто абстрактное, неосязаемое.

С этой проблемой столкнулся, по-видимому, и Меньшиков. Размышляя над последствиями отмены крепостного права, он утверждал, что ее «ошибочно называли “крестьянской”», поскольку она «в одинаковой мере» была и «дворянской», и «государственной», и «всенародной». «Великое бесправие, – писал публицист, – было принципом нации. Поэтому с реформой 1861 года все элементы нации пришли в движение, почувствовалась логическая необходимость новой всеобщей связи <...>, и рядом органических реформ была сделана попытка создать такую систему». Но они так и не были завершены, так и не появилось «общего, связывающего их в <...> стройную систему начала»⁵⁴.

Эти весьма абстрактные и туманные рассуждения публициста свидетельствуют, по нашему мнению, о том, что подспудно, возможно, на уровне интуиции, он воспринимал происходившие процессы социального расслоения и пытался найти выход из сложившейся ситуации. Но в 90-е гг. XIX в. ему удалось зафиксировать лишь бесчисленное множество печальных фактов на страницах своих статей и записных книжек.

Не случайным кажется и то обстоятельство, что в эти же годы Меньшиков обращался к проблеме самоубийства. Самоубийцы, писал публицист, «никого горячо не любили <...>, и в этой тесноте собственного существа человек психически как бы задыхался. Приходилось жить для себя только, в четырех стенах своего сердца, а это казалось тюрьмой, перед ужасом которой дух пасует. Ужасно возмутительно запереться в самом себе и только для себя. Ведь на самом деле природа наша шире нашей видимой индивидуальности. Я – не только то, что заключается в оболочке моего тела, но все, что я чувствую вне себя»⁵⁵.

В этих строках вольно или невольно Меньшиков затрагивал проблему, которая станет одной из главных тем философии XX в. – проблему отчужденности человека от человека – его одиночества. Изучая историю изгнания Адама и Евы из рая, Э. Фромм писал: «Так какой же грех они совершили? Они увидели друг друга как разделенные, изолированные, эгоистичные человеческие существа, которые не могут преодолеть свою разъединенность даже в акте любви. Этот грех коренится в самом нашем человеческом существо-

вании. Лишенные изначальной гармонии с природой – столь характерной для животных, жизнь которых определяется врожденными инстинктами, – наделенные разумом и самосознанием, мы не можем не чувствовать свою крайнюю отчужденность от любого другого человеческого существа. В католической теологии такое состояние существования в полном разъединении и отчуждении, не преодолеваемом и в любви, определяется как “ад”»⁵⁶.

Меньшиков, по видимому, отчаянно пытался избежать этого «ада». Однако стремительное развитие научно-технического прогресса, рост городов, маргинализация, люмпенизация и пауперизация крестьянства подрывали веру публициста в возможность обрести столь желанный идеал. Крестьянство уже не могло служить тем фундаментом, на котором будет выстроено гармоничное общество – общество человеческого единения, а не отчужденности. И в этой ситуации на смену «народу» приходила «нация» – не менее фантомное образование, но не успевшее еще дискредитировать себя в теоретическом плане.

Немаловажную роль в подобных процессах эволюции мировоззрения Меньшикова (и, как мы предполагаем, идеологии народничества в целом) играли и ментальные схемы интеллигенции. Не секрет, что на протяжении всей истории человечества интеллектуальные элиты (будь то первобытные жрецы, средневековое духовенство или интеллигенция нового времени) были чрезвычайно далеки от основной массы населения. Не была исключением и Россия. Однако в отечественной истории социально-экономическая и политическая оторванность от народа усугублялась тем культурным расколом, который был порожден эпохой петровских преобразований. В известном смысле народничество можно рассматривать как своеобразную реакцию интеллектуальной элиты (интеллигенции) на существовавшее положение вещей, а знаменитое «хождение в народ» как отчаянную попытку преодолеть отчужденность и восстановить утраченное единение с народом.

Не случайными в этом контексте кажутся мысли Меньшикова об общественной роли и национальном составе российской интеллигенции. Публицист неоднократно говорил о тяжелых социально-экономических и политических последствиях для народа деятельности привилегированных классов (к числу которых он относил интеллигенцию). Но Меньшиков называл отечественную интеллигенцию «наименее народной» еще и потому, что она «заимствовала свое образование не из родной (пока бесплодной) почвы», а «на Западе»⁵⁷.

Отрицая обвинения в национальной нетерпимости, он утверждал, что русский народ «страдал скорее обратным недугом: излишеством благоговения пред чужой культурой и склонностью не считать собственную духовную личность ни во что»⁵⁸. Доказывая свою точку зрения, Меньшиков писал, что «под предлогом поучиться у иностранцев мы приняли в состав своей интеллигенции невиданный ни в какой стране процент их»⁵⁹, а в другом документе добавлял: «Если народ у нас довольно однороден, то интеллигенция чрезвычайно изобилует инородческими примесями»⁶⁰.

При этом публицист не случайно называл российскую почву «бесплодной» с точки зрения образования. «Культура, – по мнению Меньшикова, – не могла сложиться прежде, чем не сложилась нация, а наша нация еще и до сих пор не сложилась в окончательном, расовом ее виде». Учитывая то обстоятельство, что Россия, по словам публициста, «всегда была больше, нежели государством или страной» и «представляла [собой] целый мир племен, государств и стран, до сих пор не переварившихся в достаточной степени», ответственность за формирование национальной культуры могла быть возложена лишь на интеллигенцию⁶¹. Но последняя оказывалась неспособной решить стоявшую перед ней задачу, поскольку была слишком далека от народа.

Отчаянные и, по-видимому, бесплодные попытки Меньшикова решить эту проблему нашли любопытное воплощение на страницах одного из его ранних дневников: «Чего достигать интеллигенции? Интеллигенция делает историю <...>, народ ее делает <...> через интеллигенцию. Пусть от народа, но лишь бы интеллигенция что-нибудь проявляла – раз проявляет все равно – из народа ли идет действие или из его верхних слоев. И что бы мы ни задумали, что бы ни сделали – нечего смущаться и оглядываться на народ: мы не инородцы, мы русские не менее чем народ, мы не менее народ, чем сам народ»⁶². Этот на первый взгляд невнятный и чрезвычайно сумбурный текст прекрасно отражает эмоциональное состояние Меньшикова, пытавшегося решить одну из сложнейших проблем отечественных истории, привлекавшую внимание самых известных и авторитетных российской мыслителей XIX и XX вв.

На фоне тотальной неспособности интеллигенции создать национальную культуру вполне естественной и оправданной выглядит позиция, которую занимал публицист в отношении инородческого вопроса. «Движение против инородцев, – писал Меньшиков, – есть

признак не варварства, а напротив – начинающейся народной культуры, просыпающегося народного самосознания, определения своей духовной личности»⁶³. «Мы, русские, тоже начинаем сознать себя как национальность – вот простая и естественная причина перемены наших отношений к притязаниям иностранцев»⁶⁴.

Таким образом, появление национального мотива в творчестве Меньшикова кажется неслучайным. Народнический дискурс на протяжении многих лет был попыткой части интеллектуальной элиты структурировать окружающую действительность, осмыслить ее, найти в ней свое место. Отталкиваясь от исторических реалий середины XIX в., основоположники теории оперировали такими категориями, как «народ» (первоначально тождественный крестьянству), что казалось вполне оправданным. Со временем подобные термины превращались в своего рода артефакты, не вызывавшие серьезных возражений в силу привычки, традиции или по каким-то иным причинам. Однако глубинные трансформации социального универсума и его усложнение требовали существенных изменений не только в содержании доктрины, но и в системе координат. Одним из способов решить стоявшие задачи был отказ от образа «народа» как важнейшей категории учения и переход к пониманию нации как основного субъекта исторического процесса и в то же время главного объекта теории.

¹ См. например: *Смолин М. Б.* Очерки имперского пути. Известные русские консерваторы второй половины XIX – первой половины XX века. М., 2000; *Шлемин П. И.* Авторитаризм и либерализм в России (Русская идея М. О. Меньшикова) // *Политическая наука в России (История, современность, модели будущего)*. М., 1994; *Он же.* М. О. Меньшиков о национально-территориальном переустройстве России (1911–1912 гг. в публицистике М. О. Меньшикова) // Там же; *Он же.* Национальные отношения и права человека в России (Диалоги с М. О. Меньшиковым. 1906–1908) // *Россия и современный мир*. М., 1995. № 1; *Он же.* «Политический писатель» М. О. Меньшиков // *Политическая наука*. М., 1996.

² *Репников А. В.* Консервативные концепции переустройства России / Фед. арх. агентство. Рос. гос. архив соц.-полит. истории. М., 2007; *Он же.* М. О. Меньшиков о рабочем вопросе // *Рабочий класс и рабочее движение в России: история и современность*. М., 2002. С. 179–186; *Он же.* М. О. Меньшиков – возвращенное имя // *Международный сборник научных трудов 1999*. М.; Смоленск; Луганск, 1999. С. 149–152; *Он же.* М. О. Меньшиков в 1917 году: анализ статей, опубликованных в «Новом времени» // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды*. Сб. науч. ст. СПб., 2010. С. 94–101.

³ Санькова С. М. Лев Толстой и Михаил Меншиков // Образование и общество. 2001. № 5. С. 35–38; Она же. Михаил Осипович Меншиков – забытое имя в русской философии начала XX в. // Духовная культура России. Орел, 2003. С. 123–129; Она же. Русская партия в России: Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел, 2006; Она же. Два лица «Нового времени». А. С. Суворин и М. О. Меншиков в зеркале историографии. Орел, 2011.

⁴ Шлемин П. И. М. О. Меншиков: мысли о России. М., 1997

⁵ Упоминания имени Меншикова вызывали у Ленина следующие выражения: «лакей самодержавия», «верный сторожевой пес царской черной сотни», выразитель точки зрения «правительства и дворянства», «писака черносотенного царского правительства». См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 11. С. 378; Т. 20. С. 142, 149, 178.

⁶ Санькова С. М. Два лица «Нового времени». С. 133.

⁷ Репников А. В. М. О. Меншиков – возвращенное имя. С. 149.

⁸ Рейтблат А. «Котел фельетонных обедыков». Случай с М. О. Меншиковым // Неприкосновенный запас. 1999. № 2(4). С. 8.

⁹ Малахов В. С. Скромное обаяние расизма // Знамя. 2000. № 6. С. 178–186.

¹⁰ Следует отметить, что в ранних дневниках Меншикова непосредственно слово «раса» встречается не столь часто. Тем не менее, его тексты изобилуют такими терминами как «порода», «кровь», «племя». Первые два с легкостью могут быть интерпретированы как признаки расизма. – ЦММЛС. Ф. 202. Оп. 1. Д. 50.

¹¹ ЦММЛС. Ф. 202. Оп. 1. Д. 50. Л. 18.

¹² Там же. Д. 29. Л. 9.

¹³ Там же. Д. 10. Л. 1; Д. 23. Л. 7; Д. 26. Л. 39 об.; Д. 28. Л. 39; Д. 50. Л. 8; Д. 51. Л. 8 об.; Д. 54. Л. 5.

¹⁴ Меншиков М. О. Племенной раздор (Письмо из Нью-Йорка) // Неделя. 1894. № 35. Стлб. 1213, 1215.

¹⁵ Меншиков М. О. На очереди. XVIII // Неделя. 1898. № 1. Стлб. 23–27.

¹⁶ Там же. Стлб. 23, 25.

¹⁷ ЦММЛС. Ф. 202. Оп. 1. Д. 37. Л. 33 об.

¹⁸ Там же. Д. 38. Л. 49.

¹⁹ Там же. Д. 38. Л. 48.

²⁰ Там же. Д. 37. Л. 41.

²¹ Там же. Д. 26. Л. 39 об.

²² Там же. Д. 37. Л. 34.

²³ Там же. Д. 37. Л. 41.

²⁴ Там же. Д. 37. Л. 36 об.

²⁵ Текст датируется 15 июня 1901 г. – ЦММЛС. Ф. 202. Оп. 1. Д. 38. Л. 49 об.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Д. 51. Л. 5 об.–6.

²⁸ Там же. Л. 6 об.

²⁹ Там же. Л. 9 об.

³⁰ Там же. Д. 37. Л. 33.

³¹ Там же. Д. 38. Л. 49.

³² М. О. Меньшиков писал: «...обывательская скука есть пресыщение, зависящее от слишком малой вместительности души. Поднять эту вместительность может только продолжительное воспитание породы, подбор ее. Нужно, чтобы народилась раса людей, у которой душевный аппетит был также развит, как у некоторых домашних породистых животных – физический аппетит». – ЦМAMЛС. Ф. 202. Оп. 1. Д. 54. Л. 5.

³³ Там же. Оп. 1. Д. 51. Л. 7.

³⁴ Меньшиков М. О. На очереди. XVIII. Стлб. 25.

³⁵ ЦМAMЛС. Ф. 202. Оп. 1. Д. 20. Л. 9.

³⁶ Меньшиков М. О. Отклики. XIX // Неделя. 1899. № 36. Стлб. 1184–1185.

³⁷ ЦМAMЛС. Ф. 202. Оп. 1. Д. 38. Л. 47 об.

³⁸ Там же. Д. 29. Л. 61.

³⁹ Там же. Д. 51. Л. 29 об.

⁴⁰ Там же. Л. 18.

⁴¹ Leben und leben lassen – жить и давать жить другим (нем.).

⁴² ЦМAMЛС. Ф. 202. Оп. 1. Д. 37. Л. 36–36 об.

⁴³ Подробнее об историографии проблемы см.: Репников А. В. М. О. Меньшиков – возвращенное имя; Санькова С. М. Два лица «Нового времени»; Стукалов П. Б. Павел Иванович Ковалевский и Михаил Осипович Меньшиков как идеологи всероссийского национального союза: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2009.

⁴⁴ Речь идет от трех текстах, обнаруженных на страницах дневников и записных книжек Меньшикова. Первый документ датируется между февралем и маем 1890 г. (датировка осуществлена на основе анализа содержания текстов дневника). – ЦМAMЛС. Ф. 202. Оп. 1. Д. 23. Л. 6 об.–7 об. Второй – между 1890 и 1891 гг. (более точные хронологические рамки установить не удалось). – ЦМAMЛС. Ф. 202. Оп. 1. Д. 25. Л. 28–29. Некоторые сложности вызвал процесс изучения истории создания третьего текста. Архивное дело, в котором он обнаружен, не имеет четкой датировки. Однако анализ других материалов из этого же дневника, речь в которых идет о двадцатипятилетнем юбилее Новороссийского университета, позволяет утверждать, что текст относится к 1889–1890 гг. – ЦМAMЛС. Ф. 202. Оп. 1. Д. 58. Л. 2–4.

⁴⁵ ЦМAMЛС. Ф. 202. Оп. 1. Д. 58. Л. 3; Д. 25. Л. 28 об.–29.

⁴⁶ Там же. Д. 25. Л. 28 об.; Д. 58. Л. 3.

⁴⁷ Там же. Д. 23. Л. 7 об.

⁴⁸ Там же. Д. 58. Л. 3.

⁴⁹ См. напр.: Там же. Д. 51. Л. 3, 3 об.

⁵⁰ Там же. Д. 37. Л. 8 об.

⁵¹ См. напр.: Зверев Н. В. М. О. Меньшиков о русском крестьянстве // Сборник работ студентов – победителей международных, всероссийских и университетских конкурсов, конференций, олимпиад 2007–2008 гг. М., 2008; Он же. «Кому нужна земля» // Диалог цивилизаций: Восток Запад. Глобализация и

мультикультурализм: Россия в современном мире: Материалы VII Межвуз. науч. конф. М., 2007; *Он же*. От народа к нации, от народничества к национализму (к вопросу эволюции общественно политических взглядов М. О. Меньшикова) // История: электронный научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 6(14)

⁵² Ленин В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 393, 289.

⁵³ См., напр.: *Зверев В. В.* Могло ли народничество быть консервативным? (К постановке проблемы) // Задавая вопросы прошлому.... К 75-летию профессора Олега Владимировича Волобуева. М., 2006. С. 69.

⁵⁴ ЦМАМЛС. Ф. 202. Оп. 1. Д. 27. Л. 27 об.–28.

⁵⁵ Там же. Л. 7 об.

⁵⁶ *Фромм Э.* Забытый язык. Иметь или быть? М., 2009. С. 345.

⁵⁷ ЦМАМЛС. Ф. 202. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.

⁵⁸ Там же. Д. 25. Л. 29. Во втором документе, дословно воспроизводящем этот текст, вместо «благоговения» Меньшиков использовал слово «поклонение». – ЦМАМЛС. Ф. 202. Оп. 1. Д. 58. Л. 3.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. Д. 25. Л. 29.

⁶¹ Там же. Д. 58. Л. 4.

⁶² Там же. Д. 20. Л. 59 об.

⁶³ Там же. Д. 58. Л. 3.

⁶⁴ Там же. Д. 23. Л. 7 об.

А. В. Пешехонов – народник «последнего призыва»

Иногда в политике, которая, согласно расхожему мнению (увы, не без оснований!), считается делом аморальным, встречаются личности, словно стоящие в стороне от интриг, хитрости, лукавства, беспринципности, стяжательства и прочих проявлений т.н. макиавеллизма. Они выделяются среди коллег по политическому цеху цельностью натуры (которую, впрочем, недоброжелатели могут называть негибкостью и упрямством), неизменностью убеждений (ее можно расценить как косность), наконец, высокими моральными качествами, которые не поддаются корректировке ни при каких зигзагах исторической конъюнктуры. «Рыцарями без страха и упрека» в политике были, по общему признанию, меньшевик И. Г. Церетели и кадет П. Д. Долгоруков. К их числу, несомненно, принадлежал Алексей Васильевич Пешехонов (1867–1933) – одна из ярчайших фигур российского «неонародничества».

Этот человек, на наш взгляд, особенно емко представлял собою русский тип общественного деятеля. Выходец из российской глубинки, из многодетной семьи сельского священника Тверской губернии, этот типичный «разночинец» своим талантом, энергией, умом, работоспособностью, страстным желанием быть полезным стране и народу добился многого в жизни. Даже те, кто впоследствии стали его идейными оппонентами, признавали незаурядность его натуры, а главное – кристальную честность и исключительную порядочность.

Не получив в юности систематического образования (он был исключен из духовной семинарии по довольно пустяковому поводу), Пешехонов, тем не менее, овладел многими профессиями и знаниями, особенно в сфере экономики. Зная природу и нравы деревни «изнутри» – до 30 лет Алексей Васильевич работал учителем, землемером, статистиком в нескольких губернских земствах – он стал одним из наиболее авторитетных теоретиков-аграрников и защитников интересов русского крестьянства.

Чрезвычайно интересно и разнообразно публицистическое наследие Пешехонова в виде книг, обзоров, статей, воспоминаний. За треть века работы в разных газетах и журналах России и зарубежья им опубликованы сотни материалов. Они являются главным под-

спорьем для изучения общественно-политической деятельности Пешехонова, позволяют проследить и оценить его эволюцию, психологию, моральные принципы – элементы личности, без которых любая историческая фигура будет выглядеть бесплотной и схематичной. Важно также заметить, что многие публицистические материалы Пешехонова носили ярко выраженный полемический характер и, соответственно, вызывали ответную реакцию его соратников и оппонентов, что отражает расстановку сил на тогдашней общественной и политической арене и красочно иллюстрирует витавшую вокруг самого автора атмосферу.

В настоящей статье мы постараемся показать, насколько твердым и убежденным проводником идей эволюционного народничества – направления, сочетавшего в себе элементы социализма и либерализма – был А. В. Пешехонов, как он смог совместить моральные принципы в политике и вне ее в течение всей своей жизни, пришедшейся на эпоху великих потрясений в России.

Формирование мировоззрения А. В. Пешехонова происходило в конце XIX века, в обстановке предреволюционного всплеска общественной энергии. Накопление разнообразного идейного багажа сопровождалось началом массового рабочего движения, студенческими волнениями и прочими общественными факторами, во многом определявшими черты мировосприятия и личности разночинской молодежи того поколения.

«Университетами» Пешехонова стали провинция, деревня. После двух лет учительства в Ковенской губернии, а затем военной службы в Дагестане с 1890-х годов он обосновался в своей родной Тверской губернии, получив работу землемера и статистика у князя Д. И. Шаховского, видного земца-либерала. Земские статистики работали не только с цифрами, но – прежде всего – с живыми людьми, причем в крайне неблагоприятных условиях. «С одной стороны, чрезвычайное напряжение их собственной нервной организации, подавляемой обилием впечатлений и труда, а с другой – взволнованное состояние психики того населения, с которым им приходится иметь дело»¹, – вспоминал А. В. Пешехонов. Самые простые и безобидные переписи производили на забитую крестьянскую массу ужасающее впечатление: они связывались в смутном мужицком сознании с новыми поборами и повинностями, иногда даже с приближающимся концом света. «При таких условиях, – писал Пешехонов, – но при иных людях и при ином

тоне отношений к населению, легко бы могли иметь место факты самой беззастенчивой эксплуатации его, <...> самые острые конфликты с ним, <...> самые ужасные последствия его невежества...»². Несомненно, в ту пору он активно воспринимал народнические идеи, связанные, прежде всего, с переустройством жизни в деревне.

В 1894 г. Пешехонов был арестован по делу партии «Народного права», хотя, при всем сочувствии этой партии, в ней не состоял, и целых пять месяцев просидел в петербургских «Крестах», прежде чем была установлена ошибка и его освободили из одиночной тюрьмы. Таков был первый личный опыт соприкосновения с произволом власти.

Провинциальный период жизни А. В. Пешехонова вынужденно закончился в 1898 г., когда он был уволен из Полтавского земства (подписав письмо о прекращении товарищеских отношений с коллегой, оказавшимся доносчиком) с пожизненным запрещением земской службы. Скромный земский статистик переехал в Петербург и вскоре стал заметной величиной. К тому времени он уже печатался в «Русском богатстве» Н. К. Михайловского, популярнейшем журнале легально-народнического направления, и имел некоторую литературную известность благодаря проблемным статьям «К вопросу о роли “собирателей земли” в русском земледельческом производстве»³ и «Крестьяне и рабочие в их взаимных отношениях»⁴.

В начале 1899 г. Пешехонов принял предложение от Н. Ф. Анненского взять на себя ведение рубрики «Хроника внутренней жизни» в «Русском богатстве»⁵. Одновременно он обретал известность как один из теоретиков народничества, в 1890-х гг. начавшего страстную полемику с марксизмом. И по взглядам, и по самому складу характера Пешехонов не мог остаться в стороне от этой полемики: она затрагивала крестьянство, служению интересам которого он собирался отдать свою общественную энергию. Пешехонов не сомневался, что в России, крестьянской стране, будущее именно за народничеством, – не за старым, наивно-романтическим, идеализировавшим натуральное хозяйство, считавшим крестьянина социалистом по природе и не признававшим необходимости политической борьбы за гражданские свободы, а за обновленным, избавившимся от былых ошибок и увлечений⁶. По его мнению, старых народников справедливо упрекали за идеализацию народа, но он также полагал, что именно эта идеализация сыграла роль в тяге к народу интелли-

генции 1870–1880-х годов. «Мы имели возможность воочию убедиться, – писал Пешехонов позднее, – что между народной правдой <...> и нашей интеллигентской правдой <...> нет антагонизма, что они могут слиться и <...> сольются в одну правду»⁷. Вместе с тем он признавал, что идейная борьба с марксизмом заставила народничество, «разрыхлившееся за годы безвременья, пересмотреть свой идейный багаж, пополнить и обновить его. В этой борьбе оно <...> вновь оформилось и консолидировалось»⁸.

Краеугольным камнем этой полемики был тезис о пролетариате как единственном социалистическом классе. Крестьянство, как и пролетариат, производительный класс, интересовало марксизм, по мнению Пешехонова, «лишь постольку, поскольку в нем происходит процесс дифференциации, т.е. обращения крестьянской массы в пролетариат <...>. Для социалиста все это был совершенно непригодный элемент»⁹.

В своих ранних статьях Пешехонов доказывал несостоятельность столь категоричного зачисления крестьянства в разряд мелкой буржуазии, собственников, неспособных проникнуться передовыми идеями о равенстве и социальной справедливости. Пешехонов рассматривал крестьянство как трудовой класс, составляющий основную часть «трудового народа» (этим понятием очень часто оперировали именно народники) и с этой точки зрения ничем в принципе не отличающийся от пролетариата, а, значит, и идеалы у них «должны быть одни»¹⁰. Таким образом, крестьянство наряду с пролетариатом он относил к социалистическому классу. Более того, по мнению Пешехонова, идея о классово самостоятельной позиции пролетариата в социальной борьбе была «беспочвенной», так как грозила привести к изоляции пролетариата от других общественных слоев, прежде всего от крестьянства. По собственному признанию Пешехонова, в результате «препирательств с марксистами» он стал «сознательным и убежденным народником»¹¹.

В 1902–1903 гг. Пешехонов был связан с ПСР, одновременно входил в «Союз освобождения», стараясь примирить либералов и социалистов (в его собственных политических воззрениях сочетались элементы обеих идеологий), наладил контакты с П. Н. Милюковым, с которым, несмотря на различия в происхождении и взглядах, всю жизнь находился в уважительных отношениях. Почвой, их сближавшей, был конституционализм, к которому, в конечном сче-

те, тяготел и Пешехонов. Он и в дальнейшем старался найти грани соприкосновения народников с либералами, считая, что между ними нет принципиальной противоположности, так как и те и другие движутся в одном направлении «и только доходят до разных точек»¹². Для либеральных идей в России имеется только одна почва – народные массы, – не уставал повторять он, – но в них эти идеи могут укорениться только в виде социализма.

Впрочем, в одной позиции Пешехонов резко разошелся с тогдашними либералами: в отношении к русско-японской войне. Будущий лидер умеренного народничества, в душе государственный, осудил политику правительства, шовинистические настроения общества, в том числе многих «освободителей», считая войну несовместимой с государственными интересами России. Он написал ряд статей, в которых содержалось требование прекратить бессмысленные военные действия и перенести внимание на внутрироссийскую политическую арену.

В 1905 г. под влиянием революции развернулась бурная «партизация» российского общества, и журналисты «Русского богатства» не могли остаться в стороне от этого процесса. Настало время определиться с партийностью. Первоначально, следуя народнической традиции, они ориентировались на партию эсеров, оказывали нелегалам отдельные конспиративные услуги, иногда сотрудничали в эсеровских изданиях. Буквально до последних дней 1905 г. эсеры и народники из «Русского богатства» не теряли надежды объединиться в одну партию.

Рубежным для Пешехонова и его соратников по будущей самостоятельной партии стал 1-й съезд ПСР, открывшийся в конце декабря 1905 года. Приглашенный на съезд от редакции «Русского богатства» вместе с В. А. Мякотинным, Н. Ф. Анненским и П. Ф. Якубовичем, он покинул его из-за несогласия с организационными и тактическими принципами партии. Оценивая опыт 1905 года, Пешехонов пришел к выводу, что главное оружие революции – не револьвер, а идея, а потому необходимо создание открытой социалистической партии, которая могла бы охватить массы своим влиянием. При его активнейшем участии в 1906 г. была создана Народно-социалистическая партия, в программе которой отразились основные политические взгляды Пешехонова: эволюционный социализм, сильное государственное начало при суверенитете личности, нацио-

нализация земли с ее распределением по «трудовой норме». В партии народных социалистов не было формального председателя, жесткого членства, она не смогла (да и не ставила своей задачей) разрастись до уровня массовой; состав ее был преимущественно интеллигентским, у многих энесов (так сокращенно стали называть народных социалистов) была широкая известность в ученых и общественных кругах.

Излагая основные положения программы партии, Пешехонов подчеркивал: «Мы должны будем и останемся государственнымниками»¹³. По форме государство должно быть народным, по своим же внутренним тенденциям – трудовым. Только социалистическое государство, считал Пешехонов, могло вполне обеспечить интересы труда и сплотить всех трудящихся в одно солидарное целое¹⁴.

Переход же к социализму Пешехонов и его соратники по партии мыслили постепенным, эволюционным, без потрясений, достаточно длительным, с рядом последовательно сменяющихся этапов. Об этом заявлял еще на первом съезде эсеров В. А. Мякотин, аргументируя неприемлемость деления программы на «минимум» и «максимум».

Энесы не вписали в свою программу требование демократической республики и вообще постарались обойти вопрос о конкретной форме правления. Пешехонов и его друзья прекрасно понимали, что непонятными словами, за которыми для широких масс кроется неведомый смысл, можно только отпугнуть и отвратить народ, прежде всего крестьянство, от борьбы за свои политические права, за «землю и волю». Приходилось считаться и с консервативно-монархическими, пусть наивными, мужицкими представлениями. Демократическая республика как форма правления в социалистическом государстве, конечно, присутствовала во взглядах Пешехонова, но он считал этот идеал достижимым через неопределенно продолжительное время, когда все население России осознает необходимость этой формы власти и изберет ее посредством Учредительного собрания, добровольно и обдуманно¹⁵.

О желательной форме власти в программе партии говорилось: однопалатный парламент, избранный всеобщим, равным и тайным голосованием, со всей полнотой законодательной власти и ответственным перед ним правительством¹⁶.

Осторожность, поступательность в программе народных социалистов вызвали шквал уничтожающих насмешек со стороны ради-

калов. В. И. Ленин посвятил несколько статей Пешехонову и его партии, полных резких оценок. В одной из них Пешехонов был назван «одним из вождей эсеровских оппортунистов»¹⁷, далее Ленин взывал к своим сторонникам, да и противникам: «Неужели вы не видите, что г. Пешехонов отличается от г. Струве ничуть не больше, чем Бобчинский отличался от Добчинского?»¹⁸. Подытоживая свои политические назидания меньшевикам, Ленин заявлял: «Гг. Пешехоновы – первые ласточки начинающейся общественной реакции в русском крестьянстве <...>. Критикуя трудовых народных социалистов, мы могли бы иногда сказать некоторым с.-д. меньшевикам: <...> басня говорится про тебя, изменено только имя»¹⁹.

В общественной борьбе Пешехонов как социалист признавал роль классовой борьбы, но не ставил ее во главу угла. Как политик Пешехонов, по оценкам современников, отличался толерантностью, моральным ригоризмом, здравым смыслом. Позиция Пешехонова в годы первой русской революции отражала, на наш взгляд, сочетание его либеральных и социалистических идей и предпочтений: приветствуя Манифест 17 октября 1905 г., он также высоко оценил и вооруженное восстание в Москве в декабре 1905 г.; отрицая тактику революционного террора, не осуждал, однако, действий боевиков-эсеров; одобряя бойкот I Государственной думы народными социалистами, активно помогал ее Трудовой группе, стал соавтором ее аграрного проекта.

В 1907–1916 гг., в межреволюционный период Пешехонов занимался преимущественно журналистикой. В эти годы он также развил свои взгляды на аграрный вопрос в связи с земельной реформой П. А. Столыпина. Видя в состоянии деревни основную причину отсталости России, народник считал необходимым изменить правовое положение крестьянства. Ломку общины он назвал «революцией наоборот». Пешехонов выступал сторонником государственного попечительства, защиты крестьянской массы от обнищания, поборником всемерного развития крестьянской кооперации, недооценивая, однако, при этом роль промышленного прогресса. Но отнюдь не только интересы деревни занимали Пешехонова в тот период. Из-под его острого пера выходили многочисленные публицистические материалы самой различной тематики: от критического многостороннего анализа деятельности Государственных дум до проблем духовных поисков русской интеллигенции.

В годы Первой мировой войны Пешехонов выступал с критикой позиций и интернационалистов, и шовинистов, отвергал как надуманное деление войн на справедливые и несправедливые, не приветствовал искусственного разжигания антивоенных настроений.

1917 год для многих отечественных политиков стал «звездным часом», вершиной жизненной судьбы. Революция и крах тысячелетней монархии подарили вчерашним деятелям оппозиции и подполья, либералам и социалистам, уникальный шанс максимально реализовать свои карьерные и партийные амбиции. История, в свою очередь, подвергла суровой проверке их состоятельность и эффективность их политики. Одним из тех, кто, не теряя ни минуты, кинулись в бурлящий водоворот событий «делать историю», был Алексей Васильевич Пешехонов.

В канун Февральской революции 1917 г. Пешехонов участвовал в межпартийных информационных совещаниях в Петрограде. В дни революции он был назначен комиссаром Петроградской стороны, избирался в Исполком Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, входил в его делегацию для переговоров с членами Временного правительства о создании коалиционного кабинета. Пешехонов ясно сознавал, об этом он писал позже, что, войдя в Совет, он переходит роковую черту, и в случае подавления восстания виселица будет неизбежна. Но колебаний у него не было: сработал тот нравственный императив, который не позволял ему как гражданину уклониться от своего долга даже в случае смертельной опасности. В нем равно не было ни жажды власти, ни ее боязни. Как социалист, он был убежден, что революция резко расширит влияние и возможности социалистических партий, распространив их на государственную власть. Вместе с тем он понимал, что в новых условиях от социалистов потребуются несравненно большая ответственность, энергия, готовность идти на непопулярные шаги и решения. Это не обескураживало Пешехонова, и он без раздумий из публициста и теоретика сделался публичным политиком и практиком.

В мае 1917 Пешехонов возглавил Министерство продовольствия Временного правительства, пробыв на этом посту три месяца (в тех обстоятельствах срок немалый). «Пешехонов был чрезвычайно одаренный, пользовавшийся всеобщим уважением народнический деятель»²⁰, — отзывались о нем эсеры, представители Всероссийского крестьянского съезда и члены Петроградского Совета. Вот как ком-

ментировал это назначение резкий и прямой П. Н. Милюков: «А. В. Пешехонов, интеллигент, мой старый друг, человек с талантом, знаниями и темпераментом <...> мог только украсить место своим сотрудничеством»²¹. Своими задачами как министра он видел регулирование экономики, контроль за ценами, сохранение хлебной монополии и твердых цен на хлеб. Министр-социалист старался неуклонно проводить намеченную им линию в предельно трудных условиях разоренной страны, ропота населения, дефицита авторитета власти и отсутствия согласия внутри самой власти. После того как 27 августа Временное правительство, вопреки позиции Пешехонова, удвоило цены на хлеб, он вышел в отставку. Что же до личной репутации Пешехонова, то она, пожалуй, только выиграла. Об этом свидетельствует тот факт, что через два дня после отставки к Пешехонову домой приехал Керенский с просьбой вернуться в правительство, но встретил твердый отказ. По-видимому, измена делу проведения хлебной монополии подорвала веру Пешехонова в силу и действительность этой власти.

«Громадный ум, честный ум, ум, всегда доделывающий до конца логическую работу, побуждает А. В. не размениваться на мелочи, а брать большие вопросы и подходить к ним с какой-нибудь новой стороны, – вспоминал о Пешехонове симпатизировавший ему Д. А. Лухтин. – Вероятно, из Пешехонова вышел бы первоклассный ученый, если бы не отврат к теории <...> и не жгучая потребность разрешения практических вопросов русской действительности»²². Его профессионализм высоко оценил Л. Д. Троцкий, который с трибуны Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (июнь) признал, что с деловой стороны не может быть лучшего министра, чем Пешехонов, и «если бы Временное правительство состояло из двенадцати Пешехоновых, то большевики не вели бы с ним борьбы»²³.

Впрочем, ради объективности приведем звучащую диссонансом характеристику Пешехонова философом и писателем В. В. Розановым, который часто полемизировал с ним и относился к нему с видимым снисхождением: «У Пешехонова какой ум? Столоначальник, а не министр. Конечно, это не отнимает у него всех качеств человека <...>. Пиши, писарь, – тебе не водить полки, но ты не украдешь и не дашь никому украсть»²⁴.

Помимо государственной должности, у Пешехонова было множество иных забот и занятий в 1917 году. Народный социалист уча-

ствовал в работе Государственного совещания в Москве в августе, Демократического совещания в Петрограде, выступая на котором 16 сентября, отверг обвинения в адрес кадетов в организации Корниловского мятежа, доказывал необходимость коалиции либералов и социалистов, обвинив в ее срыве «революционную демократию», противопоставившую классовые интересы государственным.

Весной-летом 1917 г. Пешехонов принимал активное участие в организационных делах партии энесов, в разработке вопросов ее стратегии и тактики. Вместе со своими единомышленниками и давними соратниками В. А. Мякотиным, А. Б. Петрищевым, С. Я. Елпатьевским, С. П. Мельгуновым он входил в состав восстановленного в первых числах марта Организационного комитета партии, принимал принципиальные решения о демократической республике (прежде энесы допускали парламентскую монархию), об отношении к войне (в духе «революционного оборончества»). Что касается Советов, энесы считали их сугубо общественными организациями, неспособными взять на себя властные полномочия. 22 июня 1917 г. произошло долгожданное событие в правонароднической среде – объединение энесов с трудовиками, которое планировалось с самого 1906 г. и все никак не могло состояться. Наконец, была образована Трудовая народно-социалистическая партия, целью которой провозглашался эволюционный социализм. Центральным вопросом в программе партии был аграрный. Генеральной линией объявлялась национализация земли – идея, которую Пешехонов много лет отстаивал в споре с эсеровскими защитниками социализации земли.

Пешехонов участвовал и в работе Временного совета республики – Предпарламента (кстати, такое название впервые предложили именно народные социалисты), открывшегося 7 октября. Он был избран товарищем председателя этого форума. Речь Пешехонова, произнесенная в Предпарламенте 23 октября, была посвящена вопросам российской внешней политики. Экс-министр высказался в поддержку внешнеполитического курса Временного правительства: «Россия должна напрячь все силы для обороны. Несмотря на нашу временную слабость, надо надеяться, что у нас хватит сил для защиты чести, достоинства и неприкосновенности России»²⁵.

Позицию Пешехонова по отношению к Октябрьскому перевороту можно выразить кратко и определенно: «встретил враждебно». Мемуарист Н. Н. Суханов упоминает, что вместе с Н. Д. Авксентьевым и

В. Д. Набоковым от президиума Предпарламента Пешехонов посетил 26 октября британского посла Джорджа Бьюкенена с извинениями за случившуюся «неприятность»²⁶.

Пешехонов был в самой гуще петроградских событий конца октября – начала ноября 1917 года. Он входил в состав «Комитета спасения Родины и революции», пытавшегося сплотить антибольшевистские силы для организации отпора «узурпаторам власти» всеми доступными средствами, вплоть до вооруженных действий, а затем и в состав «Союза защиты Учредительного собрания».

От руководства Трудовой народно-социалистической партии новая обстановка потребовала четких директив и оценки текущего политического момента. ЦК ТНСП протестовал против ареста большевиками министров Временного правительства, не принадлежащих к соцпартиям, и постановил не вступать ни в какие переговоры с захватчиками власти, пока всем министрам не будет возвращена свобода. Пешехонов, как лидер ТНСП, активно участвовал в разных антибольшевистских акциях, имел, по свидетельству прессы, ораторский успех на митингах и собраниях. На одном из митингов, организованном писательской общественностью, он заявил, что наладить государственную власть в стране можно двумя путями: либо оружием, либо словом. Весь народ нельзя подкупить, но его можно обмануть, и большевики широко использовали это средство для укрепления своих властных позиций. Разоблачить обман могла бы свободная печать, и во избежание разоблачения большевики повели с нею борьбу. Говоря о средствах, допустимых в борьбе с узурпаторами, Пешехонов подчеркнул: «Я как литератор признаю лишь одно оружие борьбы – слово. Но по отношению к лицам, засевшим в Смольном, думаю, что тут без оружия не обойдется, ибо этих лиц словом не прошибешь. Для них, как и для насильников царского режима, требуются более сильные средства и меры»²⁷.

Действительно, большевики развернули кампанию по свертыванию свободы печати, слова с первых дней своей власти. Преследовались и народно-социалистические издания. Они выходили теперь в основном в Москве, и Пешехонов, курировавший их, проводил теперь большую часть времени в разъездах²⁸. Оппозиционные газеты и журналы конфисковывались, запрещались, вынуждены были выходить под другими названиями. Это коснулось и «Русского богатства», формально беспартийного, но для всех ассоциировавшегося с

народными социалистами – журнал стал выходить все реже, раз в два-три месяца, пока в августе 1918 г. не был закрыт вовсе.

Серьезные политические надежды энесы, как и другие умеренные социалисты, связывали с выборами в Учредительное собрание и деятельно к ним готовились. А. В. Пешехонов вошел в число тридцати «обязательных» кандидатов ЦК ТНСП и был выдвинут в пяти избирательных округах (Воронежском, Донском, Петрограде, Симбирском и Тамбовском)²⁹. Правда, ни в одном из них он избран не был. На выборах за народных социалистов голосовали преимущественно горожане, интеллигенция, кооператоры – всего по России набралось 0,8 % голосов.

Не будет преувеличением сказать, что для Пешехонова самым горьким разочарованием 1917 года стало Учредительное собрание, и не по причине личной неудачи. Он весьма скептически оценивал избирательную кампанию, полную безответственной демагогии и популизма. Невысоко ставил он и саму избирательную систему, при которой «массе избирателей, не усвоившей еще толком политической арифметики, было предложено выразить свою мысль и волю в алгебраической формуле»³⁰.

Крайне щепетильный в вопросах чести, Пешехонов не разделял политику и нравственность. Учредительное собрание не было для него панацеей, но и политиканство вокруг него ему претило. Очень характерна его резкая отповедь своим политическим союзникам – эсерам, помещенная в газете «Народное слово». Как известно, партия эсеров, расколовшись на враждующие между собой течения, выдвинула единые списки кандидатов. Анализируя эсеровский список по Петрограду, Пешехонов вопрошал: за кем же пойдут избиратели? Они, идя к урнам, не смогут указать, за кого именно подают свои голоса – за тех, кто помогает большевикам или за их непримиримых противников. Подчеркивая моральную и политическую недопустимость такого объединения, Пешехонов видел для эсеров единственно достойный выход: там, где в списках значатся и правые и левые, партия должна устраниваться от выборов и не звать граждан к двурушничеству. «Партийная драма не должна служить источником политической деморализации народа»³¹.

Правота Пешехонова и его опасения вскоре подтвердились. Когда Учредительное собрание, наконец, открылось, оно оказалось далеко не полным по своему составу. Главным же его изъяном Пеше-

хонов считал отсутствие воли к власти и чувства ответственности перед народом. Бессилие Учредительного собрания проявилось в том, что им не было сделано ни единой попытки противопоставить себя захватчикам государственной власти: ни при его разгоне, ни потом, в течение долгих месяцев.

Весьма неодобрительно оценивал Пешехонов и поведение Чернова в качестве председателя Учредительного собрания. Симпатии между двумя народническими лидерами не было и прежде, а в 1917 г. взаимные трения обострились, в немалой степени потому, что Пешехонов претендовал на пост министра земледелия, наотрез отказавшись быть заместителем при Чернове. Жене Пешехонова не раз приходилось слышать от него, сколько неприятных диссонансов вносит «селянский министр» в трудную работу социалистов во Временном правительстве³². После 1917 г. встречи Пешехонова с Черновым носили случайный характер, и, по словам А. Ф. Пешехоновой, «за границей до 27 года А. В. [Пешехонов] относился к Чернову как к совершенно чуждому ему человеку»³³.

Неудачу Учредительного собрания Пешехонов объяснял отсутствием в России и демократических традиций, и самой демократии. Погибла последняя надежда на торжество свободы в новой России и народное волеизъявление. С тем и завершился 1917 год, стоивший в истории России целых десятилетий.

С 1918 г. центр политической жизни страны переместился в Москву. Сюда переехали многие оппозиционные деятели, пытавшиеся вести здесь хоть какую-то легальную деятельность. Переехал в Москву и Пешехонов. Он работал в народно-социалистических изданиях. В августе 1918 г. Пешехонов был арестован (то ли по ошибке, то ли с целью психологического запугивания) и, отсидев около двух недель в советской тюрьме, по заступничеству Демьяна Бедного был выпущен на свободу. «Революционная законность» и прежде не вызвала у него иллюзий, но то, что он увидел в заключении, не шло ни в какое сравнение с царскими тюрьмами, куда, по крайней мере, сажали «за что-то».

Большевики быстро нашли повод для объявления красного террора. После убийства Урицкого, покушения на Ленина легальная деятельность Пешехонова в Москве стала фактически невозможна. Была свернута работа ЦК ТНСП, закрылись все партийные издания. Осенью 1918 г. Пешехонов уехал из Москвы, жил в Екатеринодаре,

Одессе – на территории, подвластной А. И. Деникину, и был представителем Союза Возрождения в деникинской армии, сотрудничал в местных периодических изданиях. Пешехонов был далеко не в восторге от белогвардейского режима на юге России. В то время еще твердый противник большевизма, он отрицал и практику «белого террора», заявляя: «Власть Добрармии нам здесь навязана, принесена на острие штыков, без нее обойдемся, пусть она занимается своим военным делом»³⁴.

Гражданская война принесла Пешехонову и личные трагедии. Погиб в 21 год его единственный сын Борис, служивший адъютантом у генерала Гришина-Алмазова. Его брат, тверской священник, был убит на глазах семьи по нелепому подозрению – у него нашли счет лавочника, однофамильца какого-то бандита³⁵. Пешехонов стоически перенес эти испытания, хотя для него мучительно было зрелище братоубийственной войны, краха государственности. В нем безмерно было возмущение грубым насилием большевиков, но было бы преувеличением сказать, что он активно боролся на противоположной стороне – отойти в сторону ему не позволяли ни его партийность, ни чувство личной ответственности за судьбу страны. Даже сотрудничая с деникинской администрацией, он не стал белогвардейцем.

Все это время в Пешехонове шла непрерывная и напряженная умственная работа. Резко осудив Брестский мир как предательство, Алексей Васильевич уже вскоре подметил, что самую решительную попытку воссоздать российскую государственность предпринимают именно большевики: только среди них есть люди (Ленин, Троцкий), одержимые страстью властвовать. Именно за счет этой властной энергии и за счет демагогии, на чьи посулы так падки темные массы, большевики и оказались наверху, считал Пешехонов. Самая же большая вина за все происшедшее, по Пешехонову, лежала на интеллигенции, которая в критический момент не проявила ни достоинства, ни самоуважения, ни смелости, «поступившись своими правами на водительство русской жизнью», и в итоге «гегемонию умственных сил перехватила сила физическая». Огромное разочарование Пешехонова было связано с народом, который готов был принять без раздумий все, что навяжут ему большевики.

Когда в январе 1920 г. рухнул деникинский режим, Алексей Васильевич твердо решил остаться на родине, так как не мыслил себя эмигрантом. Что оставалось делать? Партийная деятельность запре-

щена, небольшевистские издания все до одного закрыты, многие соратники покинули страну, а над теми, кто все-таки отважился остаться, нависла угроза расправы. Так, в августе 1920 г. по делу «Тактического центра» были осуждены товарищи Пешехонова С. П. Мельгунов и В. А. Мякотин. Приговоры были вынесены очень суровые, и, вероятно, только вмешательство В. Г. Короленко спасло неукротимым народникам жизнь. Их выслали за границу. Для Мельгунова или Мякотина эмиграция в тот момент не была страшной трагедией, поскольку они верили в свою полезность России даже на чужбине и в возможность скорого триумфального возвращения на родину.

Иное дело – Пешехонов. Жизнь вне России была для него равносильна гражданской, а значит, почти физической смерти. Он не сомневался, что самые малые и незаметные дела здесь, на родине, при большевиках, будут значительнее и полезнее, чем грандиозные проекты освобождения России и сохранения русской культуры, которыми заочно занимается эмиграция.

Пешехоновы поселились в Харькове. Алексей Васильевич стал совслужащим – работал статистиком в кооперации. Он полностью отошел от политики и воздерживался от всяких политических акций. Однако в бесчисленных анкетах в графе «партийность» неизменно писал: «принадлежу к народно-социалистической партии, состою членом ее Ц. К.»³⁶, несмотря на то, что почти все, кроме, естественно, коммунистов, превратились в «беспартийных». Однако политика сама настигла его. Он протестовал против огромного продналога на Украину и вывоза оттуда хлеба в помощь Поволжью (на Украине в 1921 г. был такой же голод). Это явилось долгожданным поводом для большевиков избавиться от строптивого экс-министра «буржуазного правительства». По словам Ленина, Пешехонов, «хуже всякого белогвардейца», «водил за нос украинский Цека»³⁷.

В июле 1922 г. Пешехонов был вызван в Москву якобы для нового, высокого назначения, был арестован и в сентябре выслан из России. Последовали долгие годы эмиграции, тоска по родине, которая во многом обусловила изменение отношения Пешехонова к большевикам, полный идейный разрыв с бывшими единомышленниками. Задыхаясь в обстановке чужой культуры и чужой свободы, Пешехонов стал основателем движения «возвращенства», призывая к возвращению в Советскую Россию на любых условиях и стараясь убедить себя и других, каких успехов достигает страна при новой

власти. Среди эмигрантов он считался одним из самых левых. Некоторые из журналистов обвиняли Пешехонова в том, что за 30 серебряников он продал Родину «жидо-масонскому» Интернационалу. Его клеймили за «капитулянтство» перед большевиками, и он готов был с этими нападкаmi согласиться, лишь бы это открыло ему дорогу на родину. Старые друзья продолжали ценить и уважать его как человека, но идейное отчуждение не могло не сказаться на товарищеской близости: она исчезла навсегда. Пешехонов с горькой иронией говорил, что он воссоздал единый фронт русской эмиграции, которая ополчилась против него.

Начиная с 1925 г. Пешехонов неоднократно подавал заявления в советские полпредства с просьбой разрешить ему вернуться на родину. Однако большевики не спешили позволить ему это: Пешехонов пока им был нужен там, за границей, как смутьян в антибольшевистской среде. Лишь в 1927 г. он был приглашен на работу в Рижское полпредство. Он вновь получил российское гражданство и мог работать для России, хотя и за ее пределами. Старый народник до последнего своего дня ждал, что с него снимут политическую эпителию, и тогда состоится его настоящее возвращение в Россию. Но в Россию он вернуться так и не успел, и в апреле 1933 г. умер в Риге от рака легких.

Со смертью Алексея Васильевича Пешехонова ему были прощены выступления, которые вызывали неприятие в близких ему кругах. Даже его политическими оппонентами было признано, что огромная жертва, принесенная Пешехоновым во имя родины, обязывает всех «с чувством особого уважения преклониться перед этой личностью»³⁸.

В целом общественно-политическая биография А. В. Пешехонова во многих отношениях кажется весьма поучительной. Идея народнического социализма, даже в смягченной, либерально-государственной трактовке, которую последовательно в течение своей жизни отстаивал Пешехонов, не осуществилась не столько потому, что в какой-то момент ее поборникам не хватило воли и целеустремленности для ее реализации, сколько из-за утопизма и неопределенности самой формулы «все для народа, все через народ». Потерпела неудачу и установка об опоре на народ: именно его нетерпение, а не козни большевиков, стало главным препятствием, срывавшим задуманные Временным правительством и самим Пеше-

хоновым меры стабилизации экономики и решения аграрного вопроса в стране. Социализм же в понимании Пешехонова был наполнен глубоким этическим смыслом, базировался не на отвлеченных социальных идеалах, а на учете насущных конкретных нужд простого человека, на четких нравственных критериях общественного прогресса. Пешехонова можно назвать, используя позднейшую терминологию, одним из провозвестников социализма «с человеческим лицом», и при этом стоит иметь в виду, что современное понимание такого общества предполагает переход к сообществу правовому, с высокоразвитыми социальными институтами, самоуправлением и прочими демократическими атрибутами, включая частную собственность. Хотя Пешехонов и был против буржуазного развития России, он не был узким доктринером, и потому вполне естественно предполагать эволюцию самого эволюционного социалиста под неумолимым влиянием жизненных реалий.

Другой вывод может быть подсказан личной судьбой А. В. Пешехонова как одного из ярких представителей российской интеллектуальной элиты, воплощавшего в себе законченный тип русского «почвенного» интеллигента, незримыми узами связанного с народом. В ней преломилась глубоко драматическая участь всей демократической интеллигенции России, страстно сочувствовавшей и содействовавшей революции как делу освобождения России от деспотизма власти и азиатской отсталости страны и почти целиком сгинувшей в жерновах этой революции.

¹ Пешехонов А. В. Кризис в земской статистике // Русское богатство. 1901. № 12. С. 175.

² Там же. С. 179.

³ Русское богатство. 1897. № 7.

⁴ Русское богатство. 1897. № 8–9.

⁵ Протасова О. Л. А. В. Пешехонов. Человек и эпоха. М., 2004. С. 18.

⁶ См.: Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994. С. 150.

⁷ Пешехонов А. В. На свежую могилу старого народника // Русское богатство. 1911. № 12. С. 190.

⁸ Цит. по: Политическая история России в партиях и лицах. С. 150.

⁹ Пешехонов А. В. Народный социализм или пролетарский? // Русское богатство. 1912. № 12. С. 289.

¹⁰ Цит. по: Протасова О. Л. А. В. Пешехонов. Человек и эпоха. С. 21.

¹¹ Пешехонов А. В. Народный социализм или пролетарский? С. 289.

¹² Цит. по: Ерофеев Н. Д. Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979. С. 49.

- ¹³ *Пешехонов А. В.* Программные вопросы. Вып. 1. Пг., 1917. С. 17.
- ¹⁴ Там же. С. 19.
- ¹⁵ См.: Политическая история России в партиях и лицах. С. 84; *Федоренко А. А.* Государство в представлениях народных социалистов // Политические партии: История и современность. Орел, 1994. С. 129.
- ¹⁶ См.: Программы политических партий России. М., 1995. С. 211.
- ¹⁷ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 13. С. 399.
- ¹⁸ Там же. С. 403.
- ¹⁹ Там же. С. 403–404.
- ²⁰ *Церетели И. Г.* Воспоминания о Февральской революции. Кн. 1–2. Париж, 1963. С. 158.
- ²¹ *Милюков П. Н.* Воспоминания государственного деятеля. Нью-Йорк, 1982. С. 375.
- ²² *Лутохин Д. А.* Зарубежные пастыри // Минувшее. М., 1997. Т. 22. С. 181.
- ²³ Цит. по: *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Т. 2. Кн. 4. М., 1992. С. 263.
- ²⁴ *Розанов В. В.* Уединенное. М., 1991. С. 17.
- ²⁵ День. 1917. 24 октября.
- ²⁶ См.: *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. 3. Кн. 7. М., 1992. С. 347.
- ²⁷ Неумолчное слово. 1917. 29 ноября.
- ²⁸ ОР РГБ. Ф. 225. К. 1. Д. 64. Л. 18.
- ²⁹ См.: Народный социалист. 1917. 15 октября.
- ³⁰ *Пешехонов А. В.* Провалилось ли народовластие в России? // Русское богатство. 1918. № 1–3. С. 319.
- ³¹ Народная мысль. Шадринск, 1917. 20 ноября.
- ³² ОР РГБ. Ф. 225. К. 1. Д. 65. Л. 42.
- ³³ Там же. Л. 43.
- ³⁴ *Маргулиес М. С.* Год интервенции // Летопись революции. 1923. № 11. Кн. 1. С. 168.
- ³⁵ *Лутохин Д. А.* Указ. соч. С. 82.
- ³⁶ *Пешехонов А. В.* Почему я не эмигрировал? Берлин, 1923. С. 21.
- ³⁷ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 52. С. 62.
- ³⁸ Последние новости. Париж, 1933. 15 апреля.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСРСОА	– Архивная служба Республики Северная Осетия-Алания
ВГУ	– Воронежский государственный университет
ГА РФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАСК	– Государственный архив Ставропольского края
ГАКО	– Государственный архив Курской области
ГАТО	– Государственный архив Тамбовской области
МВД	– Министерство внутренних дел
МГУ	– Московский государственный университет
МПГУ	– Московский педагогический государственный университет
НАРК	– Национальный архив Республики Карелия
ОГЖУ	– Олонецкое губернское жандармское управление
ОР РГБ	– Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ	– Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПСР	– Партия социалистов-революционеров
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РУДН	– Российский университет дружбы народов
СГКУНБ	– Ставропольская государственная краевая универсальная научная библиотека
СГУ	– Ставропольский государственный университет
СКФУ	– Северо-Кавказский федеральный университет
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
ТНСП	– Трудовая народно-социалистическая партия
ЦИАМ	– Центральный исторический архив г. Москвы
ЦМАМЛС	– Центральный московский архив-музей личных собраний

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамов В. А. 49
Абрамов Д. В. 49
Абрамов Я. В. 3, 6, 7, 12, 16, 38–49, 72, 73, 83, 89, 90, 98–100, 126, 186, 193, 196, 198, 199–216
Абрамова К. П. 49
Абрамова М. В. 49
Авксентьев Н. Д. 260
Агаркова М. В. 47
Азаркин Н. М. 25
Аксельрод П. Б. 104, 124
Александр, священник 163
Александр II 82, 104, 186, 211, 219, 220
Александр III 75, 98, 197
Алексеева Г. Д. 28, 36, 62, 138
Алехин А. В. 171
Алчевская Х. Д. 216
Андреев 168
Андреев Л. Н. 140
Анисимов В. И. 62, 171
Анненский Н. Ф. 14, 62, 77, 87, 92–96, 99–101, 253, 255
Аноприева Г. С. 53, 64, 172, 174
Антонов В. Ф. 19, 25
Афанасьев А. Н. 156
Ахмадулин Е. В. 48
- Бажанов К. В. 159
Бакунин М. А. 103
Балагуров Я. А. 233
Балуев Б. П. 13–16, 19–21, 24, 25, 28, 29, 36, 85, 99, 138, 139, 185, 197
Бальмонт К. Д. 199
Барсов К. А. 71, 82
Баташов В. 158
Бах 232
Бедный Д. 263
Беликов Г. А. 48
Белл Р. 199
Белоконский И. П. 81, 84, 233
Берви-Флеровский В. В. 7, 127, 270
- Бердяев Н. А. 122, 139
Благовещенский Н. А. 171
Блеклов С. М. 76, 83
Блохин В. В. 3, 17, 21, 26, 27, 29, 30, 34–37, 83, 138
Богданович А. 129, 234
Богораз-Тан В. Г. 7, 62
Боровецкий И. Ф. 171
Бошно 232
Брокгауз Ф. А. 213, 232
Бронская Л. И. 42
Брусиловский И. 139
Брюллова-Шаскольская Н. В. 60
Брюхатов Л. Д. 77, 84
Булдаков В. П. 53, 63, 151, 152
Бунаков А. Н. 171
Бунин И. А. 153, 158
Бурлак В. П. 138
Буянов Н. В. 171
Быкова Н. 47
Бьюкенен Д. 261
- В. В.** – см. Воронцов В. П.
Васильев В. В. 25
Васильева Т. А. 26, 83
Венгеров С. А. 202, 214
Вернер И. А. 77, 78, 81, 83, 84
Вершинин 219
Веселовский Б. Б. 71, 83
Виленская Э. С. 12
Владимир I 239
Волк-Карачевский В. В. 62
Волков С. И. 155
Волобуев О. В. 62, 250
Волобуев П. В. 53, 63
Володин А. И. 102, 118
Воровский В. В. 125, 140
Ворожейкин Я. И. 155
Воронцов В. П. 3, 5, 6, 9, 11, 12, 14–16, 19, 23, 25, 31, 72, 99, 103, 107–114, 116–119, 121, 123, 125–127, 132, 133, 137, 139, 140, 180, 181,

184–186, 188–198, 201, 203, 204, 207,
216

Воронцова Е. Е. 48

Вырубов Н. А. 153, 158

Гаазов В. Л. 48

Гак Г. 138

Гарденин Ю. – см. Чернов В. М.

Генкина Э. 138

Герасименко Г. А. 56, 82, 99, 101,
191

Герцен А. И. 9, 26, 31, 68, 104, 106

Гиляровский В. А. 222, 233

Гинев В. Н. 53, 61

Глинка 232

Гобино Ж. А. де 237

Головатенко А. 53, 63

Головачев А. А. 86, 99, 127

Головин К. Ф. 84

Головин Н. К. 168, 171

Головко В. М. 3, 38, 42, 44, 47, 48,
199, 216

Головко С. И. 42

Гольцев П. В. 168, 171

Горбачев Д. Н. 171

Горький А. М. 123–125, 129–131, 139,
140, 213

Грабовский И. К. 165

Гранат, братья 232

Грачев И. Ф. 171

Григорьев Г. Г. 218, 219, 232

Гришин-Алмазов А. Н. 264

Громова Е. Б. 42, 45

Гудилин М. К. 154, 155

Гусев А. В. 56

Гусев К. В. 63

Давыдов А. Р. 155

Даниельсон Н. Ф. 9, 25, 103, 113–
119, 127, 184, 197

Данилов (Ачадов) Ф. А. 84

Данилов В. П. 56

Дейч Л. Г. 104

Демин В. А. 63

Демина (Абрамова) Т. В. 49

Деникин А. И. 264

Деревенский Н. А. 171

Державин Г. Р. 225

Димиденко М. 48

Добронравова-Абрамова Л. В. 47,
82

Долгов Д. К. 153, 158

Долгополов Н. С. 156

Долгоруков П. Д. 251

Долгушин А. В. 69

Дорожкин Н. Г. 138

Дорошевский Ф. А. 171

Драгневич 232

Дронов А. В. 42

Дубинский А. Ю. 232

Дукельский М. П. 171

Егорова Е. Б. 42, 47

Егорова Л. П. 42, 48

Елисеев Г. З. 209

Елпатьевский С. Я. 260

Емельянов Е. В. 25, 66

Емельянов Ю. Н. 51, 56, 57, 62, 65

Ерофеев Н. Д. 14, 21, 24, 26, 53, 61,
62, 64, 172, 174, 267

Есин Б. И. 221, 233

Ефрон И. А. 213, 232

Жвания Д. Д. 3, 25, 85, 99, 175, 213,
216

Жихарев Н. С. 159,

Жмыхова Л. В. 172

Загряцков М. Д. 77, 79, 83, 84

Заичневский П. Г. 218, 219, 221, 222

Зак Л. С. 77, 81, 84

Засодимский П. В. 7

Засулич В. И. 104, 124, 126, 139

Зверев В. В. 3, 13, 15–17, 19, 21,
24–26, 29–31, 36, 37, 41, 47, 55, 85,
99, 102, 138, 185, 197, 198, 212, 214,
216, 250

Зверев Н. В. 4, 26, 234, 249

Звягин С. П. 51, 63
Звягинцев Е. А. 81, 84
Зевелев А. И. 63
Зеленецкий А. А. 164
Зеленин Ю. А. 20, 26
Златовратская Е. Н. 73
Златовратская М. Н. 73
Златовратский Н. Н. 7, 11, 71–73, 83, 181, 182, 185, 201
Зюбенкова М. Г. 169

И. В. – см. Вернер И. А.
Иванов С. А. 220–222, 232, 233
Иванова (Абрамова) М. В. 49
Иванов-Разумник Р. В. 123–125, 139
Игнатов В. Н. 104
Изгоев А. С. 125, 136, 137, 140
Изюмов А. Ф. 57, 65
Иогансон Е. Н. 51, 62
Исаев А. А. 127.
Итенберг Б. С. 102, 118, 119

Кабанов Н. А. 81, 84
Каблиц (Юзов) И. И. 3, 5–7, 11, 12, 14, 16, 17, 21, 23–25, 26, 31, 47, 72, 86–88, 98–100, 103, 123–128, 134–137, 139, 140, 175–187, 196, 201–205, 213, 215, 216
Каблуков Н. А. 84, 113, 115, 116, 119
Кабытова Н. Н. 63
Кавелин К. Д. 200, 203, 212, 213
Каверина Г. Н. 174
Казюринский В. В. 212
Калиновский Я. М. 164, 171
Калужников Н. И. 153, 158
Канаева Т. М. 40, 47
Кант И. 33
Капустин С. Я. 201
Капустина О. В. 139
Карманов А. Ф. 171
Каронин С. 7
Карышев Н. А. 91, 92, 99, 100
Касторнов С. Н. 3, 15, 21, 22, 25, 26, 35, 37, 85, 99

Касьянова Г. 47
Катков М. Н. 136
Каутский К. 132
Кемпинский Э. В. 3, 38, 41, 43, 47, 48, 216
Кирсанов А. К. 171
Кирьянов И. К. 63
Киселев А. Е. 155–157, 159, 161, 171
Киселев И. Н. 52, 63
Ковалевский М. М. 142, 199, 212
Ковалевский П. И. 249
Козбаненко В. А. 63
Кокарева Ю. В. 33, 37
Колесниченко Д. А. 172
Колпаков В. Ф. 171
Колумб Х. 213
Кондоити Г. В. 82
Коноваленко М. П. 172
Коновалова О. В. 34, 37, 63
Корелин А. П. 52, 63
Кормер В. Ф. 139
Короленко В. Г. 7, 35, 92–96, 99–101, 265
Костин А. Ф. 138
Костко К. 138
Красильников В. А. 63
Красовский А. Н. 164
Кржижановский А. 48
Кривенко С. Н. 5, 9, 12, 14–16, 19, 23, 76, 83, 87, 89, 98–100, 184, 201, 203, 206, 207, 209, 216
Кругов А. И. 41
Крюков Ф. Д. 62
Кузнецов Н. И. 81, 84
Куликовский Г. И. 232
Кулыжный А. Е. 171
Куприн А. И. 140
Кутоматов М. Д. 155

Лавров П. Л. 21, 26, 31–33, 35, 37, 82, 103, 130, 188, 189
Лаврский К. В. 201
Лавыгин Б. М. 173, 174
Ладинский С. И. 171

Лалош А. А. 217, 224, 232
 Лебедев Д. Ф. 153, 158
 Леванов Б. В. 63
 Левашов 158
 Левицкий С. А. 121, 138
 Левченко Л. И. 153, 158
 Ленин В. И. 5, 9, 13, 15, 24, 27, 125, 131, 132, 138–140, 142, 144, 234, 243, 248, 250, 257, 263–265, 268
 Леонов М. И. 138
 Леонтьев Я. В. 138
 Лермонтов М. Ю. 40
 Лимар А. Н. 164
 Линев (Далин) Д. А. 76, 83
 Линсцер Г. Ф. 164, 169, 171
 Липатов М. А. 155
 Литвин А. 62
 Лихоносов Д. Г. 171
 Лопатин Г. А. 206, 215
 Лосев И. Т. 154
 Лотман М. Ю. 82
 Лохвицкий П. С. 156
 Лузганов Ф. П. 171
 Лукьянов М. Н. 63
 Луначарский А. В. 124, 125, 129
 Лутохин Д. А. 259, 268
 Лутугин Л. И. 62
 Львов 232

 Макаров Н. П. 171
 Макаров С. А. 171
 Маков Л. С. 219
 Максимов Е. Д. 87–90, 98, 100
 Малахов В. С. 248
 Маргулиес М. С. 268
 Марков А. П. 171
 Марков Д. 138
 Маркс К. 103, 106–110, 113, 114, 117–119, 134, 183, 214
 Мартов Ю. О. 16
 Масэ Ж. 213
 Матвеев С. Г. 168, 171
 Медведев А. В. 63
 Медведев Е. М. 64

Медушевский А. Н. 63
 Меламед Е. И. 232
 Мельгунов С. П. 51, 56, 57, 62, 65, 260, 265
 Мельник Л. 48
 Мельникова А. С. 60, 66
 Меньшиков М. О. 4, 6, 26, 234–242, 244–250
 Меняйленко Ф. С. 155
 Меркулов М. А. 154, 155
 Метелкина О. 47, 49
 Метлин В. И. 171
 Микешин М. И. 82
 Миллер В. И. 62
 Милюков П. Н. 71, 83, 254, 259, 268
 Минин А. Н. 171
 Миронов Б. Н. 82
 Миронов В. С. 154
 Михайловский Н. К. 3, 5, 6–9, 11–17, 22, 23, 25–37, 40, 77, 81, 83, 103, 112, 122, 126, 132, 137–140, 187, 201, 209, 253
 Мишков Д. Т. 171
 Могильнер М. Б. 82, 105
 Мокшин Г. Н. 3, 8, 9, 13, 18, 19, 21, 24, 26, 35–37, 85, 99, 138, 185, 197, 221, 213
 Монько Н. А. 164
 Мопассан Ги де 237
 Морган Л. Г. 199
 Морозов К. Н. 138
 Мосейкина М. Н. 66, 151
 Мушенко И. Н. 155–157
 Мякотин В. А. 7, 14, 51, 62, 77, 87, 88, 92–101, 255, 256, 260, 265

 Набоков В. Д. 261
 Надеждин П. 133
 Назаров В. В. 59, 66, 151
 Назаров Ю. Н. 139
 Наумов С. Н. 159, 168, 171
 Николаев А. А. 81, 84
 Николаевский Б. И. 220, 232
 Николай II 75

Николай-он – см. Даниельсон Н. Ф.
Никонов А. В. 33, 37
Новак С. Я. 41, 43, 47, 48, 85, 99,
213, 215, 216
Новиков А. И. 84
Носков Н. Д. 79, 81, 84

Оболенский Л. Е. 5, 7, 12, 26, 36,
37, 72, 73, 83, 186, 196, 201
Оводов Н. О. 156
Овруцкий Л. 62
Овчинников Ф. Г. 154, 155
Огановский Н. П. 25, 62
Огарев Н. П. 68
Огнев Ф. В. 157
Ойзерман Т. И. 28, 36
Окунев В. Т. 154, 158
Онгирский Б. П. 187, 188, 198
Орловский П. см. Воровский В. В.
Орфанов М. И. 222

Павленков Ф. Ф. 43, 213
Павлов Д. Б. 50, 51, 62, 63
Павлова Н. Г. 3, 120, 213, 215
Пайпс Р. 66
Пантин И. К. 26
Панюков А. А. 64, 172
Парсонс Т. 199
Парфенов О. 49
Пастер Л. 213
Патушинский Г. Б. 51, 63
Пашин В. П. 172
Пашков А. М. 4, 217
Пеньков А. И. 3, 186
Пересыпкина В. 48, 49
Петрищев А. Б. 62, 260
Пешехонов А. В. 4, 6, 7, 14, 25, 35,
37, 51, 62, 77, 78, 80, 81, 83, 84, 92,
97, 99, 101, 171, 251–268
Пешехонов Б. 264
Пешехонова А. Ф. 263
Пешков Н. 49
Плевако М. И. 222

Плеханов Г. В. 13, 21, 24, 26, 104, 105,
119, 123–125, 131, 133, 134, 139, 140
Плотников М. А. 88, 92, 96, 97, 99–
101
Подольский 232
Полнер Л. С. 172
Полонский Л. А. 48, 199, 200, 204,
207, 211–213, 216
Попов А. Г. 164
Попов А. С. 33, 37
Попов И. И. 198
Попов Н. И. 171
Потресов А. Н. 16, 125, 131, 134, 137,
140
Пошлай Л. Е. 171
Праве Г. К. 41
Прасолов Я. Е. 155, 157
Преображенская Е. А. 42
Приклонский С. А. 4, 6, 72, 74, 83,
217–233
Прозрителев Г. Н. 41
Протасов Л. Г. 53, 64, 152, 172
Протасова О. Л. 4, 25, 35, 37, 53, 62,
64, 84, 172, 251, 267
Протопопов М. А. 7
Пругавин А. С. 201
Пругавин В. С. 11, 126, 127, 201, 213
Пугачев Ем. 190
Пустарнаков В. Ф. 102, 118
Пушкарский И. Я. 154
Пшенникова А. А. 33, 37
Пьяных И. Е. 156

Радищев А. Н. 130
Радневич Ф. И. 165
Разгон А. 62
Разин Ст. 190
Разиньков М. Е. 3, 141
Ракитников Н. И. 123, 130, 139, 140
Расков Д. Е. 25, 197
Резанов М. К. 155
Рейман М. 60
Рейтблат А. 235, 248
Репников А. В. 234, 247–249

- Розанов В. В. 259
 Романов Д. З. 155
 Рошток А. И. 84
 Русанов А. И. 156, 157
 Рязанов В. Т. 25
- С. Д. К. 81, 84
 Саввин П. А. 171
 Савенко С. Н. 48
 Сазонов Г. П. 126, 127, 201, 213
 Салтык Г. А. 3, 65, 153, 172, 173
 Салтыков-Щедрин М. Е. 69, 82, 202, 209, 216
 Самарин Ю. Ф. 78
 Санькова С. М. 234, 248, 249
 Сапрыкин Д. И. 164
 Седов М. Г. 12, 19, 24, 26
 Селезнев Ф. А. 26
 Семенова-Флор (Шаскольская) В. Э. 60, 66
 Сергиевский С. 158
 Середа В. 48
 Сиверс Я. Е. 225
 Сильчевский Д. П. 218, 219
 Скрипников П. П. 164
 Смирнов В. Б. 34, 37
 Смолин М. Б. 247
 Соколов А. В. 139
 Соколов Н. Н. 81, 84
 Соколовский Н. В. 168, 171
 Соколовский П. А. 25, 99
 Солженицын А. И. 47
 Соловьев А. К. 219
 Соломка И. Е. 154, 155
 Спенсер Г. 199
 Стеклов Ю. 129
 Стенли Г. М. 213
 Стефенсон Ж. 213
 Столыпин П. А. 257
 Струве П. Б. 122, 125, 132, 139, 140, 176, 185, 202, 213, 214, 257
 Стукалов П. Б. 249
 Суворин С. А. 248
 Судавцов Н. Д. 41, 43, 48
- Сулова Ф. М. 12
 Суханов Н. Н. 260, 268
 Сыпченко А. В. 3, 50, 54, 56–58, 61, 62, 64–66, 138, 151, 152, 172
- Таганцев Н. С. 188, 198
 Тайлор Э. Б. 199
 Твардовская В. А. 119
 Тимофеев А. 217
 Ткачев П. Н. 103
 Толстой Л. Н. 45, 49, 164, 248
 Травкин Я. А. 164
 Троицкий Н. А. 198
 Троцкий Л. Д. 259, 264
 Трунов М. П. 171
 Трутовский В. Е.
 Туган-Барановский М. И. 77, 78, 82–84
 Тульская Е. 49
 Тургенев И. С. 48, 199, 200, 202–204, 206–208, 211–216
- Уразов Д. В. 155
 Урицкий М. С. 263
 Успенский Г. И. 7, 70, 71, 82, 176, 185, 222
 Устинов Я. Н. 171
- Фарадей М. 213
 Фаресов А. И. 76, 83
 Федоренко А. А. 54, 63, 64, 268
 Федосеевец – см. Абрамов Я. В.
 Фельштинский Ю. Г. 66
 Феодосиев Г. 38
 Фидровский М. В. 218, 219, 232
 Фомин Г. И. 171
 Фортунатов А. А. 163
 Фортунатов А. Ф. 84
 Франк С. Л. 122, 139
 Франклин Б. 213
 Фрезе И. 47
 Фролов 232
 Фромм Э. 244, 250
 Фультон Р. 213

Хаванов Е. И. 56
Халипов Н. 138
Харитонов М. М. 171
Харламов В. И. 12–14, 16, 17, 19, 24,
26, 40, 47, 85, 99, 139, 185, 196, 198,
216, 221, 233
Хижняков В. В. 171
Хильдермайер М. 60, 66
Хорос В. Г. 24, 26, 102, 118, 138

Церетели И. Г. 251, 268
Ципулин В. А. 171

Чаблин А. 47
Чарушин Н. А. 189, 198
Червинский П. П. 16, 103, 201
Черная Т. К. 48
Черникова В. Е. 48
Чернов В. М. 34, 37, 51, 63, 77, 83,
139, 214, 263
Чернов-Казинский А. 49
Чернышев К. А. 155
Чернышевский Н. Г. 9, 31, 33, 37,
69, 82, 85, 106, 191
Чернышова Е. В. 3, 67, 99
Чехов А. П. 206, 207, 209, 210, 216
Чехов Н. В. 164, 168, 171
Чубыкин И. 62
Чупров А. И. 25
Чурилин С. А. 171

Шаскольская М. П. 66

Шаскольский П. Б. 60, 61, 252
Шаховский Д. И. 252
Шевченко М. К. 171
Шейко Д. 49
Шелгунов Н. В. 40, 208, 216
Шелохаев В. В. 52, 53, 56, 62, 63
Шестаков М. Г. 138
Шлемин П. И. 234, 247, 248
Шулятиков В. 125

Щапов А. П. 7
Щербина Ф. А. 201

Энгельс Ф. 106, 109, 117, 119

Юдин А. И. 29, 31, 32, 37
Южаков С. Н. 9, 88, 90–92, 99, 100,
126, 127, 180, 185, 201, 203, 204, 209
Юзов И. – см. Каблиц И. И.

Якимов В. М. 158
Яковенко И. 139
Якуб Г. 138
Якубович П. Ф. 255
Янсен М. 66
Ярцев Б. К. 63

Immonen Н. 66
Hildermeier М. 66
Reiman М. 66
Verner А. М. 66

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Блохин Владимир Владимирович – докт. ист. наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (г. Москва), blohin.vladimir.1960@mail.ru.

Головко Вячеслав Михайлович – докт. филол. наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета, vmgolovko@mail.ru.

Жвания Дмитрий Дмитриевич – канд. ист. наук, директор автономной некоммерческой организации политической журналистики «Новый смысл», jvania@mail.ru.

Зверев Василий Васильевич – докт. ист. наук, профессор кафедры истории российской государственности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, v.v.zverev@bk.ru.

Зверев Николай Васильевич – канд. ист. наук, n.v.zverev@mail.ru.

Касторнов Сергей Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Орловского государственного университета, kastsergej@yandex.ru.

Кемпинский Эдуард Вячеславович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета, kempinskiy@yandex.ru.

Мокшин Геннадий Николаевич – докт. ист. наук, профессор кафедры истории России Воронежского государственного университета, mok410@mail.ru.

Павлова Наталья Геннадьевна – канд. филос. наук, доцент кафедры рекламы и культурологии Алтайского технического университета (г. Барнаул), pavlova.ng@mail.ru.

Пашков Александр Михайлович – докт. ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории дореволюционной России Петрозаводского государственного университета, pashkov@psu.karelia.ru.

Пеньков Алексей Иванович – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Воронежского института Государственной противопожарной службы МЧС России, penkov.1979@yandex.ru.

Протасова Ольга Львовна – канд. ист. наук, доцент кафедры Связи с общественностью Тамбовского государственного технического университета, olia.protasowa2011@yandex.ru.

Разиньков Михаил Егорович – канд. ист. наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Воронежской государственной лесотехнической академии, gazinkov_mihail@mail.ru.

Салтык Галина Александровна – докт. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии Курского государственного университета, galinasaltyk@yandex.ru.

Сыпченко Алла Викторовна – докт. ист. наук, профессор, Вице-президент Русской академии страхования (г. Москва), sypchenko@inbox.ru.

Чернышева Елена Викторовна – докт. ист. наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения, политологии и восточной философии Челябинского государственного университета, scifiy@rambler.ru.

ЛЕТОПИСЬ АВТОРЕФЕРЕТОВ ДИССЕРТАЦИЙ (1941–2013)

1941

Драгилев, М. С. Борьба Ленина против взглядов либеральных народников на экономическое развитие пореформенной России : тезисы к дис. ... канд. ист. наук / Драгилев Михаил Самуилович. – Л., 1941. – 6 с.

1943

Гладковская, Л. А. «Субъективный метод» в русской литературной критике 80–90-х годов (Н. Михайловский и М. Протопопов) : тезисы к дис. ... канд. филол. наук / Гладковская Лидия Арсеньевна. – Саратов, 1943. – 5 с.

1946

Куприяновский, П. В. Журнал «Северный Вестник» 90-х годов и его литературная позиция : тезисы к дис. ... канд. филол. наук / Куприяновский Павел Вячеславович. – Л., 1946. – 5 с.

Сливовский, Б. С. Критика экономических воззрений народничества в трудах Г. В. Плеханова : тезисы к дис. ... канд. экон. наук / Сливовский Б. С. – Л., 1946. – 5 с.

1949

Мокрушин, А. А. Н. Н. Златовратский. Жизнь и творчество : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Мокрушин А. А. – М., 1949. – 14 с.

1950

Степанов, Н. В. Разгром Лениным субъективной социологии народничества : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Степанов Н. В. – М., 1950. – 42 с.

1951

Антонов, В. И. Борьба В. И. Ленина против народников в самарский период его революционной деятельности. (1889–1893 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Антонов Василий Иванович. – Л., 1951. – 7 с.

Киреева, М. Е. Общественно-политические взгляды А. П. Щапова : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Киреева М. Е. – М., 1951. – 15 с.

Кузьменков, А. С. Литературная критика Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кузьменков А. С. – М., 1951. – 19 с.

Поморцев, А. П. Николай Елпидифорович Каронин-Петропавловский: Жизнь и деятельность : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Поморцев А. П. – Л., 1951. – 19 с.

1952

Замятнин, В. Н. Академическое либерал-народническое направление в русской экономической науке (1870–1900 гг.) : автореф. дис. ... докт. экон. наук / Замятнин Владимир Николаевич. – Воронеж, 1952. – 28 с.

Иванов, А. В. Разгром В. И. Лениным народников по вопросам экономического и политического развития России : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Иванов Александр Васильевич. – М., 1952. – 15 с.

Мельникова, Е. А. Литературно-критические взгляды Г. И. Успенского : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Мельникова Е. А. – М., 1952. – 19 с.

Михайловская, Н. Д. В. Г. Короленко в борьбе с реакцией 80-х – начала 90-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Михайловская Нина Дмитриевна. – М., 1952. – 16 с.

Халипов, Н. А. Развитие В. И. Лениным теории исторического материализма в борьбе с либеральными народниками : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Халипов Николай Артемьевич. – М., 1952. – 15 с.

Шерн-Борисова, И. С. Разоблачение В. И. Лениным софистики субъективной социологии народников : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Шерн-Борисова Инна Семеновна. – М., 1952. – 13 с.

1953

Куликов, Е. С. Защита и развитие В. И. Лениным диалектического и исторического материализма в борьбе с либеральным народничеством : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Куликов Евгений Семенович. – Л., 1953. – 14 с.

Спицын, М. Ф. Борьба В. И. Ленина против либерального народничества за марксистскую экономическую науку в 90-х годах XIX века : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Спицын М. Ф. – М., 1953. – 17 с.

1954

Базанова, В. И. Творчество Г. И. Успенского в 70-х годах : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Базанова Валентина Ивановна. – Л., 1954. – 16 с.

Илющенко, Г. И. Общественно-политические и философские взгляды А. П. Щапова : авторефер. дис. ... канд. филос. наук / Илющенко Г. И. – Киев, 1954. – 16 с.

Кадышева, И. А. Борьба В. И. Ленина за идейное наследство русских революционных демократов против либерального народничества : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Кадышева И. А. – М., 1954. – 16 с.

Махарадзе, Т. Ф. А. П. Чехов в борьбе с народничеством : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Махарадзе Тамара Филипповна. – Тбилиси, 1954. – 16 с.

Смолко, Н. С. Цикл рассказов и очерков «Новые времена, новые заботы» Г. И. Успенского : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Смолко Николай Семенович. – М., 1954. – 16 с.

Соколов, Н. И. Крестьянские очерки Г. И. Успенского («Из деревенского дневника», «Крестьяне и крестьянский труд», «Власть земли», «Живые цифры») : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Соколов Николай Иванович. – Л., 1954. – 16 с.

1955

Емельянов, В. В. Борьба В. И. Ленина за идейное наследие русских революционных демократов против либерального народничества : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Емельянов Валентин Владимирович. – М., 1955. – 16 с.

Зорина, Н. Г. «Очерки русской жизни» Н. В. Шелгунова : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Зорина Нина Гавриловна. – Л., 1955. – 16 с.

Комов, Н. Н. А. П. Щапов о важнейших проблемах общественной жизни Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Комов Николай Николаевич. – М., 1955. – 16 с.

1956

Смольников, И. Ф. Творчество Г. И. Успенского второй половины 80-х годов : (Цикл рассказов и очерков «Кой про что») : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Смольников Игорь Федорович. – Л., 1956. – 15 с.

1957

Емельянов, Н. П. Журнал «Отечественные записки» в период второй революционной ситуации в России (1878–1881 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Емельянов Николай Петрович. – Л., 1957. – 17 с.

1958

Болтухин, Н. П. А. П. Щапов как историк Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Болтухин Николай Прокопьевич. – Томск, 1958. – 15 с.

Мудров, А. И. Философские и общественно-политические взгляды В. В. Берви-Флеровского : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Мудров Александр Иванович. – М., 1958. – 14 с.

1960

Цзинь Чэн-Цюань. Экономические взгляды народничества в России и Китае. (Историческая параллель) : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Цзинь Чэн-Цюань. – М., 1960. – 20 с.

1961

Саннинский, Б. Я. «Нравы Растеряевой улицы» Г. И. Успенского : (Проблематика и основные образы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Саннинский Б. Я. – Киев, 1961. – 18 с.

1962

Беспалова, Л. Г. Рассказы и очерки Н. И. Наумова : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Беспалова Лариса Георгиевна. – М., 1962. – 20 с.

Плакида, М. М. Экономические взгляды В. В. Берви-Флеровского : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Плакида Михаил Михайлович. – Жданов, 1963. – 20 с.

1963

Костылев, О. Л. Крестьянские очерки С. Каронина (Н. Е. Петропавловского) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Костылев Олег Львович. – Л., 1963. – 17 с.

1964

Горбанев, Н. А. Г. В. Плеханов и литературное народничество : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Горбанев Николай Алексеевич. – М., 1964. – 22 с.

Марагин, М. М. Борьба В. И. Ленина против идеалистической теории культа личности народников и эсеров : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Марагин Михаил Матвеевич. – Л., 1964. – 19 с.

Тимохина, Н. В. Художественная проза журнала «Русское богатство» девяностых годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тимохина Нелли Владимировна. – М., 1964. – 21 с.

1965

Андрианова, З. А. Проблема интеллигенции в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка 80–90-х годов XIX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Андрианова Зоя Андриановна. – М., 1965. – 16 с.

Березовская, Ж. И. Литературно-критический отдел журнала «Русское богатство» 1892–1905 годов и В. Г. Короленко : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Березовская Жанна Ивановна. – М., 1965. – 20 с.

Булатов, Г. П. Экономические воззрения русского народничества : автореф. дис. ... докт. экон. наук / Булатов Григорий Петрович. – М., 1965. – 24 с.

Колесников, Н. Т. Борьба В. И. Ленина против либерального народничества в аграрном вопросе : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Колесников Н. Т. – М., 1965. – 31 с.

Смирнов, В. Б. Глеб Успенский в «Отечественных записках» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Смирнов Виталий Борисович. – Саратов, 1965. – 25 с.

1966

Аржакова, В. Н. Глеб Иванович Успенский – писатель-публицист : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Аржакова Валентина Никитична. – М., 1966. – 16 с.

Иванов, В. В. Историзм в Ленинской критике либерального народничества. (По произведениям 90-х годов) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Иванов Владимир Васильевич. – Томск, 1966. – 23 с.

Спирев, Г. Ф. Критика В. И. Лениным народнического социализма : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Спирев Г. Ф. – М., 1966. – 16 с.

1967

Антюфеева, И. Н. Раннее творчество Г. И. Успенского : (Очерки и рассказы 1862–1868 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Антюфеева Ирина Николаевна. – Куйбышев, 1967. – 19 с.

Кутищев, Ф. Д. Народники в литературе 70–80-х годов XIX века и роман И. С. Тургенева «Новь» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кутищев Ф. Д. – М., 1967. – 20 с.

Ласунский, О. Г. Творчество писательницы В. И. Дмитриевой и литературное движение конца XIX – начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ласунский Олег Григорьевич. – Воронеж, 1967. – 19 с.

Лисин, Л. Ф. Глеб Иванович Успенский (Концепция человека и народа в его творчестве) : автореф. дис. ... докт. филол. наук / Лисин Л. Ф. – М., 1967. – 57 с.

Попов, И. Г. Жизнь и творчество Н. И. Наумова : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Попов И. Г. – Л., 1967. – 18 с.

1968

Дьяченко, Е. Ф. Жизнь и творчество С. Каронина – Н. Е. Петропавловского : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Дьяченко Е. Ф. – Ростов-на-Дону, 1968. – 28 с.

Зенкова, К. В. Проблема «новых людей» в демократической литературе и критике 1870-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.640 / Зенкова К. В. – Л., 1968. – 22 с.

Соколов, Н. И. Русская литература и народничество. Литературное движение семидесятых годов XIX в. : автореф. дис. ... докт. филол. наук / Соколов Николай Иванович. – Л., 1968. – 36 с.

Хорос, В. Г. Народнические социологические теории конца XIX в. в России и их отношение к марксизму (по материалам легальной печати) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Хорос Владимир Георгиевич. – М., 1968. – 23 с.

Чернова, Е. А. С. Каронин – (Н. Е. Петропавловский) – очеркист «Отечественных записок» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.640 / Чернова Е. А. – Петрозаводск, 1968. – 22 с.

1969

Нехай, М. В. Русский демократический очерк 60-х годов XIX столетия : (Н. Успенский, В. Слепцов, А. Левитов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.640 / Нехай Михаил Васильевич. – Минск, 1969. – 22 с.

1970

Белоцерковский, А. Г. «Отечественные записки» и их литературно-критические позиции в конце 60-х – начале 70-х годов XIX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.640 / Белоцерковский Александр Георгиевич. – М., 1970. – 24 с.

Кожуховский, И. С. Критика В. И. Лениным либеральных народников и ее значение в разоблачении современных мелкобуржуазных аграрных теорий : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Кожуховский Иван Силович. – Минск, 1969. – 27 с.

Лапшина, Г. С. Газета «Неделя» в 1868–1871 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.678 / Лапшина Галина Сергеевна. – М., 1970. – 17 с.

Персиков, М. М. Рабочий вопрос в «Отечественных записках» 1868–1884 годов : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.571 / Персиков М. М. – Алма-Ата, 1970. – 23 с.

Пода, Н. В. Критика В. И. Лениным либерально-народнической концепции пореформенного развития России : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.571 / Пода Нина Васильевна. – Киев, 1970. – 24 с.

Прибыткова, Л. А. Критика В. И. Лениным субъективного метода в социологии либерального народничества : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.620 / Прибыткова Любовь Андреевна. – Иркутск, 1970. – 29 с.

Селиверстова, Н. Н. Вопросы религии и атеизма в трудах А. П. Щапова : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.625 / Селиверстова Н. Н. – Л., 1970. – 18 с.

Шеляпина, О. В. Романы и повести из народной жизни П. В. Засодимского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.640 / Шеляпина О. В. – М., 1970. – 19 с.

1971

Критский, Ю. М. Исторические взгляды В. И. Семевского (1848–1916) : автореф. дис. канд. ист. наук : 07.571 / Критский Ю. М. – Л., 1971. – 19 с.

Михайлова, С. Б. Н. Н. Златовратский в литературно-общественном движении 70–80-х годов XIX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.640 / Михайлова Светлана Борисовна. – Л., 1971. – 18 с.

Рудаков, Л. И. Социально-психологические воззрения Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.622 / Рудаков Л. И. – Л., 1971. – 17 с.

1972

Козлова, М. И. Л. Н. Толстой и писатели народнического направления. Идеино-творческие контакты и связи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.640 / Козлова М. И. – М., 1972. – 17 с.

Якоч, Д. Историко-литературная концепция Г. В. Плеханова последней трети XIX - начала XX века : (Писатели-народники, Л. Н. Толстой, М. Горький) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.640 / Якоч Даниель. – Л., 1972. – 20 с.

1973

Ерофеев, Н. Д. Народно-социалистическая партия в первой русской революции : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.00; 07.00.02 / Ерофеев Николай Дмитриевич. – М., 1973. – 26 с.

Макаров, В. П. Формирование общественно-политических взглядов Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Макаров Виктор Петрович. – Саратов, 1973. – 29 с.

Чикин, Б. Н. Социологическая система Михайловского : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Чикин Борис Николаевич. – М., 1973. – 23 с.

Шнейдер, В. А. Критика В. И. Лениным взглядов Н. К. Михайловского в философии, социологии и экономической области : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Шнейдер Владимир Августович. – М., 1973. – 18 с.

1974

Мартиновская, А. И. Изображение жизни рабочих в творчестве Н. Е. Каронина-Петропавловского и писателей-народников : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Мартиновская Александра Иосифовна. – Куйбышев, 1974. – 22 с.

Панасенко, В. И. Обоснование и разработка Г. В. Плехановым материалистического понимания истории в борьбе с народничеством : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Панасенко Василий Иванович. – М., 1974. – 20 с.

Пинтс, П. А. Проблема личности в социологии Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Пинтс Пээтер Александрович. – Л., 1974. – 17 с.

1975

Звездина, Л. А. В. В. Лесевич представитель русского позитивизма (марксистско-Ленинская критика онтологии и гносеологии) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Звездина Лариса Алексеевна. – Л., 1975. – 26 с.

Ковалева, Е. Д. Критика воззрений русских позитивистов конца XIX – начала XX веков на религию : (Н. К. Михайловский, В. В. Лесевич, А. А. Богданов) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.06 / Ковалева Елена Дмитриевна. – Л., 1975. – 14 с.

Суслова, Ф. М. Эволюция крестьянского социализма (80-е – первая половина 90-х гг. XIX в.) : автореф. дис. ... докт. ист. наук : 07.00.02 / Суслова Фаина Михайловна. – Л., 1975. – 70 с.

1979

Емельянов, Н. П. «Отечественные записки» Н. А. Некрасова 1868–1877 гг. : (Историко-теоретический анализ публицистики журн. в свете Ленинской концепции просветительства и народничества) : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.01.10 / Емельянов Николай Петрович. – М., 1979. – 33 с.

Лосева, А. В. Банкротство трудовой народно-социалистической партии (февраль 1917–1922 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 : Лосева Александра Владимировна. – М., 1979. – 16 с.

Лукин, В. Н. Народническая эстетика: (П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев, Н. К. Михайловский) : автореф. дис. ... докт. филос. наук : 09.00.04 / Лукин Василий Николаевич. – М., 1979. – 37 с.

Пирумова, Н. М. Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX века : автореф. дис. ... докт. ист. наук : 07.00.02 / Пирумова Наталья Михайловна. – М., 1979. – 42 с.

1980

Бережная, Л. Г. Публицистика журнала «Русское богатство» (1905–1914 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Бережная Людмила Григорьевна. – М., 1980. – 24 с.

Горячкина, М. С. Художественная проза народничества и народническая литературная критика : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.01.01 / Горячкина Мария Сергеевна. – М., 1980. – 42 с.

Ермилова, Г. Г. Проблема «нового романа» в литературно-критической деятельности Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Ермилова Галина Георгиевна. – Л., 1980. – 16 с.

Кузнецов, В. И. Творчество Г. И. Недетовского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Кузнецов Виктор Иванович. – Воронеж, 1980. – 19 с.

Слинько, А. А. Н. К. Михайловский и русское общественно-литературное движение второй половины XIX – начала XX веков : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.01.01 / Слинько Анатолий Александрович. – Л., 1980. – 47 с.

Харламов, В. И. Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX в. Общественно-политические воззрения Каблица /Юзова/: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Харламов Виктор Иванович. – М., 1980. – 18 с.

Хорос, В. Г. Идейные течения народнического типа в развивающихся странах (История и типология) : автореф. дис. ... докт. ист. наук : 07.00.02 / Хорос Владимир Георгиевич. – М., 1980. – 34 с.

1981

Канаева, Т. М. Газета «Неделя» в общественном движении пореформенной России (1875–1893 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.00 / Канаева Тамара Михайловна. – М., 1981. – 15 с.

Курочкина, А. В. Художественное воплощение идей социализма в народнической беллетристике : (Н. Н. Златовратский, С. Каронин (Н. Е. Петропавловский), С. М. Степняк-Кравчинский) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Курочкина Алла Вячеславовна. – М., 1981. – 16 с.

Нечаев, А. А. Развитие В. И. Лениным марксистского принципа партийности в борьбе против либерального народничества (1893–1901) гг.: автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Нечаев Александр Александрович. – М., 1981. – 19 с.

Смирнов, В. Г. Борьба большевиков против партии народных социалистов в 1917 году : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Смирнов Виктор Григорьевич. – Л., 1981. – 19 с.

1982

Глотова, В. В. Г. В. Плеханов как историк социалистических учений : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.02 / Глотова Валентина Васильевна. – Л., 1982. – 21 с.

Гусев, С. А. Критика В. И. Лениным буржуазного социализма в России в конце XIX – начале XX вв. (1894–1905 гг.) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.02 / Гусев Сергей Александрович. – М., 1982. – 24 с.

1983

Ансберг, О. Н. Журнал «Отечественные записки» и общественное движение 1870-х – начала 1880-х годов : (Историография) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Ансберг Ольга Николаевна. – Л., 1983. – 16 с.

Затеева, Т. В. Творчество П. В. Засодимского 70–80-х годов XIX века: (К вопросу становления народнического романа) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Затеева Татьяна Владимировна. – М., 1983. – 16.

Никифоров, В. В. Творчество А. И. Эртеля (1855–1908) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Никифоров Вячеслав Вениаминович. – М., 1983. – 14 с.

Прибутько, П. С. Философские вопросы революции, мира и войны в мировоззрении В. В. Берви-Флеровского : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Прибутько Петр Степанович. – Киев, 1983. – 20 с.

1984

Алексеев, Г. А. Русская подцензурная публицистика о «Капитале» К. Маркса (1870-е годы) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Алексеев Глеб Алексеевич. – М., 1984. – 30 с.

Бондаренко, В. Н. Мелкобуржуазный утопический социализм Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.02 / Бондаренко Виктор Николаевич. – Уфа, 1984. – 17 с.

Дворкин, В. З. Концепции интеллигенции в русской общественной мысли конца XIX – начала XX века : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Дворкин Владимир Залманович. – Л., 1984. – 15 с.

Никонова, Г. Л. Творчество И. А. Салова в русской демократической литературе 70-х годов XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Никонова Галина Леонидовна. – М., 1984. – 18 с.

Фирсов, В. М. Социальная философия либерального народничества (Воронцов В. П., Даниельсон Н. Ф., Каблиц И. И., Южаков С. Н.) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Фирсов Виктор Максимович. – М., 1984. – 18 с.

1985

Барабохин, Д. А. Глеб Успенский и русская журналистика : (Проблема демократизма в журналистской и публицистической деятельности писателя) : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.01.10 / Барабохин Дмитрий Александрович. – Л., 1985. – 30 с.

Новикова, А. А. «Новые люди» в творчестве П. В. Засодимского конца 70-х – начала 90-х годов XIX в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Новикова Альбина Алексеевна. – М., 1985. – 16 с.

1986

Зверев, В. В. Общественно-политические взгляды Н. Ф. Даниельсона : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Зверев Василий Васильевич. – М., 1986. – 18 с.

1987

Книгин, И. А. Литературно-критическая деятельность Л. Е. Оболенского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Книгин Игорь Анатольевич. – Свердловск, 1987. – 18 с.

1988

Васильева, Т. А. Журнал «Русское богатство» и идейно-политическая эволюция народничества (1876–1916) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Васильева Татьяна Александровна. – М., 1988. – 23 с.

Курганская, А. А. М. А. Протопопов – литературный критик : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Курганская Анжелина Анатольевна. – М., 1988. – 18 с.

Магдеева, Г. М. Литературно-критическая деятельность М. А. Протопопова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Магдеева Гаухария Мухамметовна. – Свердловск, 1988. – 18 с.

1989

Гущина, Н. Н. В. Г. Короленко и литературное народничество (1870–1880-е годы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Гущина Наталья Николаевна. – М., 1989. – 16 с.

1990

Заблоцкий, В. П. В. В. Берви-Флеровский в российском освободительном движении : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Заблоцкий Виталий Петрович. – Днепропетровск, 1990. – 18 с.

Скачкова, Л. К. Концепция религии в трудах Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.14 / Скачкова Людмила Константиновна. – Л., 1990. – 16 с.

1991

Вишленкова, Е. А. Проблема церковного раскола в трудах А. П. Щапова : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Вишленкова Елена Анатольевна. – Казань, 1991. – 18 с.

Хмелевская, О. В. Основные черты мировоззрения Н. К. Михайловского: историко-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. / Хмелевская Ольга Владиславовна. – М., 1991. – 23 с.

1992

Зелетдинова, Э. С. Проблема личности в социальной философии Н. Михайловского : автореф. дис. ... канд. филос. наук : : 09.00.02. / Зелетдинова Эльвира Анваровна. – М., 1992. – 22 с.

Филиппов, А. В. Либеральное народничество и российский марксизм (На материалах публицистики 80–90-х гг. XIX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / Филиппов Алексей Васильевич. – СПб., 1992. – 15 с.

Цветкова, И. В. Концепция личности в идейном наследии Н. К. Михайловского (историко-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Цветкова Ирина Викторовна. – Екатеринбург, 1992. – 15 с.

1993

Галутво, Л. М. Общественно-политическая деятельность Ф. А. Щербины : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Галутво Людмила Михайловна. – Краснодар, 1993. – 23 с.

Грищенко, О. Н. «Азбука социальных наук» В. В. Берви-Флеровского: (Опыт историософии) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Грищенко Ольга Николаевна. – М., 1993. – 25 с.

1994

Белоглазов, Е. В. Трудовая группа и ее деятельность в условиях февральской революции : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.01 / Белоглазов Евгений Васильевич. – М., 1994. – 22 с.

Блохин, В. В. Исторические взгляды Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Блохин Владимир Владимирович. – М., 1994. – 19 с.

Иогансон, Е. Н. В. А. Мякотин: Историк и политик : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Иогансон Елена Николаевна. – М., 1994. – 18 с.

Павлова, Н. Г. Формирование марксистской концепции интеллигенции в России: (историко-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Павлова Наталья Геннадиевна. – Екатеринбург, 1994. – 18 с.

Рачков, М. П. Политико-экономические прогнозы в истории России : автореф. дис. ... докт. экон. наук : 08.00.02 / Рачков Михаил Парфирьевич. – Иркутск, 1994. – 22 с.

1995

Мокшин, Г. Н. Общественно-политические взгляды и деятельность С. Н. Кривенко (1847–1906) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Мокшин Геннадий Николаевич. – Воронеж, 1995. – 21 с.

1996

Протасова, О. Л. Политическая и общественная деятельность А. В. Пешехонова : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Протасова Ольга Львовна. – М., 1996. – 18 с.

Сыпченко, А. В. Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Сыпченко Алла Викторовна. – Самара, 1996. – 21 с.

1997

Жаворонкова, А. А. Неонародническая интеллигенция 90-х годов XIX в. (К истории идейного становления) : автореф. дис. ... канд. ист.

наук : 07.00.02 / Жаворонкова Антонина Антоновна. – М., 1997. – 24 с.

Жвания, Д. Д. Народники-реформисты о крестьянской общине в 70–90-е гг. XIX в. (В. П. Воронцов, И. И. Каблиц, П. А. Соколовский) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Жвания Дмитрий Дмитриевич. – СПб., 1997. – 28 с.

Зверев, В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России: От сороковых к девяностым годам XIX в. : автореф. дис. ... докт. ист. наук : 07.00.02 / Зверев Василий Васильевич. – М., 1997. – 36 с.

1998

Дудина, Л. А. Экономические взгляды А. И. Чупрова (1842–1908 гг.) : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.02 / Дудина Лариса Анатольевна. – М., 1998. – 23 с.

Затеева, Т. В. Народнический роман. Концепция личности и способы ее изображения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Затеева Татьяна Владимировна. – М., 1998. – 37 с.

Лямина, Т. Е. Философский смысл «Теории подражания» Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Лямина Татьяна Евгеньевна. – М., 1998. – 24 с.

1999

Бергер, Н. В. Литературно-критическая деятельность А. М. Скабичевского в «Отечественных записках» 1868–1884 годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Бергер Наталья Владимировна. – Краснодар, 1999. – 24 с.

Горобченко, Т. Ю. Трудовики в III Государственной Думе (1907–1912 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Горобченко Татьяна Юрьевна. – М., 1999. – 32 с.

Дзюба, С. Ю. Проблемы развития русского очерка в 70–80-х годах XIX века. Письма «Из деревни» А.Н. Энгельгардта : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Дзюба Светлана Юрьевна. – Смоленск, 1999. – 22 с.

Левин, С. В. С. А. Харизоменов: общественная и научная деятельность : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Левин Сергей Владимирович. – Саратов, 1999. – 20 с.

Левченков, А. И. Проблемы государства и права в творческом наследии Н. К. Михайловского и современность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Левченков Александр Иванович. – Харьков, 1999. – 18 с.

Мельников, В. В. Партия эсеров и «трудовики» на этапе буржуазно-демократических революций 1905–1907 и 1917 гг. в Ставропольской

губернии и Терской области : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Мельников Виктор Васильевич. – Ставрополь, 1999. – 19 с.

Панюков, А. А. Народно-социалистическая партия России и ее роль в борьбе за решение аграрного вопроса. 1905–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Панюков Алексей Алексеевич. – Орел, 1999. – 21 с.

Порох, В. И. М. И. Семевский в общественной жизни России в 60-е – начале 90-х гг. XIX в. : автореф. дис. ... докт. ист. наук : 07.00.02 / Порох Владислав Игоревич. – Саратов, 1999. – 36 с.

2000

Васильев, В. В. Аграрные отношения в России конца XIX – начала XX века в публицистике либеральных народников, А. И. Чупров и Н. П. Огановский : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Васильев Владимир Васильевич. – Самара, 2000. – 19 с.

Гордеева, И. А. Коммунитарное движение в России в последней четверти XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Гордеева Ирина Александровна. – М., 2000. – 28 с.

Мичковская, Л. А. Социально-философские воззрения Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Мичковская Лидия Андреевна. – Улан-Удэ, 2000. – 21 с.

Смищенко, Р. С. Историческая концепция А. П. Щапова : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 / Смищенко Руслан Сергеевич. – Барнаул, 2000. – 18 с.

Юдин, А. И. Социальная философия П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского : историко-сравнительный анализ : автореф. дис. ... докт. филос. наук : 09.00.03 / Юдин Александр Ильич. – М., 2000. – 37 с.

2001

Разиньков, М. Е. Общественное движение в Воронежской губернии в годы первой российской революции, 1905–1907 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Разиньков Михаил Егорович. – Воронеж, 2001. – 20 с.

2002

Касторнов, С. Н. Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Касторнов Сергей Николаевич. – Орел, 2002. – 23 с.

Каширин, А. Ю. Этика толстовства : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.05 / Каширин Александр Юрьевич. – М., 2002. – 22 с.

Салтык, Г. А. Неонародническое движение в губерниях Черноземного центра России: 1901–1923 гг. : автореф. дис. ... докт. ист. наук : 07.00.02 / Салтык Галина Александровна. – М., 2002. – 32 с.

2003

Алферова, Ю. А. Ф. А. Щербина в общественно-политической жизни России (60-е годы XIX – начало XX вв.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Алферова Юлия Анатольевна. – М., 2003. – 25 с.

Виноградова, И. Н. Учение А. В. Чаянова об организации крестьянского хозяйства : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Виноградова Ирина Николаевна. – М., 2003. – 31 с.

Денисова, М. А. Творчество А. П. Чехова в восприятии либерально-народнической критики конца XIX – начала XX вв. : Н. К. Михайловский, А. М. Скабичевский, М. А. Протопопов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Денисова Марина Александровна. – Воронеж, 2003. – 22 с.

Мазалова, О. Ю. Социологические воззрения Н. К. Михайловского и их значение в современных условиях : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01 / Мазалова Ольга Юрьевна. – Саратов, 2003 – 17 с.

Попов, А. С. Субъективная социология Н. К. Михайловского в структуре его историософских построений : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Попов Александр Сергеевич. – М., 2003. – 16 с.

2004

Березкина, Е. П. Типология женских образов в народническом романе : На материале творчества Н. А. Арнольди, С. И. Смирновой, Н. Д. Хвощинской, О. А. Шапир : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Березкина, Елена Петровна. – Улан-Удэ, 2004. – 26 с.

Шипилова, Н. А. Поэтика очеркистики Г. И. Успенского: Цикл «Письма с дороги» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Шипилова Нина Александровна. – Воронеж, 2004. – 22 с.

2005

Власенко, Е. Ю. Функции архетипов и архетипических образов в произведениях П. В. Засодимского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Власенко Елена Юрьевна. – Ульяновск, 2005. – 21 с.

Емельянов, Е. В. Политическая доктрина Трудовой народно-социалистической партии: 1906–1920 : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.01 / Емельянов Евгений Владимирович. – М., 2005. – 26 с.

Локтева, С. А. Типологические принципы литературной критики А. М. Скабичевского : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Локтева Светлана Александровна. – Смоленск, 2005. – 17 с.

Сажин, Б. Б. Проблема народных религиозных движений в народничестве А. С. Пругавина (70–80-е гг. XIX века) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Сажин Борис Борисович. – М., 2005. – 20 с.

2006

Блохин, В. В. Становление доктрины «либерального социализма» Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... докт. ист. наук : 07.00.02 / Блохин Владимир Владимирович. – М., 2006. – 41 с.

Денильханова, Р. Х. Проблема человека в философии Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Денильханова Радима Хаважов. – М., 2006. – 21 с.

Никонов, А. В. Проблема взаимосвязи истории и политики в философии Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Никонов Алексей Валерьевич. – Тверь, 2006. – 19 с.

Романов, В. В. Общественно-политическая и научная деятельность В. Г. Богораза-Тана : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Романов Владимир Викторович. – Орел, 2006. – 30 с.

Сыпченко, А. В. Трудовая народно-социалистическая партия: идеология, программа, организация, тактика: 1906 г. – середина 1920-х гг. : автореф. дис. ... докт. ист. наук : 07.00.02 / Сыпченко Алла Викторовна. – Самара, 2006. – 48 с.

2007

Дорофеева, О. П. Общественно-политическая деятельность Ф. А. Щербины в конце XIX – начале XX веков в Воронежском крае : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Дорофеева Оксана Петровна. – Воронеж, 2007. – 23 с.

Кокарева, Ю. В. Нравственный идеал в философии русского народничества (Н. Г. Чернышевский, Н. К. Михайловский) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.05 / Кокарева Юлия Владимировна. – Чита, 2007. – 21 с.

Фатющенко, А. В. Интеллигентские земледельческие общины в России и США в последней четверти XIX века (культурологические аспекты) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01 / Фатющенко Андрей Валентинович. – М., 2007. – 23 с.

2008

Пшенникова, А. А. Теоретическая и методологическая сущность «философии истории» П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Пшенникова Анна Александровна. – М., 2008. – 17 с.

Русский, Н. А. Публицистика С. Н. Терпигорева: проблематика и жанровая специфика : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Русский Николай Александрович. – Тамбов, 2008. – 24 с.

Чикунов, М. П. Эволюция народнических взглядов В. К. Дебогория-Мокриевича : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Чикунов Максим Петрович. – М., 2008. – 17 с.

2009

Смурыгина, Т. В. Деревенские рассказы и повести И. А. Салова в контексте демократической и народнической прозы 1860–1880-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Смурыгина Татьяна Владимировна. – Кострома, 2009. – 25 с.

Чеботарева, Е. Г. Народническая беллетристика в литературном процессе 70–80-х гг. XIX века: генезис, типология : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Чеботарева Елена Геннадьевна. – Киров, 2009. – 25 с.

2010

Мокшин, Г. Н. Идеиная эволюция легального народничества во второй половине XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... докт. ист. наук : 07.00.02 / Мокшин Геннадий Николаев. – Саратов, 2010. – 42 с.

Поликарпова, Е. В. Программа реформ в политико-правовой идеологии раннего народничества : автореф. дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.01 / Поликарпова Елена Васильевна. – М., 2010. – 50 с.

2011

Жидков, С. В. Деятельность депутатов трудовой группы в 1906 г. в контексте отражения интересов крестьянства : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Жидков Сергей Вячеславович. – Саранск, 2011. – 23 с.

Чернышева, Е. В. Социальный облик и общественная деятельность земских служащих (вторая половина 1860-х – 1914 годы) в отечественной историографии : автореф. дис. ... докт. ист. наук : 07.00.09 / Чернышева Елена Викторовна. – Челябинск, 2011. – 45 с.

2012

Зайнутдинов, А. Э. Сибирское областничество: историко-социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01 / Зайнутдинов Андрей Эдуардович. – СПб., 2012. – 22 с.

Чумичева, Н. В. Социологические взгляды В. В. Берви-Флеровского на пути перехода российского общества к новому социальному строю : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.01 / Чумичева Наталья Владимировна. – Саратов, 2012. – 21 с.

2013

Зверев, Н. В. Общественно-политические взгляды М. О. Меньшикова (1885–1900 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Зверев Николай Васильевич. – М., 2013. – 27 с.

Научное издание

ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПРАВОВОГО НАРОДНИЧЕСТВА

На обложке
репродукция с картины Н. П. Богданова-Бельского
«Устный счет».

Художественный редактор *Е. Ю. Бочарникова*

Компьютерная верстка *Г. Н. Мошкин*

Издательство «ИСТОКИ»
394026, г. Воронеж, ул. Солнечная, 33
Телефон/факс (473) 239-55-54
E-mail: istoki-vrn@mail.ru

Подписано в печать 02.06.2014 г. Формат 60х80 1/16.
Гарнитура «Times New Roman» Печать офсетная.
Бумага офсетная. Объем 18,5 п. л. Тираж 300 экз.
Заказ № 451.

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета.

Типография «ИСТОКИ»
394026, г. Воронеж, ул. Солнечная, 33
Телефон/факс (473) 239-55-56